

ВАСИЛЕВСКИЙ

ВАСИЛЕВСКИЙ

Владимир ДАЙНЕС

В

И

Л

ВЕЛИКИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ

ПЕРСОНЫ

Владимир
ДАЙНЕС

Василевский

Владимир
ДАЙНЕС

В ЕЛИКИЕ
И СТОРИЧЕСКИЕ
П ЕРСОНЫ

Москва
Вече

УДК 929
ББК 8*63.3
Д14

Дайнес, В.О.
Д14 Василевский / Владимир Дайнес. — М. : Вече, 2012. —
464 с. : ил. — (Великие исторические персоны).
ISBN 978-5-9533-5332-8

Он мечтал стать учителем и агрономом, а окончил духовную семинарию и военное училище. Бывший семинарист прошел две войны, Первую мировую и Гражданскую, успешно зарекомендовал себя на командной стезе, но свое место нашел на штабной работе. В годы Великой Отечественной войны А.М. Василевский стремительно поднялся на вершину военного олимпа. Будучи ярким представителем, так называемой «шапошниковской школы», он успешно руководил «мозгом армии» — Генеральным штабом, решавшим вопросы подготовки и использования вооруженных сил в ходе военных действий. Маршал Василевский также проявил недюжинный талант полководца, мастера подготовки, планирования и проведения стратегических и фронтовых операций.

В книге на основе широкого круга документальных источников и ранее опубликованной литературы рассматривается творческая лаборатория маршала А.М. Василевского, его вклад в достижение победы над нацистской Германией и милитаристской Японией, в укрепление обороноспособности Советского Союза.

УДК 929
ББК 8*63.3

ISBN 978-5-9533-5332-8

© Дайнес В.О., 2012
© ООО «Издательский дом «Вече», 2012
© ООО «Издательство «Вече», 2012

Глава 1.

ЕДИНСТВЕННОЕ ПРИЗВАНИЕ

Во второй четверти XIX века купцы А.М. и Д.М. Миндовские (бывшие крепостные Глушковых) основали в деревне Новая Гальчиха, или Гольчиха, на участке между речками Вичужанкой и Кудрявкой красильное и сновальное заведения, которые вскоре превратились в крупные предприятия. К этому времени деревня Гольчиха стала большим торгово-промышленным селом. Вместе с двумя другими такими же селами (Бонячки и Тезино) оно стало основой возникшего в 1925 г. города Вичуги Ивановской области.

В Новой Гольчихе, как нам сообщает Военная энциклопедия, 18(30) сентября 1895 г. родился Александр Михайлович Василевский, будущий Маршал Советского Союза. Согласно же метрической книге Александр Михайлович появился на свет 16 сентября, хотя сам он указывает иную дату — 17(30) сентября, привязывая ее ко дню рождения матери в христианский праздник Веры, Надежды, Любви, который по новому стилю празднуется 30 сентября. Это ошибка, ибо при переводе дат со старого на новый стиль для XIX века необходимо прибавлять не 13, а 12 дней.

В своей автобиографии, написанной 27 октября 1938 г., А.М. Василевский указал в качестве места рождения село Новопокровское, отметив, что отец был служителем культа (священником). Действительно Михаил Александрович Василевский, 1866 года рождения, был церковным регентом и псаломщиком Никольского единоверческого храма. Мать — Надежда Ивановна, дочь псаломщика Соколова в селе Углец Кинешемского уезда, родилась 30 сентября 1872 г. И мать, и отец были «православного вероисповедания по единоверию» (так записано в метрической книге Никольской церкви села Новая Гольчиха).

В семье Василевских было восемь детей: братья Дмитрий, Евгений, Виктор, Александр; сестры Екатерина, Елена, Вера и Мар-

гарита. Их судьбы сложились по-разному. По имеющимся у нас данным, Дмитрий дослужился до полковника военно-ветеринарной службы, Виктор стал военным летчиком-штурманом, Евгений — ученым-агрономом, Елена и Вера были учителями, Маргарита — лаборанткой в ветлаборатории, а Екатерина — домохозяйкой. Но мы забежали вперед...

В своих мемуарах «Дело всей жизни» А.М. Василевский подчеркивает: *«Моя биография вплоть до Великого Октября не содержит в себе ничего особенного. Я выходец из духовного сословия. Но таких людей в России были десятки тысяч. Я был офицером в царской армии. Но и их в России насчитывалось множество»*¹.

Позволим себе не согласиться с Александром Михайловичем. Как мы увидим дальше, в его биографии до октября 1917 г., который он определил «рубежом в жизни не только России, но и всего человечества», были страницы, обозначившие грани военного таланта Василевского, засверкавшие позднее в годы Великой Отечественной войны.

А до поры до времени жизнь протекала вполне буднично, без намека на какие-либо события, способные круто изменить судьбу нашего героя. В двухлетнем возрасте Саша совершил свое первое путешествие: семья переехала в село Новопокровское, где Михаил Александрович стал служить священником в только что построенном при попечительстве новогольшихинского фабриканта Д.Ф. Морокина единоверческом храме. А.М. Василевский вспоминал, что в Новопокровском, где прошли его детство и юность, было всего три дома. Оно располагалось в живописном месте. В лесах было полно всякой дичи, грибов и ягод. Однако не всегда удавалось воспользоваться лесными богатствами. Поэтому зимой М.А. Василевский подрабатывал, столярничал, изготавливая по заказам земства школьные парты, столы, оконные рамы, двери и ульи для пчел. «Детство мое прошло в постоянной нужде, в труде ради куска хлеба насущного», — отмечал Александр Михайлович. Вместе с крестьянами он косил траву и занимался другими сельскохозяйственными работами. Ничего необычного в этом нет. Подростки и юноши, помню из своего опыта, всегда принимали участие во всех работах,

¹ Цит. по: *Василевский А.М. Дело всей жизни*. М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2002. С. 11.

которые были привычны для сельского уклада жизни. Мать, Надежда Ивановна, часто напутствовала детей:

— Помните доброе, им живите. Доброе душу поднимает.

Если же верить сыну Василевского, Юрию Александровичу, то «постоянной нужды» не было. У Михаила Александровича была своя пасека в саду в селе Новопокровское. Он, отказывая себе во многом, выписал с Северного Кавказа пчел особой породы. Ю.А. Василевский вспоминал, что отец ему рассказывал:

— В то время, если нашей семье удавалось скопить к престольным праздникам немного денег, дедушка мог позволить себе заказать бутылку хорошего вина, корзину пива и раков или что-нибудь из продуктов высокого качества. Кроме того, к этим праздникам он вручал недорогие, но памятные для нас всех подарки.

Летом 1909 г. А.М. Василевский окончил кинешемское духовное училище и осенью поступил в Костромскую духовную семинарию. *«Иного пути у меня не было, — вспоминал Александр Михайлович. — Отец пошел на это, хотя плата за мое содержание в общежитии, составлявшая 75 рублей в год, была очень тяжела. К тому же весной 1909 года нашу семью постигло несчастье: наш дом и все имущество сгорели дотла»*¹.

Кроме духовной семинарии в Костроме действовали гимназии, учительская семинария, реальное и епархиальное училища. *«Нисколько не преувеличивая, скажу, — пишет Василевский, — что наша семинария пользовалась среди костромичей немалой популярностью и уж, конечно, не потому, что она была “духовной”. Среди других средних учебных заведений она выделялась довольно прогрессивными взглядами своих учащихся. Они вели революционную работу среди рабочих Костромы. Некоторые из них подвергались аресту. Большой известностью пользовались у костромичей ежегодные художественные вечера и концерты, которые устраивали семинаристы»*².

В подтверждение «революционности» духовной семинарии А.М. Василевский рассказывает об участии ее в 1909 г. во всероссийской стачке семинаристов. Она стала ответом на решение Министерства народного просвещения запретить доступ в университеты

¹ Цит. по: Василевский А.М. Дело всей жизни. С. 14.

² Там же. С. 15.

и институты лицам, окончившим четыре общеобразовательных класса семинарии. *«Тогда, насколько я помню, во всех семинариях России почти одновременно были прекращены занятия, — пишет Василевский. — К нам в семинарию приехал губернатор. Вместе с ректором он уговаривал учащихся прекратить забастовку, забрать петицию, врученную забастовочной комиссией администрации, и возобновить занятия. Но семинаристы ошвыстали их, и они вынуждены были покинуть актовъй зал. Правда, вслед за тем полиция выдворила всех нас из Костромы в течение 24 часов. Семинарию закрыли, и мы вернулись в нее лишь через несколько месяцев после того, как наши требования частично были удовлетворены»¹.*

На сайте Костромской духовной семинарии нет упоминания о событиях 1909 г. Авторы сайта только отмечают, что «политические бури начала XX века не могли миновать и ее: несколько раз в это время семинарию сотрясали волнения и забастовки».

Духовная семинария давала возможность своим воспитанникам получить солидный багаж знаний. Наряду с литургией, богословием, Священным Писанием, церковным пением, иконописанием, церковной историей и т. д., семинаристы изучали латынь, греческий, древнееврейский, немецкий и французский языки, гражданскую историю (российскую и всеобщую), философию, словесность, математику, психологию, логику и другие предметы. Семинария славилась своей фундаментальной библиотекой.

А.М. Василевский, окончивший два духовных учебных заведения, однако, не испытывал желания принять священнический сан. Он, если верить его мемуарам, хотел, как и другие учащиеся, пойти по стопам таких семинаристов, как писатели Н.Г. Чернышевский и Н.А. Добролюбов, академики Ф.И. Успенский и В.Г. Васильевский, В.О. Ключевский и И.П. Павлов. *«Я мечтал, окончив семинарию, — отмечает Александр Михайлович, — поработать года три учителем в какой-нибудь сельской школе и, скопив небольшую сумму денег, поступить затем либо в агрономическое учебное заведение, либо в Московский межевой институт»².*

¹ Цит. по: Василевский А.М. Дело всей жизни. С. 15—16.

² Там же. С. 17.

Однако начавшаяся Первая мировая война внесла коррективы в планы Василевского. Он, обуреваемый патриотическими чувствами, решил стать военным. В январе 1915 г., сдав выпускные экзамены экстерном, Александр Михайлович вместе с другими семинаристами был направлен в распоряжение костромского воинского начальника. В феврале Василевский прибыл в Москву, в Алексеевское военное училище. *«Решение стать офицером было принято мною не ради того, чтобы сделать карьеру военного, — писал Василевский. — Я по-прежнему лелеял мечту быть агрономом и трудиться после войны в каком-нибудь углу бескрайних российских просторов. Я тогда и не предполагал, что все повернется иначе: и Россия будет уже не та, и я стану совсем другим...»¹*

Алексеевское военное училище было основано в 1864 г. Вначале оно именовалось Московским пехотным юнкерским, затем — Московским военным училищем. В 1906 г. его шефом стал наследник цесаревич великий князь Алексей Николаевич. С того времени оно стало именоваться Алексеевским, являясь третьим «по чину» после Павловского и Александровского. Училище размещалось в Красных казармах, рядом с 3-м Московским императора Александра II кадетским корпусом. Лагерь училища находился на Ходынке, в Серебряном Бору. Погоны у юнкеров были алые без выпушки, с желтым вензелем наследника цесаревича Алексея Николаевича в виде буквы «А» и с золотым накладным вензелем у роты Его Высочества. За свое существование училище дало русской армии около 13 850 офицеров.

А.М. Василевский, имевший рост 178 сантиметров, был зачислен в 5-ю роту со смешанным ранжиром, которой командовал участник Первой мировой войны капитан Г.Р. Ткачук. В училище Василевский пробыл четыре месяца. *«Обучали нас, почти не учитывая требований шедшей войны, по устаревшим программам, — пишет Александр Михайлович. — Нас не знакомили даже с военными действиями в условиях полевых заграждений, с новыми типами тяжелой артиллерии, с различными заграничными системами ручных гранат (кроме русской жестяной “бутылочки”) и элементарными основами применения на войне автомобилей и авиации. Почти не знакомили и с принципами взаимодействия родов войск. Не только*

¹ Цит. по: Василевский А.М. Дело всей жизни. С. 18.

класные, но и полевые занятия носили больше теоретический, чем практический характер. Зато много внимания уделялось строевой муштре»¹. В то же время Василевский подчеркивает, что в 5-й роте полевое обучение, благодаря капитану Ткачуку, было поставлено значительно лучше, чем в других.

В мае 1915 г. состоялся выпуск по ускоренному курсу обучения военного времени. Русская армия к тому времени понесла большие потери, в том числе в командных кадрах. Всех выпускников произвели в прапорщики с перспективой производства в подпоручики через восемь месяцев службы, а за боевые отличия — в любое время. Новоиспеченный прапорщик Василевский получил 300 рублей на обмундирование (существовал обязательный перечень обмундирования, которое приобретало училище под контролем командира роты) и 100 рублей сверх того. Выдали также револьвер, шашку, полевой бинокль, компас и действующие военные уставы.

А.М. Василевский, вспоминая о периоде обучения в училище, пишет: *«Что же я вынес из стен училища? Каким был багаж моих знаний? Мы получили самые общие знания и навыки, необходимые офицеру лишь на первых порах. Не задумываясь о социальном назначении армии и ее командиров, я считал тогда неременным качеством хорошего командира умение руководить подчиненными, воспитывать и обучать их, обеспечивать высокую дисциплину и исполнительность»².* В этом деле для Василевского образцом являлись такие выдающиеся полководцы и военные деятели, как А.В. Суворов, М.И. Кутузов, Д.А. Милютин, М.Д. Скобелев. Изучая их труды, Александр Михайлович твердо усвоил следующие истины: «Не рассказ, а показ, дополняемый рассказом»; «Сообщи сначала только одну мысль, потребуй повторить ее и помоги понять, потом сообщай следующую»; «На первых порах обучай только самому необходимому»; «Не столько приказывай, сколько поручай»; «Наше назначение — губить врага; воевать так, чтобы губить и не гибнуть, невозможно; воевать так, чтобы гибнуть и не губить, глупо». Для Василевского, по его признанию, твердым правилом на все время военной службы стали следующие тезисы: «Поклоняться знамени»; «Служить Отечеству»; «Блюсти честь

¹ Цит. по: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. С. 19.

² Там же. С. 20.

мундира»; «Близко общаться с подчиненными»; «Ставить службу выше личных дел»; «Не бояться самостоятельности»; «Действовать целеустремленно».

В июне 1915 г. прапорщик А.М. Василевский получил назначение в запасный батальон, дислоцировавшийся в Ростове, уездном городе Ярославской губернии. Батальон состоял из одной маршевой роты солдат и насчитывал около сотни офицеров, предназначавшихся для отправки на фронт. Дней через десять поступил приказ об отправке маршевой роты на фронт. Командир батальона, обратившись к офицерам, спросил:

— Господа офицеры, кто добровольно желает возглавить роту?

Зал молчал. Комбат снова повторил свой вопрос, но желающих по-прежнему не было. Тогда он приказал адъютанту приступить к отбору командира роты путем жребия. «Мне было очень стыдно за всех находившихся в зале офицеров, — вспоминал Александр Михайлович. — Я очень хотел поскорее попасть на фронт, но не решался вызваться добровольно, так как считал пост командира роты для себя очень высоким. Так же, наверное, думали и другие прапорщички. Однако, видя, что никто из более старших не выражает желания сопровождать отправляющуюся на фронт роту, я и еще несколько прапорщичков заявили о своей готовности. Меня поразило, что заявление было воспринято другими с явным удовлетворением. Вспоминая этот факт, хочется заметить, что он совершенно невероятен для офицеров Советских Вооруженных Сил. Но в царской армии был вполне обычным явлением...»¹.

Однако в действующую армию А.М. Василевский попал только в сентябре 1915 г. В штабе Юго-Западного фронта, куда он прибыл, ему вручили предписание для прохождения службы в 9-й армии, которой командовал 59-летний генерал от инфантерии П.А. Лечицкий. Это был опытный военачальник, прошедший через горнила Китайской кампании 1900—1901 гг. и Русско-японской войны 1904—1905 гг. В 1918 г. он вступил в Красную Армию, но через пять лет был арестован и в феврале 1923 г. умер в тюрьме. В последующем нам придется еще не раз столкнуться с тем, что бывшие

¹ Цит. по: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. С. 21—22.

офицеры и генералы русской армии, с которыми Василевскому приходилось служить, становились жертвами бессмысленной, ничем не оправданной жестокости руководства партии большевиков. Василевский, отдавая дань памяти Лечицкого, пишет о нем, как об энергичном военачальнике, который часто бывал в войсках. *«...Мне не раз приходилось видеть его в различной фронтовой обстановке, — вспоминал Александр Михайлович. — Малоразговорчивый, но довольно подвижный, мне, молодому офицеру, он показался, однако, несколько дряхлым»¹.*

А.М. Василевский вместе с земляком прапорщиком Сергеем Рубинским получил назначение полуротным командиром 1-го батальона 409-го Новохоперского полка 103-й пехотной дивизии. Войска 9-й армии, находившиеся на левом крыле Юго-Западного фронта, вели позиционные бои в районе к западу от города Хотина против войск австро-венгерской 7-й армии генерала К. фон Пфляндер-Балтина. Каким же запомнился Александру Михайловичу оборонительный период того времени? Вот что он пишет: *«Окопы производили самое жалкое впечатление. Это были обыкновенные канавы, вместо брустверов хаотично набросанная по обе стороны земля без элементарной маскировки по ней, почти без бойниц и козырьков. Для жилья в окопах были открыты землянки на два-три человека, с печуркой и отверстием для входа, а вернее — для вползания в нее. Отверстие закрывалось полотнищем палатки. Укрытия от артиллерийского и минометного огня отсутствовали. Примитивны были и искусственные препятствия. Там, где вражеские окопы приближались к нашим на расстояние до ста и менее метров, солдаты считали их полевые заграждения как бы и своими»².*

Возможно, так оно было на том участке фронта, где воевал Василевский. Однако есть и другие свидетельства. Например, летом 1915 г. в полосах русских 1-й и 12-й армий была оборудована укрепленная позиция, включавшая две линии обороны и тыловой оборонительный рубеж. Первая линия состояла из окопов полного профиля и различного рода убежищ, прикрытых проволочными

¹ Цит. по: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. С. 23.

² Там же. С. 24.

заграждениями. Войска уделяли особое внимание усовершенствованию системы обороны¹.

В ходе оборонительных боев части 9-й армии регулярно выводились в тыл для отдыха, боевой подготовки, ремонта оружия и починки обмундирования. С младшими офицерами занятия проводили командиры батальонов. По словам Василевского, как правило, дело сводилось к коллективной читке уставов — строевого, полевого, дисциплинарного и внутренней службы. Солдат же в основном изводили муштрою, надеясь тем самым добиться от них дисциплинированности. Еще по прибытии в полк многие офицеры предупреждали Александра Михайловича о низкой дисциплине, причем не только среди рядовых, но даже среди унтер-офицеров. Кое-кто советовал меньше либеральничать и следовать старому прусскому правилу, гласившему, что солдат должен бояться палки капрала сильнее, чем пули врага.

Однако Василевский не собирался следовать подобным советам. *«Мне было хорошо известно, — отмечал он, — что в армии царской России среди командного состава наблюдались две тенденции. Одна из них, преобладавшая, порождалась самим положением армии в эксплуататорском государстве. Офицеры, выходяцы главным образом из имущих классов, дети дворян-помещиков, банкиров, заводчиков, фабрикантов, купцов и буржуазной интеллигенции, с недоверием относились к одетым в военную форму рабочим и крестьянам. Большинство офицеров видело в палке капрала главное средство воспитания солдат. Грубость с подчиненными, надменность и неприкрытая враждебность к ним были нормой поведения офицерства, в частности начальника нашей дивизии генерала И.К. Сарафова. Но в военной обстановке такие взаимоотношения солдат и командиров были немислимы. Повиновение, держащееся на страхе перед наказанием, немного стоит. Лишь только армия попадет в тяжелые боевые условия, от такого повиновения не остается и следа. Чтобы выиграть сражение, одного повиновения мало. Нужно, чтобы подчиненные доверяли командирам. Это всегда прекрасно понимали передовые русские офицеры. Они строили свои взаимоотношения с подчиненными на уважении их человеческого достоинства, заботились о них.*

¹ См.: История Первой мировой войны 1914—1918. В 2-х томах. Т. 2. М.: Наука, 1975. С. 41.

Такими были генералиссимус А.В. Суворов и генерал-фельдмаршал М.И. Кутузов, офицеры-декабристы, поручики наиболее передовой части русского офицерства. Такие офицеры находили путь к сердцу и разуму солдат, хотя из-за классового антагонизма, существовавшего в царской армии между солдатами и офицерами, путь этот был не простой. Что касается меня, то я старался следовать науке обращения с подчиненными, которую извлекал из прочитанных книг. Особенно запали мне в сердце слова М.И. Драгомирова. Он еще в 1859 году, находясь при штабе Сардинской армии во время австро-итало-французской войны, начал разрабатывать свой тезис о решающем значении нравственного фактора в воинском деле. У меня на фронте были с собой выписки из его работ»¹.

А.М. Василевский признается, что у него не все и не сразу получалось гладко. Но следование принципам Драгомирова постепенно дало свои результаты. У Василевского, как правило, почти не возникало никаких недоразумений с подчиненными, что в то время было редкостью. Весной 1916 г. он был назначен командиром первой роты. Через некоторое время командир полка полковник Леонтьев признал ее одной из лучших в полку по подготовке, воинской дисциплине и боеспособности. Эти достижения Василевский объясняет тем доверием, которое оказывали ему солдаты.

В новой должности А.М. Василевскому довелось участвовать в наступлении Юго-Западного фронта, так называемом Брусиловском прорыве². Оно началось 22 мая 1916 г. Наибольший успех был достигнут в полосе 8-й армии генерала А.М. Каледина, которая 25 мая заняла Луцк, а к 2 июня разгромила австро-венгерскую 4-ю армию, продвинувшись на глубину 65—75 км. Исчерпав резервы и натолкнувшись в районе Киселина на упорное сопротивление германских войск, переброшенных из Франции и с других участков фронта, соединения 8-й армии перешли к обороне.

Войска 9-й армии к вечеру 25 мая вышли к Днестру, где перешли к обороне, чтобы восполнить потери и привести себя в порядок. После трехдневной передышки они возобновили наступление,

¹ Цит. по: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. С. 25—26.

² См.: *Наступление Юго-Западного фронта в мае — июне 1916 г.* Сборник документов мировой империалистической войны на русском фронте (1914—1917 гг.). М., 1940.

опрокинув части австро-венгерской 7-й армии, которые стали в беспорядке отходить за р. Прут. Подразделения 409-го Новохоперского полка 29 мая прорвали сильно укрепленную позицию противника у села Махали. «В ночь на сие число преследовали отступающего противника с позиций до реки Прут, — отмечал Василевский в журнале боевых действий роты, — где противник остановился в укрепленных окопах при селе Острица»¹. В последующем рота Василевского с командой разведчиков обеспечила успешное форсирование р. Прут главными силами полка. Утром 5 июня соединения 9-й армии овладели Черновцами и стали продвигаться к р. Серет.

В связи с большими потерями в офицерском составе прапорщику Василевскому приходилось командовать не только ротой, но и батальоном. Однажды командир 3-го кавалерийского корпуса генерал граф Ф.А. Келлер потребовал для охраны своего штаба пехотный батальон. Для этой цели выделили первый батальон, которым временно командовал Василевский. Прибыв в штаб корпуса, он представился его начальнику штаба. Тот удивленно посмотрел на Александра Михайловича и спросил:

— Сколько вам лет, господин прапорщик?

— Двадцать два.

Начальник штаба ушел в другую комнату. Вскоре оттуда вышел граф Келлер, человек огромного роста. Он с улыбкой взглянул на Василевского, затем взял его голову в свои руки и сказал:

— Еще два года войны, и все вчерашние прапорщики станут генералами.

Граф Келлер как в воду глядел...

Несмотря на все трудности, войска 9-й армии 15 июня успешно прорвали оборону противника и начали его преследование. Однако 15 июля генерал Лечицкий неожиданно приостановил наступление своих войск между Днестром и Прутом. 18 июля перешла к обороне и русская 7-я армия, испытывавшая недостаток в силах и средствах. В последующем войска Юго-Западного фронта про-

¹ Цит. по: Маршал Василевский: Москва в жизни и судьбе полководца (исторические очерки, воспоминания, документы)/Сост. В.А. Афанасьев, А.Н. Пономарев. М.: Издательство Главного архивного управления города Москвы, 2008 С. 17.

вели ряд сражений на р. Стоход, выйдя на рубеж западнее Броды, Подгайцы, Тлумач, Делатын. Но для развития успеха сил уже не было. В ходе наступления русские войска потеряли около 500 тыс. человек убитыми, ранеными и пленными, а австро-венгерские и германские войска — до 1,5 млн человек¹.

А.М. Василевский, оценивая свое участие в этой операции, писал: *«Закалка, которую я приобрел во время наступления, помогла мне в дальнейшем, а опыт организации боевых действий в масштабах подразделений разного рода пригодился в годы гражданской войны. Я, как и большинство моих сослуживцев, относился к самому наступлению с энтузиазмом: русской армии предстояло освободить Карпатские земли»*².

14 августа 1916 г. Румыния объявила войну Австро-Венгрии. Однако в сентябре — ноябре румынские войска в борьбе против германских войск потерпели поражение. В связи с этим 24 ноября (7 декабря) был создан Румынский фронт, в состав которого вошли русские 9, 4 и 6-я армии и румынские войска. Войска фронта оборонялись на рубеже Кымпулунг, устье Дуная. Части 103-й пехотной дивизии, в которой служил А.М. Василевский, использовались для прикрытия наиболее важных направлений.

Пока А.М. Василевский сражался в Румынии, на родине в России произошли важные перемены. Февральская революция 1917 г. и отречение императора Николая II положили конец правлению Дома Романовых. Страна вступила на путь демократических перемен, проводившихся, правда, половинчато и не всегда последовательно. Временное правительство, в котором ведущую роль играли представители партий кадетов и октябристов, придерживалось идеи «непредрешения» воли Учредительного собрания. В обращении «К гражданам России», опубликованном 6 марта 1917 г., Временное правительство изложило свою программу. Ее суть заключалась в доведении войны до победного конца, в неуклонном исполнении соглашений, подписанных с союзниками России, в созыве Учредительного собрания и др. В соответствии с приказом № 1 Петроградского Совета от 1 марта проводилась

¹ См.: Стратегический очерк войны 1914—1918 гг. Ч. 5. М., 1923. С. 73, 108.

² Цит. по: Василевский А.М. Дело всей жизни. С. 29.

так называемая «демократизация армии»¹. Во всех подразделениях, частях и на кораблях создавались солдатские комитеты. В армии были упразднены военно-полевые суды и введены военно-революционные суды, отменена смертная казнь, создан институт комиссаров для контроля над деятельностью офицеров, уволено в резерв около 150 высших чинов. 9 мая приказом военного и морского министра А.Ф. Керенского вводится в действие Декларация прав солдата. Она предоставляла военнослужащим те же права, что и другим гражданам.

После свержения монархии и прихода к власти Временного правительства в России развернулась борьба между сторонниками и противниками продолжения войны. Как же относился А.М. Василевский к новой власти? Ответ он дает в своих мемуарах. *«Падение монархии я встретил с энтузиазмом, — пишет Александр Михайлович. — Теперь мне казалось, мы будем отстаивать республику и интересы революционной отчизны. Но вскоре я увидел, что эти интересы разные люди понимают по-разному. Армия раскололась. По одну сторону остались солдаты и передовое офицерство, а по другую — те, кто продолжал призывать к «защите отечества». Может ли истинный патриот быть не со своим народом? Нет! — отвечал я сам себе. Значит, правда не там, где я искал ее раньше. Окончательный удар по моим иллюзиям нанес корниловский мятеж. Я постепенно стал осуждать войну, проникся недоверием к Временному правительству»².*

Известие о захвате 25 октября (7 ноября) 1917 г. власти большевиками в Петрограде, о принятии ими декретов о мире и земле бурно обсуждалось в частях 103-й пехотной дивизии. Личный состав бросал винтовки, братался с австрийскими солдатами, высказывал недовольство начальством и приветствовал новую власть, выражающую интересы народа. *«Ненавистным офицерам порой грозил самосуд, — вспоминал Александр Михайлович. — Углубился раскол и в среде офицерства. Еще недавно мы сидели за одним столом, а теперь бывшие товарищи по оружию злобно глядят друг на друга. Видел такие злые взгляды и я — за то, что признал*

¹ См.: Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957. С. 190.

² Цит. по: Василевский А.М. Дело всей жизни. С. 32—33.

Советскую власть, “якшаюся с большевиками” и бываю в Совете солдатских депутатов»¹.

Под влиянием всего этого у штабс-капитана А.М. Василевского возникло решение оставить военную службу с тем, чтобы отдать-ся любимому делу, трудиться на земле. В конце ноября 1917 г. он уволился в отпуск и в декабре вернулся на родину. Правда, в свое автобиографии, написанной в 1938 г., отмечает, что прибыл домой в январе 1918 г., где до июня находился на иждивении родителей, занимаясь сельским хозяйством. В своих же мемуарах Александр Михайлович пишет, что в конце декабря 1917 г. Кинешемский уездный военный отдел при местном Совете переслал ему телеграфное сообщение о том, что общее собрание 409-го Новохоперского полка, в соответствии с действовавшим тогда в армии принципом выборного начала, избрало Василевского командиром полка. Поэтому солдатский комитет предлагал ему немедленно вернуться в свою воинскую часть и вступить в командование. Однако военный отдел, ссылаясь на обстановку, сложившуюся на Украине после прихода к власти Центральной Рады, рекомендовал Василевскому остаться дома и искать себе применение на месте.

А.М. Василевский последовал рекомендации военного отдела и в июне 1918 г. поступил на службу сотенным инструктором во Всеобуч при Углецкой волости Кинешемского уезда Костромской губернии. Всеобщее военное обучение было введено декретом ВЦИК от 22 апреля 1918 г. «Об обязательном обучении военному искусству»². Обучение велось без отрыва от основной работы по 96-часовой программе в течение восьми недель. В должности сотенного инструктора Василевский пробыл недолго. По его признанию, дела шли неплохо, но все же он не получал полного удовлетворения. Александр Михайлович не раз обращался в военный отдел с просьбой привлечь его к более активной работе по защите Советской Родины. Но все просьбы оставались без ответа. *«Видимо, сказывалось некоторое недоверие ко мне, — пишет Василевский, — как к выходящу из семьи служителя культа, офицеру царской армии, имевшему чин штабс-капитана. Я понимал, что такая осторожность в условиях ожесточенной классово-вой вой борьбы вполне объясни-*

¹ Цит. по: *Василевский А.М. Дело всей жизни.* С. 33.

² См.: *Декреты Советской власти.* М., 1960. Т. 2. С. 151—153.

ма, и старался спокойно и упорно выполнять полученное задание, ибо только честным трудом можно было завоевать доверие Советской власти. Но время шло, а на более активное использование моего военного опыта намека так и не было»¹.

Устав ждать ответа от военного отдела, А.М. Василевский решил сменить профессию. С разрешения уездного военкомата он подал заявление с просьбой зачислить его учителем начальной школы, благо диплом об окончании духовной семинарии давал на это право. В сентябре 1918 г. Василевский стал учителем школы 1-й ступени в селе Подъяковлево Новосильского уезда Тульской губернии. Заведующая школой Е.П. Наумова поручила ему вести младшее отделение. Он быстро вжился в новый коллектив, установил тесный контакт с учителями и родителями учеников. Однако, несмотря на увлеченность новой работой, постоянно ощущал неудовлетворенность. Она исчезла только в апреле 1919 г., когда Новосильский уездный военкомат призвал его на службу в армии. Василевского назначили взводным инструктором (помощником командира взвода) 4-го запасного батальона, расположенного в городе Ефремове.

В июне 1919 г. А.М. Василевский командовал отрядом, который участвовал в конфискации хлеба, спрятанного так называемыми «кулаками», а также в задержании крестьян, уклонявшихся от призыва в Красную Армию. Вспоминая об этом, Александр Михайлович писал: *«Этот непродолжительный по времени период имел для моей дальнейшей жизни и работы исключительное значение. Став красным командиром, ощутив доверие партии, я понял, что военная служба — мое единственное призвание. Именно тогда во мне зародилось стремление во что бы то ни стало рано или поздно быть в рядах большевистской партии, подлинной защитницы интересов народа. Я все больше осознавал, что Великая Октябрьская социалистическая революция — подлинно народная революция. Под ее воздействием формировалось и мое политическое сознание. Полнее стало понятие Родины, патриотизма. Родина — это Советская Россия, страна трудового народа, ниспровергнувшего мир насилия и несправедливости и решившего осуществить на своей земле идеалы лучших умов человечества, идеалы социализма. Со-*

¹ Цит. по: Василевский А.М. Дело всей жизни. С. 37.

ветской Родине нужны своя армия, свои командные кадры, в том числе и военные специалисты. И я поклялся верой и правдой служить народной власти. “Советская Россия или смерть!” — вот слова, ставшие тогда девизом миллионов людей, в том числе и моим девизом»¹.

И надо сказать, что А.М. Василевский честно служил новой власти. Летом 1919 г. в связи с наступлением войск генерала А.И. Деникина в Туле была сформирована Тульская стрелковая дивизия, ядром которой послужили запасные батальоны. Командиром одной из рот, а затем командиром батальона назначили Василевского. В начале октября Василевский получил повышение в должности, возглавив 5-й стрелковый полк Тульской стрелковой дивизии. В своих мемуарах Александр Михайлович пишет, что на заседании губернского ревкома он просил назначить командиром полка более опытного человека, так как не имеет опыта командования полком в условиях боевой обстановки. Просьба Василевского была удовлетворена не сразу. Однако он оказался настойчивым. Вскоре на должность командира полка был назначен Соборнов, а Василевский стал его помощником. Как мы увидим в дальнейшем, Александр Михайлович не раз отказывался от назначения на более высокую должность, мотивируя это отсутствием необходимого опыта. Наверное, так оно было. Но следует учесть, что Василевский был человеком весьма осторожным, не любившим действовать наобум, а потому тщательно продумывал все свои шаги.

В декабре 1919 г. Тульская стрелковая дивизия была переброшена на Западный фронт. В феврале 1920 г. ее переименовали в 48-ю стрелковую, а полк Василевского стал именоваться 427-м стрелковым полком 143-й стрелковой бригады. Дивизия вошла в состав 15-й армии, которой командовал 33-летний бывший подполковник А.И. Корк. С ним Василевского в последующем еще не раз сводила военная судьба. Вскоре 143-ю стрелковую бригаду направили на доукомплектование 11-й Петроградской стрелковой дивизии, а Василевский был назначен помощником командира 96-го стрелкового полка. В этом качестве ему довелось принять участие в боевых действиях против польской армии.

¹ Цит. по: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. С. 40.

Маршал Польши Ю. Пилсудский, одержимый идеей восстановления польского государства в границах 1772 г., предпринял 25 апреля наступление против советского Юго-Западного фронта. 6 мая польские войска заняли Киев. С целью оказать помощь армиям Юго-Западного фронта по решению Главного командования Красной Армии 14 мая в наступление перешли войска Западного фронта. Ими командовал потомок старинного дворянского рода 27-летний бывший подпоручик М.Н. Тухачевский. В последующем он занимал ряд высших военных постов в Красной Армии, стал одним из первых маршалов Советского Союза. Василевскому не раз приходилось по делам службы встречаться с Тухачевским, который оказал немалое влияние на его становление.

Войска Западного фронта 14 мая перешли в наступление. Их напутствовал председатель Реввоенсовета Республики Л.Д. Троцкий (Бронштейн), который в своем приказе от 8 мая отмечал, что здесь сейчас решается судьба русского народа. *«Красный Киев в когтях у польских насильников, — писал Троцкий. — Рабоче-Крестьянской Украине грозит крепостническое угнетение и иноземное рабство. Вместе с тем великая угроза открывается всей России. Спасение от ига и кабалы одно: нанести буржуазно-шляхетским войскам решительный, беспощадный, сокрушающий удар»*¹.

А.М. Василевский тогда и предполагать не мог, что не пройдет и четверти века, как ему придется на белорусской земле организовывать одну из крупнейших операций Великой Отечественной войны. 18 мая части 96-го стрелкового полка 11-й Петроградской стрелковой дивизии вступили в бой за станцию Крулевщина, которую обороняла польская Познанская дивизия. Полк понес большие потери и был выведен в резерв начальника дивизии. 26 мая польские войска перешли в контрнаступление и, тесня войска Западного фронта, 3 июня вышли к рекам Западная Двина и Березина.

В полосе Западного фронта наступило временное затишье, которое было использовано для подготовки к новому наступлению. По замыслу Тухачевского главный удар из района Полоцка наносили 4, 15 и 3-я армии в целях окружения и разгрома польской 1-й армии и Полесской группы, а затем развития успеха на

¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 3. Л. 13.

вильненском и лидском направлениях. Войска Западного фронта насчитывали 72,2 тыс. штыков и 9,9 тыс. сабель¹. Им противостояли польские и латвийские войска общей численностью в 101 тыс. штыков и 4,8 тыс. сабель².

16 июня в войсках Западного фронта было распространено воззвание ВЦИК и правительств РСФСР и Украинской ССР к польским рабочим, крестьянам и легионерам. Оно содержало признание независимости Польши, призыв переходить на сторону Красной Армии, чтобы «таким путем вернее и скорее обеспечить независимую социалистическую Польшу»³. По решению Польского бюро при ЦК РКП(б) 23 июня был создан Временный революционный комитет (Польревком), которому предстояло после захвата Красной Армией Варшавы передать власть компартии Польши.

Войска Западного фронта, вдохновленные возможностью создания еще одного социалистического государства, 4 июля устремились на запад. 10 июля соединения 16-й армии заняли Минск. Польское правительство, обеспокоенное успехами Красной Армии, предпринимало срочные меры по восстановлению положения. 11 июля в Народный комиссариат по иностранным делам РСФСР поступила нота за подписью министра иностранных дел Великобритании лорда Дж. Керзона⁴. Он от имени Антанты предлагал заключить перемирие между Польшей и Советской Россией, немедленно приостановить военные действия. Польские войска должны были отойти на линию, проходившую через Гродно, Валовку, Немиров, Брест-Литовск, Дорогуск, Устилуг, восточнее Грубешова, Крылов и далее западнее Равы-Русской, восточнее Перемышля до Карпат. Советские войска следовало остановить на расстоянии 50 км к востоку от этой линии. Одновременно предлагалось подписать перемирие между Красной Армией и генералом П.Н. Врангелем. Лорд Керзон подчеркивал, что в случае переноса советскими войсками боевых действий на территорию Польши, ее союзники сочтут себя

¹ РГВА. Ф. 104. Оп. 1. Д. 3. Л. 16.

² См.: Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922 гг.). М.: Воениздат, 1978. Т. 4. С. 515.

³ См.: Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1965. Т. 3. С. 91.

⁴ См.: Документы внешней политики СССР. М., 1959. Т. 3. С. 54—55.

обязанными помочь польской нации защищать свое существование всеми средствами, имеющимися в их распоряжении.

Нота Керзона 12 июля была рассмотрена вождем партии большевиков В.И. Лениным (Ульяновым), который оценил ее «как сплошное жульничество ради аннексии Крыма» и предложил усилить наступление на Юго-Западном и Западном фронтах¹. Это же решение подтвердил и пленум. 17 июля правительству Великобритании была направлена радиотелеграмма наркома по иностранным делам Г.В. Чичерина, в которой отвергались все попытки вмешательства со стороны в дело примирения РСФСР с Польшей. Главнокомандующему Вооруженными Силами РСФСР бывшему полковнику С.С. Каменеву предписывалось непрерывно развивать наступление на Юго-Западном и Западном фронтах «как до границы, намеченной Антантой, так и за пределами этой границы в случае, если бы силой обстоятельств мы оказались вынужденными временно перейти за эту границу»².

Войска Западного фронта продолжали движение на запад. В это время А.М. Василевский получил приказ немедленно отправиться в 48-ю стрелковую дивизию и вступить в командование 427-м стрелковым полком. Прибыв в штаб дивизии, Александр Михайлович встретился с командиром и комиссаром 143-й стрелковой бригады О.Ю. Калниным. Он сообщил, что должность командира полка уже занята. Поэтому Василевскому предлагалось отправиться в распоряжение начальника дивизии. *«Я меньше всего думал о работе обязательно в должности командира полка, — пишет Александр Михайлович. — Меня больше привлекала уже знакомая работа в должности помкомполка или комбата. Поэтому я упросил комбрига послать меня на одну из этих должностей у себя в бригаде и в результате стал помощником командира 429-го стрелкового полка... Полк произвел на меня, особенно в политико-моральном отношении, очень хорошее впечатление. Он был укомплектован в основном уже побывавшими в боях красноармейцами или прошедшими подготовку в запасных частях. Отличные отношения установились у меня с командованием полка, в том числе и с самим*

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 237—238, 438—439.

² См.: Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920). М.: Воениздат, 1969. С. 614.

командиром т. Дрейвичем (хотя в бригаде меня предупреждали о его нелегком характере). Партийная организация полка была боевой, сплоченной. Это меня более всего радовало. Даже короткий опыт службы в рядах РККА убедил меня в том, что наличие в воинской части сильной большевистской организации — серьезный залог успеха во всех ее делах»¹.

А что же происходило на фронте? 14 августа части 3-й и 15-й армий Западного фронта штурмом взяли Радзимин, находившийся в 23 км северо-восточнее Варшавы. До польской столицы было рукой подать. Однако 15 августа польские войска перешли в контрнаступление и совершили то «чудо на Висле», о котором споры среди историков не утихали длительное время. Удар в подбрюшье Западного фронта был настолько силен, что через четыре дня его войска оказались отброшенными к Западному Бугу. Войска 3-й армии отступали к Гродно, а 15-я армия — к Волковыску. На волковысское направление началась переброска 48-й стрелковой дивизии, чтобы задержать противника и обеспечить отход соединений 15-й армии. Юго-западнее Волковыска части дивизии встретились с врагом, стремившимся развить свой успех. Сбив с позиции заслоны, выставленные 15-й армией, он ворвался в Пружаны и Беловежскую Пущу. В результате упорных боев части 48-й стрелковой дивизии отбросили противника, захватили пленных, трофеи и заняли оборону на подходе к Беловежской Пуще.

В ходе боевых действий противнику удалось прорвать оборону 427-го стрелкового полка, который в беспорядке отступил. С целью обезопасить свой фланг командир 429-го стрелкового полка решил использовать находившийся в резерве 2-й стрелковый батальон и контратаковать врага. Атака, которую возглавил Василевский, оказалась успешной, поляки отступили, а за открытым флангом полка был создан заслон. Командир бригады приказал Василевскому немедленно вступить в командование 427-м стрелковым полком и восстановить утраченное им положение. Связавшись по телефону с комбригом, он доложил ему о получении приказа, попросил срочно выдвинуть в район прорыва из бригадного резерва 428-й стрелковый полк и дать ему хотя бы одну ночь на сбор и приведение в по-

¹ Цит. по: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. С. 48.

рядок 427-го полка. В ответ последовал приказ немедленно явиться в штаб бригады, расположенный в деревне Вейки.

В штабе бригады произошел весьма неприятный для Василевского разговор с Калниным. Комбриг встретил его неприветливо, повторив в категорической форме прежний приказ.

— Товарищ комбриг, при всем желании я не смогу выполнить этот приказ, — сказал Василевский.

Комбриг, не раздумывая, приказал арестовать строптивного Василевского и отконвоировать в ревтрибунал, находившийся в Волковыске. Не успел Александр Михайлович в сопровождении конвойных пройти версты четыре, как его вернули в штаб бригады. Здесь Калнин снова потребовал выполнить ранее отданный приказ. Василевский опять ответил, что по-прежнему считает его невыполнимым. Тогда ему вручили письменное предписание, согласно которому «за саботаж и нелепую трусость» он смещался с должности помкомполка-429 и назначался командиром взвода этого же полка.

Прошло несколько дней. А.М. Василевского неожиданно вызвали в штаб 48-й стрелковой дивизии, где его приняли начдив Е.В. Баранович и военный комиссар Я.Г. Индриксон.

— Товарищ Василевский, в результате тщательного расследования, проведенного партийными и следственными органами дивизии, предъявленное вам командованием бригады обвинение не подтвердилось, — сообщил Баранович.

— Мы получили положительные отзывы о вас от командования и парторганизаций 96-го и 429-го стрелковых полков, — добавил Индриксон. — Командование и политотдел 11-й стрелковой дивизии сообщили нам, что за успешные и умелые действия в боях на реке Шоша был поставлен вопрос о представлении вас к ордену Красного Знамени.

— Приказ комбрига мы отменили, — сказал Баранович. — По решению командарма Корка временно, до освобождения должности командира полка, вы назначаетесь командиром формирующегося отдельного батальона 48-й стрелковой дивизии.

Так, вполне благополучно для Василевского завершился этот конфликт с командиром бригады.

12 октября 1920 г. между Советской Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей, с другой стороны, был подписан Договор о перемирии и прелиминарных условиях мира»¹. Согласно договору обе стороны приняли решение прекратить боевые действия с 24 часов 18 октября. Но войскам Западного фронта пришлось еще не раз обнажать оружие. В ноябре они разгромили народно-добровольческую армию генерала С.Н. Булак-Балаховича, которая насчитывала до 15 тыс. человек². В боевых действиях участвовала и 48-я стрелковая дивизия. В одном из боев погиб командир 143-й стрелковой бригады О.Ю. Калнин. *«У меня, несмотря на бывшее недоразумение, — вспоминал Василевский, — установились с ним дружественные отношения, и я, как и все товарищи, тяжело переживал эту утрату. Он был моим одногодком, жизнь его только начиналась. И даже за эту короткую жизнь О.Ю. Калнин успел многое сделать для Советской власти...»*³

В ноябре 1920 г. части 48-й стрелковой дивизии были переброшены в Смоленскую губернию. Вскоре отдельный батальон, которым командовал Василевский, был расформирован, а его назначили помощником командира 424-го полка 142-й стрелковой бригады. В начале 1921 г. части дивизии были передислоцированы в Самарскую губернию. По приказу командующего Заволжским военным округом она участвовала в разгроме небольших, но хорошо вооруженных «кулацких шаек». Голод, охвативший Поволжье, заставил Реввоенсовет Республики перевести отсюда ряд воинских частей. Дивизия, в которой служил наш герой, была переброшена в Тверскую губернию, входившую в состав Московского военного округа. 424-й стрелковый полк был размещен в Ржеве. В связи с болезнью начальника штаба 142-й стрелковой бригады Василевскому пришлось временно исполнять его обязанности. *«Это был у меня, строевого командира, первый опыт штабной деятельности, пока еще очень скромный, — пишет Александр Михайлович. — И, конечно, я и в мыслях не держал тогда, что со временем дойду до высоких штабных должностей»*⁴.

¹ См.: Документы внешней политики СССР. Т. 3. С. 245—258.

² РГВА. Ф. 104. Оп. 4. Д. 2441. Л. 156—157.

³ Цит. по: Василевский А.М. Дело всей жизни. С. 51—52.

⁴ Там же. С. 54.

В соответствии с решениями X съезда РКП(б), состоявшегося в марте 1921 г., основой вооруженных сил на ближайший период должна была «являться нынешняя Красная Армия, по возможности сокращенная за счет старших возрастов, с повышенным пролетарским и коммунистическим составом»¹. Численность Красной Армии с 5,3 млн человек в конце 1920 г. была сокращена к 1 октября 1922 г. до 1,2 млн человек². Одновременно проводились реорганизация войск и их частичный перевод на территориально-милиционную систему комплектования.

Сокращение численности Красной Армии коснулось и комсостава, особенно из числа тех, кто ранее служил в русской армии и имел «непролетарское происхождение». Но, видать, Божья десница хранила Василевского для свершения великих дел. Он остался в кадрах Вооруженных Сил. В связи с реформированием стрелковых бригад в полки его назначили помощником командира 142-го стрелкового полка 48-й стрелковой дивизии. После того как командир полка В.И. Калинин уехал на учебу, Василевский вступил во временное командование полком. Он творчески подходил к исполнению своих обязанностей, стремясь с полной отдачей использовать учебное время. И результат не замедлил сказаться. В сентябре 1922 г. полк под командованием Василевского успешно проявил себя на двусторонних маневрах войск Московского военного округа по отработке встречного марша в зимних условиях, а в сентябре следующего года — на окружных маневрах. В результате полк получил хорошую оценку от командующего Московским военным округом Н.И. Муралова. В аттестации на Василевского отмечалось: *«Вдумчивый, осторожный в решениях командир. Выдержанный, с подчиненными тактичен. Политически благонадежен. Заботлив о хозяйственной стороне части. Должности командира полка вполне соответствует»*³.

К этому времени произошли изменения в личной жизни А.М. Василевского. В 1923 г. он познакомился с Серафимой Николаевной

¹ См.: Десятый съезд РКП(б). Март 1921 года. Стенографический отчет. М., 1963. С. 616.

² РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 32. Л. 5; Д. 167. Л. 5.

³ Цит. по: Маршал Василевский: Москва в жизни и судьбе полководца (исторические очерки, воспоминания, документы). С. 25.

Вороновой, с которой вскоре оформил законный брак. Ее отец, Николай Александрович Воронов, был банковским служащим. Жалованье, которое он получал, позволяло ему иметь собственный дом и занимать достойное место в обществе. Однако Василевскому не довелось повидаться с ним. В годы Гражданской войны Николай Александрович вместе с приятелем уехал на Украину в надежде привести для семьи что-нибудь из продуктов. Из этой поездки он не вернулся. Позже Николая Александровича посчитали без вести пропавшим, и все заботы о детях, а их было четверо, и по ведению хозяйства легли на плечи его жены Елены Васильевны. Серафима окончила реальное училище и несколько классов музыкальной школы. Имея хороший слух, она отлично играла на рояле и гитаре, умела шить, приобрела некоторые навыки по ремонту обуви, неплохо владела различным инструментом для выполнения мелких работ по дому. После женитьбы Александр Михайлович и Серафима Николаевна некоторое время жили в доме Вороновых.

Со своими родителями Василевский, по собственному признанию, в 1924 г. утратил личную и письменную связь. Его отец, умудренный опытом, полный христианского смирения и чистоты, сам настоял на разрыве.

— Не мучайся ты так, Саша, — сказал Михаил Александрович тогда, перекрестив сына, — время ныне такое, многих сильных людей смололо. Кто в гордыне смерть нашел, кто погряз в скверне. И я ведь, грешный... Но все от Бога, все от Спасителя, — надеюсь отмолить и твой грех, и свои грехи. Будь честен в служении людям, но не себе...

А.М. Василевский практически все время проводил на службе, тем более что забот было много. В Красной Армии к тому времени выявились серьезные недочеты в материально-техническом обеспечении и подготовке войск. По мнению Василевского, «большой вред армии нанесла антипартийная деятельность Троцкого»¹. Эта была дань моде, существовавшей в отечественной историографии: все беды валить на Троцкого, несмотря на то что он в течение семи лет стоял во главе Красной Армии и был одним из ее основателей.

Как же в действительности обстояло дело? После смерти В.И. Ленина среди верхушки партийного руководства развер-

¹ Цит. по: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. С. 58.

нулась острая борьба за власть. Победу постепенно одерживал И.В. Сталин (Джугашвили). Одним из его главных противников был Л.Д. Троцкий, которого необходимо было убрать с высших постов в партии и армии. Начали с вооруженных сил, где имелись как достижения, так и недостатки. По итогам проверки, проведенной специальной комиссией, созданной Центральной контрольной комиссией РКП(б), пленум ЦК РКП(б) в марте 1924 г. констатировал «наличие в армии серьезных недочетов (колоссальная текучесть, полная неудовлетворительность постановки дела снабжения и пр.), угрожающих армии развалом»¹. По признанию М.В. Фрунзе, большинство выявленных недочетов было обусловлено иным, а именно, недостатком финансирования армии². Члены специальной комиссии предложили максимально упростить аппарат управления, устранить параллелизм и бюрократизм, разграничить функции между различными органами, приспособить организацию мирного времени к организации военного времени, повысить квалификацию сотрудников, сократить штаты. ЦК РКП(б) и Реввоенсовет СССР одобрили эти предложения и установили срок перехода на новую организацию с 15 апреля. Согласно постановлению ЦК РКП(б) от 28 июля в армии было введено единоначалие, а ее численность сокращена с 610 тыс. до 562 тыс. человек³.

И.В. Сталин, стремясь укрепить свою власть, ставил на ответственные посты в армии преданных ему людей. В апреле 1924 г. Н.И. Муралов был освобожден от должности командующего войсками Московского военного округа, а его место занял командующий Северо-Кавказским военным округом К.Е. Ворошилов. Он не имел специальной военной подготовки, но зато верно служил Сталину и принимал активное участие в массовых репрессиях в Красной Армии. Это станет известным позже. А пока Василевский в своих мемуарах тепло отзывается о Ворошилове. Он вспоминает, как в начале июня познакомился с ним во время осмотра 48-й стрелковой дивизии. Командующий округом на полковом стрельбище проверил, как второй батальон 143-го стрелкового полка отра-

¹ См.: Берхин И. Б. Военная реформа в СССР (1924—1925 гг.). М., 1958. С. 65.

² См.: Фрунзе М.В. Собр. соч. М.—Л., 1929. Т. 2. С. 28.

³ РГВА. Ф. 4. Оп. 2. Д. 84. Л. 2.

батывает упражнения стрельб, а затем присутствовал на ротных учениях. В принципе это обычное дело для любого командира и командующего, но Александр Михайлович считал необходимым в своих мемуарах показать, как Ворошилов заботился о подготовке войск.

2 сентября 1924 г. А.М. Василевский был назначен начальником дивизионной школы младшего командного состава. Он со своей ответственностью взялся за новую работу, стремясь готовить инициативных и вдумчивых специалистов. Такой подход к порученному делу не остался без внимания. Неожиданно Василевский получил вызов в Военную академию РККА для сдачи вступительных экзаменов. *«Я попросил командование не посылать меня в академию, так как чувствовал себя неподготовленным, — пишет Александр Михайлович. — Однако Главное управление кадров Красной Армии на запрос комдива И.Ф. Максимова подтвердило вызов. По прибытии в академию я подал на имя председателя приемной комиссии заявление с просьбой вернуть меня в дивизию. Меня вызвали к заместителю председателя комиссии. И кого же я увидел? Им оказался М.А. Ткачев. Я хорошо знал его. Он стажировался в нашей дивизии, будучи слушателем академии, а теперь работал в аппарате Главного управления кадров Наркомата по военным и морским делам. Ему-то, как выяснилось, я и обязан был вызовом. Встретились мы дружески. Однако все попытки со стороны Ткачева уговорить меня держать немедленно экзамены ни к чему не привели. Я вернулся в дивизию»¹.*

В декабре 1924 г. дивизионная школа была расформирована, а Василевский получил назначение на должность командира 143-го стрелкового полка. Вскоре у Александра Михайловича родился сын Юрий. Семья Василевских переехала в центр Твери, где в доме по Советской улице (бывшей Миллионной) снимала небольшую двухкомнатную квартиру. Рядом на площади находилось здание бывшего Дворянского собрания, в котором теперь размещался гарнизонный Дом Красной Армии. Здесь сохранилась богатая библиотека, в которой можно было найти немало книг и журналов по военной тематике. *«С большим интересом, — вспоминал Васи-*

¹ Цит. по: *Василевский А.М. Дело всей жизни.* С. 59—60.

левский, — после училища я перечитывал труды выдающегося военного деятеля России М.И. Драгомирова и героя русско-турецкой войны генерала М.Д. Скобелева. М.И. Драгомирову принадлежит заслуга возрождения и популяризации в русской армии взглядов Александра Васильевича Суворова. Благодаря ему в России был переиздан труд великого полководца “Наука побеждать”. Много ответов по проблемам воинского и нравственного воспитания, которые более всего беспокоили нас, я нашел в работах неизвестных в ту пору для меня авторов — генералов Гурко, Маслова, Бутовского, Грулева и других. Перебирая на пыльных полках книги, я с удивлением обнаружил несколько еще дореволюционных номеров военного журнала, который впоследствии получил название “Военный сборник”. Эти журналы, по всей видимости, дали основание для издания широко известного в войсках и в настоящее время журнала “Военный вестник”. Никогда я не думал, что в недалеком будущем мне придется оказывать помощь редакции этого журнала и что на его страницах появятся статьи, написанные мною по различным вопросам боевой и методической подготовки»¹.

В октябре 1925 г. А.М. Василевский, несмотря на отказ поступить в Военную академию РККА, все-таки был направлен на учебу. В течение восьми месяцев он обучался на отделении командиров полков Стрелково-тактических курсов усовершенствования состава РККА «Выстрел» им. Коминтерна. «Курсы “Выстрел”, являясь старейшей кузницей офицерских кадров Советской Армии, — писал Василевский в юбилейной газете «Выстрел», выпущенной 21 ноября 1958 г., — на всем протяжении своего существования успешно готовили высококвалифицированных офицеров для Вооруженных Сил Союза ССР. Я с благодарностью вспоминаю свое пребывание и учебу на курсах, которые дали мне твердые знания как командиру Красной Армии».

В августе 1926 г. А.М. Василевский, окончив курсы, вернулся в свой 143-й стрелковый полк. В мае следующего года он познакомился с новым командующим войсками Московского военного округа 44-летним Б.М. Шапошниковым. Он в последующем сыграл значительную роль в судьбе Александра Михайловича, а потому

¹ Цит. по: Василевский А.М. Дело всей жизни. С. 559.

кратко расскажем о нем. Шапошников имел за плечами солидную военно-теоретическую подготовку, окончил Московское военное училище и Академию Генштаба, приобрел богатый опыт командной и штабной работы на различных должностях в звене полк — дивизия — корпус, принимал участие в Первой мировой войне. В 1918 г. полковник Шапошников вступил в Красную Армию, был помощником начальника Оперативного управления штаба Высшего военного совета, начальником разведывательного отдела Полевого штаба РВСР, первым помощником начальника штаба наркомвоенмора Украины, а с октября 1919 г. начальником Оперативного управления Полевого штаба РВСР. После окончания Гражданской войны был назначен первым помощником начальника Штаба РККА, а затем командующим Ленинградским военным округом.

В июне 1928 г. частям 48-й стрелковой дивизии пришлось выдержать серьезный экзамен. В Московском военном округе была проведена опытная мобилизация, а затем в районе Торжка состоялось дивизионное тактическое учение. До этого дивизию и 143-й стрелковый полк проверял первый заместитель начальника штаба округа К.А. Мерецков. Специальную же комиссию, прикрепленную к полку на время мобилизации и учения, возглавлял хорошо известный А.М. Василевскому начальник штаба 2-го стрелкового корпуса М.А. Ткачев. За ходом мобилизации наблюдали заместитель наркома по военным и морским делам И.С. Уншлихт, командующий округом Н.В. Куйбышев¹, начальник штаба округа А.М. Перемытов и особая комиссия во главе с начальником Главного управления РККА В.Н. Левичевым. В ходе опытной мобилизации были вскрыты как сильные, так и слабые стороны боевой и мобилизационной готовности дивизии. В целом же она получила хорошую оценку. При этом инспекторская группа особо выделила 143-й стрелковый полк, его боевую и мобилизационную подготовку, общее состояние и дисциплинированность.

В ноябре 1928 г. в 48-ю стрелковую дивизию приехал новый командующий войсками Московского военного округа 32-летний И.П. Уборевич (Уборявичус). Бывший подпоручик был всего на один год моложе Василевского, но уже прославился в годы Граж-

¹ Н.В. Куйбышев был назначен командующим войсками Московского военного округа в январе 1928 г.

данской войны, командуя армиями и будучи военным министром Дальневосточной Республики и главнокомандующим Народно-революционной армией. Уборевич проверил уровень подготовки командного состава, прежде всего его высшего и старшего звена. Затем состоялось командно-штабное учение в поле со средствами связи, в котором приняли участие командование и штабы дивизии и полков. *«Пребывание И.П. Уборевича было полезным, — вспоминал Александр Михайлович. — Мы по-новому взглянули на себя, обнаружили серьезные недостатки в нашей боевой и политической подготовке. Командующий показал нам, как и над чем именно надо работать, чтобы в ближайшее же время поднять боеспособность подчиненных нам войск. Следует сказать, что и эта встряска, и те порою острые замечания Иеронима Петровича в адрес каждого из нас не обидели и не расстроили командиров, а убедили в необходимости более строго оценивать свою работу, видеть ее перспективу, верить в успех. Дальнейшее показало, что подобная моральная зафядка не только полезна, но иногда бывает крайне необходима»¹.*

И.П. Уборевич, как и члены специальной комиссии, обратил внимание на энергичного командира 143-го стрелкового полка. *«Хорошо дисциплинирован и воински воспитан, — отмечалось в аттестации на Василевского за 1928 г. — Спокойный, положительный и глубоко вдумчивый человек. В служебной деятельности проявляет достаточную настойчивость и разумную инициативу. Обладает большой работоспособностью и выдержкой. Пользуется вполне заслуженным авторитетом. Военная подготовка хорошая. Хорошо знает тактику, стрелковое дело и хозяйство части. Политически развит удовлетворительно. Взаимоотношения с комиссаром полка нормальные. Должности командира полка вполне соответствует. Заслуживает продвижения в очередном порядке на должность начштадива стрелковой»².*

Командующий Московским военным округом решил использовать деловые качества Василевского для восстановления боеспособности 144-го стрелкового полка, располагавшегося в Вышнем

¹ Цит. по: Василевский А.М. Дело всей жизни. С. 68—69.

² Цит. по: Маршал Василевский: Москва в жизни и судьбе полководца (исторические очерки, воспоминания, документы). С. 25.

Волочке. Это едва не привело к конфликту между ним и Александром Михайловичем. Полк считался наиболее слабым и по дисциплине, и по подготовке. *«Перевод поразил не только меня, но и весь руководящий состав 143-го полка, — вспоминал Александр Михайлович. — Не скрою, воспринял я его с обидой. Во-первых, потому, что мне крайне не хотелось покидать 143-й Краснознаменный полк, считавшийся лучшим в дивизии (за четыре года командования в это было вложено немало и моего труда). Нелегко было расставаться с командно-политическим составом и парторганизацией полка, с которыми у меня установились отличные взаимоотношения. И еще одно немаловажное обстоятельство беспокоило меня: именно в 143-м полку я собирался осуществить мою давнюю заветную мечту — вступить в Коммунистическую партию. Перевод в новую часть неизбежно заставлял отложить это решение на неопределенное время»¹.*

А.М. Василевский по рекомендации командира и военкома дивизии И.Ф. Максимова выехал в штаб округа. Командующий округом встретил Александра Михайловича радушно, расспросил о здоровье семьи и о его планах. Василевский рассказал, ничего не утаивая, в том числе, что собирался вступить в партию большевиков.

— Вот вы сказали, что хотите, и, на мой взгляд, вполне достойны того, чтобы вступить в ряды партии, — говорил Уборевич. — Но что же получается? Вопрос о вашем переводе в 144-й стрелковый полк является сугубо партийным делом. Его поставила партийная организация дивизии, и она вместе с командованием была уверена, что вы, опираясь на партийную организацию полка, сможете вывести его из отстающих. Партийная организация в полку крепкая. Ей необходим лишь хорошо подготовленный, опытный в военном отношении командир. Вы свое дело знаете, любите его. Я уверен, что эта задача в тех условиях, в которых вам придется трудиться, выполнима. С другой стороны, именно ваша серьезная работа в прошлом заставляет меня, как и вашего комдива, отнестись к вашим претензиям внимательно. Так вот, если вы продолжаете настаивать на том, чтобы остаться в 143-м полку, я готов просить народного комиссара об отмене приказа. Дело теперь за вами.

¹ Цит. по: *Василевский А.М. Дело всей жизни.* С. 69.

Василевский, выслушав командующего, сказал:

— Я прошу извинения за непростительно отнятое у вас время, товарищ командующий. Разрешите немедленно отправиться к месту новой службы. Заверяю вас, что сделаю все от меня зависящее, чтобы оправдать доверие партии и командования.

Приказом № 725 Реввоенсовета СССР А.М. Василевский в декабре 1928 г. был назначен командиром 144-го стрелкового полка 48-й стрелковой дивизии. С первых шагов знакомства с полком он, как и следовало, ожидать, столкнулся с серьезными недостатками в боевой подготовке, настораживали частые случаи самовольных отлучек и других нарушений воинской дисциплины. Всему этому способствовали запущенность учебной базы и казарменного фонда. *«Неволью в голову приходила мысль, — вспоминал Александр Михайлович, — что задача, которая стояла передо мной по выводу полка из прорыва, в этих условиях вряд ли была выполнима»*¹. Однако он не привык отступать перед трудностями. Его вступление в новую должность совпало со знаменательными событиями в жизни Красной Армии, получившими в отечественной литературе определение «техническая реконструкция Вооруженных Сил». Она опиралась на форсированную индустриализацию государства, милитаризацию его экономики, подчинение целям обороны всех социальных программ. В соответствии с первым пятилетним планом развития РККА (1929 — 1933) предусматривалось полностью перевооружить армию и флот новейшими образцами военной техники, создать новые технические рода войск (авиацию, бронетанковые войска) и специальные войска (химические, инженерные и др.), модернизировать старое оружие и военную технику, моторизовать пехоту, кавалерию и артиллерию, а также осуществить массовую подготовку технических кадров². По численности РККА не должна была уступать вероятным противникам на главном театре военных действий — Западном, а по технике — быть сильнее противника по трем решающим видам вооружения, а именно самолетам, артиллерии и танкам.

В ходе реализации пятилетнего плана развития Красная Армия получила усовершенствованный станковый пулемет «максим», мо-

¹ Цит. по: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. С. 564.

² См.: *История Второй мировой войны 1939—1945.* В 12-ти т. М.: Воениздат, 1973. Т. 1. С. 258.

дернизированную трехлинейную винтовку С.И. Мосина образца 1891/30 гг., 45-мм противотанковую, дальнобойные и скорострельные 122-мм и 152-мм пушки. В войска поступали легкие танки Т-18, Т-26, БТ-2 и БТ-5, средние и тяжелые танки Т-28 и Т-35, танкетки Т-27, плавающие танки Т-37 и Т-38, новые радиостанции, телефонные и телеграфные аппараты, средства механизации и электрификации инженерных работ. В Военно-воздушных силах появились более совершенные истребители И-5, тяжелые бомбардировщики ТБ-2, легкие бомбардировщики Р-5 (они же самолеты-разведчики) и штурмовики ТШ-2. Одновременно совершенствовалась и организационная структура войск. В состав стрелковой дивизии впервые включается танковый батальон, в 2 раза увеличивается количество пулеметов, в 2,7 раза — артиллерийско-минометное вооружение. Стрелковый корпус вместо двух корпусных артиллерийских дивизионов получил два артиллерийских полка, отдельный зенитно-артиллерийский дивизион и саперный батальон.

В первой половине 30-х гг. на подъеме находилась военно-теоретическая мысль. Ее развитие не мыслилось без изучения марксистско-ленинской теории, без которой, по мнению наркома по военным и морским делам К.Е. Ворошилова, нельзя было обойтись в Красной Армии¹. Военные теоретики исходили из возможности войны, как между империалистическими державами, так и коалиции их против СССР. При этом считалось, что во всех случаях победу одержит именно Советский Союз, которого морально поддержат трудящиеся всех стран, якобы «кровно заинтересованные в сохранении мира». В теоретических работах проводилась мысль о том, что будущая война станет мировой. В войне примут участие весь народ, многомиллионные армии, оснащенные самым современным оружием и военной техникой. Военные действия развернутся на огромных территориях, на суше, на море и в воздухе.

В 1932 г. под руководством начальника Штаба РККА А.И. Егорова, сменившего на этом посту Б.М. Шапошникова, были доработаны тезисы «Тактика и оперативное искусство РККА начала тридцатых годов», автором которых являлся погибший 12 июля 1931 г. в авиационной катастрофе начальник Оперативного управ-

¹ См.: *Ворошилов К.Е. Оборона СССР. М., 1937. С. 626.*

ления — заместитель начальника Штаба РККА В.К. Триандафиллов. В тезисах отмечалось, что новые средства борьбы (авиация, артиллерия РКК, танки) позволяют «поражать противника одновременно на всей глубине его расположения в отличие от нынешних форм боя и атаки, которые можно характеризовать как последовательное подавление отдельных расчленений боевого порядка»¹. С учетом этого была разработана теория глубокого боя и операции, основа которой была заложена в трудах К.Б. Калиновского, В.К. Триандафиллова, М.Н. Тухачевского и других военных теоретиков.

Сущность теории глубокой операции и боя заключалась в одновременном подавлении обороны противника совместными ударами артиллерии и авиации на всю глубину и в прорыве ее тактической зоны на избранном направлении с последующим стремительным развитием тактического успеха в оперативный, который мыслилось достичь вводом в бой или сражение эшелона развития успеха (танков, мотопехоты, конницы) и высадкой воздушных десантов. Это была принципиально новая теория, которая основывалась на применении массовых, технически оснащенных армий и указывала выход из своеобразного «позиционного тупика», в который зашла была военная мысль в поисках форм и методов прорыва заранее подготовленной, сильно укрепленной обороны.

Отечественная военная мысль в начале 30-х г. признавала не только правомерность, но и необходимость обороны. Но постоянно подчеркивалось, что оборона — это вспомогательный вид военных действий и что обороной не только войну, но и сражение выиграть нельзя.

Новые теоретические разработки, изменения организационно-штатной структуры войск, их техническое совершенствование выдвинули на первый план более ответственные задачи в обучении командиров, штабов и личного состава. В приказе Реввоенсовета СССР № 340/70 от 6 ноября 1929 г. «Об итогах боевой подготовки РККА и Флота за 1928/29 год и об учебных целях на 1929/30 учебный год» требовалось «путем широких тренировок овладеть формами глубокого боя с одновременным поражением боевого порядка

¹ Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах (1917—1940 гг.). М., 1965. С. 375, 377—378.

противника на всю его глубину»¹. В Московском военном округе на учениях и маневрах отработывались следующие опытные темы: «Выделение передовых батальонов при наступлении на укрепившегося противника»; «Использование моторизованного отряда дивизией при преследовании противника»; «Наступление ударной дивизии на обороняющегося противника»; «Бой механизированной бригады, конницы и легкобомбардировочной эскадрильи со стрелковыми частями, усиленными моторизованным отрядом»; «Преследование механизированным отрядом, конницей и авиачастями противника»².

Под руководством Василевского 144-й стрелковый полк постепенно выбрался из разряда отстающих. В августе 1930 г. в приказе по дивизии «Об итогах боевой подготовки, соцсоревнования и ударничества новобранческого сбора» отмечалось: *«Подготовка стрелковых полков дивизии не имеет резкой разницы, если не считать 144 сп, который по отдельным дисциплинам имеет показатели несколько выше, чем в 142-м и 143-м стр[елковых] полках... Командиру 144 сп т. Василевскому и военному т. Шкурятенко за более успешную подготовку полка объявляю благодарность и награждаю каждого месячным окладом и местом в доме отдыха в Крыму или на Кавказе...»*³

Осенью 1930 г. А.М. Василевский впервые познакомился с офицерами германского рейхсвера, которые присутствовали на окружных маневрах. Цель маневров — тренировка начсостава и войск в организации и ведении общевойскового боя. На стороне «красных» действовали Московская Пролетарская стрелковая дивизия, 2-й корпусной и 108-й артиллерийские полки, танковый отряд, зенитный артиллерийский дивизион, 10-я авиационная бригада, 18-й авиационный отряд, 25-й авиационный парк, зенитно-пулеметная, прожекторная и саперная роты. «Синяя» сторона была представлена 48-й стрелковой дивизией, 1-й особой кавбригадой, химической ротой, 38-й авиаэскадрилей, 20-м авиаотрядом и 40-м авиационным парком. Всего на маневрах участвовало около

¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 3268. Л. 139; Оп. 15. Д. 72. Л. 417.

² РГВА. Ф. 25883. Оп. 4. Д. 495. Л. 116—153.

³ Цит. по: Маршал Василевский: Москва в жизни и судьбе полководца (исторические очерки, воспоминания, документы). С. 24.

23,4 тыс. человек, 114 легких и 22 тяжелых орудия, 482 пулемета, 124 автомобиля, 12 бронемашин, 20 танков и 81 самолет¹.

Маневры проводились в районе Москва, станция Поварова, Воскресенск, Звенигород. Кто тогда мог знать, что через одиннадцать лет здесь развернутся тяжелые бои на подступах к Москве. По условиям маневров 25 сентября северо-восточнее города Истры в районе Холмы, Никольское, Воскресенск, Подпорино, Еремеево произошло фланговое столкновение «синих» и «красных». В результате «синие» отошли на запад за реку Истру фронтом на восток. 26 сентября были отработаны следующие вопросы: оборона «синих» на рубеже устье реки Малая Истра, Михайловка; наступление «красных»; контрнаступление «синих» силами 142-го стрелкового полка и 1-й особой кавбригады во фланг и в тыл «красным»; преследование «красных» с целью их окружения; выход из боя «красных» и их отход за реку Москва. На следующий день отработывались организация обороны «синих» и подготовка «красных» к наступлению с форсированием водной преграды, а 28 сентября — оборона и отход «синих», наступление «красных» с форсированием реки и преследование «синих» с задачей их окружения.

В ходе маневров 144-й стрелковый полк получил отличную оценку. К тому времени Василевский зарекомендовал себя умелым организатором боевой подготовки и грамотным методистом. Это не осталось без внимания. В.К. Триандафиллов, давно приглядывавшийся к перспективному командиру, сказал ему:

— Александр Михайлович, в интересах дела в ближайшее время Вы будете переведены на работу в центральный аппарат наркомата по военным и морским делам.

Казалось бы, лестное предложение для командира полка? Но Василевский, верный своей привычке не спешить при рассмотрении серьезных вопросов, ответил:

— Владимир Кириакович, я прошу Вас оставить меня в 48-й стрелковой дивизии.

Однако Триандафиллов считал вопрос уже решенным. 1 февраля 1931 г. приказом № 222 РВС СССР Василевский был назначен помощником начальника 2-го отдела Управления боевой подготовки

¹ РГВА. Ф. 25883. Оп. 3. Д. 558. Л. 586.

РККА. Но прежде чем продолжить наш рассказ о его работе в этом управлении, отметим, что в августе в жизни Александра Михайловича произошло еще одно событие, имевшее большое значение для успешной военной карьеры любого командира Красной Армии. Василевский был принят в кандидаты в члены ВКП(б). В этом качестве находился почти семь лет, так как в связи с партийными чистками по решению ЦК ВКП(б) прием в партию до конца 1936 г. был прекращен. И лишь в марте 1938 г. на открытом партийном собрании Генштаба РККА Александр Михайлович был переведен в члены партии. Это решение утвердила партийная комиссия Политуправления РККА.

Глава 2.

ЦЕННЫЙ ОПЕРАТИВНЫЙ РАБОТНИК

А.М. Василевский, прибыв в Москву, поселился в Сокольниках на 11-й Сокольнической улице, напротив Ворошиловских казарм, в пятиэтажном кирпичном доме, который жители этого района называли «военным». В квартире из трех комнат, где уже проживали две семьи, Василевским досталась самая большая — метров шестнадцать — восемнадцать. Газа в доме не было, а в маленькой кухне стояли керосинки.

В Управлении боевой подготовки А.М. Василевский познакомился с будущим Маршалом Советского Союза Г.К. Жуковым. *«Мое первое знакомство с ним произошло в начале 1931 года, — вспоминал Александр Михайлович, — в Наркомате по военным и морским делам, куда мы одновременно прибыли для прохождения службы. Он был назначен как отличный командир-методист на должность помощника инспектора кавалерии Красной Армии»*¹. В свою очередь, Г.К. Жуков отмечал: *«Инспекция кавалерии РККА работала в тесном контакте с Управлением боевой подготовки Красной Армии. Там я впервые познакомился с Александром Михайловичем Василевским, с которым нас в годы Великой Отечественной войны объединяла совместная работа на фронтах*

¹ Цит. по: Василевский А.М. Маршал Жуков // Маршал Жуков: полководец и человек. Т. 1. М., 1988. С. 138.

в качестве представителей Ставки Верховного Главнокомандования. Уже тогда Александр Михайлович превосходно знал свое дело, так как долгое время командовал полком и досконально изучил специфику боевой подготовки. В управлении к нему относились с большим уважением»¹.

А.М. Василевский, имевший богатый практический опыт, быстро освоил новые обязанности. О том, какой объем работы приходилось ему выполнять, наглядное представление дает аттестация, составленная на Василевского 27 июня 1932 г. В ней отмечалось: *«В занимаемой должности один год. За это время проявил себя как командир с большими организационно-методическими навыками в области подготовки начсостава и бойца; быстро схватывающего обстановку, напористого, гибкого тактика; способного военно-научного работника; четкого, аккуратного, исполнительного, быстрого и точного, не нуждающегося в подталкивании штабного работника; хорошего стрелка из всех видов стрелкового оружия. Тов. Василевский отлично справляется с техническим редактированием [“Бюллетеня боевой подготовки”], научным редактированием [журнала “Военный вестник”], с большой тщательностью прорабатывая материал, проявляя необходимое критическое чутье. На военных играх т. Василевский проявляет гибкость в оценке обстановки, осторожность в принятии решения, быстроту и решительность в проведении решения в жизнь. Вполне владеет командным языком, четко и быстро формулирует устные и письменные распоряжения. Лично сам проводит занятия с большой почтительностью и тактом. Отличительной особенностью в работе т. Василевского является вдумчивость, быстрота, точность и своевременность. За порученное т. Василевскому дело н[ачальни] к может быть спокоен как в отношении качества, так и срока. Скромный в личной жизни, тактичный, хороший товарищ, настойчивый и напористый в работе — таковы личные качества т. Василевского. Кандидат партии, активный общественник. Много работает над расширением своего военно-тактического кругозора. До назначения в штаб УБП командовал*

¹ Цит. по: Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 3-х томах. 10-е изд., доп. по рукописи автора. М.: Изд-во Агентства печати «Новости», 1990. Т. 1. С. 176.

6 лет полком. Занимаемой должности вполне соответствует. Достоин продвижения на должность н[ачальни]ка штаба корпуса — командира дивизии в очередном порядке»¹.

В войсках по-прежнему значительное внимание уделялось отработке вопросов, связанных с теорией глубокого боя². Летом 1933 г. в Приволжском военном округе под руководством начальника Штаба РККА А.И. Егорова состоялись опытные учения по практической отработке «Временной инструкции по организации глубокого боя», изданной в феврале того же года. При главном руководителе состоял штаб, сформированный из работников Управления боевой подготовки, Штаба РККА, инспекций и управления бронетанковых войск. Штаб по руководству учениями возглавлял А.М. Василевский. Его деятельность получила высокую оценку. В заключении Высшей аттестационной комиссии от 15 сентября подчеркивалось: *«Гов. Василевский хорошо подготовленный командир. Умело и поучительно проводит занятия с начсоставом. Требовательный к себе и подчиненным. Признать соответствующим занимаемой должности и должности помкомдива»³.*

В своих мемуарах Василевский пишет, что в связи с необходимостью усилить аппарат штаба Приволжского военного округа его направили туда начальником отдела боевой подготовки. Однако причина этого назначения была иная. В 1933 г. у Василевского появилась новая возлюбленная, Екатерина Васильевна Сабурова, работавшая в наркомате обороны. Она родилась в Астрахани в семье врача. Ее отец умер в 1919 г., а мать — двадцать лет спустя. Роман с Сабуровой послужил причиной развода Александра Михайловича в 1934 г. с первой женой⁴.

¹ Цит. по: Маршал Василевский: Москва в жизни и судьбе полководца (исторические очерки, воспоминания, документы)/Сост. В.А. Афанасьев, А.Н. Пономарев. М.: Издательство Главного архивного управления города Москвы, 2008. С. 45—47.

² РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1519. Л. 1—7; Оп. 3. Д. 3268. Л. 134—146; Оп. 20. Д. 15. Л. 12—13.

³ Цит. по: Маршал Василевский: Москва в жизни и судьбе полководца (исторические очерки, воспоминания, документы). С. 46.

⁴ См. подробнее: *Золототрубов А.М. Василевский: Жезл маршала: Роман*/ А.М. Золототрубов. М.: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2002. С. 53—54.

После того как Василевский сообщил жене о том, что у него есть новая избранница, Серафима Николаевна ушла в другую комнату, принесла оттуда коричневый чемодан и сказала:

— Собирай свои вещи и уходи!

Время было позднее. У подъезда дома Василевский встретил Жукова.

— Ты, Саша? — спросил он, подходя. — Куда собрался, в командировку? А я вот только что из нее вернулся. Ездил с Буденным в Гороховецкие лагеря. Ты почему молчишь?

— Мы с Серафимой разошлись... — наконец выдохнул Александр Михайлович. — У меня есть другая женщина, и я крепко ее полюбил.

— Ты что, Саша? — испугался за друга Жуков. — Тебя завтра же потащат на партбюро за это самое дело... Ты же знаешь, что у нас, военных, да еще коммунистов, разводы не в почете!

— Что теперь об этом говорить! — вздохнул Василевский. Он помялся. — Ну, я пошел.

— Ты на ней хочешь жениться? — поинтересовался Жуков.

— Да, и как можно скорее...

— Тогда до завтра! — Он подал другу руку. — Надо будет как-то уладить твое семейное дело...

Г.К. Жуков в то время был секретарем партбюро Штаба РККА. Ему начальник Штаба РККА поручил разобраться в этом деле. И видать, Василевский, не без содействия Жукова, был переведен в штаб Приволжского военного округа. 20 декабря 1934 г. приказом № 1280 наркома обороны Василевский назначается начальником 2-го отдела (боевой подготовки) этого штаба. Округом командовал 45-летний П.Е. Дыбенко, бывший моряк и нарком по морским делам, ставший затем общевойсковым командиром. Штаб округа возглавлял крупный знаток штабной работы Н.В. Лисовский, а его заместителем был В.Д. Соколовский, впоследствии Маршал Советского Союза. С ним Василевскому пришлось еще не раз встречаться в дальнейшем.

А.М. Василевский, вступив в новую должность, сразу же окунулся в пекло событий. В 1935 г. ему довелось руководить оперативным отделом одной из армий в ходе стратегической полевой поездки на территории Белорусского военного округа. Она была

проведена под руководством командующего округом И.П. Уборевича. *«Полюза от полевой поездки в Белоруссию для ее участников, — пишет Александр Михайлович, — как и вообще от всех учебных мероприятий, проводившихся такими специалистами военного дела, как И.П. Уборевич, была огромной. Что касается меня лично, то я фактически впервые сумел серьезно проверить свою оперативную подготовку. В рамках Приволжского округа такой возможности мне ранее не предоставлялось»¹.*

В 1936 г. А.М. Василевскому было присвоено воинское звание полковника. Тогда же в его карьере произошел новый поворот — его и начальника оперативного отдела штаба Приволжского военного округа полковника С.Г. Трофименко приказом № 02181 наркома обороны от 11 ноября зачислили слушателями первого набора в созданную по решению ЦК ВКП(б) Академию Генерального штаба. Всего на учебу направили 137 человек, в их числе будущих начальника Генерального штаба А.И. Антонова, командующих фронтами И. Х. Баграмяна, Н.Ф. Ватутина, Л.А. Говорова и П.А. Курочкина, начальников штабов фронтов М.В. Захарова, М.И. Казакова, В.Е. Климовских, В.В. Курасова, Г.К. Маландина, А.П. Покровского, Л.М. Сандалова и др.

Академия размещалась в двух домах по Большому Трубецкому переулку. В одном находились учебные аудитории, в другом жили слушатели. Срок обучения составлял 18 месяцев. Академию возглавлял комдив Д.А. Кучинский. Он служил в русской армии, затем вступил в Красную Армию, во время Гражданской войны занимал различные штабные должности, позднее командовал корпусом, возглавлял штаб округа. В академии преподавали такие видные специалисты, как М.И. Алафузо, М.А. Баторский, А.И. Верховский, Я.М. Жигур, Г.С. Иссерсон, Д.М. Карбышев, В.А. Меликов, В.К. Мордвинов, А.А. Свечин, Е.Н. Сергеев, Ф.П. Шафалович, Е.А. Шиловский и др.

Слушатели академии овладевали навыками организации и ведения армейской и фронтовой операций, знакомились с теоретическим курсом стратегии. Значительная часть времени отводилась методике разработки оперативных задач, проведения военных игр и

¹ Цит. по: *Василевский А.М. Дело всей жизни.* С. 81.

командно-штабных учений в поле со средствами связи. На занятиях с докладами выступали Маршалы Советского Союза М.Н. Тухачевский, А.И. Егоров, командарм 2-го ранга Я.И. Алкснис. Командующие военными округами И.П. Уборевич и И.Э. Якир провели показательные игры на темы «Прорыв подготовленной обороны» и «Ввод в сражение механизированного корпуса».

1 июня слушателям академии был предоставлен летний отпуск. Затем их направили на двухнедельную войсковую стажировку на корабли Военно-Морского Флота. Василевский был отправлен на Балтийский флот. После стажировки слушатели участвовали в штабном учении со средствами связи, проведенном на территории Украинского военного округа с целью практической отработки фронтовой и армейской наступательных операций. На этом и завершилась учеба Василевского в академии. *«Одной из причин этого явились имевшие место в стране, в том числе и в Вооруженных Силах, нарушения ленинских норм партийной и государственной жизни и социалистической законности, — пишет Александр Михайлович, — совершенно необоснованные репрессии, в результате которых часть командно-политического и особенно руководящего состава Вооруженных Сил, преподавателей и слушателей академий была арестована. В связи с этим в Вооруженных Силах последовала серия быстрых назначений и перемещений. Свыше 30 слушателей нашей Академии первого набора были направлены на различные, порою довольно высокие командные и штабные должности. Продолжала учение лишь половина, а окончила его — четверть набора»¹.*

А.М. Василевский весьма скромно, не драматизируя, оценивает репрессии, захлестнувшие армию и флот. Всего в июне — ноябре 1937 г. армия потеряла не в бою, а по злой воле Сталина и его приближенных 15 140 командиров и политработников, в том числе 5 командующих войсками военных округов, 22 командира корпуса, 70 командиров дивизий и бригад². Аресту и расстрелу подверглись многие из тех, с кем А.М. Василевскому приходилось встречать-

¹ Цит. по: *Василевский А.М. Дело всей жизни.* С. 84.

² См.: Репрессии в Красной армии (30-е годы): Сборник документов из фондов Российского государственного военного архива. Наполи, 1996. С. 304, 306.

ся по делам службы. Среди них — П.Е. Дыбенко, Н.В. Куйбышев, Д.А. Кучинский, А.Я. Лапин (Лапиньш), Н.И. Муралов, А.М. Перемытов, А.И. Седакин, И.С. Уншлихт, Г.Д. Хаханьян и др. Бывший начальник Штаба РККА, а затем Генштаба маршал А.И. Егоров умер в тюрьме.

В своих мемуарах А.М. Василевский не говорит о том, подвергался ли он аресту или преследованию. П.Ф. Белов, автор книги «Маршал Василевский: Честь и верность», приводит запись беседы с адъютантом маршала полковником М.И. Сорокиным¹.

— Товарищ полковник... Маршалу довелось общаться по службе с Тухачевским, Уборевичем, Корком, с другими известными военачальниками — мнимыми врагами народа... Да и происхождение — поповское... Не может быть, чтобы и над ним угроза не нависала...

— Что с вами сделаешь, вы земляки маршала, — после некоторого раздумья сказал Сорокин. — Да, тучи сгустились. Но кто-то Александра Михайловича предупредил. Он — к Шапошникову, которого знал с двадцать седьмого года, когда был командиром полка, а Борис Михайлович командовал войсками Московского округа. Потом под руководством Шапошникова ваш земляк начинал работать в Генштабе... Бориса Михайловича очень ценил и уважал Сталин. Немногим дозволялось называть вождя по имени-отчеству, Шапошникову — дозволялось. Шапошников пошел к Сталину и решительно воспротивился наговорам на любимого ученика. Тем все и кончилось.

Племянник маршала Василевского Наркисс Евхаритский объяснял Белову ту же историю по-другому:

— Полковник Сорокин мог и не знать, при каких обстоятельствах Шапошников спас дядю Шуру. А может, и знал, да не хотел говорить... Но версия, что кто-то предупредил Александра Михайловича о готовящемся аресте, доверия не вызывает. Такие смельчаки были редки. Дядя Шура, скорее всего, в застенках побывал. Однажды Шапошников позвонил его жене Екатерине Васильевне и спросил, где муж. «Уехал на работу». Однако в Генштаб Василевский не явился и назавтра. Тогда Борис Михайлович пошел к Сталину...

¹ Подробнее см.: *Белов П. Маршал Василевский: Честь и верность.* Иваново: Изд-во «Ивановская газета», 1995.

Где три дня пропал Василевский, так и остается загадкой? Но зато достоверно известно, что временно руководивший Академией Генштаба комбриг Я.М. Жигур приказал ему принять кафедру тыла. *«Назначение для меня было совершенно непонятно, так как я в данной области специально никогда не работал, — вспоминал Александр Михайлович. — Однако мне было сообщено, что назначение сделано по представлению прежнего командования Академии и уже санкционировано начальником Генерального штаба. Таким образом, я волею судеб оказался вдруг в роли не только преподавателя, но и начальника кафедры такого ответственного учебного заведения, как Академия Генерального штаба»*¹. Добавим, что в то время Генштаб возглавлял Шапошников, который и в дальнейшем будет помогать Василевскому².

В новой должности Василевский пробыл недолго. В октябре 1937 г. его вызвал на беседу Шапошников.

— Садитесь, голубчик, — сказал Борис Михайлович. — Я вас немного знаю по Московскому военному округу, когда вы полком командовали. А теперь вот познакомился с аттестациями на вас как оперативного работника в штабе Приволжского военного округа. Это очень важное сочетание: опытный строевой командир и оператор. Хочу предложить вам перейти в Генштаб, возглавить отдел оперативной подготовки высшего комсостава. Как смотрите на это?

— Я хотя и знаком с оперативной работой, но в иных, значительно меньших, масштабах. По плечу ли новое назначение?

— Это хорошо, что вы стремитесь объективно соизмерять свои силы, — заметил Шапошников. — Что касается масштабов, то они неизбежно должны раздвигаться по мере роста самого работника. Думаю, общими усилиями мы справимся со всеми делами, хотя дел действительно много. Пугать вас не хочу, но и правды скрывать не стану: работать придется до изнеможения...

В должности начальника 10-го отделения 1-го отдела Генштаба А.М. Василевскому приходилось решать различные задачи, в

¹ Цит. по: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. С. 84.

² 11 декабря 1938 г. приказом № 2585 наркома обороны СССР А.М. Василевскому были присвоены все права окончившего Академию Генерального штаба РККА.

том числе связанные с разработкой проектов приказов и директив наркома обороны и начальника Генштаба на новый учебный год. Во время боевых действий в районе озера Хасан в июле — августе 1938 г. Василевский по приказу начальника Генштаба дежурил у телеграфного аппарата, в комнате, оборудованной для этой цели напротив кабинета наркома обороны. Итоги вооруженного конфликта были рассмотрены 31 августа на заседание Главного военного совета и нашли отражение в приказе № 0040 «О результатах рассмотрения Главным военным советом РККА вопроса о событиях на озере Хасан и мероприятиях по оборонной подготовке дальневосточного театра военных действий», подписанном 4 сентября наркомом обороны Ворошиловым¹. В приказе отмечалось, что в обучении войск Дальневосточного фронта имеются серьезные недостатки, в которых обвинили командующего фронтом маршала В.К. Блюхера. Его причислили к «врагам народа», отстранили от должности и 22 октября арестовали. 9 ноября он погиб от жестоких истязаний в бериевских застенках.

По поручению начальника Генштаба А.М. Василевский принимал участие в подготовке приказа наркома обороны № 113 «О боевой и политической подготовке войск на 1939 учебный год» от 11 декабря. В нем перед войсками были поставлены весьма ответственные задачи, в том числе по отработке вопросов взаимодействия всех родов войск и изучению опыта современных войн.

В феврале 1939 г. А.М. Василевский, оставаясь начальником отделения оперативной подготовки, был назначен по совместительству врио помощника начальника 1-го отдела Генштаба, он же начальник 6-го отделения. В июне его избавили от приставки «врио». В новом качестве он участвовал в планировании и обеспечении руководства боевыми действиями на р. Халхин-Гол, во время похода Красной Армии в Западную Украину и Западную Белоруссию и в Советско-финляндской войне 1939—1940 гг.

По свидетельству А.М. Василевского, под руководством начальника Генштаба Б.М. Шапошникова был разработан частный «план отражения агрессии» с учетом возможности возникновения

¹ На границе тучи ходят хмуро... (К 65-летию событий у озера Хасан): Сборник документов и материалов. М.: ООО «Триада-фарм», 2003. С. 308—313.

конфликта между СССР и Финляндией. Этот план, в разработке которого участвовал и Александр Михайлович, был одобрен наркомом обороны. Замысел состоял в том, чтобы основательно подготовиться к ведению боевых действий с привлечением значительных сил, которым предстояло действовать предельно быстро. Но тогда план Шапошникова не был поддержан Сталиным, считавшим, что для разгрома Финляндии «нет необходимости в таком количестве войск». Командующему войсками Ленинградского военного округа командарму 2-го ранга К.А. Мерецкову было поручено разработать новый вариант плана прикрытия границы при возникновении конфликта. Такой документ под названием «План операции по разгрому сухопутных и морских сил финской армии» 29 октября был одобрен Генштабом и утвержден маршалом Ворошиловым. В соответствии с планом советские войска должны были совершить вторжение на финскую территорию на всех направлениях с целью растащить группировку сил противника и во взаимодействии с авиацией нанести ему решительное поражение. Главный удар наносился с Карельского перешейка, чтобы разгромить основные силы финской армии в районе Сортавала, Виипури, Кякисальми (Кексгольм).

Пока войска готовились к военным действиям между СССР и Финляндией, велись переговоры о мирном разрешении спорных территориальных вопросов, но компромисса найти не удалось. К концу ноября группировка советских войск (14, 9, 8 и 7-я армии) насчитывала около 422,6 тыс. человек, до 2500 орудий и минометов, 2 тыс. танков, 1863 боевых самолета¹. Действия 14-й армии поддерживал Северный флот, а 7-й армии — Балтийский флот и Ладожская военная флотилия; всего немногим более 200 боевых кораблей и судов.

Вооруженные силы Финляндии совместно с обученным резервом насчитывали около 600 тыс. человек, около 900 орудий, 27 исправных танка и 270 самолетов². В ходе военных действий Англия, Франция и некоторые другие страны поставили в Финляндию до

¹ См.: Дайнес В. Бронетанковые войска Красной Армии / Владимир Дайнес. М.: Яуза: Эксмо, 2009. С. 128.

² См.: Россия и СССР в войнах XX века: статистическое исследование. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 191.

100 тыс. винтовок, свыше 6 тыс. пулеметов, 500 орудий, 350 самолетов, 160 млн патронов и 2,5 млн снарядов¹. Финская армия была хорошо обучена для ведения оборонительных и наступательных боев в лесисто-болотистой местности, которая имела слабо развитую сеть железных и шоссейных дорог. По плану финского командования намечалось с боями отойти к линии Маннергейма и там остановить советские войска.

Официальным поводом для перехода в наступление войск Ленинградского военного округа послужил инцидент, происшедший на советской территории в районе селения Майнилы. *«По сообщению штаба Ленинградского военного округа 26 ноября в 15.45 наши войска, расположенные в километре северо-западнее Майнилы, — отмечалось в центральной советской прессе, — были неожиданно обстреляны с финской территории артогнем. Всего финнами было произведено 7 орудийных выстрелов: убиты три красноармейца и один младший командир, ранены 7 красноармейцев, один младший командир и один младший лейтенант»*. После этого между правительствами СССР и Финляндии начался обмен нотами, в которой ни одна из сторон не признавала себя виновной в происшедшем. 28 ноября советское правительство заявило, что «с сего числа считает себя свободным от обязательств, взятых на себя в силу пакта о ненападении, заключенного между СССР и Финляндией». На следующий день правительство Финляндии, стремясь избежать войны, сообщило о своем согласии на отвод войск, но было уже поздно.

29 ноября нарком обороны маршал Ворошилов приказал войскам Ленинградского военного округа в 8 часов 30 минут следующего дня начать наступление против финской армии. Для руководства «всеми операциями и всей организационно-творческой работой, связанной с фронтом», была создана Ставка Главного военного совета РККА в составе И.В. Сталина, наркома обороны К.Е. Ворошилова, начальника Генштаба Б.М. Шапошникова и наркома ВМФ Н.Г. Кузнецова. С началом боевых действий первый заместитель начальника Генштаба генерал И.В. Смородинов был направлен в штаб Ленинградского военного округа для оказания помощи его

¹ См.: История второй мировой войны 1939—1945. В 12-ти т. М.: Воениздат, 1974. Т. 3. С. 363.

командованию. Поэтому А.М. Василевский решением начальника Генштаба временно был привлечен к работе в должности его заместителя по оперативным вопросам.

Войска Ленинградского военного округа, несмотря на все усилия, не сумели прорвать линию Маннергейма. Поэтому 28 декабря Главный военный совет РККА принял решение о приостановке наступления и подготовке к новой операции. На заседании Политбюро ЦК ВКП(б), состоявшемся в начале января 1940 г., был принят план прорыва линии Маннергейма, разработанный ранее под руководством Шапошникова. 7 января создается Северо-Западный фронт (7-я и 13-я армии) под командованием командарма 1-го ранга С.К. Тимошенко. В подчинении наркома обороны оставались 8, 14 и 15-я армии. К началу февраля группировка советских войск, предназначенная для наступления, насчитывала почти 975,7 тыс. человек, 1558 танков и 257 бронев автомобилей¹.

11 февраля в полдень после продолжительной артиллерийской подготовки (в полосе 7-й армии — 2 часа 20 минут, в 13-й армии — 3 часа) войска Северо-Западного фронта перешли в наступление. В ходе упорных боев войска 7-й армии прорвали вторую полосу обороны линии Маннергейма и к 1 марта вышли на подступы к Выborgу. Соединениям 13-й армии удалось прорвать главную полосу обороны только на отдельных участках.

К этому времени в жизни А.М. Василевского произошло событие, которое сыграло решающую роль в его дальнейшей карьере. На заседании Политбюро ЦК ВКП(б), на котором присутствовал Василевский, по докладу начальника Генштаба был принят ряд оперативных и срочных решений. Б.М. Шапошников поручил Александру Михайловичу немедленно отправиться в Генштаб, чтобы от- дать там все распоряжения, связанные с этими решениями. Вскоре Василевскому позвонил А.Н. Поскребышев, секретарь Сталина, и сообщил, что его ждут в Кремле к обеду. Быстро закончив дела, Василевский через несколько минут уже сидел рядом с Борисом Михайловичем за обеденным столом. Один из очередных тостов Сталин предложил за здоровье Василевского и вслед за этим задал неожиданный вопрос:

¹ См.: *Дайнес В.* Бронетанковые войска Красной Армии. С. 132.

— Почему по окончании семинарии вы не пошли попы?

Василевский, несколько смутившись, ответил:

— Товарищ Сталин, ни я, ни мой отец не имели такого желания. Никто из моих братьев не стал священником.

На это Сталин, улыбаясь в усы, заметил:

— Так, так. Вы не имели такого желания. Понятно. А вот мы с Микояном хотели пойти в попы, но нас почему-то не взяли. Почему, не пойдем до сих пор.

Беседа на этом не кончилась.

— Скажите, пожалуйста, — продолжил Иосиф Виссарионович, — почему вы, да и ваши братья совершенно не помогаете материально отцу? Насколько мне известно, один ваш брат — ветеринарный врач, другой — агроном, третий — командир, летчик и обеспеченный человек. Я думаю, что все вы могли бы помогать родителям, тогда бы старик не сейчас, а давным-давно бросил бы свою церковь. Она была нужна ему, чтобы как-то существовать.

— Я с 1926 года порвал всякую связь с родителями¹. Если бы поступил иначе, то, по-видимому, не только не состоял бы в рядах партии большевиков, но едва ли бы служил в рядах Рабоче-Крестьянской армии и тем более в системе Генерального штаба. За несколько недель до этого впервые за многие годы я получил письмо от отца, о чем немедленно доложил секретарю партийной организации, который потребовал от меня и впредь сохранять во взаимоотношениях с родителями прежний порядок.

Сталина и членов Политбюро, присутствовавших на обеде, этот факт удивил.

— Вам надо немедленно установить с родителями связь, — сказал Сталин, — оказывать им систематическую материальную помощь. Передайте это секретарю парторганизации Генштаба...

Успехи Красной Армии вынудили правительство Финляндии 8 марта начать мирные переговоры с правительством СССР. 12 марта между СССР и Финляндией был подписан мирный договор. Согласно договору с 12 часов следующего дня военные действия были прекращены, граница на Карельском перешейке отодвигалась на 120—130 км (за линию Выборг — Сортавала). К СССР отошли не-

¹ В своей автобиографии А.М. Василевский, как уже отмечалось, писал, что «связь с родителями личная и письменная утрачена с 1924 года».

большая территория севернее Куоляярви, несколько островов в Финском заливе, финская часть полуостровов Средний и Рыбачий в Баренцевом море, а в аренду на 30 лет передавался полуостров Ханко с правом создания на нем военно-морской базы. Для демаркации новой государственной границы была создана смешанная комиссия, которую с советской стороны возглавил Василевский. Он, подводя итоги ее деятельности, отмечал: «В конечном счете работа была признана удовлетворительной. Ее результаты вполне обеспечивали государственные интересы СССР и в то же время позволяли нам сохранять добрососедские отношения с Финляндией»¹.

Потери Красной Армии составили: безвозвратные — 126 875 человек, санитарные — 264 908 человек, 3179 танков, в том числе 1904 в боях, а также 422 боевых самолета (из них почти половина потерпела аварию или катастрофу)². Финляндия, по одним данным, потеряла 48 243 человека убитыми и 43 тыс. ранеными³, по другим — 95 тыс. убитыми и 45 тыс. ранеными⁴.

В стратегическом отношении итоги войны были в пользу Советского Союза: удалось улучшить положение на северо-западе и севере, создать предпосылки для обеспечения безопасности Ленинграда и Мурманской железной дороги. Однако в политическом отношении достигнутые результаты были не в пользу СССР: резко упал международный престиж страны, выступившей в роли агрессора, произошло ухудшение отношений с другими странами, прежде всего с Англией и Францией, Советский Союз был исключен из Лиги Наций. Не лучше обстояло дело и в военном отношении: ход военных действий показал слабость Красной Армии, укрепил Гитлера в уверенности в возможном разгроме СССР в ходе быстрой кампании в ближайшее время.

Итоги войны с Финляндией в марте 1940 г. были обсуждены на пленуме ЦК ВКП(б). В его постановлении требовалось решительно перестроить систему подготовки и воспитания войск, повысить их

¹ Цит. по: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. С. 93.

² См.: *Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование.* С. 213; *Советско-финская война 1939—1940 гг.* Хрестоматия \ Ред.-сост. А.Е. Тарас. Мн.: Харвест, 1999. С. 315.

³ См.: *За рубежом.* 1989. № 48. С. 18.

⁴ См.: *Военно-исторический журнал.* 1993. № 4. С. 7.

боевую готовность и боеспособность. В соответствии с решением ЦК ВКП(б) с 14 по 17 апреля было проведено расширенное заседание Главного военного совета с приглашением представителей центрального аппарата Наркомата обороны, военных округов и академий, участников Советско-финляндской войны. В принятом постановлении «О мероприятиях по боевой подготовке, организации и устройству войск Красной Армии на основе опыта войны с Финляндией и боевого опыта последних лет» ставилась задача провести перестройку системы подготовки командных кадров, осуществлять боевую подготовку в соответствии с новыми требованиями боя¹.

Одновременно произошли изменения в руководстве Наркомата обороны. В мае вместо Ворошилова наркомом обороны был назначен Тимошенко. Новое назначение получил и Василевский, которому в апреле присвоили воинское звание комдив. 21 мая по инициативе Шапошникова он был назначен заместителем начальника Оперативного управления Генштаба. С учетом опыта войны с Финляндией была проведена реорганизация Генштаба. Согласно приказу № 0038 наркома обороны от 26 июля в его состав вошли восемь управлений (оперативное, разведывательное, организационное, мобилизационное, военных сообщений, устройства тыла и снабжения, по укомплектованию войск, военно-топографическое) и три отдела (укрепленных районов, военно-исторический и кадров)². Заместителями начальника Генштаба были назначены генерал-лейтенанты И.В. Смородинов, Н.Ф. Ватутин (он же начальник Оперативного управления) и Ф.И. Голиков (он же начальник Разведывательного управления).

Если Генеральный штаб являлся мозгом армии, то Оперативное управление было мозгом Генштаба. А.М. Василевский, являясь заместителем начальника этого управления, принимал активное участие в разработке ряда важных оперативных документов. Сразу же отметим, что до нападения нацистской Германии на Советский

¹ См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. Т. I. С. 277; РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2746. Л. 81.

² См.: Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР (1937 — 21 июня 1941 г.). Т. 13 (2—1). М.: ТЕРРА, 1994. Документ № 70.

Союз не удалось решить вопрос об организации руководства вооруженной борьбой в ходе войны. Еще в мае 1940 г. в Генштабе был подготовлен для доклада в Политбюро ЦК ВКП(б) проект решения о создании Главного командования на период войны. Но данный документ не был утвержден, а потому осталось в силе прежнее положение о том, что руководство боевыми действиями в случае большой войны будет осуществлять Главный военный совет во главе с наркомом обороны.

Одной из главнейших задач сотрудников Оперативного управления, в том числе Василевского, была разработка плана стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР¹. В этом документе предусматривалось, что нападение на Советский Союз может ограничиться только его западными границами, но не исключалась возможность одновременного удара и со стороны Японии на Дальнем Востоке. Наиболее вероятным противником считалась Германия, на стороне которой могли выступить Италия, Финляндия, Румыния, Венгрия и Турция. Иран и Афганистан, считалось, займут позицию вооруженного нейтралитета. Всего, по подсчетам Генштаба, на западе и востоке Советского Союза могло быть сосредоточено около 270 пехотных дивизий, 11 750 танков, 22 тыс. полевых орудий и до 16,4 тыс. самолетов. При этом Германия вместе с Финляндией, Румынией, Венгрией могли развернуть 233 дивизии, 10 550 танков, до 18 тыс. полевых орудий и 13,9 тыс. самолетов². Наиболее вероятным было сосредоточение главных сил к северу от устья р. Сан, а основной группировки войск — в Восточной Пруссии. Главный удар они могли нанести в направлении на Ригу, Ковно (Каунас) и в дальнейшем на Двинск, Полоцк либо на Ковно, Вильно (Вильнюс), Минск. Одновременно мог последовать удар другой группировки, развернутой по линии Ломжа, Брест в направлении Барановичей, а также высадка морских десантов в районе Либавы (Лиепая) и на побережье Эстонии. В случае выступления Финляндии на стороне Германии предполагалось, что финские войска при поддержке немецких дивизий нанесут удар по Ленинграду с северо-запада.

¹ См. подробнее: *Захаров М. В.* Генеральный штаб в предвоенные годы. М.: Воениздат, 1989. С. 213—217.

² Италия и Турция не рассматривались прямыми противниками, поэтому их силы в расчет не включались.

На юге Польши ожидалось наступление вермахта с фронта Хелм, Томашув, Ярослав на Дубно и Броды в целях выхода в тыл львовской группировки Красной Армии и овладения Западной Украиной. Одновременно из районов Северной Румынии в направлении на Жмеринку возможен был переход в наступление румынской армии и немецких дивизий.

При изложенном варианте действий противника развертывание вооруженных сил Германии выглядело следующим образом. К северу от устья р. Сан (на рубеже Мемель, Седлец) ожидалось сосредоточение до 123 пехотных, 10 танковых дивизий, большей части авиации; к югу от устья р. Сан — до 50 пехотных и 5 танковых дивизий. Не исключалось, что для захвата Украины, а в дальнейшем и Кавказа командование вермахта сосредоточит свои основные силы к югу от устья р. Сан, в районе Седлец, Люблин, с тем, чтобы нанести удар на Киев, сопровождая его вспомогательными ударами из Восточной Пруссии. При таком варианте предполагалось сосредоточение на юге до 110—120 пехотных дивизий, основной массы бронетанковой техники и авиации, а на севере — 50—60 пехотных дивизий и некоторой части танков и самолетов.

В проекте плана подчеркивалось, что «основным, наиболее политически выгодным для Германии, а следовательно, и наиболее вероятным является первый вариант ее действий — с развертыванием главных сил немецкой армии к северу от устья реки Сан». Для полного развертывания войск Германии на западных границах Советского Союза потребуется 10—15 дней, а румынской армии (30 пехотных дивизий, в том числе 18 пехотных дивизий в районе Ботошани, Сучава) — 15—20 дней. Полное развертывание финской и германской армий ожидалось не ранее как на 20—25-е сутки.

Действия противника на западных морских акваториях ожидалось в трех районах. Немецкий и финский флоты могли сосредоточить свои силы главным образом в Балтийском и Баренцевом морях с задачей блокировать советские военно-морские базы на Балтике, высадить десанты в районе Ливавы и захватить Моонзундский архипелаг, осуществить прорыв в Финский залив и заставить Балтийский флот отойти к востоку, крейсерскими операциями и действиями подводных лодок установить контроль над коммуникациями в Баренцевом море, блокировать порты Мурманска и

Архангельска. Итальянский флот мог развернуть свои действия на Черном море. На Дальнем Востоке Япония могла выставить против СССР и Монгольской Народной Республики до 39 пехотных дивизий, 2500 самолетов, 1200 танков и до 4000 орудий. Основная масса ее сухопутных войск, авиации и морского флота нацеливалась против советского Приморья.

С учетом вышеизложенного разработчики плана констатировали: «В данный период при необходимости стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на два фронта необходимо считать основным фронтом Западный». Поэтому предлагалось основные силы Красной Армии развернуть к северу от Полесья. Всего на Западном ТВД намечалось развернуть три фронта: на главном направлении — Северо-Западный и Западный, на юге — Юго-Западный. На Дальнем Востоке планировалось сосредоточить такое количество войск, которое полностью гарантировало бы там устойчивое положение. Эти задачи возлагались на Забайкальский, Дальневосточный фронты и Тихоокеанский флот. Для прикрытия и охраны северного и южного побережья, границ в Закавказье и Средней Азии выделялись минимальные силы.

Недостатком проекта плана стратегического развертывания являлось то, что в нем большое внимание придавалось Северо-Западному стратегическому направлению (в ущерб Центральному) и отсутствовали меры противодействия в случае нанесения противником главного удара на люблинско-киевском направлении.

15 августа 1940 г. произошла очередная смена начальника Генштаба. Приказом № 0094 наркома обороны маршал Шапошников «согласно его просьбы, ввиду слабого здоровья» был освобожден от занимаемой должности и назначен заместителем наркома обороны¹. Генштаб возглавил генерал армии К.А. Мерецков. По его указанию Василевский, которому в июне было присвоено воинское звание генерал-майор, переработал план. 18 сентября он под названием «Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и на Востоке на 1940—1941 годы», скрепленный подписями наркома обороны

¹ См.: Главный военный совет РККА. 13 марта 1938 г. — 20 июня 1941 г.: Документы и материалы. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 290.

маршала Тимошенко и начальника Генштаба генерала армии Мерецкова, был представлен на рассмотрение Сталину и Молотову¹. Он был исполнен в одном экземпляре лично Василевским и имел гриф «Особо важно. Совершенно секретно. Только лично».

Какие же изменения внес в новый проект Василевский? Во-первых, ожидалось, что при войне на два фронта Советским Союзом на его границах будут сосредоточены значительно большие силы: около 280—290 дивизий, 30 тыс. полевых орудий средних и тяжелых калибров, 18 тыс. самолетов. Количество танков было прежним — 11 750. Во-вторых, была уточнена численность вермахта — 243 дивизии (из них 8 моторизованных, 15 — 17 танковых), 10 тыс. танков, от 14 200 до 15 000 самолетов. Количество полевых орудий осталось прежним — 20 тыс. В-третьих, была скорректирована общая численность сил, которые Германия вместе с Финляндией, Румынией и Венгрией могла развернуть на Западе — 253 пехотные дивизии, 15 100 самолетов. Численность танков не изменилась и составляла 10 550 боевых машин. В-четвертых, силы, которые могла сосредоточить Япония против СССР, также были уточнены: до 50 пехотных дивизий, до 3 тыс. самолетов. Численность танков указывалась прежней — 1200 единиц. В-пятых, по-иному решался вопрос по организации обороны страны на Западном ТВД. Главные силы Красной Армии предлагалось развертывать по двум вариантам: к югу или к северу от Брест-Литовска (Бреста). Окончательное же решение зависело от той политической обстановки, которая сложится непосредственно к началу войны. Однако основным считался первый вариант — развертывание главных сил Красной Армии к югу от Брест-Литовска. По мнению маршала Захарова, такое решение противоречило оценке предполагаемых намерений противника, приведенной в новом плане.

Как и в предыдущем проекте, на Западе предлагалось развернуть три фронта — Северо-Западный, Западный и Юго-Западный. В составе Северо-Западного фронта (8-я, 11-я армии) намечалось иметь 17 стрелковых, 4 танковые, 2 мотострелковые дивизии, 2 танковые бригады и 20 авиационных полков. В Западный

¹ См.: Военно-исторический журнал. 1992. № 1. С. 24—29. (Доклад об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР на Западе и на Востоке на 1940 и 1941 годы от 18 сентября 1940 года.)

фронт (3, 4, 10, 13 -я армии) должны были входить 35 стрелковых, 3 танковые, одна мотострелковая и 4 кавалерийские дивизии, 4 танковые бригады и 39 авиационных полков. Наиболее мощным был Юго-Западный фронт (5, 6, 9, 12, 18, 19-я армии) — 69 стрелковых, 3 танковые, одна мотострелковая, 5 кавалерийских дивизий и 2 танковые бригады.

На Северо-Западный фронт предусматривалось возложить следующие основные задачи: оборона побережья Балтийского моря и недопущение совместно с Балтийским флотом высадки морских десантов противника; прочное прикрытие минского и рижско-псковского направлений с целью не допустить вторжения немцев на нашу территорию; овладение во взаимодействии с 3-й армией Западного фронта районом Сейны, Сувалки и выход на рубеж Шиткемен, Филипово, Рачки, чтобы обеспечить занятие 11-й армией более выгодного исходного положения для наступления; нанесение удара в общем направлении на Инстербург, Алленштейн, чтобы совместно с Западным фронтом сковать силы противника в Восточной Пруссии.

В задачи Западного фронта входили: прочное прикрытие минского направления; нанесение по сосредоточению войск одновременного удара с Северо-Западным фронтом в общем направлении на Алленштейн с целью сковать немецкие силы в Восточной Пруссии; оказание содействия Юго-Западному фронту в разгроме люблинской группировки врага ударом левофланговой армии в направлении на Ивангород; развитие в дальнейшем наступления на Радом, чтобы обеспечить действия Юго-Западного фронта с севера.

Для Юго-Западного фронта были определены следующие задачи: прочное прикрытие границы Бессарабии и Северной Буковины; нанесение по сосредоточению войск во взаимодействии с 4-й армией Западного фронта решительного поражения люблинсandomирской группировке противника и выход на р. Висла; нанесение в дальнейшем удара в направлениях на Кельце, Петроков и на Краков в целях овладения районом Кельце, Петроков и выхода на р. Пилица и верхнее течение р. Одер.

5 октября 1940 г. новый проект плана стратегического развертывания маршал Тимошенко и генерал армии Мерецков предста-

вили Сталину и Молотову. По свидетельству Василевского, Сталин считал, что Германия в случае войны постарается направить свои основные усилия на юго-западе, чтобы, прежде всего захватить наиболее богатые промышленные, сырьевые и сельскохозяйственные районы. Поэтому Сталин поручил Генштабу переработать план, предусмотрев сосредоточение главной группировки Красной Армии на юго-западном направлении. Эту задачу генерал армии Мерецков возложил на генералов Г.К. Маландина, А.Ф. Анисова и А.М. Василевского.

14 октября план стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза, доработанный с учетом полученных замечаний, был утвержден правительством СССР¹. Как мы увидим позже, в плане был ошибочно оценен возможный замысел Гитлера. Главный удар войска вермахта нанесли все-таки на западном направлении, а Красной Армии и народу Советского Союза пришлось заплатить слишком высокую цену за просчет наркома обороны, начальника Генштаба и Сталина.

Вскоре А.М. Василевскому была поручена ответственная задача. Его и генерала В.М. Злобина, состоявшего для особо важных поручений при наркоме обороны, в качестве военных экспертов включили в состав правительственной делегации, которая была направлена в Берлин. Делегацию возглавлял председатель Совнаркома и нарком иностранных дел В.М. Молотов. Утром 10 ноября специальный поезд с членами делегации прибыл в столицу Германии. Их сопровождал немецкий посол в СССР граф Ф. фон дер Шуленбург. На Ангальтском вокзале делегацию встречала группа государственных деятелей Германии во главе с министром иностранных дел фон Й. Риббентропом и начальником штаба Верховного командования вооруженными силами Германии генерал-фельдмаршалом В. Кейтелем. После положенного в таких случаях церемониала делегацию разместили в замке Бельвю. В отеле «Кайзергоф» состоялся банкет в честь советской делегации.

В тот же день Молотов в сопровождении советского посла в Берлине, переводчиков и фон Риббентропа отправился в здание имперской канцелярии для встречи с Гитлером. Он, по свидетельству

¹ См.: Горьков Ю.А. Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь: 1995. С. 57.

Василевского, попытался вовлечь советскую делегацию в грязную игру, предложив обсудить провокационный план «раздела мира» между Германией, Италией, Японией и СССР. Отвергнув политические инсинуации, Молотов потребовал конкретных ответов на вопросы о политике Берлина в Центральной и Юго-Восточной Европе и целях Германии в Финляндии и Румынии. Не найдя общего языка, стороны разошлись.

Вечером состоялся прием в советском посольстве на Унтерден-Линден. Авиаконструктор А.С. Яковлев, также входивший в состав советской делегации, вспоминал, что Гитлер и его коллеги были с членами советской делегации предельно любезны. Обед проходил в атмосфере нормальной дипломатической процедуры, за разговорами о самых пустых и нейтральных вещах.

Пока дипломаты вели переговоры, генералы Злобин и Василевский посетили авиационный концерн «Мессершмитт». На военном аэродроме Темпельхоф они осмотрели истребители Me-109, самолеты многоцелевого назначения Me-110. Им подробно рассказывали о тактико-технических данных самолетов, разрешили сделать записи. На следующий день состоялось знакомство с бронетанковой техникой. Во время ее осмотра Василевский познакомился с Э. фон Манштейном, будущим генерал-фельдмаршалом и своим противником. Легкие танки Т-1 и Т-2 особого впечатления на Злобина и Василевского не произвели. В то же время они с интересом выслушали сообщение о формировании ударных танковых групп, прототипа танковых армий, о создании которых мечтали теоретики Красной Армии.

Тем временем переговоры Молотова с руководством Германии не привели к успеху. Оно пыталось втянуть советскую делегацию в обсуждение вопроса о разделе Британской империи, предлагая СССР присоединиться к Тройственному пакту. Цель — побудить Советский Союз перенести центр тяжести своей внешней политики из Европы в Южную Азию и на Средний Восток, где он столкнулся бы с интересами Великобритании. В результате стратегические позиции СССР в Европе были бы ослаблены. Молотов, в свою очередь, ограничился выяснением намерений Германии относительно европейской безопасности и проблем, непосредственно касавшихся СССР, настаивая на выполнении ею ранее подписанных соглашений

и обсуждении положения в Турции, Болгарии, Югославии, Греции и Польше¹.

Утром 14 ноября советская делегация покидала Берлин. От помпезности и от показной приветливости хозяев, пишет Василевский, не осталось и следа: холодные проводы, сухой обмен официальными фразами. Берлин провожал их холодным дождем.

Ответ на германские предложения был дан 25 ноября. Руководство СССР формально выразило готовность «принять проект пакта четырех держав о политическом сотрудничестве и экономической взаимопомощи», но при условии оказать Советскому Союзу содействие в заключении договора о взаимной помощи с Болгарией, создании режима благоприятствования для СССР в черноморских проливах, для чего гарантировать базу в Босфоре и Дарданеллах на условиях долгосрочной аренды для некоторого количества советских военно-морских и сухопутных сил. При этом особо подчеркивалось, что «зона к югу от Батуми и Баку в общем направлении в сторону Персидского пролива признается центром территориальных устремлений СССР». Кроме того, требовалось немедленно вывести германские войска из Финляндии, оказать влияние на Японию, чтобы та отказалась от концессий на Северном Сахалине². Все эти условия, по существу, затрагивали интересы Германии, а потому не были ею приняты. А это, в свою очередь, исключало присоединение СССР к Тройственному пакту. Гитлер, убедившись, что Сталин не намерен послушно следовать его указаниям, отдал приказ о форсировании подготовки войны против Советского Союза.

После возвращения в Москву А.М. Василевский включился в подготовку совещания высшего командного состава Красной Армии, намеченного на конец декабря 1940 г., а также оперативно-стратегических военных игр, которые предстояло провести в начале января следующего года. К сожалению, Александру Михайловичу не суждено было принять участие в этих важных мероприятиях, так как в конце ноября он серьезно заболел. Врачи поставили диагноз — крупозное воспаление легких.

¹ См.: *Бережков В.С.* дипломатической миссией в Берлине. 1940—1941. М., 1966. С. 33.

² См.: *Оглашению подлежит. СССР — Германия 1929—1941: Документы и материалы.* М., 1991. С. 287—289.

К этому времени руководство нацистской Германии активно готовилось к войне против СССР. В Генштабе Сухопутных войск с 29 ноября по 7 декабря 1940 г. была проведена военная игра под руководством первого оберквартирмейстера генерал-майора Ф. Паулюса с целью проверки проекта плана войны с Советским Союзом. На первом этапе разыгрывалось вторжение войск вермахта в приграничную полосу СССР, проводилось «обсуждение оперативных возможностей после достижения первой оперативной цели»¹. На втором этапе отрабатывались действия германских войск при их наступлении до рубежа Минск, Киев, а на третьем — за этим рубежом². Результаты игры были обсуждены 13 декабря с высшим командным составом и учтены в окончательном варианте плана нападения на СССР.

18 декабря Гитлер подписал директиву № 21 под условным наименованием вариант «Барбаросса» («Barbarossa Fall»)³. В ней вооруженным силам Германии ставилась задача «разгромить Советскую Россию в ходе одной кратковременной кампании». Замысел состоял в том, чтобы быстрыми и глубокими ударами мощных подвижных группировок севернее и южнее Припятских болот расколоть фронт главных сил Красной Армии, сосредоточенных в западной части России, и, используя этот прорыв, уничтожить разобщенные группировки советских войск западнее линии Западная Двина, Днепр, не допустив их отхода в глубь страны. В дальнейшем планировалось овладеть главными стратегическими объектами — Москвой, Ленинградом, Центральным промышленным районом, Донбассом и выйти на линию Архангельск, Волга, Астрахань, а затем создать «заградительный барьер против азиатской России по линии Волга, Астрахань».

К сожалению, в конце 1940 г. и начале 1941 г. Генштаб Красной Армии не располагал данными о планах вероятного противника. Поэтому основой заданий оперативно-стратегических игр, проведенных под руководством наркома обороны маршала Тимошенко, стали устаревшие к тому времени сведения о возможных планах на-

¹ Paulus F. Ich stehe hier auf Befehl! Frankfurt am Main, 1960. S. 199.

² См.: Гальдер Ф. Военный дневник. М., 1962. Т. 2. С. 267, 271, 287.

³ См.: Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза: Документы и материалы. М., 1987. С. 42—46.

цистской Германии. Игры принесли несомненную пользу его участникам. Военный историк П.Н. Бобылев, детально исследовавший ход игр, отмечал, что *«высший командный состав РККА получил хорошую практику в оценке обстановки и принятии решений в сложных условиях, в планировании и материально-техническом обеспечении фронтовых и армейских операций, в вождении крупных подвижных соединений во взаимодействии с авиацией»*¹. Однако начало Великой Отечественной войны показало, что на военных играх прорабатывался такой вариант военных действий, который реальными «западными», то есть Германией, не намечался. Большинство участников игр руководили в них соединениями безотносительно к тому, какие должности они фактически занимали в начале 1941 г.

Разбор игр проводил Сталин, который был явно недоволен действиями «восточных» под руководством генерала армии Павлова, а также итоговым докладом начальника Генерального штаба. В результате Мерецков был освобожден от должности, а начальником Генштаба назначен генерал армии Жуков. К исполнению новых обязанностей он приступил 1 февраля 1941 г.

Материалы декабрьского совещания и военных игр легли в основу приказа № 30 наркома обороны от 21 января 1941 г. о боевой подготовке РККА на зимний период 1940/41 учебного года. В нем требовалось обучать войска только тому, что нужно на войне, и только так, как это делается на войне².

В начале февраля 1941 г. А.М. Василевский был выписан из госпиталя и приступил к выполнению своих обязанностей. К этому времени начальник Оперативного управления генерал Н.Ф. Ватутин подготовил на него аттестацию за 1938—1940 гг. В ней говорилось: *«Тов. Василевский А.М. — преданный делу партии Ленина — Сталина и социалистической Родине командир. Серьезные правительственные задания выполнял хорошо. Всесторонне развитый и хорошо подготовленный в оперативном отношении командир, твердо знающий службу Генерального штаба. Наряду с этим хорошо знает боевую подготовку войск*

¹ Военно-исторический журнал. 1993. № 8. С. 33.

² ЦАМО. Ф. 2. Оп. 920266. Д. 1. Л. 48.

и подготовку войсковых штабов. Обладает высоко развитым чувством ответственности за порученное дело. Дисциплинирован и исполнительен. К подчиненным внимателен и пользуется среди них авторитетом, как опытный, примерный командир, помогающий в работе своим подчиненным. Над собой работает. Обладая широким кругозором, в обстановке большого масштаба разбирается хорошо. Работает вдумчиво и внимательно. Военную тайну хранить может. Ценный оперативный работник. Состояние здоровья требует должного внимания к нему со стороны санитарной службы и правильного режима на служебной работе. Занимаемой должности вполне соответствует. Может быть начальником штаба особого округа, а в военное время — начальником штаба фронта»¹.

А.М. Василевский вернулся к исполнению своих обязанностей в то время, как Генштаб снова подвергся реорганизации. 8 марта Совнарком СССР принял постановление, касавшееся изменения его функций. На его основе маршал Тимошенко 15 марта подписал приказ № 0113, согласно которому на заместителя наркома обороны — начальника Генерального штаба, кроме руководства деятельностью управлений Генштаба, возлагалось руководство вопросами снабжения горючим, организации связи, противовоздушной обороны страны и Академией Генштаба². В результате Генштаб утратил часть своих функций и стал на один уровень с другими органами высшего военного управления. Г.К. Жуков в своих мемуарах отмечал: *«Ни мои предшественники, ни я не имели случая с исчерпывающей полнотой доложить И.В. Сталину о состоянии обороны страны, о наших военных возможностях и о возможностях нашего потенциального врага. И.В. Сталин лишь изредка и кратко выслушивал наркома или начальника Генерального штаба. Не скрою, нам тогда казалось, что в делах войны, обороны И.В. Сталин знает не меньше, а больше нас, разбирается глубже и видит дальше. Когда же пришлось столкнуться с трудностями войны, мы поняли, что наше мнение по поводу чрезвы-*

¹ Цит. по: Маршал Василевский: Москва в жизни и судьбе полководца (исторические очерки, воспоминания, документы). С. 77.

² См.: Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР. Т. 13 (2—1). Документ № 108.

чайной осведомленности и полководческих качеств И.В. Сталина было ошибочным»¹.

Тем временем Василевский продолжил работу над проектом плана стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР². 11 марта он представил начальнику Генштаба доработанный документ. Что же нового внес Василевский в план по сравнению с предыдущим вариантом? Во-первых, считалось, что Германия имела развернутыми значительно больше дивизий — 260, в том числе 20 танковых и 15 моторизованных. Во-вторых, была уточнена численность сил, которые Германия вместе с Финляндией, Румынией и Венгрией могла развернуть на западных границах СССР, — 268 дивизий, 20 050 орудий, 10 810 танков и 11 600 самолетов. В-третьих, корректировке подверглось количество сил, которые могла выставить на Востоке Япония вместе с Маньчжоу-Го, — до 60 пехотных и одна кавалерийская дивизии, 27 смешанных и 6 кавалерийских бригад, 850 тяжелых орудий. Численность танков и самолетов оставалась прежней. В-четвертых, на Западе и финском фронте предусматривалось сосредоточить значительно больше сил Красной Армии: 171 стрелковую, 27 мотострелковых, 54 танковых и 7 кавалерийских дивизий, 2 отдельные стрелковые бригады и 253 авиационных полка. В остальном в новом проекте плана содержались прежние оценки о возможности развертывания главных сил Германии на юго-востоке от Седлеца до Венгрии с тем, чтобы ударом на Бердичев, Киев захватить Украину. Вспомогательный удар, как и ранее, ожидался на севере из Восточной Пруссии на Двинск и Ригу. Но не исключались и концентрические удары противника со стороны Сувалки и Бреста на Волковыск, Барановичи.

А.М. Василевский, оценивая впоследствии план стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР, отмечал, что он предусматривал начало военных действий с отражения ударов нападающего врага. При этом развернутся крупные воздушные сражения, в ходе которых противник постарается обезвредить советские аэродромы, ослабить войсковые, и особенно танковые, группировки, подорвать тыловые войсковые объекты, а также нанести ущерб железнодо-

¹ Цит. по: Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 329.

² См.: Военно-исторический журнал. 1992. № 2. С. 18—22.

рожным станциям и прифронтовым крупным городам. В свою очередь, командование Красной Армии намечало силами всей авиации сорвать попытки врага завоевать господство в воздухе и нанести по нему решительные удары с воздуха. Одновременно ожидалось нападение на границы СССР наземных войск с крупными танковыми группировками, натиск которых предстояло сдержать стрелковым войскам и укрепрайонам приграничных военных округов совместно с пограничными войсками. Механизированным корпусам, опирающимся на противотанковые рубежи, предстояло своими контрударами при поддержке стрелковых войск ликвидировать вклинившиеся в оборону вражеские группировки и создать благоприятную обстановку для перехода Красной Армии в решительное наступление. К началу наступления противника предусматривался выход на территорию приграничных округов войск, подаваемых из глубины СССР. В плане предполагалось, что войска Красной Армии вступят в войну во всех случаях полностью изготовившимися, а от мобилизации и сосредоточения войск будет произведено заблаговременно.

Советская разведка располагала определенной, но не всей, информацией о подготовке к нападению на СССР. Противник умело скрывал свои приготовления к операции «Барбаросса». По указанию Гитлера генерал-фельдмаршал Кейтель 15 февраля подписал специальную «Директиву по дезинформации противника». Пропаганда целиком обрушилась на Англию и прекратила свои обычные выпады против Советского Союза.

И.В. Сталин по линии Главного разведывательного управления и Наркомата государственной безопасности получал информацию о замыслах вероятного противника¹. В ряде случаев она была близка к истине, иногда даже называлась точная дата нападения нацистской Германии на Советский Союз — 22 июня 1941 г. Однако Сталин, как свидетельствуют многие источники, не доверял этой информации. Кроме того, она не доводилась до такого главного потребителя, как Генштаб. *«Как начальник Генерального штаба, принявший этот пост 1 февраля 1941 года, — пишет Г.К. Жуков, — я ни разу*

¹ См.: *Захаров М.В.* Генеральный штаб в предвоенные годы. С. 224; Военно-исторический журнал. 1992. № 2. С. 39; Известия. 2001. 22 июня.

не был информирован И.В. Сталиным о той разведывательной информации, которую он получал лично»¹.

Несмотря на это, нарком обороны, начальник Генштаба, командующие приграничными военными округами проводили в жизнь некоторые мероприятия согласно плану стратегического развертывания вооруженных сил. Они не всегда находили поддержку Сталина, под давлением которого приходилось идти на попятную, отменять те или иные решения, что наносило вред делу повышения боевой готовности войск Красной Армии.

Мы не будем подробно перечислять все мероприятия, которые удалось провести в жизнь, а расскажем только о некоторых из них. В частности, 10 апреля по указанию начальника Генштаба генерал Василевский подготовил директиву по оперативному развертыванию войск приграничных военных округов в соответствии с планом стратегического развертывания. В документе говорилось: *«Основные задачи: с переходом в наступление ЮЗФ (Юго-Западный фронт. — Авт.) — ударом левого крыла Западного фронта в общем направлении на Седлец — Радом наступать с ЮЗФ, разбить люблинско-радомскую группировку противника. Ближайшая задача овладеть Седлец, Луков и захватить переправы через р. Висла. Разработать план первой операции 13-й и 4-й армий и план обороны 3-й и 10-й армий»*². Таким образом, по-прежнему исходили из устоявшейся стратегической аксиомы: а) главная угроза — на юго-западном направлении; б) наносим противнику встречный удар, немедленно переходим в контрнаступление и громим вражеские группировки.

Во второй половине апреля с целью усиления состава западных приграничных военных округов началось формирование 10 артиллерийских противотанковых бригад РГК и 4 воздушно-десантных корпусов. 26 апреля военным советам Забайкальского и Дальневосточного военных округов было предписано подготовить к отправке на запад один механизированный, два стрелковых корпуса, две воздушно-десантные дивизии. Одновременно директивой № орг/3/522698 Генштаба ставится задача перевести к 1 июля

¹ Цит. по: Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 362.

² Цит. по: Анфилов В.А. Грозное лето 41 года. М.: Издательский центр «Анkil-Воин», 1995. С. 64.

1941 г. авиационный тыл ВВС на новую систему и организовать новые районы авиационного базирования¹.

Сталин, не веря в возможность нападения нацистской Германии на Советский Союз в ближайшее время, считал необходимым от обороны перейти к военной политике наступательных действий. Об этом он заявил 5 мая на торжественном собрании, посвященном выпуску командиров, окончивших военные академии и военные факультеты гражданских вузов².

— Нам необходимо перестроить наше воспитание, нашу пропаганду, агитацию, нашу печать в наступательном духе, — говорил Сталин. — Красная Армия есть современная армия, а современная армия — армия наступательная.

Но о каком наступлении могла идти речь, если даже к обороне по-настоящему не успели подготовиться?

Все действия политического и военного руководства Советского Союза говорят о том, что они, с одной стороны, были направлены на то, чтобы подготовиться к отражению возможной агрессии, а с другой — не дать повода для обвинения СССР в нагнетании напряженности на западной границе. Так, 8 мая ТАСС опроверг слухи о сосредоточении войск Красной Армии на западных границах. На следующий день СССР разорвал дипломатические отношения с эмигрантскими правительствами Бельгии, Норвегии и Югославии, а 12 мая признал прогерманский режим в Ираке. 13 мая Генштаб направил директиву округам о начале выдвижения на запад с Урала в район Великих Лук 22-й армии, из Приволжского военного округа в район Гомеля — 21-й армии, из Северо-Кавказского военного округа в район Белой Церкви — 19-й армии, из Харьковского военного округа на рубеж Западной Двины — 25-го стрелкового корпуса, а из Забайкалья в район Шепетовки — 16-й армии. Всего в мае из внутренних военных округов на запад перебрасывались 28 стрелковых дивизий и 4 армейских управления. Однако дивизии насчитывали по 8—9 тыс. человек и не располагали полностью предусмотренной по штату боевой техникой.

¹ РГВА. Ф. 25880. Оп. 4. Д. 450. Л. 26.

² См.: *Сталин И.В.* «Современная армия — армия наступательная». Выступления И.В. Сталина на приеме в Кремле перед выпускниками военных академий, май 1941 г./ Публ. подгот. А.А. Печенкин// Исторический архив. 1995. № 2. С. 23—31.

14 мая командующим войсками приграничных военных округов были направлены директивы, в которых требовалось «с целью прикрытия от мобилизации, сосредоточения и развертывания войск» разработать детальные планы обороны государственной границы, противодесантной и противовоздушной обороны¹. Западный Особый военный округ должен был разработать эти планы к 20 мая, Ленинградский и Киевский Особый — к 25 мая, Прибалтийский Особый — к 30 мая.

Генерал армии Жуков, считая необходимым иметь план, в котором предусматривалось нанесение упреждающего удара по возможному противнику, поручил генералу Василевскому разработать проект «Соображений по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками». Такой документ был подготовлен к 15 мая². Он был написан от руки Василевским, адресован председателю Совнаркома СССР и не подписан ни наркомом обороны, ни начальником Генштаба. С чем же это было связано? Ответ дает Василевский в своем неопубликованном интервью, датированном 1965 г.: *«Все стратегические решения высшего военного командования, на которых строился оперативный план (на 1940—1941 годы — Авт.), как полагали работники оперативного управления, были утверждены Советским правительством. Лично я приходил к такой мысли потому, что вместе с другим заместителем начальника оперативного управления (Генштаба. — Авт.) тов. Анисовым в 1940 году дважды сопровождал, имея при себе оперативный план Вооруженных Сил, заместителя начальника Генштаба тов. Ватутина в Кремль, где этот план должен был докладываться Сталину... Никаких пометок в плане или указаний в дальнейшем о каких-либо поправках к нему в результате его рассмотрения мы не получали. Не было в плане и никаких виз, которые говорили бы о том, что план был*

¹ См.: Конец глобальной лжи. Оперативные планы западных приграничных военных округов 1941 года свидетельствуют: СССР не готовился к нападению на Германию // Военно-исторический журнал. 1996. № 2. С. 2—15; № 3. С. 4—17; № 4. С. 2—17; № 5. С. 2—15; № 6. С. 2—7.

² См.: Военно-исторический журнал. 1992. № 2. С. 17—22. (Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза от 15 мая 1941 года.)

принят или отвергнут, хотя продолжавшиеся работы над ним свидетельствовали о том, что, по-видимому, он получил одобрение. На основе принятых правительством и высшим военным командованием стратегических решений план большой войны на Западе был отработан Генштабом вместе с соответствующими подразделениями Наркомата обороны и командованием западных приграничных округов. Он был также увязан с мобилизационным планом Вооруженных Сил. За несколько недель до нападения на нас фашистской Германии вся документация по окружным оперативным планам была передана командованию и штабам соответствующих округов»¹.

А.М. Василевский, человек с даром стратегического предвидения, сумел правильно определить намерение противника. В «Соображениях по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками» отмечалось: *«Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отмобилизованной, с развернутыми тылами, она имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар. Чтобы предотвратить это, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий германскому командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск».*

В отличие от прежнего плана стратегического развертывания войскам определялись более активные задачи. Первая стратегическая цель действий Красной Армии состояла в разгроме главных сил вермахта, развертываемых южнее линии Брест, Демблин, и в выходе к 30-му дню операции севернее рубежа Остроленка, р. Нарев, Ловичь, Лодзь, Крейцбург, Опельн, Оломоуц. В качестве последующей стратегической цели намечалось из района Катовице перейти в наступление в северном или северо-западном направлении, разгромить крупные силы врага в центре и на северном крыле германского фронта и овладеть территорией быв-

¹ Цит. по: Горьков Ю.А. Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995. С. 65—66.

шей Польши и Восточной Пруссии. Исходя из этого, определялась ближайшая задача — разгром германской армии восточнее р. Вислы и выход на краковском направлении на рубеж рек Нарев, Висла и овладение районом Катовице. Для решения этой задачи предусматривалось нанести: главный удар силами Юго-Западного фронта в направлении Краков, Катовице и отрезать Германию от ее южных союзников; вспомогательный удар левым крылом Западного фронта в направлении на Варшаву, Демблин с целью оковывания варшавской группировки и овладения Варшавой, а также содействия Юго-Западному фронту в разгроме люблинской группировки. Кроме того, намечалось вести активную оборону против Финляндии, Восточной Пруссии, Венгрии, Румынии и быть готовыми к нанесению ударов против Румынии при благоприятной обстановке. Переход в наступление с рубежа Чишев, Людовлено планировалось осуществить силами 152 дивизий против 100 германских, а на других участках госграницы вести активную оборону.

Проект плана, разработанный Василевским по указанию Жукова, некоторые исследователи склонны оценивать как «агрессивный». О какой агрессии могла идти речь? Ведь Советский Союз не имел общей границы с Германией, войска которой находились как на территории, оккупированной ими в результате разгрома Польши, так и на территории союзников Германии. И Жуков, и Василевский в данном случае исходили из положений уставов, требовавших атаковать противника, где бы он ни находился. Однако Сталин не только отклонил предложение об упреждающем ударе, но и ответил категорическим отказом на просьбы Тимошенко и Жукова разрешить привести в боевую готовность войска приграничных округов, обвинив их в стремлении спровоцировать Германию на нападение, дать Гитлеру повод для агрессии. 16 мая Жуков был вызван в кабинет Сталина. *«Сталин был сильно разгневан моей докладной и поручил передать мне, — вспоминал Георгий Константинович, — чтобы я впредь такие записки “для прокурора” больше не писал: что председатель Совнаркома более осведомлен о перспективах наших взаимоотношений с Германией, чем начальник Генштаба, что Советский Союз имеет еще достаточно времени, чтобы подготовиться к решающей схватке с фашизмом.*

А реализация моих предложений была бы только на руку врагам Советской власти»¹.

И все-таки Сталин был обеспокоен состоянием обороны страны. По его решению в конце мая состоялось расширенное заседание Политбюро ЦК ВКП(б), на котором с докладом о состоянии подготовки страны к обороне выступил начальник Генштаба генерал армии Жуков². Он подчеркнул необходимость проведения в стране всеобщей мобилизации, так как в приграничных военных округах не все дивизии были укомплектованы до полного штата, а во внутренних округах большинство соединений содержалось по сокращенным штатам. Особую тревогу у начальника Генштаба вызывали состояние с оснащением войск новой боевой техникой, в том числе танками КВ, Т-34, боевыми машинами БМ-13 («катюши»), а также нехватка танков для укомплектования формирующихся 20 механизированных корпусов, артиллерии, средств связи. Не было завершено строительство укрепленных рубежей вдоль государственной границы. Сталин, подводя итог заседанию, практически поддержал все принципиальные выводы начальника Генштаба³. Он дал указание о разработке первоочередных конкретных предложений по устранению недостатков в подготовке страны к обороне, которые следовало внести в правительство для принятия решения.

После заседания Политбюро ЦК ВКП(б) были предприняты дальнейшие шаги по подготовке к отражению возможной агрессии. В конце мая Генштаб дал указание командующим войсками военных округов срочно приступить к подготовке командных пунктов. Одновременно начался призыв 793,5 тыс. военнообязанных запаса для укомплектования 21 дивизии приграничных округов, частей артиллерии, ПВО и укрепленных районов⁴. 4 июня Политбюро ЦК ВКП(б) постановило увеличить численность Красной Армии по мирному времени на 120 695 человек и по военному времени на 239 566 человек.

¹ Цит. по: *Светлишин Н.А.* Крутые ступени судьбы: Жизнь и ратные подвиги маршала Г.К. Жукова. Хабаровск: Кн. изд-во, 1992. С. 57—58.

² См.: *Краснов В.Г.* Неизвестный Жуков. Лавры и тернии полководца. Документы. Мнения. Размышления. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. С. 542—550.

³ Подробнее см.: *Сталин И.В.* Сочинения. М., 1997. Т. 15.

⁴ См.: 50 лет Вооруженных Сил СССР. М.: Воениздат, 1968. С. 250.

Это все были робкие шаги, вызванные боязнью «спровоцировать» Гитлера, который уже давно был готов к нападению на Советский Союз. Сталин по-прежнему решительно пресекал все инициативы на местах. По его указанию был запрещен вывод войск западных приграничных военных округов в полосу предполья¹. И только 12 июня командующим этими округами было разрешено к 15 июня вывести дивизии, расположенные в глубине, ближе к госгранице.

Почему же Сталин не верил в возможность нападения Германии? Во-первых, внешняя и военная разведки, если судить из опубликованных сведений, сообщали несколько различных сроков нападения, которые (кроме 22 июня) не сбылись. Во-вторых, сыграла свою роль кампания по дезинформации советского руководства. 14 июня в «Правде» было опубликовано сообщение ТАСС. В нем объявлялось, что все слухи о намерении Германии порвать пакт о ненападении и совершить нападение на Советский Союз лишены основания. Это сообщение дезориентировало командиров Красной Армии и притупило их бдительность. Все эти просчеты в оценке международной обстановки и заигрывание с нацистской Германией роковым образом обернулись против Советского Союза. Оценивая этот документ, А.М. Василевский писал: *«Сообщение ТАСС от 14 июня 1941 года является, с одной стороны, военно-политическим зондажем, который со всей очевидностью показал, что Германия держит курс на войну против СССР и угроза войны приближается. Это вытекало из гробового молчания фашистских главарей на запрос, обращенный к ним Советским правительством. С другой стороны, это заявление показывало стремление нашего правительства использовать всякую возможность, чтобы оттянуть начало войны, выиграть время для подготовки наших Вооруженных Сил к отражению агрессии. Таким образом, полагаю правильным считать, что сообщение ТАСС от 14 июня 1941 года является свидетельством заботы партии и правительства о безопасности нашей страны и о ее жизненных интересах. О том, что это сообщение является внешне-политической акцией, говорит продолжавшееся осуществление организационно-мобилизационных мероприятий, переброска на*

¹ См.: Анфилов В.А. Грозное лето 41-го года. С. 97.

запад войсковых соединений, перевод ряда предприятий на выполнение военных заказов и т. д. У нас, работников Генерального штаба, как, естественно, и у других советских людей, сообщение ТАСС поначалу вызвало некоторое удивление. Но поскольку за ним не последовало никаких принципиально новых директивных указаний, стало ясно, что оно не относится ни к Вооруженным Силам, ни к стране в целом»¹.

Однако времени на то, чтобы подготовиться к отражению возможной агрессии уже не было. 19 июня генерал армии Жуков направил командующему Киевским Особым военным округом телеграмму с указанием наркома обороны о выводе к 22 июня управления фронта (Юго-Западного. — *Авт.*) в Тернополь с соблюдением строжайшей тайны. Командующему Прибалтийским Особым военным округом предписывалось 22—23 июня разместить управление Северо-Западного фронта в г. Паневежис. Одновременно намечалось развернуть управление Западного фронта в Обуз-Лесне. Командующим военными округами была поставлена задача в двухнедельный срок отработать вопросы взаимодействия с флотом. К 1 июля требовалось провести мероприятия по маскировке аэродромов, складов, организовать к 5 июля в каждом районе авиационного базирования по 8—10 ложных аэродромов с макетами самолетов, к 15 июля завершить все работы по маскировке артиллерийских и мотомеханизированных частей². Флоты и флотилии получили предписание о переходе в оперативную готовность № 2.

Чем ближе становилось время, определенное Гитлером для начала операции «Барбаросса», тем тревожнее становились донесения, поступавшие в Генштаб от приграничных военных округов. В 22 часа 21 июня начальник штаба Прибалтийского Особого военного округа генерал П.С. Кленов сообщил, что немцы закончили строительство мостов через Неман, а гражданскому населению приказали эвакуироваться не менее чем на 20 км от границы, «идут разговоры, что войска получили приказ занять исходное положе-

¹ Цит. по: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. С. 111—112.

² См.: *Дни войны в документах.* / Военно-исторический журнал. 1989. № 5. С. 43.

ние для наступления»¹. Начальник штаба Западного Особого военного округа генерал В.Е. Климовских докладывал, что проволочные заграждения немцев, еще днем, стоявшие вдоль границы, к вечеру сняты, а в лесу, расположенном недалеко от границы, слышен шум моторов. Начальник штаба Киевского Особого военного округа генерал М.А. Пуркаев сообщил о перебежчике, заявившем, что немецкие «войска выходят в исходные районы для наступления, которое начнется утром 22 июня».

Вечером того же дня, 21 июня, Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение создать Южный фронт в составе 9-й и 18-й армий. Управление последней выделялось из Харьковского военного округа. Формирование полевого управления Южного фронта возлагалось не на Одесский округ, а на штаб Московского военного округа. Такое решение не отвечало обстановке и было явно неудачным. Личный состав штаба округа не знал театра военных действий и его особенностей, состояния войск, их возможностей и задач. Этим же решением генералу армии Жукову поручалось руководство Южным и Юго-Западным фронтами, а генералу армии Мерецкову — Северо-Западным фронтом.

В связи с тревожными сообщениями нарком иностранных дел СССР Молотов пригласил германского посла Шуленбурга и заявил ему, что Германия без всякого на то основания с каждым днем ухудшает отношения с СССР. Несмотря на неоднократные протесты советской стороны, немецкие самолеты продолжают вторгаться в ее воздушное пространство. Ходят упорные слухи о предстоящей войне между Советским Союзом и Германией. У советского правительства есть все основания верить этому, потому что германское руководство никак не отреагировало на сообщение ТАСС от 14 июня. Шуленбург обещал немедленно сообщить о выслушанных им претензиях своему правительству, хотя отлично знал, что войска вермахта приведены в полную боевую готовность и только ждут сигнала, чтобы двинуться на восток.

В то время как Молотов предъявлял претензии Шуленбургу, генерал армии Жуков, получив доклады от начальников штабов приграничных военных округов, немедленно доложил об этом мар-

¹ См.: Великая Отечественная война 1941 — 1945 гг. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. Кн. 1. Суровые испытания. С. 99.

шалу Тимошенко и Сталину, который вызвал обоих к себе. В Кремль они приехали, имея на руках проект директивы о приведении войск в полную боевую готовность. По указанию Сталина она была тут же доработана и подписана Тимошенко, Жуковым и членом Главного военного совета Г.М. Маленковым. В директиве, адресованной военным советам Ленинградского, Прибалтийского Особого, Западного Особого, Киевского Особого, Одесского военных округов и в копии — наркому Военно-Морского Флота, отмечалось, что в течение 22—23 июня возможно внезапное нападение немцев с провокационной целью. Поэтому требовалось не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов следовало быть в полной боевой готовности, чтобы встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников. В ночь на 22 июня предписывалось скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе, рассредоточить перед рассветом по полевым аэродромам и замаскировать всю авиацию, держать войска рассредоточенно и замаскированно. Кроме того, приказывалось привести в боевую готовность ПВО без дополнительного подъема приписного состава, подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов. Какие-либо другие мероприятия без особого распоряжения проводить не разрешалось¹.

Передача директивы в зашифрованном виде из Генштаба в округа закончилась только в 00 часов 30 минут 22 июня. На ее расшифровку требовалось определенное время. А ведь была возможность передать в округа ранее установленный сигнал: «Приступить к выполнению плана прикрытия 1941 г.», что заняло бы всего несколько минут. В штаб Западного Особого военного округа директива поступила в 00 часов 45 минут 22 июня. Через 15 минут командующий округом генерал армии Д.Г. Павлов доложил наркому обороны о том, что в течение последних полутора суток в Сувалкский выступ непрерывно идут немецкие мотомеханизированные колонны. Тимошенко посоветовал Павлову не паниковать, собрать утром штаб, а если будут отдельные провокации — позвонить. Генерал армии Павлов сразу же приказал командующим армиями привести

¹ См.: Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 370—371.

войска в боевое состояние и занять все сооружения боевого типа, и даже недостроенные железобетонные укрепления. Командующие 3, 4, и 10-й армиями и ВВС округа доложили Павлову, что войска и авиация готовы к бою. В 2 часа 25 минут и 2 часа 35 минут директива, полученная из Москвы, была направлена в штабы армий. В штаб Киевского Особого военного округа директива поступила в 1 час 45 минут, а в штабы армий — в 2 часа 35 минут. Однако приказы о приведении войск в боевую готовность в большинстве случаев были получены слишком поздно — до начала артиллерийской подготовки противника оставалось немногим более получаса. И только флот за 3—4 часа до начала войны был приведен в боевую готовность. Нарком ВМФ адмирал Н.Г. Кузнецова, предупрежденный маршалом Тимошенко, сразу же установленным паролем отдал соответствующие распоряжения.

А.М. Василевский в своих мемуарах попытался дать ответ на вопрос: почему Сталин, зная о явных признаках готовности Германии к войне с Советским Союзом, все же не дал согласия на своевременное приведение войск приграничных военных округов в боевую готовность? *«Само по себе приведение войск приграничной зоны в боевую готовность является чрезвычайным событием, и его нельзя рассматривать как нечто рядовое в жизни страны и в ее международном положении, — пишет Александр Михайлович. — Некоторые же читатели, не учитывая этого, считают, что чем раньше были бы приведены Вооруженные Силы в боевую готовность, тем было бы лучше для нас, и дают резкие оценки Сталину за нежелание пойти на такой шаг еще при первых признаках агрессивных устремлений Германии. Сделан упрек и мне за то, что я, как они полагают, опустил критику в его адрес. Не буду подробно останавливаться на крайностях. Скажу лишь, что преждевременная боевая готовность Вооруженных Сил может принести не меньше вреда, чем запоздание с ней. От враждебной политики соседнего государства до войны нередко бывает дистанция огромного размера. Остановлюсь лишь на том случае, когда Сталин явно промедлил с принятием решения на переход армии и страны на полный режим военного времени. Так вот, считаю, что хотя мы и были еще не совсем готовы к войне, о чем я уже писал, но, если реально пришло время встретить ее, нужно было*

смело перешагнуть порог. И.В. Сталин не решался на это, исходя, конечно, из лучших побуждений. Но в результате несвоевременного приведения в боевую готовность Вооруженные Силы СССР вступили в схватку с агрессором в значительно менее выгодных условиях и были вынуждены с боями отходить в глубь страны. Не будет ошибочным сказать, что, если бы к тем огромным усилиям партии и народа, направленным на всемерное укрепление военного потенциала страны, добавить своевременное от мобилизованные и развертывание Вооруженных Сил, перевод их полностью в боевое положение в приграничных округах, военные действия развернулись бы во многом по-другому»¹.

Глава 3.

ГЛАВНЫЙ ОПЕРАТОР КРАСНОЙ АРМИИ

Начало вторжения войск вермахта на территорию Советского Союза, по свидетельству участников Великой Отечественной войны, было неожиданным. Маршал Г.К. Жуков вспоминал, что первый доклад о налете вражеской авиации на города Белоруссии он получил в 3 часа 30 минут 22 июня 1941 г. от начальника штаба Западного Особого военного округа генерал-лейтенанта В.Е. Климовских. В свою очередь, маршал А.М. Василевский отмечал, что Генштабу Красной Армии только в 4 часа с минутами стало известно от оперативных органов окружных штабов о бомбардировке авиацией противника советских аэродромов и городов. Одновременно или несколько ранее эти данные стали известны руководству Наркомата обороны и почти тут же правительству СССР. К этому времени войска вермахта уже перешли в наступление.

Как это и планировалось ранее, руководство войсками в военное время должен был осуществлять нарком обороны вместе с Главным военным советом. Генерал армии Жуков около 4 часов утра по указанию наркома обороны позвонил И.В. Сталину, доложил обстановку и просил разрешения начать ответные боевые действия. Сталин, выслушав начальника Генштаба, сказал, чтобы

¹ Цит. по: Василевский А.М. Дело всей жизни. С. 109—110.

он вместе с маршалом С.К. Тимошенко прибыл в Кремль. Несмотря на доклад наркома обороны о том, что немцы бомбят города на Украине, в Белоруссии и в Прибалтике, Сталин все еще допускал вероятность провокационного характера их действий. Молотов тут же позвонил в германское посольство. Там ответили, что граф Ф. фон Шуленбург просит принять его для срочного сообщения. Вскоре Молотов вернулся и сообщил, что правительство Германии объявило войну Советскому Союзу.

В 7 часов 15 минут по указанию Сталина члены Главного военного совета маршал Тимошенко, генерал армии Жуков и Маленков подписали директиву № 2, которая была адресована военным советам Ленинградского, Прибалтийского Особого, Западного Особого, Киевского Особого, Одесского военных округов и в копии наркому ВМФ¹. В директиве требовалось всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу. Впредь до особого распоряжения наземными войсками границу переходить не разрешалось. Мощными ударами бомбардировочной и штурмовой авиации на глубину германской территории до 100—150 км приказывалось уничтожить авиацию на аэродромах противника и разбомбить основные группировки его наземных войск, а также Кёнигсберг и Мемель.

Об атмосфере, сложившейся в Генштабе в начале войны, свидетельствует А.М. Василевский. Основная нагрузка легла на Оперативное управление Генштаба. По образному выражению Александра Михайловича, оно «превратилось в некий улей, куда прилетавшие с линии фронта “пчелы” доставляли информацию, подлежащую немедленной обработке». Она поступала в зал заседаний, где вдоль стен были расставлены рабочие столы. Операторы вели карты обстановки, передавали в войска указания, принимали новую информацию, писали справки и донесения. Группа операторов во главе с полковником В.В. Курасовым обобщала все эти материалы и готовила доклады в Ставку.

Маршал Тимошенко и генерал армии Жуков, учитывая, что вооруженная борьба приобретает все более широкий размах, пришли к выводу, что один человек не в состоянии осуществлять руководство

¹ См.: *Анфилов В.А.* Грозное лето 41-го года. М.: Издательский центр «Анkil-Воин», 1995. С. 135.

действующей армией. Об этом они в 9 часов утра доложили Сталину, предложив создать Ставку Главного командования. Проект директивы к этому времени уже был разработан в Генштабе. Однако Сталин решение по этому вопросу тогда не принял, хотя прекрасно понимал, что те, кто по долгу службы должен был руководить военными действиями, ни шагу не сделают без его разрешения. Так, терялось самое драгоценное в той обстановке — время!

Задачи, определенные в директиве № 2 Главного военного совета, были нереальными. Большая часть стрелковых дивизий первого стратегического эшелона была расчленена противником, некоторые оказались в окружении. Механизированные корпуса, способные нанести ощутимые встречные удары, находились на большом удалении от участков прорыва противника. Авиация Красной Армии потеряла около 1200 самолетов, в том числе Западный Особый военный округ — 738 самолетов¹. Ситуацию усугубляло и то, что Генштаб не имел точных разведывательных данных о противнике и характере его действий, так как связь со штабами фронтов часто прерывалась. Несмотря на это, первый заместитель начальника Генштаба генерал-лейтенант Ватутин, руководствуясь планом стратегического развертывания, подготовил директиву № 3 военным советам Северо-Западного, Западного, Юго-Западного и Южного фронтов. Эта директива была отправлена адресатам в 21 час 15 минут 22 июня за подписями маршала Тимошенко, генерала армии Жукова и Маленкова. В директиве ближайшей задачей войск на 23—24 июня ставилось: *«а) концентрическими сосредоточенными ударами войск Северо-Западного и Западного фронтов окружить и уничтожить сувалкскую группировку противника и к исходу 24.6 овладеть районом Сувалки; б) мощными концентрическими ударами механизированных корпусов, всей авиации Юго-Западного фронта и других войск 5 и 6 А (армий. — Авт.) окружить и уничтожить группировку противника, наступающую в направлении Владимир-Волынский, Броды. К исходу 24.6 овладеть районом Люблин»*². В полосе от Балтийского моря до границы с Венгрией разрешались ее переход и действия, не считаясь с границей.

¹ См.: 50 лет Вооруженных Сил СССР. М.: Воениздат, 1968. С. 259.

² Цит. по: Краснов В.Г. Неизвестный Жуков. Лавры и тернии полководца. Документы. Мнения. Размышления. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. С. 189—191.

В целях оказания помощи командующим фронтами по указанию Сталина на Западный фронт были направлены маршалы Б.М. Шапошников и Г.И. Кулик, а на Юго-Западный фронт — генерал армии Жуков. Таким образом, Генштаб второй день войны встретил без своего начальника. Вся нагрузка теперь легла на Ватутина, который согласовывал свои действия с Жуковым.

23 июня Сталин наконец-то принял предложение Тимошенко и Жукова о создании Ставки. Оно было оформлено протоколом № 34 Политбюро ЦК ВКП(б) в виде постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б). В документе говорилось:

«Создать Ставку Главного Командования Вооруженных Сил Союза ССР в составе тт.: наркома обороны маршала Тимошенко (председатель), начальника Генштаба Жукова, Сталина, Молотова, маршала Ворошилова, маршала Буденного и наркома Военно-Морского Флота адмирала Кузнецова.

При Ставке организовать институт постоянных советников Ставки в составе тт.: маршала Кулика, маршала Шапошникова, Мерецкова, начальника Военно-Воздушных Сил Жигарева, Ватутина, начальника ПВО Воронова, Микояна, Кагановича, Берия, Вознесенского, Жданова, Маленкова, Мехлиса»¹.

Таким образом, юридически функциями Главнокомандующего был наделен нарком обороны. Однако без санкции Сталина он не имел права отдавать приказы действующей армии. Поэтому фактически Главнокомандующим был Сталин. Все это не только усложняло управление войсками, но и приводило к запоздалым решениям в быстро меняющейся обстановке на фронте.

Основным рабочим органом Ставки по стратегическому планированию и руководству вооруженной борьбой стал Генштаб. 24 июня на генерала Василевского и начальника Разведывательного управления генерала Голикова была возложена подготовка проектов правительственных сообщений о событиях на фронтах для Советского информационного бюро, созданного в соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б). Кроме того, с конца июня Александру Михайловичу приходилось во исполнение приказаний

¹ См.: Великая Отечественная война 1941 — 1945 гг. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. Кн. 1. Суровые испытания. М.: Библиотека; Мосгорархив, 1995. С. 103—104.

наркома обороны, начальника Генштаба и его заместителей подписывать директивы Генштаба различного содержания¹.

30 июня в Генштабе произошла новая перетасовка кадров. Первый заместитель начальника Генштаба генерал Н.Ф. Ватутин был назначен начальником штаба Северо-Западного фронта, а начальник Оперативного управления генерал Г.К. Маландин — начальником штаба Западного фронта. Его сменил генерал-лейтенант В.М. Злобин. Все это сказывалось на качестве работы Генштаба. *«В июньские и июльские дни 1941 года мне, как первому заместителю начальника Оперативного управления, приходилось не раз за сутки бывать у нового начальника Оперативного управления В.М. Злобина, — вспоминал Василевский. — Я его хорошо знал по учебе в Академии Генерального штаба и по совместной поездке в Германию в 1940 году. Это был очень способный, подготовленный, опытный и трудолюбивый, судя по прежней и последующей работе, командир, отличный штабист и хороший товарищ, пользовавшийся авторитетом в коллективе наркомата. Но когда я докладывал ему сведения, получаемые с фронта, и проекты предложений по ним от себя и работников управления, меня каждый раз поражало его спокойствие, казавшееся равнодушием ко всему происходящему»².*

На фронтах события развивались следующим образом. С 23 июня войска Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронта приступили к проведению контрударов в целях разгрома вклинившихся группировок врага и перенесения военных действий за пределы СССР. Но наспех организованные контрудары в районах Шяуляя, Даугавпилса, Гродно, Луцка и Бродов, при господстве в воздухе авиации противника, лишь незначительно задержали его наступление на некоторых участках. Положение усугубляла потеря управления войсками на ряде направлений Ставкой, командующими фронтами и армиями. В результате приграничные сражения закончились крупным поражением войск Северо-Западного (его армии оказались расчлененными) и Западного (главные силы были

¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1941 год. Т. 23(12—1). С. 58.

² Цит. по: Василевский А.М. Дело всей жизни. С. 483.

окружены западнее Минска и в основном уничтожены) фронтов. Большие потери понес и Юго-Западный фронт, войска которого были вынуждены отойти на рубеж старой государственной границы СССР. Только Северный и Южный фронты сохранили большую часть своих основных сил.

Быстротечность военных действий, резкие изменения обстановки на громадном по протяженности фронте требовали оперативного, решительного и строго централизованного руководства. С этой целью по постановлению ГКО от 10 июля Ставка Главного командования преобразуется в Ставку Верховного командования. В ее состав вошли: Сталин, Молотов, маршалы Тимошенко, Буденный, Ворошилов, Шапошников и генерал армии Жуков. Персональные функции членов Ставки юридически не были определены. Однако решающее слово принадлежало Сталину — Генеральному секретарю ЦК ВКП(б), Председателю ГКО и СНК СССР. Снова принимается половинчатое решение. Одновременно создаются Главные командования Северо-Западного (маршал Ворошилов), Западного (маршал Тимошенко) и Юго-Западного (маршал Буденный) направлений. 19 июля Сталин был назначен наркомом обороны.

22 июля вражеские самолеты осуществили первый налет на Москву. В подвале здания Генштаба было оборудовано бомбоубежище, но оно оказалось совершенно непригодным для работы сотрудников Генштаба. Поэтому было принято решение на ночь Генштабу перебраться в помещение станции метро «Белорусская», где на одной половине перрона были оборудованы командный пункт и узел связи. Другая половина перрона, отгороженная от первой только фанерной перегородкой, с наступлением сумерек заполнялась жителями Москвы, в основном женщинами и детьми. Работать в таких условиях было, конечно, не очень удобно, а самое главное — при ежедневных сборах и переездах терялось драгоценное время, нарушался рабочий ритм. Вскоре сотрудники Генштаба перебрались в здание на улице Кирова, а затем в их распоряжение была передана и станция метро «Кировская». Поезда здесь уже не останавливались. Перрон, на котором расположились сотрудники Генштаба, был отгорожен от путей высокой фанерной стеной. В одном его углу — узел связи, в другом — кабинет Стали-

на, рядом место для начальника Генштаба, а в середине — шеренги столиков для сотрудников Генштаба.

В условиях развернувшихся сражений, особенно в связи с неблагоприятно сложившейся обстановкой на фронтах и вынужденным переходом войск Красной Армии к стратегической обороне, объем и содержание работы Генштаба чрезвычайно возросли и усложнились. Необходимо было либо вводить новые структурные подразделения в Генеральном штабе, либо передавать эти функции другим органам. Поэтому пошли по второму пути.

28 июля Государственный Комитет Оборона принял постановление № 300, которое определяло организационную структуру и задачи Генштаба, место и роль его начальника в общей системе военного руководства¹. Он наделялся правом подписывать вместе с председателем Ставки приказы и директивы Ставки или отдавать распоряжения по ее указанию. Как заместитель наркома обороны и член Ставки, начальник Генштаба объединял и координировал деятельность управлений наркоматов обороны и ВМФ, готовил заключение о соответствии решениям Ставки намечаемых ими оперативных и организационных мероприятий. В целях освобождения Генштаба от решения задач, не влиявших непосредственно на руководство военными действиями фронтов, из его состава были исключены пять управлений (организационное, мобилизационное, укомплектования войск, военных сообщений и автодорожное)².

Реорганизация Генштаба совпала с неожиданным для Василевского изменением его служебного положения. Оно напрямую было связано с отставкой генерала армии Жукова. 29 июля он, докладывая Сталину о сложившейся обстановке, предложил с целью спасения войск Юго-Западного фронта отвести их за Днепр и сдать Киев. Это предложение вызвало у Сталина ярость. Как можно додуматься сдать Киев! В свою очередь, Жуков тоже вспылал и попросил освободить его от обязанностей начальника Генштаба и послать на фронт. Эта просьба была оформлена постановлением

¹ См.: Генеральный штаб Российской армии: история и современность. М.: Академический Проект, 2006. С. 205—206.

² См.: Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. — 1942 г. Т. 13 (2—2). М.: ТЕРРА, 1997. С. 38—39.

№ 325с. Жукова отправили командовать Резервным фронтом, а заместителя наркома обороны маршала Шапошникова поставили начальником Генштаба. Комментируя это решение, Василевский отмечал: *«Во главе всего штабного аппарата встал тот, кто в те месяцы мог, пожалуй, лучше, чем кто-либо, обеспечить бесперебойное и организованное его функционирование»*¹.

По инициативе Шапошникова 1 августа Василевский получил назначение на должность начальника Оперативного управления и заместителя начальника Генштаба. Генерал Злобин был переведен в Сибирский военный округ заместителем командующего по военно-учебным заведениям.

Итак, не прошло и полутора месяца с начала войны, как А.М. Василевский поднялся на новую ступень в военной иерархии. Причем он возглавил наиболее ответственный участок работы в Генштабе. Роль самого Генштаба к этому времени существенно возросла. 8 августа Ставка Верховного командования была переименована в Ставку Верховного Главнокомандования (ВГК), а Сталин назначен Верховным Главнокомандующим. С этого времени был установлен порядок, по которому приказы Ставки подписывались им и начальником Генштаба. Под руководством Шапошникова было разработано Положение о Генштабе, утвержденное 10 августа наркомом обороны Сталиным². В положении говорилось: «Генеральный штаб Красной Армии является центральным органом управления Народного комиссара обороны Союза ССР по подготовке и использованию Вооруженных Сил Союза ССР для обороны страны. Начальник Генштаба, в соответствии с указаниями и решениями Народного комиссара обороны, объединяет деятельность всех управлений Народного комиссариата обороны, дает им задания и указания». В функции Генштаба входили: разработка директив и приказов Ставки по оперативному использованию Вооруженных Сил и планов войны на театрах военных действий; организация и руководство деятельностью всех видов разведки, обработка разведывательных данных и информация нижестоящих штабов и войск; руководство

¹ Цит. по: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. С. 119.

² См.: Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. — 1942 г. Т. 13 (2—2). С. 389 — 390.

строительством укрепрайонов, военно-топографической службой и ее снабжение топографическими картами, оперативной подготовкой родов войск, штабов, служб и органов тыла; организация и устройство оперативного тыла действующей армии; разработка вопросов ПВО, положений о вождении армейских соединений, наставлений и руководств по штабной службе, издание описаний театров военных действий; сбор и обработка материалов по изучению боевого опыта, разработка приказов, директив и указаний по его использованию; организация и руководство шифровальной службой и обеспечение скрытого управления войсками.

В соответствии с новым положением Генштаб включал шесть управлений (Оперативное, Разведывательное, устройства оперативного тыла, строительства укрепленных районов, Военно-топографическое и Шифровальное), три отдела (военно-исторический, общий, кадров) и группу офицеров Генштаба на правах отдела Генштаба. Ведущим органом Генштаба по-прежнему являлось Оперативное управление. Развертывание на каждом из стратегических направлений по несколько фронтов потребовало выделение на каждый фронт специальной группы операторов во главе с опытным начальником. В этой связи система отделов по направлениям (Северо-Западное, Западное и Юго-Западное) перестала отвечать своему назначению. Поэтому они были упразднены и созданы направления на каждый фронт (группу фронтов) в составе начальника направления, его заместителя и 5—10 офицеров-операторов. В ноябре 1941 г. под руководством Василевского была разработана специальная инструкция для начальников направлений Оперативного управления. Наряду с этим в Оперативном управлении по-прежнему оставались специальные отделы (авиации, противовоздушной обороны, связи) и, кроме того, были созданы новые отделы — оперативных перевозок, оргучетный и резервов.

В целях обеспечения эффективной деятельности отделов, управлений и в целом Генштаба был определен порядок его круглосуточной работы. Об этом Сталину докладывал еще Жуков в бытность его начальником Генштаба. Распорядок дня Генштаба, привязанный к регламенту Верховного Главнокомандующего, был определен приказами № 0095 и № 006955 за подписью начальника

Оперативного управления генерала Василевского¹. Этот распоря-
док был одобрен Сталиным и никогда не нарушался.

Ставке ВГК (Сталину) доклады об оперативно-стратегической обстановке, отданных за ночь распоряжениях войскам фронтов, просьбах командующих представлялись три раза в сутки: с 10.00 до 11.00 и с 15.00 до 16.00 — заместитель начальника Генштаба (чаще всего начальник Оперативного управления), а с 21.00 до 3.00 — начальник Генштаба. К этому времени готовились карта стратегической обстановки (масштаб 1: 2 500 000) на 3 — 5 суток, карта оперативной обстановки (масштаб 1: 200 000) каждого фронта на 2 — 3 суток, причем положение своих войск отображалось до дивизии включительно (а иногда до полка), боевые донесения каждого фронта. С этими документами начальник Генштаба следовал в Кремль для доклада Сталину. Кроме этого, распорядком дня предусматривались следующие вопросы: сообщения в Ставку ВГК — 4.00 и 16.00; начало рабочего дня — 7.00; подпись и доклад оперативной сводки — 8.00 и 20.00; сообщения в Совинформбюро — 8.30 и 20.30; оперативное ориентирование — 22.00 — 23.00; боевое донесение в Ставку — 23.00.

В распорядке дня Генштаба определялись продолжительность работы (17—18 часов) и времени отдыха генералов и офицеров (5—6 часов), увязанные с режимом деятельности Ставки ВГК и штабов фронтов. Время, место работы и отдыха начальника Генштаба и его заместителей были определены Сталиным лично. Генералу Василевскому отдых был установлен с 4 до 10 часов утра. Верховный не раз проверял, как выполняется его указание. Иногда он звонил в кабинет начальника Оперативного управления, и если Александр Михайлович отдыхал, то приказывал: «Василевского не будить», а что надо, выяснял у дежурного генерала. Случаи нарушения установленного порядка вызывали крайне серьезные и в высшей степени неприятные для Василевского разговоры. *«Разумеется, это не была мелкая опека, — пишет Александр Михайлович, — а вызывавшаяся обстановкой необходимость. Напряженнейшая работа, а порой и неумение организовать свое время, стремление взять на себя выполнение многих обязанностей зачастую заставляли ответственных работников забывать о сне. А это тоже не*

¹ См.: Горьков Ю.А. Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995. С. 132.

могло не сказаться на их работоспособности, а значит, и на деле. Иногда, возвратившись около четырех часов утра от Сталина, я, чтобы реализовать принятые в Ставке решения, обязан был дать исполнителям или фронтам необходимые указания. Порою это затягивалось далеко за четыре часа. Приходилось идти на хитрость. Я оставлял у кремлевского телефона за письменным столом адъютанта старшего лейтенанта А.И. Гриненко. На звонок Сталина он обязан был докладывать, что я до десяти часов отдыхаю. Как правило, в ответ слышалось: “Хорошо” »¹.

А.М. Василевский после назначения на новую должность сразу же окунулся в гущу событий. Теперь от его профессионализма во многом зависело, насколько решения, принимаемые Сталиным, соответствуют обстановке на фронтах. Ежедневно, а иногда и по нескольку раз в сутки Василевский вместе с маршалом Шапошниковым бывал в кабинете Сталина в Кремле. Со 2 августа мы все чаще видим подпись Василевского на директивах и приказах Генштаба, которые отдавались во исполнение приказов и указаний Ставки ВГК и начальника Генштаба.

С первых же шагов в новой должности А.М. Василевскому пришлось решать вопросы, связанные с обстановкой на юго-западном направлении. В половине третьего ночи 4 августа он по указанию Сталина вызвал к телеграфу командующего Юго-Западным фронтом генерал-полковника М.П. Кирпоноса и члена военного совета Н.С. Хрущева. Верховный потребовал от них не допустить переправы противника на левый берег Днепра. Хрущев и Кирпонос заверили Сталина в том, что они примут все меры к тому, чтобы выполнить эту задачу.

5 августа начальник штаба Юго-Западного направления генерал-майор А.П. Покровский передал Василевскому просьбу маршала Буденного разрешить отвести войска Южного фронта на линию р. Ингул. Об этом Василевский немедленно доложил Шапошникову, а тот, в свою очередь, Сталину. Он приказал начальнику Генштаба и его заместителю сразу же прибыть в Ставку. Сталин, выразив недовольство тем, что Буденный лично не переговорил с Василевским, не согласился с отводом войск Южного фронта на указанный рубеж.

¹ Цит. по: *Василевский А.М. Дело всей жизни.* С. 145—146.

Командующему фронтом было приказано не позже 10 августа занять линию восточный берег Днестровского лимана до Беляевки, от Беляевки на Ротмистровку, Березовку, Вознесенск и далее на Кировоград, Чигирин. Одессу требовалось оборонять до последней возможности¹. После этого маршал Шапошников связался по прямому проводу с маршалом Буденным.

— Товарищ Сталин приказал мне передать, — сказал Борис Михайлович, — что он недоволен тем, что вы, намечая линию отвода, при которой отдается почти половина Украины, не подошли сами к аппарату переговорить с замначгенштаба товарищем Василевским. Хотя Василевский и вызывал Покровского, но имелось в виду, что вы сами хотите изложить вашу точку зрения на поднятый вопрос. Ставка не может согласиться с предлагаемым вами рубежом отвода, и сейчас на ваше имя идет телеграмма особой важности.

Маршал Буденный, выслушав начальника Генштаба, вынужден был оправдываться:

— Я доложил свои соображения, исходя из реальной обстановки. Если Ставка находит их неубедительными, она меня может поправить. Я, конечно, извиняюсь перед Василевским, но считал, что начальник штаба главкома имеет право передать тот или иной документ непосредственно Василевскому. Я в это время был занят переговорами с командующим Южным фронтом.

Маршал Буденный, легендарный герой Гражданской войны, вынужден был оправдываться за невнимательное отношение к заместителю начальника Генштаба. Его слегка отчитали и дали понять, что указания Ставки следует выполнять неукоснительно.

Несмотря на все заверения командующих Юго-Западным направлением, Южным и Юго-Западным фронтами, противнику 6 августа удалось прорваться к окраинам Киева. В районе Умани были окружены войска 6-й и 12-й армий Южного фронта. По немецким источникам, было взято в плен 103 тыс. красноармейцев и командиров, а число убитых составило 200 тыс. человек². Не лучше обстояло дело и на других стратегических направлениях. 8 августа

¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная.: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5—1). М.: ТЕРРА, 1996. С. 104.

² См.: Великая Отечественная война 1941 — 1945 гг. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. Кн. 1. Суровые испытания. С. 146.

войска группы армий «Север» перешли в наступление на Ленинград. Одновременно 2-я армия и 2-я танковая группа развернули наступление против Центрального фронта, прикрывавшего брянское, гомельское и черниговское направления.

В целях удобства управления войсками, действовавшими на брянском направлении, Сталин 14 августа принял решение образовать Брянский фронт в составе 13-й и 50-й армий под командованием генерал-лейтенанта А.И. Еременко¹. Он был вызван в Москву. В Кремле его принял Сталин.

— Противник, вероятнее всего, и в дальнейшем свои основные усилия направит на взятие Москвы, — сказал Иосиф Виссарионович, — нанося главные удары крупными танковыми группировками на флангах, с севера — через Калинин и с юга — через Брянск, Орел. Для достижения этой цели на брянском направлении сосредоточена 2-я танковая группа генерала Гудериана. Это направление сейчас является наиболее опасным еще и потому, что оно прикрывается растянутым на большом участке и слабым по своему составу Центральным фронтом. Я думаю, что возможность использования танковой группы для флангового удара по правофланговым войскам Юго-Западного фронта маловероятна, но все-таки следует этого опасаться. Поэтому войска Брянского фронта должны не только надежно прикрыть брянское направление, но и разбить главные силы Гудериана.

Генерал Еременко, выслушав Сталина, уверенно заявил:

— В ближайшие же дни, безусловно, Гудериан будет разгромлен.

Эта твердость импонировала Сталину.

— Вот тот человек, который нам нужен в этих сложных условиях, — бросил он вслед выходявшему из его кабинета Еременко.

Сталин не ограничился только созданием нового фронтового объединения. Он решил дать наглядный урок всем командующим и командирам в целях укрепления дисциплины и стойкости войск. 16 августа Сталин, Молотов, маршалы Буденный, Ворошилов, Тимошенко, Шапошников и генерал армии Жуков подписали приказ № 270 Ставки ВГК «О случаях трусости и сдаче в плен и мерах

¹ Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5—1). С. 116.

по пресечению таких действий». В приказе огульно были обвинены в предательстве командующие 28-й армией генерал-лейтенант В.Я. Качалов, 12-й армией — генерал-лейтенант П.Г. Понеделин, командир 13-го стрелкового корпуса генерал-майор Н.К. Кириллов. В приказе предписывалось расстреливать на месте «командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу». От частей и подразделений, попавших в окружение, требовалось «самоотверженно сражаться до последней возможности, беречь материальную часть как зеницу ока, пробиваться к своим по тылам вражеских войск, нанося поражение фашистским собакам»¹.

Приказ № 270 неукоснительно проводился в жизнь. Генерал Качалов был приговорен к расстрелу уже после смерти. В декабре 1953 г. Главная военная прокуратура пришла к выводу, что он «за измену Родине осужден необоснованно» и «должен быть полностью реабилитирован». Генерал Понеделин, заочно приговоренный к расстрелу, после возвращения из плена был арестован, а спустя пять лет расстрелян. Подобная же участь постигла и генерала Кириллова.

Но вернемся к рассмотрению событий на фронтах. Войска Южного фронта, ведя ожесточенные бои, 15 августа оставили Кривой Рог, а 17-го — Николаев. Армии Брянского фронта вели тяжелые оборонительные бои на конотопском и черниговском направлениях. В Генштабе поняли, что Еременко явно поторопился со своими заверениями. С каждым часом нарастала угроза правому крылу Юго-Западного фронта и особенно его 5-й армии, продолжавшей оборонять Коростеньский укрепленный район. Однако Сталин 17 августа отклонил предложение Шапошникова и Василевского об отводе войск правого крыла Юго-Западного фронта на левый берег Днепра. Верховный был твердо уверен в том, что если Еременко и не разобьет 2-ю танковую группу, то, во всяком случае, задержит ее, не выпустит на юг.

18 августа соединения 2-й армии и 2-й танковой группы противника, повернув на юг, вышли к Стародубу, а 19-го — к Гомелю. После этого они продолжили стремительное наступление, создавая

¹ См.: Великая Отечественная война 1941—1945 гг. В 4-х кн. Кн. 1. «Суровые испытания». С. 421—422.

реальную угрозу правому флангу и тылу Юго-Западного фронта. Противник нанес поражение 13-й армии Брянского фронта, которая начала отход к р. Судость. В восемь часов вечера 19 августа Сталин разрешил командующему Юго-Западным фронтом, удерживая участок Клинцы, Гомель, Горваль, начать последовательный отвод войск 3-й армии за р. Днепр на линию Горваль, Лоев¹. Командующему Центральным фронтом было разрешено отвести 21-ю армию на рубеж Лужки, Новое Место и далее по рекам Ипуть, Сояс до Бабовичей. От командующего Брянским фронтом требовалось обеспечить стык с Центральным фронтом, отвести левый фланг 13-й армии на линию Солово, Борщево, Погар и далее по р. Судость². С целью противодействия прорыву противника в тыл Юго-Западного фронта с севера принимается решение о развертывании по р. Десне новой 40-й армии. Однако ослабленные в предыдущих боях на днепровском рубеже войска армии не смогли противостоять двум танковым дивизиям врага. Основные силы Южного фронта к исходу дня 22 августа сумели отойти на левый берег Днепра.

Остановка германских войск на лужском рубеже под Ленинградом, медленное продвижение под Смоленском и на Украине заставили Верховное главнокомандование вермахта внести коррективы в ранее принятый план. 21 августа Гитлер подписал директиву, которая, по мнению генерала Гальдера, имела «решающее значение для всей Восточной кампании». Главной задачей до наступления зимы ставился «не захват Москвы, а захват Крыма, промышленных и угольных районов на реке Донец (Северский Донец. — *Авт.*) и блокирование путей подвоза русскими нефти с Кавказа». На севере предусматривалось окружение Ленинграда и соединение с финскими войсками³. От группы армий «Центр» требовалось выделить на проведение этой операции такое количество сил, которое обеспечило бы уничтожение 5-й армии Юго-Западного фронта и отражение атак советских войск на центральном направлении.

¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5—1). С. 121.

² Там же. С. 122.

³ См.: Гальдер Ф. Военный дневник. 22.06.1941—24.09.1942 / Пер. с нем. И. Глаголева; предисл. и коммент. канд. ист. наук Е. Кулькова. М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2004. С. 271—272.

Не только на юго-западе, но и на севере обстановка складывалась неблагоприятно для Красной Армии. Генерал Василевский, анализируя ход боевых действий на ленинградском направлении, пришел к выводу, что Северный фронт не сможет противостоять натиску группы армий «Север». С целью улучшения руководства войсками предлагалось разделить этот фронт на два фронта: Карельский и Ленинградский. Сталин одобрил эту идею, которая нашла отражение в директиве № 001199 от 23 августа¹. Для защиты восточных районов Баренцева моря и Северного морского пути на основе Беломорской военно-морской базы была развернута Беломорская военная флотилия.

Одновременно Василевский, оценив обстановку, сложившуюся на Брянском и Центральном фронтах, пришел к выводу о необходимости расформирования Центрального фронта и передаче его войск Брянскому фронту. Это позволяло объединить усилия войск, которые вели боевые действия на конотопском и гомельском направлениях. Сталин и Шапошников поддержали предложение Василевского, которое было оформлено директивой № 001255 от 25 августа². Верховный также дал указание Василевскому подготовить директиву командиру войсками Резервного фронта о нанесении 30 августа удара левофланговыми 24-й и 43-й армиями в целях разгрома ельнинской группировки противника, овладения Ельней и выхода к 8 сентября на рубеж Долгие Нивы, Хиславичи, Петровичи. Войска Западного фронта должны были во взаимодействии с левым крылом Резервного фронта к этому же сроку овладеть рубежом Велиж, Демидов, Смоленск.

Сталин, завершив обсуждение всех намеченных вопросов, внимательно посмотрел на Василевского и неожиданно спросил:

— Вы знаете о том, что документ Ставки для штаба ВВС пролежал в шифровальном отделе восемь часов?

— Товарищ Сталин, я уже сделал внушение полковнику Иванову и старшему лейтенанту Краснову. Оба виновны в задержке шифровки.

¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5—1). С. 130.

² См.: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5—1). С. 134—135.

— У меня ваш либерализм, товарищ Василевский, вызывает зуд! — сердито произнес Иосиф Виссарионович. — Подготовьте приказ наркома обороны, в котором укажите виновных и объявите им взыскания! Иванова и Краснова из Генштаба отчислить, на их место подберите достойных людей.

— Будет исполнено!

Василевский быстро набросал проект приказа. Сталин, прочитав его, в левом углу наложил резолюцию: «*Тт. Василевскому и Жигареву. Прошу начальника Оперативного управления Генштаба и командующего ВВС навести порядок — каждого на своем месте — в шифровальном отделе. И. Ст. 25.08.41 г.*»¹.

26 августа Сталин, недовольный действиями командующего Южным фронтом генерала армии Тюленева, освободил его и начальника штаба фронта генерал-майора Романова от занимаемых должностей. Фронт возглавил командующий 38-й армией генерал-лейтенант Д.И. Рябышев, штаб — начальник штаба Киевского военного округа генерал-майор А.И. Антонов, а 38-ю армию — генерал-майор танковых войск Н.В. Фекленко².

По указанию Сталина в Ленинград была направлена группа уполномоченных ГКО, которой предстояло навести порядок в войсках Ленинградского фронта. В состав группы вошли Молотов, Маленков, нарком ВМФ Кузнецов, Косыгин, Жигарев и Воронов. Однако они не оправдали надежд Сталина. 30 августа противник вышел к Неве. В полосе Брянского фронта соединения 2-й танковой группы сумели захватить два плацдарма на Десне — у Коропа и Новгорода-Северского, угрожая выйти в глубокий тыл войск Юго-Западного фронта. Сталин, возмущенный действиями генерала Еременко, около трех часов ночи 2 сентября потребовал от него вышибить противника из района Стародуба, Почепа, разбить вдребезги Гудериана и всю его группу³.

¹ Цит. по: Золототрубов А.М. Василевский: Жезл маршала: Роман/А.М. Золототрубов. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. С. 135.

² См.: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5—1). С. 139—140.

³ См.: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5—1). С. 155.

Вечером 4 сентября при очередном докладе обстановки Сталину он приказал Шапошникову и Василевскому подготовить директиву об отстранении от должности командующего Ленинградским фронтом генерала М.М. Попова. 5 сентября его сменил на этом посту маршал Ворошилов. Ему, несмотря на все его старания, также не удалось остановить противника. 8 сентября враг занял Шлиссельбург, выйдя к Ладожскому озеру и блокировав Ленинград с суши. Отныне сообщение с городом поддерживалось только по Ладожскому озеру и по воздуху. Уполномоченные ГКО пришли к однозначному выводу: оставлять маршала Ворошилова в качестве руководителя обороны Ленинграда нельзя.

Не лучшим образом складывалась обстановка и на Брянском фронте. 7 сентября части 2-й танковой группы вышли к Конотопу, создав серьезную угрозу войскам Юго-Западного фронта. Шапошников и Василевский, стремясь их спасти, вновь попытались убедить Сталина в необходимости отвода войск Юго-Западного фронта. Однако Сталин резко отреагировал на это предложение, упрекнув обоих в том, что они идут по пути наименьшего сопротивления. *«При одном упоминании о жестокой необходимости оставить Киев Сталин, — вспоминал Василевский, — выходил из себя и на мгновение терял самообладание. Нам же, видимо, не хватало необходимой твердости, чтобы выдержать эти вспышки неудержимого гнева, и должного понимания всей степени нашей ответственности за неминуемую катастрофу на Юго-Западном направлении»¹.*

И только около семи часов утра 9 сентября Сталин разрешил командующему Юго-Западным фронтом отвести 5-ю армию и правый фланг 37-й армии на р. Десну на участке Брусилово, Воропаево с обязательным удержанием рубежа Воропаево, Тарасовичи и киевского плацдарма².

В полосе Западного фронта в окружение попали войска 22-й армии генерала Ф.А. Ершакова. После тяжелых боев ее остатки сумели к 3 сентября выйти из окружения. Не имело успеха и наступление

¹ Цит. по: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. С. 133.

² См.: *Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы.* 1941 год. Т. 16 (5—1). С. 170.

войск 16-й армии генерала К.К. Рокоссовского, предпринятое в начале сентября.

В эти дни Сталина порадовал только командующий Резервным фронтом генерал армии Жуков. Войска 24-й армии этого фронта под командованием генерала К.И. Ракутина 30 августа приступили к проведению Ельнинской операции. В ходе ожесточенных боев они к утру 6 сентября освободили Ельню, а к исходу дня 8 сентября вышли к заблаговременно подготовленному противником оборонительному рубежу по рекам Устрой и Стряна. Ельнинская операция была одной из первых успешных наступательных операций войск Красной Армии в Великой Отечественной войне. За стойкость в обороне и решительность в наступлении, высокую дисциплину и массовый героизм, проявленные личным составом, 100, 127, 107 и 120-я стрелковые дивизии 24-й армии в числе первых получили почетное наименование гвардейских и соответственно новые названия: 1, 2, 5 и 6-я гвардейские стрелковые дивизии.

После завершения Ельнинской операции Сталин поручил Жукову немедленно выехать в Ленинград, где вступить в командование войсками Ленинградского фронта. 10 сентября Сталин, учитывая усталость войск, принял решение о переходе к обороне на Западном, Резервном и Брянском фронтах. Одновременно он потребовал любой ценой удерживать Киев. Маршал Буденный был освобожден от обязанностей главкома Юго-Западного направления и назначен командующим Резервным фронтом. Юго-Западное направление возглавил маршал Тимошенко, руководивший до этого Западным направлением. Генерал Конев, командовавший 19-й армией, по рекомендации Жукова был назначен командующим Западным фронтом.

Жесткая позиция Сталина в отношении обороны Киева стала одной из причин поражения войск Юго-Западного фронта. 12 сентября из района Кременчуга перешла в наступление 1-я танковая группа, нанося удары в северном направлении. Навстречу ей двигались дивизии 24-го моторизованного корпуса 2-й танковой группы. На северо-западе войска группы армий «Север» вынудили соединения 42-й армии оставить Красное Село и вышли на ближние подступы к Ленинграду. Сталин, получив сведения об этом, посчи-

тал, что одной из причин неудач войск Красной Армии является недостаточная стойкость бойцов и командиров. Военным советам фронтов была направлена директива № 001919, которая требовала в пятидневный срок создать в каждой стрелковой дивизии «заградительный отряд из надежных бойцов, численностью не более батальона (в расчете по 1 роте на стрелковый полк)», придав ему грузовики и несколько танков или бронемашин¹.

Сталин, полагая, что пройдет еще несколько дней и «Ленинград придется считать потерянным», 13 сентября направил военному совету Ленинградского фронта директиву № 001931 об утверждении плана «мероприятий по уничтожению флота на случай вынужденного отвода из Ленинграда». Ответственность на подачу сигнала к выполнению плана была возложена на командующего Ленинградским фронтом².

Обстановка же на юго-западном направлении еще более осложнилась. 15 сентября противник в районе Лохвицы замкнул кольцо окружения войск Юго-Западного фронта. Около двенадцати часов ночи 17 сентября Сталин, наконец-то, разрешил оставить Киевский укрепрайон и Киев и отойти на восточный берег р. Днепр. Но время было упущено. По уточненным данным потери советских войск в Киевской оборонительной операции составили: безвозвратные — 616 304 человека, санитарные — 84 240 человек, 411 танков, 28 419 орудий и минометов, 343 самолета³. Среди погибших были командующий Юго-Западным фронтом генерал-полковник М.П. Кирпонос, начальники штаба фронта генерал В.И. Тупиков и штаба 5-й армии генерал Д.С. Писаревский. В плен попал командующий 5-й армией генерал М.И. Потапов.

В результате неудачного исхода Киевской оборонительной операции противник продвинулся в глубь Украины на 600 км. Однако длительная и упорная оборона армий Юго-Западного фронта вынудила его снять значительные силы с московского направления, что задержало наступление на Москву.

¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5—1). С. 180.

² Там же. С. 181.

³ См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 270, 484.

Тяжелые бои развернулись на подступах к Ленинграду. 18 сентября войска группы армий «Север» генерал-фельдмаршала фон Лееба овладели г. Пушкином. Однако это был последний существенный успех врага. В тот же день командующему 4-й танковой группой было приказано вывести соединения из сражения для их переброски на московское направление. Это было явно поспешное решение. 25 сентября фон Лееб доложил главнокомандующему сухопутными войсками, что имеющимися силами он не в состоянии развивать наступление на Ленинград.

В конце сентября в Оперативном управлении состоялось очередное партийное собрание. С докладом на тему «Текущий момент и задачи коммунистов» выступил А.М. Василевский. В своем докладе он отметил:

— Товарищи, обстановка создалась архитяжелая, требующая от каждого отдачи всех сил, а может быть, и жизни. Дальше будет, возможно, еще труднее. Но падать духом не следует. Ленинград стойко держится, враг там не прошел. Это позволяет думать, что никаких новых фронтов севернее Москвы не возникнет и наши резервы, припасенные про черный день, останутся в сохранности.

Однако Генштаб, по признанию Василевского, не сумел точно предугадать замысла действий противника на западном стратегическом направлении. Еще 6 сентября Гитлер подписал директиву № 35, которая требовала от группы армий «Центр» в конце сентября перейти в наступление и «уничтожить противника, находящегося в районе восточнее Смоленска, посредством двойного окружения в общем направлении на Вязьму при наличии мощных танковых сил, сосредоточенных на флангах». После этого намечалось преследовать советские войска на московском направлении, примыкая правым флангом к р. Оке, а левым — к верхнему течению Волги. Группа армий «Юг» должна была выдвинуть подвижные соединения на северо-восток для прикрытия с юга главных сил группы армий «Центр», а обеспечение их с севера возлагалось на группу армий «Север»¹.

¹ См.: Битва под Москвой. Хроника, факты, люди. В 2-х кн. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. Кн. 1. С. 165—166.

Директива Гитлера легла в основу плана операции «Тайфун», разработанного штабом группы армий «Центр» и нашедшего отражение в приказе № 1620/41 фон Бока от 26 сентября¹. Согласно ему войска 2-й танковой группы должны были перейти в наступление 30 сентября и начать наступление в полосе 2-й танковой группы, а остальные силы группы армий «Центр» — 2 октября. *«Эта разница во времени начала наступления была установлена по моей просьбе, — вспоминал генерал Гудериан, — ибо 2-я танковая группа не имела в районе своего предстоящего наступления ни одной дороги с твердым покрытием. Мне хотелось воспользоваться оставшимся коротким периодом хорошей погоды для того, чтобы до наступления дождливого времени по крайней мере достигнуть хорошей дороги у Орла и закрепить за собой дорогу Орел — Брянск, обеспечив тем самым себе надежный путь для снабжения»*².

За счет резервов и войск, снятых с других участков Восточного фронта, группа армий «Центр» была значительно усилена. Она насчитывала до 1800 тыс. человек, 14 тыс. орудий и минометов, 1,7 тыс. танков, на поддержку которых было выделено 1390 самолетов³. Это составляло 42% солдат и офицеров, 33% орудий и минометов, 75% танков, более 50% авиации от общего количества сил вермахта на советско-германском фронте.

Войскам группы армий «Центр» противостояли Брянский, Резервный и Западный фронты, насчитывавшие около 1250 тыс. человек, 7,6 тыс. орудий и минометов, 990 танков и 667 самолетов⁴. Противник имел преимущество по живой силе почти в 1,5 раза, по орудиям и минометам — в 1,8, по танкам — в 1,7 и по самолетам — в 2 раза. На направлениях главных ударов противника это превосходство было еще более существенным — в личном составе, артиллерии и танках в 5 — 8 раз. Большое количество военной техники советских частей и соединений было устаревших образцов, с недостаточно высокими боевыми возможностями. В ставке

¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15(4—1). С. 17.

² Цит. по: Гудериан Г. Воспоминания солдата / Пер. с нем. Смоленск: «Русич», 2003. С. 303.

³ См.: История Второй мировой войны 1939—1945. В 12-ти т. М.: Воениздат, 1975. Т. 4. С. 92.

⁴ История второй мировой войны 1939—1945. Т. 4. С. 93.

Гитлера были уверены в том, что «последнее, решающее сражение кампании», безусловно, будет выиграно. В свою очередь, Главнокомандование сухопутных войск полагало, что операция «Тайфун», а вместе с ней и вообще война на Востоке завершатся до середины ноября.

В 20-х числах сентября в Генштаб поступили разведанные о подготовке противником крупного наступления. По предложению начальника Генштаба и его заместителя Сталин 27 сентября принял решение о переходе войск Западного фронта к жесткой обороне, прикрывая в инженерном и огневом отношении направления на Ржев, Вязьму и стыки с соседними фронтами. И только в случае необходимости разрешалось проводить частные наступательные операции для улучшения своих оборонительных позиций¹. Таким образом, Генштаб правильно определил основные направления наступления противника и пытался принять превентивные меры. Однако из-за недостатка времени не удалось отработать план оборонительной операции на московском направлении, а также выполнить в полном объеме инженерные работы на Ржевско-Вяземском и Можайском рубежах обороны.

30 сентября, как и планировалось, в наступление на орловском направлении перешла 2-я танковая группа. 2 октября в действие вступили основные силы группы армий «Центр». Войска Западного и Резервного фронтов, оказавшиеся на направлениях главных ударов противника, отходили с большими потерями, пытаясь контратаками сдержать его наступление. Вечером 3 октября командующий Брянским фронтом обратился к начальнику Генштаба с предложением отвести войска фронта на тыловой рубеж, но маршал Шапошников его категорически отклонил. И только в 18 часов 35 минут 5 октября Сталин разрешил генералу Еременко отвести 50-ю армию на вторую полосу обороны к западу от Брянска, 3-ю армию — на рубеж р. Десна, а 13-ю армию — на рубеж Кокаревка, Крупец, Дмитриев-Льговский². Через час Сталин принял решение об отводе войск Западного фронта на линию Осташков, Селижарово,

¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15(4—1). М.: ТЕРРА, 1997. С. 73—74.

² См.: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5—1). С. 220.

Бекетово, Ераево, Хмелевка, станция Оленино, Большие Воробьи, Болычево и далее вдоль восточного берега р. Днепр до города Доргобуж, Ведерники. На усиление фронта из Резервного фронта передавались 31-я и 32-я армии. Остальным армиям (24, 33 и 43-я) этого фронта приказывалось отойти на линию Ведерники, Хлысты, Митишкино, Шилово, Лазинки, Городечня, Ключи, Глагольня, Моевский, Серпейск, Хлуднева, станция Шахта, Жиздра¹.

Для разбора причин катастрофы армий Западного, Резервного и Брянского фронтов в районах Вязьмы и Брянска была создана комиссия из представителей ГКО и Ставки ВГК, в том числе Василевского.

Сталин, напутствуя Василевского, сказал:

— Вам необходимо все войска, которые оторвались от противника и отходят с запада, срочно направить на Можайскую линию обороны. Организуйте там прочную оборону, чтобы не допустить прорыва врага. С этой целью делайте все, что сочтете нужным. Маршал Шапошников пошлет в ваше распоряжение группу работников Генштаба и две колонны автомашин, на которых вы будете отвозить войска на Можайский рубеж.

5 октября комиссия прибыла в штаб Западного фронта, который размещался восточнее Гжатска. Членов комиссии встречал командующий фронтом генерал И.С. Конев. Пока Василевский изучал обстановку, в штаб фронта прибыли две колонны грузовиков, которые возглавлял генерал-майор артиллерии А.А. Говоров.

— Ваша задача, товарищ Говоров, — сказал Василевский, — принимать прибывающие сюда войска с фронта и из тыла, сажать их на машины и отправлять на Можайскую линию!

— Есть, товарищ Василевский! А если у бойцов нет оружия, что делать?

— Тех, у кого нет оружия, отправлять в Особый отдел! — сказал Молотов.

— Наверняка это паникеры, трусы или дезертиры, и надо с ними разобраться, — сурово добавил Ворошилов.

Василевский, не ожидавший такого поворота событий, был в растерянности. Указания Молотова и Ворошилова шли вразрез с

¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5—1). С. 222.

той задачей, которую ставил Сталин. Надо было что-то предпринять. Решение созрело мгновенно.

— Данной мне властью как представитель Ставки и заместитель начальника Генштаба, — сказал Александр Михайлович, — приказываю вам, генерал Говоров, бойцов и командиров, у которых не окажется оружия, вооружать и отправлять на Можайский рубеж! Я понимаю, что среди бойцов могут быть и дезертиры, но мы должны им предоставить возможность кровью искупят свою вину!

— Вы много на себя берете, товарищ Василевский, — недовольно бросил Ворошилов. — Я немедленно доложу об этом товарищу Сталину!

Он подошел к столу, на котором стоял аппарат ВЧ, и попросил дежурного по связи соединить его с Верховным Главнокомандующим.

— Что у вас, Климент Ефремович? — отозвался Сталин.

Ворошилов изложил ему суть дела.

— Я считаю, что генерал Василевский превысил свои полномочия. Бойцов, сбежавших от танков врага и бросивших свое оружие, надо отдавать под трибунал! Судить как предавших Родину, а он приказал вооружить их!

— А кто будет оборонять Можайскую линию? — спросил Сталин. — Где Молотов? Дай ему трубку!

— Слушаю, товарищ Сталин! — сказал Молотов.

— Ты кто, заместитель Председателя ГКО или адъютант Ворошилова? — жестко спросил Сталин. — Почему позволяешь ему разводить базар? Василевский выполняет мой приказ, а Ворошилов на виду у всех устраивает ему разнос!

— Понял, товарищ Сталин, — тихо ответил Молотов.

Василевский, взглянув на генерала Говорова, отрывисто бросил:

— Действуйте, как вам приказано!

— Слушаюсь! — Говоров взял под козырек.

А.М. Василевский вспоминает, что комиссии вместе с командованием фронта за пять дней удалось направить на Можайскую линию из состава войск, отходивших с ржевского, сычевского и вяземского направлений, до пяти стрелковых дивизий. О ходе работы

и положении на фронте члены комиссии ежедневно докладывали по телефону Сталину.

В связи с ухудшением обстановки на западном направлении Сталин вызвал из Ленинграда в Москву генерала армии Жукова. Он поручил ему незамедлительно выехать в расположение войск Западного и Резервного фронтов, чтобы разобраться, что же там происходит¹. В соответствии с директивой Ставки ВГК от 6 октября главным рубежом сопротивления была определена Можайская линия обороны, которую предписывалось привести в полную боевую готовность. В состав Западного фронта выдвигались части и соединения из резерва Ставки ВГК, а также с Северо-Западного, Юго-Западного фронтов и из Московского военного округа. К 10 октября на Можайской линии обороны были развернуты 4 стрелковые дивизии, 6 военных училищ, 3 запасных стрелковых полка, 5 пулеметных батальонов, 7 танковых бригад, 10 артиллерийских полков и другие части. При этом фланги и стыки укрепленных районов оставались без прикрытия. Не удалось создать и оперативные резервы.

7 октября соединения 1-й танковой армии² соединились в районе Осипенко с моторизованной дивизией 11-й армии, прорвавшейся через Мелитополь. В окружении оказались часть сил 9-й и 18-й армий Южного фронта. В тот же день 10-я танковая дивизия 4-й танковой группы соединилась в Вязьме с частями 3-й танковой группы. К этому району подошла и 2-я танковая армия³. Под натиском противника войска Брянского фронта в ночь на 8 октября начали отход. На следующий день войска 2-й армии соединились со 2-й танковой армией северо-западнее Брянска. В результате они расчленили окруженную группировку войск Брянского фронта на две части: северную — в районе Брянск, Дятьково и южную — в районе Трубчевск, Суземка, Навля. Для

¹ 8 октября 1941 г. директивой № 002743 Ставки ВГК Г.К. Жуков был освобожден от обязанностей командующего Ленинградским фронтом и назначен командующим Резервным фронтом вместо маршала С.М. Буденного

² 6 октября 1941 г. 1-я танковая группа была переименована в 1-ю танковую армию.

³ С 5 октября 1941 г. 2-я танковая группа стала именоваться 2-й танковой армией.

их ликвидации были направлены почти все силы 2-й и 2-й танковой армий.

Сталин не был уверен в том, что удастся удержать Москву. 8 октября он подписал постановление ГКО о проведении специальных мероприятий по уничтожению предприятий и других объектов в Москве и Московской области в случае захвата столицы немецкими войсками. Эта задача возлагалась на «пятерку» под руководством заместителя наркома внутренних дел комиссара госбезопасности 3-го ранга И.А. Серова¹. Всего намечалось подготовить к взрыву 412 предприятий, а 707 вывести из строя путем механической порчи и поджога. Для обороны орловско-тульского направления 9 октября началось формирование 26-й армии с непосредственным подчинением ее Ставке².

Утром 10 октября члены комиссии ГКО вернулись в Москву. По их предложению Сталин назначил командующим Западным фронтом генерала армии Жукова, его первым заместителем — генерал-полковника Конева. С целью улучшения управления войсками, действовавшими на западном направлении, директивой № 002910 Ставки ВГК Западный фронт с полуночи 12 октября объединялся с «Московским Резервным фронтом»³.

В ходе Вяземской оборонительной операции советские войска потерпели крупное поражение. *«Неудача, постигшая нас под Вязьмой, — пишет Василевский, — в значительной мере была следствием не только превосходства противника в силах и средствах, отсутствия необходимых резервов, но и неправильного определения направления главного удара противника Ставкой и Генеральным штабом, а стало быть, и неправильного построения обороны. Вместо того чтобы выделить Западному и Резервному фронтам самостоятельные полосы для обороны с полной ответственностью каждого из них за эти полосы в целом, как по фронту, так и в глубину, 24-я и 43-я армии Резервного фронта к началу наступления противника занимали оборону в первом эшелоне, находясь между левофланговой армией Западного и правофланговой армией*

¹ См.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 12. С. 210—211.

² См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5—1). С. 235.

³ Там же. С. 242.

Брянского фронтов. Остальные три армии Резервного фронта, растянутые в одну линию на широком участке, находились на позициях в непосредственной глубине обороны Западного фронта по линии Осташков — Оленино — Ельня. Оперативное построение крайне затрудняло управление войсками и взаимодействие фронтов. Даже в результате хорошо, правильно организованной обороны на направлении главных ударов врага ни Западный фронт, ни войска направления в целом не имели превосходства»¹.

По уточненным данным, потери войск Западного и Резервного фронтов составили около 6 тыс. орудий и минометов, более 830 танков². По сведениям фон Бока, в сражениях за Брянск и Вязьму в плен попали 673098 человек, захвачено 1277 танков, 4378 артиллерийских, 1009 зенитных и противотанковых орудий, 87 самолетов³. Командующий Брянским фронтом, так и не сумевший наладить управление войсками, 13 октября во время налета вражеской авиации был ранен. Ночью на самолете генерала Еременко переправили в Москву, а его обязанности стал исполнять начальник штаба фронта генерал Г.Ф. Захаров.

После окружения противником крупных сил Западного и Резервного фронтов под Вязьмой создалась крайне опасная обстановка на московском направлении — пути к Москве с запада оказались открытыми. 12 октября ГКО принял постановление № 765сс, согласно которому Наркомату внутренних дел поручалось взять под особую охрану зону, прилегающую к Москве, с запада и юга по линии Калинин, Ржев, Можайск, Тула, Коломна Кашира. Для форсирования строительства третьей линии обороны сроком на 20 дней мобилизовывались 250 тыс. колхозников, рабочих и служащих учреждений и предприятий, расположенных в Московской области, а также 200 тыс. служащих учреждений и предприятий и рабочих предприятий Москвы, не занятых на производстве танков, боеприпасов и вооружения⁴.

¹ Цит. по: Василевский А.М. Дело всей жизни. С. 139—140.

² См.: Военно-исторический журнал. 1991. № 11. С. 21—22.

³ См.: Бок Федор фон. Я стоял у ворот Москвы. Военные дневники 1941—1945 / Пер. А. Кашина; науч. ред. А. Исаев, Н. Баринев. М.: Яуза; Эксмо, 2006. С. 203.

⁴ См.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 12. С. 214—215.

Гитлер был уверен в том, что в ближайшие дни удастся окружить Москву. В директиве № 1571/41 Генштаба сухопутных войск от 12 октября отмечалось, что фюрер не рассчитывает на капитуляцию Москвы, а потому «ни один немецкий солдат не должен заходить» в Москву. Далее в директиве говорилось: *«Кто попытается уйти из города к нашим линиям — должен быть расстрелян. Поэтому непрогражденные участки, которые дают возможность проникновению населения в глубь советской страны, должны поощряться. Ко всем остальным городам также относится то, что перед захватом они должны быть уничтожены артиллерийским огнем и бомбардировочной авиацией, а населению их следует предоставить возможность уйти»*¹.

Фон Бок, считая, что противник перед фронтом группы армий «Центр» разбит, а его остатки отступают, переходя местами в контратаки, 14 октября отдал приказ № 1960/41 на продолжение наступления на московском направлении². Цель — выход «на линию прикрытия с востока» — Рязань, Ока до Коломны, Егорьевск, Орехово-Зуево, течение рек Киржач и Молокча, Загорск, течение р. Дубна, Волжское водохранилище. Одновременно следовало «стремиться к расширению рубежа прикрытия на линии Рязань, болотистая и озерная местность к северо-востоку, оттуда течение рек Польш (правильнее р. Поля. — Авт.), Бужа и Колокша, Юрьев-Польский, Переславль-Залесский, течение реки Нерль и р. Перль до Волги».

15 октября противник, реализуя свой план, овладел Боровском и большей частью г. Калинина. Это вынудило Государственный Комитет Обороны принять постановление «Об эвакуации столицы СССР г. Москвы». Оно предусматривало эвакуацию иностранных миссий, Президиума Верховного Совета, правительства во главе с заместителем председателя СНК Молотовым, органов наркоматов обороны и ВМФ в Куйбышев, а основной группы Генштаба во главе с маршалом Шапошниковым — в Арзамас. В случае появления противника у ворот Москвы Наркомату внутренних дел поручалось «произвести взрыв предприятий, складов и учреждений, которые нельзя будет эвакуировать, а также всего электрооборудования

¹ Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15(4—1). С. 23.

² Там же. С. 24—25.

метро (исключая водопровод и канализацию)»¹. В постановлении отмечалось, что Сталин «эвакуируется завтра или позднее, смотря по обстановке».

Слухи об эвакуации из Москвы породили панику среди населения. В городе начались грабежи и беспорядки. На дорогах возникли пробки, что срывало перегруппировки и снабжение войск. По настоянию Василевского 16 октября с одним из последних эшелонов из Москвы уехали жена Екатерина и сын Игорь. Они поселились у сестры Екатерины, которая проживала в селе Чебаркуль под Челябинском. Василевский также помог с эвакуацией своей первой жены Серафимы Николаевны и сына Юрия. Они выехали в Лысьву, неподалеку от Котласа, а затем переехали в Первоуральск.

В связи с отъездом Шапошникова в Арзамас Василевский, по сути дела, стал главной опорой Сталина. Для обслуживания Ставки ВГК в Москве осталась оперативная группа во главе с Василевским. В ее задачу входили: всесторонняя оценка обстановки на фронте и представление соответствующей информации Ставке; своевременная и правильная выработка предложений и их доклад Сталину; разработка планов и директив на основе принимаемых Ставкой оперативно-стратегических решений; осуществление строгого и непрерывного контроля за выполнением решений Ставки, боеготовностью и боеспособностью войск, их материально-техническим обеспечением, формированием и подготовкой резервов. В состав оперативной группы были включены начальники основных направлений Оперативного управления и по одному работнику от основных управлений Генштаба: В.В. Курасов, М.Н. Шарохин, П.П. Вечный, Ф.И. Шевченко, А.Г. Карпонос, А.И. Шимонаев, М.Т. Беликов, П.Н. Белюсов, К.И. Николаев и А.И. Гриненко.

Войска группы армий «Центр» настойчиво рвались к Москве. 17 октября им удалось захватить г. Калинин. Обсуждая с Шапошниковым и Василевским положение на фронтах, Сталин прислушался к их предложению о выделении войск, которые действовали на осташковском и ржевском направлениях, а также в районе Калинина, в самостоятельный Калининский фронт во главе с генералом

¹ См.: Из истории Великой Отечественной войны // Известия ЦК КПСС. 1990. № 12. С. 217.

Коневым. Это позволило упорядочить управление на стыке Северо-Западного и Западного фронтов и почти вдвое сократить полосу обороны Западного фронта. В состав нового фронта вошли 22, 29, 30, 31-я армии и оперативная группа генерала Ватутина. Его войскам предстояло «очистить от войск противника район Калинина и ликвидировать во взаимодействии с Западным и Северо-Западным фронтами попытки противника обойти Москву с севера»¹.

19 октября Сталин и Василевский одобрили представленный Жуковым план отхода армий Западного фронта с Можайского оборонительного рубежа на линию Новозавидовский, Клин, Истринское водохранилище, Истра, Жаворонки, Красная Пахра, Серпухов, Алексин². Отвод войск допускался только с особого разрешения Ставки. По решению ГКО с 20 октября в Москве и прилегающих к ней районах было введено осадное положение.

К концу октября войска Западного фронта в ходе ожесточенных боев остановили противника на р. Нара, на линии 14 км западнее Серпухова, восточнее Тарусы (25 км юго-западнее Серпухова), западная окраина Алексина, на рубеже Колюбакино (19 км юго-западнее Звенигорода), Тучково (30 км северо-восточнее Можайска), восточная окраина Дорохова, Нарвские пруды. Войска Калининского фронта задержали соединения 9-й армии и 3-й танковой группы на рубеже рек Большая Коша и Тьма. Войскам 2-й танковой армии не удалось захватить Тулу.

Сталин в эти тревожные дни убедился в том, что Василевский способен обеспечивать надежную работу Ставки ВГК. 27 октября на совещании в Кремле, на котором присутствовал также маршал Буденный, Сталин спросил Василевского:

— Товарищ Василевский, не могли ли бы вы написать постановление о присвоении очередного воинского звания одному из генералов.

— Могу, — ответил Александр Михайлович. — Позвольте узнать, о присвоении какого звания и кому идет речь.

— Товарищу Василевскому.

Такой ответ озадачил Александра Михайловича.

¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5—1). С. 248.

² См.: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15(4—1). С. 111—112.

— Я прошу вас, товарищ Сталин, освободить меня от выполнения этого поручения.

Сталин, шутя, ответил:

— Ну хорошо, занимайтесь своими делами, а уж в этом мы как-нибудь обойдемся и без вас.

Василевский, поблагодарив за такую высокую оценку его работы, поинтересовался, можно ли отметить также и заслуги его прямых помощников. Сталин согласился с этим предложением и обязал Василевского сообщить секретарю Поскребышеву, кого и как следует отметить. 28 октября постановлением СНК СССР четверым членам оперативной группы были присвоены очередные воинские звания: Василевскому — генерал-лейтенанта, Карпоносову, Курасову и Шевченко — генерал-майора.

Авиация противника по-прежнему совершала налеты на Москву. В ночь на 29 октября фугасная бомба угодила во двор здания, где размещалась оперативная группа Генштаба. В результате было убито три шофера и ранено 15 командиров. В числе пострадавших оказался и генерал Василевский, но он продолжал работать. После этого случая все перебрались в метро.

Противник не смирился с тем, что операция «Тайфун» захлебнулась. 30 октября фон Бок отдал приказ № 2250/41 о продолжении операции по окружению Москвы¹. Во исполнение этого приказа соединения 2-й танковой армии 1 ноября предприняли попытку обойти Тулу с юго-востока и востока. Однако контрудар 3-й и 50-й армий, проведенный 7 ноября, вынудил противника на десять дней прекратить наступление.

В тот день, когда 2-я танковая армия была остановлена, в Москве на Красной площади состоялся военный парад. Его принимал заместитель наркома обороны маршал Буденный, командовал парадом командующий войсками Московского военного округа генерал Артемьев. Это событие показало всему миру, что Россия жива, сыграло огромную роль в укреплении морального духа Красной Армии, всего народа.

С целью совершенствования управления войсками, действовавшими на тульском направлении, по предложению Василевского с

¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15(4—1). С. 63—64.

18 часов 10 ноября Западному фронту передавалась 50-я армия Брянского фронта, а его 3-я и 13-я армии с 12 часов 11 ноября включались в состав Юго-Западного фронта¹. Брянский фронт был расформирован.

После небольшой оперативной паузы войска группы армий «Центр» 15 ноября возобновили наступление, нанося главные удары севернее и южнее Москвы. 22 ноября они захватили Сталиногорск (Новомосковск), а на следующий день — Клин. Однако к этому времени противник действовал уже на пределе возможного. Несмотря на это, 27 ноября фон Бок предпринял еще одну отчаянную попытку прорваться к Москве. В ночь на 28 ноября передовой отряд немецкой 7-й танковой дивизии захватил Яхрому и мост через канал Москва — Волга. 30 ноября враг занял Красную Поляну, подойдя к Москве на пушечный выстрел. Однако фон Бок, реально оценивая обстановку, не испытывал повода для торжества. 1 декабря он докладывал Верховному главнокомандованию вермахта: *«Сражения последних 14 дней показали, что “полное уничтожение” противостоящей нам русской армии является не более чем фантазией. Остановиться у ворот Москвы, где сеть шоссе и железных дорог является наиболее густой во всей Восточной России, означает завязать тяжелые позиционные бои против значительно превосходящего нас по численности противника. Между тем войска группы армий совершенно к этому не готовы. Но даже если невозможное станет возможным и нам в ходе наступления удастся поначалу захватить новые территории вокруг Москвы, у меня все равно не хватит войск, чтобы окружить город и плотно запечатать его с юго-востока, востока и северо-востока. Таким образом, проводящееся сейчас наступление является атакой без смысла и цели (выделено нами. — Авт.), особенно учитывая тот факт, что время приближается к роковой черте, когда силы наступающих войск будут исчерпаны полностью»*².

Этот вывод примечателен тем, что фон Бок признал провал плана блицкрига. Он считал, что если группе армий «Центр» придется

¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5—1). С. 280, 282.

² Цит. по: Бок Федор фон. Я стоял у ворот Москвы. Военные дневники 1941—1945. С. 262.

вести зимой оборонительные бои, то это возможно, лишь при условии усиления не менее чем 12 дивизиями. Кроме того, требовалось время для наведения порядка на железных дорогах, обеспечения регулярного снабжения войск и создания необходимых запасов. Если оба этих условия не будут соблюдены, то следует найти в тылу группы армий удобные для обороны «спрямленные позиции», которые войска смогут занять, как только соответствующий приказ будет издан.

К 5 декабря в 70—100 км к западу от Москвы наступило временное затишье. Операция «Гайфун» захлебнулась. Стратегическая инициатива стала переходить к Красной Армии. В ходе Московской стратегической оборонительной операции советские войска понесли значительные потери: безвозвратные — 514 338, санитарные — 143 941 человек, 2785 танков, 3832 орудия и миномета, 293 боевых самолета¹. Эти утраты несопоставимы с потерями врага, которые только в период с 16 ноября по 5 декабря составили 155 тыс. человек, 777 танков, сотни орудий и минометов.

В то время как фон Бок пытался прорваться к Москве, в штабе Западного фронта под руководством генерала армии Жукова была завершена разработка плана контрнаступления на западном стратегическом направлении. 30 ноября Жуков направил его в Ставку ВГК с запиской на имя генерала Василевского: *«Прошу срочно доложить Народному Комиссару Обороны т. Сталину план контрнаступления Зап. фронта и дать директиву, чтобы можно было приступить к операции, иначе можно запоздать с подготовкой»*².

Однако Василевский пишет, что не только командующий Западным фронтом, но и Ставка ВГК является инициатором этого контрнаступления: *«Сама идея контрнаступления под Москвой возникла в Ставке Верховного Главнокомандования еще в начале ноября, после того как первая попытка противника прорваться к столице была сорвана. Но от нее пришлось тогда отказаться вследствие нового фашистского натиска, для отражения которого потребовались имевшиеся у нас резервы. Лишь в конце ноября,*

¹ См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. С. 273, 484.

² Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15(4—1). С. 160.

когда противник исчерпал свои наступательные возможности, его ударные группировки оказались растянутыми на широком фронте, и он не успел закрепиться на достигнутых рубежах, Ставка возвратилась к идее контрнаступления»¹.

Почему Жуков обратился именно к Василевскому с просьбой доложить Сталину план, разработанный в штабе Западного фронта? Как известно, в 10-х числах ноября в Москву вернулся Генштаб во главе с маршалом Шапошниковым. Но в конце ноября он заболел, и Сталин возложил снова на Василевского исполнение обязанностей начальника Генштаба.

План контрнаступления содержал пять пунктов в виде пояснений к приложенной карте:

«1. Начало наступления, исходя из сроков выгрузки и сосредоточения войск и их довооружения: 1 ударной, 20 и 16 армий и армии Голикова (10-я резервная армия. — Авт.) с утра 3—4 декабря, 30 армии 5—6 декабря.

2. Состав армий согласно директивам Ставки и отдельные части и соединения, ведущие бой на фронте в полосах наступления армий, как указано на карте.

3. Ближайшая задача: ударом на Клин, Солнечногорск и в истринском направлении разбить основную группировку противника на правом крыле и ударом на Узловая и Богородицк во фланг и тыл группе Гудериана разбить противника на левом крыле фронта армий Западного фронта.

4. Дабы сковать силы противника на остальном фронте и лишить его возможности переброски войск 5, 33, 43, 49 и 50 армии фронта 4—5 декабря переходят в наступление с ограниченными задачами.

5. Главная группировка авиации (3/4) будет направлена на взаимодействие с правой ударной группировкой и остальная часть с левой — армией генерал-лейтенанта Голикова».

На документе резолюция синим карандашом: «Согласен. И. Сталин».

Как мы видим, план предусматривал проведение операции силами только одного, Западного фронта на глубину до 60 км к се-

¹ Цит. по: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. С. 148.

веру от столицы и около 100 км — к югу от нее. «Для постановки войскам фронта более далеких и решительных целей, — отмечал Жуков, — у нас тогда еще не было сил. Мы стремились только отбросить врага как можно дальше от Москвы и нанести ему возможно большие потери»¹.

Сталин и Василевский, обсудив представленный план, решили привлечь к контрнаступлению также войска Калининского и Юго-Западного фронтов. От Калининского фронта требовалось нанести удар в направлении Микулино, Городище и Тургиново, выйти на тылы клинковой группировки противника и оказать содействие войскам Западного фронта в ее уничтожении². По указанию Сталина в ночь на 5 декабря Василевский выехал в штаб Калининского фронта, чтобы лично передать командующему фронтом директиву на переход в контрнаступление и разъяснить ему все требования по ней.

А.М. Василевский, выполнив поручение Верховного Главнокомандующего, вернулся в Москву, переоделся в парадную форму и поехал в Кремль. Здесь Сталин проводил прием в честь председателя совета министров Польской Республики генерала В. Сикорского.

Сталин, поздоровавшись с Василевским, спросил:

— Какое настроение у товарища Конева?

— По-моему, боевое. Завтра утром начинает контрнаступление, обещал выполнить директиву Ставки.

— Это уже хорошо... А что это у вас на мундире один лишь орден Красной Звезды и медаль «XX лет РККА»? Почему не надели остальные ордена и медали?

— У меня их нет...

— Вот как? — удивился Сталин. — А за что Вас наградили орденом Красной Звезды?

— За добросовестную работу в Генштабе во время войны с Финляндией.

— Да, негусто у вас с наградами, — покачал головой Сталин и пригласил всех следовать за ним в зал приема...

¹ Цит. по: Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 3-х т. 10-е изд., дополненное по рукописи автора. М.: Изд-во Агентства печати «Новости», 1990. Т. 2. С. 247.

² См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5—1). С. 316.

Поздно ночью Василевский вернулся домой. В почтовом ящике обнаружил два письма, и на обоих Катин адрес: Челябинская область, г. Чебаркуль, дом отдыха «Дружба», комната 3. Усевшись на диван, Александр Михайлович раскрыл первое письмо и стал читать.

«Саша, милый!

Если ты думаешь, что мне здесь с Игорьком хорошо, то ошибаешься. Страшно по тебе скучаем. А вчера мне приснился странный сон. Будто мы с тобой в подмосковном лесу собираем грибы. Ты в белой рубашке, я в твоём любимом голубом платье. У большого куста крапивы я увидела белый гриб. Протянула руку, чтобы сорвать его, и тут меня укусила... змея! Я вскрикнула от боли. И тут я проснулась... Была вся в поту, во рту горчило, словно глотнула перца, появилась тошнота...

До утра я так и не уснула. Все гадала, к чему бы этот сон? Я так молила Бога, чтобы у тебя там все было хорошо! Ты, видно, часто бываешь на фронте, так что побереги себя, пожалуйста.

Все мы, кто эвакуировался из Москвы, очень переживаем за столицу. Неужели немцам удастся захватить ее? Нет, такого быть не должно!

Игорек чувствует себя хорошо. Часто спрашивает, где его папка и скоро ли он придет домой. Знаешь, Саша, он очень похож на тебя. И нос, и глаза, и рот, и открытый лоб... Я так счастлива, что у нас растет сын! А ты, ты счастлив? Кажется, здесь, вдали от дома, я остро почувствовала, как сильно тебя люблю! И боюсь тебя потерять. Сейчас идет война, и не знаешь, где тебя может смертельно ужалить пуля или осколок.

Как поживает твой друг Георгий Жуков? Если увидишь его, передай от меня привет. Что-то в нем есть подкупающее, и я рада, что у тебя надежный товарищ...

Как будто проснулся Игорек, что-то мурлычет. Пиши, Саша, часто пиши нам. Мой адрес — на конверте. Целую. Твоя Катюша.

Р. С. Сашок, у меня родилась такая мысль. Что, если я оставлю Игоря у сестры, а сама приеду к тебе в Москву, хотя бы на три-пять дней? Жду твоего решения».

Василевский, прочитав письмо, отложил его в сторону и взял второй конверт.

«Саша, дорогой мой!

Весь день я была в слезах, и только под утро мне стало легче. А знаешь отчего? В садике я качала Игорька на качелях, было ветрено, холодно, сыпала ледяная крупа, и он сильно простыл. Под вечер у него поднялась температура, начался жар. Сестра вызвала участкового врача, он живет тут рядом. Врач — старушка лет шестидесяти пяти (молодые врачи все ушли на фронт) — осмотрела его. И что ты думаешь? Воспаление легких! Всю неделю я не отходила от кровати Игорька. Он глотал таблетки и пил горячее молоко с медом и сливочным маслом. Сейчас ему легче. Так что от переживаний я едва не поседела.

Часто думаю о тебе, Сашок, и мысли очень невеселые. В предыдущем письме я говорила тебе, что могу приехать. Теперь я не решусь оставить Игорька кому-либо, даже сестре. За ним нужен глаз да глаз.

Целую тебя, дорогой. Пиши. Твоя Катюша.

Р. S. Где находится в эвакуации Юра? Куда увезла его Серафима? Если у тебя есть его адрес, сообщи мне, я черкну ему письмецо. А Серафима случайно тебе не написала?..»¹

Василевский сразу же начал писать ответ жене:

«Здравствуй, моя Катюша! Ты спрашиваешь, куда уехала Серафима? Она и Юра находятся в Первоуральске неподалеку от Свердловска. Недавно Юра звонил мне, у них все хорошо. Юра работает на заводе учеником слесаря. Скажу тебе, Катюша, что за Юру я переживаю. Ему ведь скоро в армию, а я даже не знаю, кем он хочет стать... Пиши, Катюша, твои письма — бальзам мне на душу.

Целую. Твой Сашок».

В предстоящем контрнаступлении главная роль отводилась войскам Западного фронта. Замысел состоял в том, чтобы ударами правого и левого крыла Западного фронта, отстоявших друг от друга на 200 км, во взаимодействии с Калининским и Юго-Западными фронтами разгромить ударные группировки противника, стремившиеся

¹ Цит. по: Золототрубов А.М. Василевский: Жезл маршала: Роман/ А.М. Золототрубов. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. С. 198—199.

охватить Москву с севера и юга. Активными действиями в центре Западного фронта предстояло сковать силы противника, чтобы лишить его возможности перебрасывать войска для усиления важнейших направлений. Войскам левого крыла Калининского фронта предстояло выйти в тыл клинсковой группировки врага, а затем во взаимодействии с правым крылом Западного фронта уничтожить ее. Войскам Юго-Западного фронта предписывалось окружить и уничтожить елецко-ливленскую группировку противника, поставив под угрозу тылы 2-й танковой армии врага, что содействовало бы ее разгрому войсками левого крыла Западного фронта.

Подготовка к контрнаступлению проводилась в условиях продолжавшегося наступления противника. На западное направление с соблюдением всех мер оперативной маскировки перебрасывались свежие войска, различные военные грузы. Однако многие соединения не были полностью сколочены, укомплектованы необходимым оружием, боевой техникой и транспортными средствами. По решению Ставки ВГК от 24 и 25 ноября в тылу Западного фронта началось сосредоточение трех резервных армий (10, 26, 61-я). С 29 ноября командующему Западным фронтом подчинялись 1-я ударная и 20-я армии¹.

К началу контрнаступления войска Западного, Калининского и Юго-Западного фронтов насчитывали около 1,1 млн человек, 7652 орудия и миномета, 774 танка и 1000 самолетов. Группа армий «Центр» имела 1,7 млн человек, около 13 500 орудий и минометов, 1170 танков, 615 самолетов². Она превосходила советские войска в личном составе в 1,5 раза, в артиллерии — в 1,8, в танках — в 1,5 раза и уступала им только в авиации — в 1,6 раза.

Оперативная маскировка в целом достигла своей цели. Фон Бок оставался в неведении относительно плана контрнаступления. Гитлер и высшее руководство вермахта по-прежнему были уверены в скором падении Москвы.

В 11 часов утра 5 декабря войска левого крыла Калининского фронта, а в два часа дня — и правого фланга 5-й армии Западного

¹ 29 ноября 1941 г. Ставка ВГК приняла решение преобразовать оперативную группу генерала А. И. Лизюкова в 20-ю армию (28, 35, 43 и 64-я стрелковые бригады, 331-я и 334-я стрелковые дивизии, танковый батальон и два дивизиона РС) под командованием генерал-майора А.А. Власова.

² См.: История Второй мировой войны 1939—1945. Т. 4. С. 283—284.

фронта нанесли удары по противнику. Фон Бок, получив сообщение об этом, принял решение об отводе вечером 6 декабря войск 4-й армии, 4-й и 3-й танковых групп¹. Таким образом, фон Бок, исходя из реально сложившейся обстановки, не стал ждать, когда Западный фронт всеми силами перейдет в контрнаступление. Он решил выиграть время и заставить противника ударить по пустому месту.

6 декабря в наступление перешли армии правого крыла и левого крыла Западного фронта. Гитлер, сомневаясь в успехе контрнаступления войск Западного и Калининского фронтов, все-таки принял решение об отводе войск группы армий «Центр»². В ночь на 7 декабря правый фланг 3-й танковой группы начал отход. Однако на ее левом фланге обстановка значительно осложнилась в связи с переходом в наступление войск 1-й ударной армии Западного фронта, которые к исходу дня завершили освобождение Яхромы. Кавалерийская группа генерала П.А. Белова заняла Мордвес и устремилась на Венев. Соединения 10-й армии Западного фронта овладели г. Михайловом и Серебряными Прудами, а 20-я армия — Белым Растом. Оценивая реально сложившуюся обстановку, Гальдер записал в своем дневнике: *«Самым ужасным является то, что ОКВ (от нем. Oberkommando der Wehrmacht — Верховное главнокомандование вермахта. — Авт.) не понимает состояния наших войск и занимается латанием дыр, вместо того чтобы принимать принципиальные стратегические решения. Одним из решений такого рода должен быть приказ на отход войск группы армий “Центр” на рубеж Руза, Осташков»*³.

Действительно, Гитлер в своей директиве № 39 от 8 декабря требовал не допускать превосходства противника и оказывать ему ожесточенное сопротивление. Отход разрешался лишь в том случае, если на прежних позициях части «не смогут из-за отсутствия боеприпасов или продовольствия причинить ущерб противнику». Одновременно группе армий «Юг» предстояло «в течение зимы предпринять наступление с целью выхода на рубеж нижнего те-

¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15(4—1). С. 204.

² Там же. С. 205.

³ Цит. по: Гальдер Ф. Военный дневник. 22.06.1941 — 24.09. 1942. С. 445.

чения рек Дон и Донец» и «как можно быстрее захватить Севастополь».

Тем временем войска Западного фронта продолжили наступление. В ночь на 11 декабря они овладели Сталиногорском 2-м, днем — г. Истрой. 12 декабря был занят Солнечногорск. Соединения Юго-Западного фронта замкнули кольцо окружения вокруг елецко-ефремовской группировки врага. Не столь успешно развивалось наступление войск Калининского фронта, что вызвало раздражение у Сталина. В девятом часу вечера 12 декабря он потребовал от генерала Конева заменить «крохоборскую тактику» тактикой действительного наступления. Войска 29-й и 31-й армий должны были «немедленно окружить и пленить противника в районе г. Калинин, а 30-я и 1-я ударная армии Западного фронта — в районе г. Клин¹.

Успешное развитие контрнаступления вынудило фон Бока 13 декабря попросить главнокомандующего Сухопутными войсками генерал-фельдмаршала фон Браухича подыскать ему замену из-за ухудшения физического состояния. Фон Браухич, изучив сложившуюся обстановку, 14 декабря пришел к выводу о необходимости начать отвод войск группы армий «Центр». Гитлер не возражал против спрямления выступов у Клина и Калинина, но приказал удерживать прежние позиции до последнего солдата, пока не будут завершены все необходимые приготовления для приема войск на тыловых позициях. На усиление группы армий «Центр» перебрасывались несколько дивизий и маршевые батальоны.

Однако все это мало помогало. 15 декабря соединения 1-й ударной и 30-й армий полностью очистили от противника Клин, 10-я армия выбила его из Богородицка, а 50-я армия освободила Ясную Поляну. Войска 29-й и 31-й армий 16 декабря заняли г. Калинин, а кавалерийская группа генерала Белова и войска 10-й армии вышли на р. Упа. На следующий день части 49-й армии, действовавшей на левом крыле Западного фронта, освободили Алексин и стали обходить с тыла Тарусу. Тогда же оперативная группа генерала Ф.Я. Костенко (5-й кавалерийский корпус, 1-я гвардейская стрелковая дивизия, 34-я мотострелковая бригада) вышла к р. Любовша,

¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5—1). С. 333—334.

где подверглась яростным контратакам противника и вынуждена была остановиться.

В те дни внимание Ставки и Генштаба было приковано и к северо-западному направлению. Здесь еще 10 ноября войска 54-й армии Ленинградского фронта, 4-й и 52-й отдельных армий при содействии части сил Северо-Западного фронта приступили к проведению Тихвинской наступательной операции. 17 декабря войска 54-й армии вышли в район Оломны, охватив левый фланг волховской группировки противника. Одновременно соединения 4-й армии охватили ее правый фланг. Под угрозой окружения эта группировка начала поспешно отходить.

Сталин, обсудив с Шапошниковым и Василевским обстановку, приказал войскам Волховского фронта перейти в общее наступление, разгромить противника, обороняющегося на р. Волхов, а затем его окружить и во взаимодействии с войсками Ленинградского фронта пленить или истребить. Прикрытие Ленинграда с севера возлагалось на 23-ю армию, оборонявшую Карельский укрепрайон¹. Одновременно было одобрено предложение Василевского о нанесении не позднее 26 декабря силами Северо-Западного фронта удара из района Осташкова в общем направлении на Торопец, Велиж, Рудня, чтобы в дальнейшем отрезать Смоленск с запада. Кроме того, 29 — 30 декабря войска 11-й армии должны были нанести удар в общем направлении на Старую Руссу, овладеть городом, а затем ударом на Дно и Сольцы во взаимодействии с войсками Волховского фронта отрезать пути отхода противника со стороны Новгорода и Луги².

Гитлер, требуя от войск стойкости, пришел к выводу, что фон Браухич и фон Бок не способны руководить войсками в кризисной ситуации. Руководство сухопутными войсками фюрер взял на себя. Фон Боку был предоставлен отпуск «до полного восстановления здоровья». Сам Браухич был отправлен домой «по болезни». 18 декабря командующим группой армий «Центр» был назначен генерал-фельдмаршал Х.Г. фон Клюге, который до этого руководил войсками 4-й армии. Вместо него армию возглавил генерал А. Кюблер.

¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5—1). С. 339.

² Там же. С. 340.

19 декабря соединения 54-й армии Ленинградского фронта освободили железную дорогу Волхов — Тихвин. Соединения 49-й армии Западного фронта заняли Тарусу, а 20-я армия на следующий день — Волоколамск, лишив противника крупного опорного пункта в системе своей обороны на рубеже Ламы. Однако войска группы армий «Центр», опираясь на прочные оборонительные рубежи на реках Лама и Руза, остановили соединения правого крыла Западного фронта. Это вынудило командующего фронтом генерала армии Жукова 25 декабря принять решение о закреплении на достигнутых рубежах и о планомерной подготовке к прорыву вражеской обороны. С целью совершенствования управления войсками, действовавшими на орловском направлении, Ставка ВГК решила к 24 декабря воссоздать Брянский фронт (3, 13 и 61-я армии) под командованием генерал-полковника Я.Т. Черевиченко, которому надлежало во взаимодействии с армиями Юго-Западного фронта к 5 января 1942 г. овладеть районами Орла и Курска.

Более успешно развивалось наступление в центре и на левом крыле Западного фронта. Соединения 33-й армии к исходу дня 26 декабря заняли Наро-Фоминск. К утру следующего дня войска 49-й армии освободили Высокиничи. 28 декабря кавалерийская группа генерала Белова выбила противника из Козельска, а 30 декабря войска 50-й армии после ожесточенных боев освободили Калугу. Калининский фронт к этому времени продвинулся в глубину вражеской обороны на 15 — 20 км, подойдя на правом крыле к Волге, а в центре — к мощному укрепленному району у г. Старица. Войска Волховского и Ленинградского фронтов, проводившие Тихвинскую операцию, продвинулись на 100 — 120 км, освободили значительную территорию и обеспечили сквозное движение по железной дороге до станции Войбокало. План врага — полностью изолировать Ленинград от страны и задушить его голодом — был сорван.

К исходу дня 7 января 1942 г. войска Калининского, Западного, Брянского и правого крыла Юго-Западного фронтов вышли на рубеж Селижарово, Ржев, Волоколамск, Наро-Фоминск, Мосальск, Белев, Мценск, Тим. На этом завершилась Московская стратегическая наступательная операция, имевшая огромное значение не толь-

ко в военном, но и в политическом отношении. Иностранные газеты писали про «чудо под Москвой». В мемуарах А.М. Василевского содержится исчерпывающая оценка значения этой операции. Вот что он пишет: *«Финал великой битвы под советской столицей имел исключительное морально-политическое значение. Ведь Гитлер в своей агрессивной политике до того момента не знал неудач. Он захватывал одну страну за другой, овладел чуть ли не всей Западной Европой. Немецкая армия в глазах значительной части человечества была окружена ореолом непобедимости. И вот впервые “непобедимые” немецкие войска были биты, и биты по-настоящему... Значение этих побед состояло в том, что советские войска вырвали стратегическую инициативу из рук противника, не позволив ему достичь ни одной из стратегических целей, предусмотренных планом “Барбаросса”. Под воздействием сокрушительных ударов план “Барбаросса” рухнул, а его основа — теория молниеносной войны — потерпела полный крах, заставив фашистское руководство перейти к ведению стратегии затяжной войны. В ходе зимнего наступления советские войска разгромили до 50 дивизий врага, нанеся особенно серьезное поражение основной группировке вражеских войск — группе армий “Центр”. И только в результате резкого ослабления своих сил в Европе, где в то время не велось активных действий против Германии, фашистам удалось спасти свои войска на советско-германском фронте от полной катастрофы»¹.*

Однако положение группы армий «Центр» было не столь уж плачевным, как это ранее изображалось в отечественной историографии. По уточненным данным, она с 6 декабря 1941 г. по 7 января 1942 г. потеряла около 116 тыс. человек, или 14,5% состава дивизий, бригад, отдельных полков и батальонов². Кроме того, по сведениям, приведенным в пятом томе «Военной энциклопедии», в ходе операции были разбиты 38 дивизий, в том числе 11 танковых и 4 моторизованные. В декабре 1941 г. группа армий получила 40,8 тыс. человек маршевого пополнения, что позволило на одну треть восполнить потери. Военная машина нацистской Германии дала сбой, но мощь свою не потеряла.

¹ Цит. по: Василевский А.М. Дело всей жизни. С. 154—155.

² См.: Невзоров Б.И. Московская битва: феномен Второй мировой. М.: СмДиПресс, 2001. С. 131.

Войска Западного, Калининского, Брянского (с 24 декабря 1941 г. по 7 января 1942 г.) фронтов и правого крыла Юго-Западного фронта (с 6 по 31 декабря 1941 г.) потеряли безвозвратно 139 700 человек, а санитарные потери составили 231 369 человек; всего 371 069 человек¹. Следовательно, они в 3,2 раза превышали потери противника в живой силе. Кроме того, в ходе операции было потеряно 429 танков, 13 350 орудий и минометов, 140 боевых самолетов². Столь большие потери были обусловлены необходимостью прорыва вражеской обороны, овладения сильно укрепленными городами и населенными пунктами.

Еще до завершения контрнаступления под Москвой в Ставке ВГК 5 января 1942 г. состоялось расширенное заседание с участием Сталина, генерала армии Жукова, маршалов Шапошникова и Ворошилова, Маленкова, Вознесенского. На заседании обсуждался план предстоящих военных действий. Сталин, переоценив успехи, достигнутые в контрнаступлении под Москвой, считал необходимым осуществить крупные наступательные операции одновременно на всех стратегических направлениях, чтобы создать условия для полного разгрома вермахта уже в 1942 г. Замысел состоял в том, чтобы развернуть общее наступление силами девяти фронтов одновременно от Ладожского озера до Черного моря. Главный удар намечалось нанести на центральном — Западном направлении, по наиболее сильной группировке врага — группе армий «Центр». Эта задача возлагалась на левое крыло Северо-Западного фронта, Калининский, Западный и Брянский фронты, которым путем двустороннего охвата главных сил неприятеля предстояло окружить и уничтожить их в районе Ржева, Вязьмы и Смоленска. Группу армий «Север» должны были разгромить войска Ленинградского, Волховского и правого крыла Северо-Западного фронтов. Им же ставилась задача деблокировать Ленинград. Войскам Юго-Западного и Южного фронтов предстояло разбить главные силы группы армий «Юг» и освободить Донбасс. Армиям Кавказского фронта при содействии Черноморского флота надлежало завер-

¹ См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. С. 276.

² Там же. С. 484.

шить освобождение Крыма. Переход в общее наступление предполагалось осуществить в крайне сжатые сроки.

В целом фронтам предстояло окружить и уничтожить главные силы трех групп армий противника и к весне продвинуться на глубину 300—400 км. Нереальность такого замысла вытекала уже из фактического состояния советских войск. Красная Армия насчитывала около 4,2 млн человек, 28 тыс. орудий и минометов, 1780 танков, из них 506 тяжелых и средних. Им противостояли войска Германии и ее союзников численностью около 4 млн человек, около 35 тыс. орудий и минометов и 1500 танков¹. Советские фронты ни на одном из направлений не имели ни количественного, ни качественного перевеса над противником. Более половины дивизий действующей армии имели примерно 50% штатного состава. Особенно сильно были обескровлены соединения Западного и Калининского фронтов, которые вели непрерывные бои с главной ударной группировкой вермахта, наступавшей на Москву. Эти же фронты играли главную роль и в развернувшемся контрнаступлении.

После совещания Сталин поручил Шапошникову обобщить опыт предыдущих боевых действий и выработать рекомендации по его использованию в предстоящем наступлении. Эту задачу начальник Генштаба возложил на своего заместителя. Василевский, тщательно проанализировав опыт контрнаступления под Москвой, 9 января представил Сталину проект директивного письма Ставки. Он внес в него ряд правок и около двух часов ночи 10 января подписал этот документ. Свою подпись поставил и Василевский.

Директивное письмо за № 03 было адресовано военным советам фронтов. В нем нашло отражение требование Сталина о полном разгроме противника в 1942 г.². Для осуществления этой задачи войска должны научиться взламывать оборонительную линию противника, организовывать прорыв его обороны на всю ее глубину и тем самым открыть дорогу для продвижения пехоты, танков, кавалерии. С этой целью требовалось «заменить в практике наших армий и фронтов действия отдельными дивизиями, расположенны-

¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1942 год. М.: ТЕРРА, 1996. Т. 16(5—2). С. 9.

² Там же. С. 33—35.

ми цепочкой, действиями ударных групп, сосредоточенных в одном направлении». В каждой армии предписывалось в состав ударной группы включить три-четыре дивизии и 60 — 80 орудий, а в каждом фронте — несколько армий и 150—200 орудий.

Далее в письме говорилось:

«Чтобы артиллерийскую поддержку сделать действенной, а наступление пехоты эффективным, нужно от практики артиллерийской подготовки перейти к практике артиллерийского наступления.

Что это означает?

Это означает, во-первых, что артиллерия не может ограничиваться разовыми действиями в течение часа или двух часов перед наступлением, а должна наступать вместе с пехотой, должна вести огонь при небольших перерывах за все время наступления, пока не будет взломана оборонительная линия противника на всю ее глубину.

Это означает, во-вторых, что пехота должна наступать не после прекращения артиллерийского огня, как это имеет место при так называемой артиллерийской подготовке, а вместе с наступлением артиллерией, под гром артиллерийского огня, под звуки артиллерийской “музыки”.

Это означает, в-третьих, что артиллерия должна действовать не вразброс, а сосредоточенно, и она должна быть сосредоточена не в любом месте фронта, а в районе действия ударной группы армии, фронта, и только в этом районе, ибо без этого условия немислимо артиллерийское наступление».

В соответствии с решениями, принятыми Ставкой ВГК, фронты без оперативной паузы развернули общее наступление. 7 января 1942 г. Волховский фронт и левое крыло Ленинградского фронта приступили к проведению Любаньской, основные силы Северо-Западного фронта — Демянской и его левое крыло — Торопецко-Холмской операций. На следующий день Западный и Калининский фронты начали Ржевско-Вяземскую операцию. Позднее, 18 января, в наступление включились Юго-Западный и Южный фронты, проводившие Барвенково-Лозовскую операцию. Все это потребовало от Ставки ВГК и Генштаба крайне напряженной работы по обеспечению надежного руководства военными действиями,

оперативного и материально-технического обеспечения войск. Основная нагрузка, как и прежде, легла на Оперативное управление Генштаба. В связи с тем, что Шапошников снова заболел, Александру Михайловичу снова пришлось исполнять обязанности начальника Генштаба. Он все чаще вызывался в кабинет Сталина для обсуждения тех или иных вопросов. Под директивами и приказами Ставки мы в основном видим подписи двух человек — Сталина и Василевского. В ряде случаев Александр Михайлович подписывает оперативные документы от имени или по поручению Верховного Главнокомандующего или Ставки.

Наряду с Василевским, еще одним доверенным лицом Верховного стал генерал армии Жуков. Два друга, Александр Михайлович и Георгий Константинович, обладали стратегическим чутьем, умели правильно оценивать обстановку, делать из этой оценки верные выводы, предлагая решения, от которых зависели ход и исход той или иной операции. Это, конечно, не означает, что Василевский и Жуков не совершали ошибок. Они, естественно, были. Но бесспорно то, что их с каждым разом становилось все меньше. Василевский и Жуков учились в ходе военных действий, ибо ни в одной академии не могут научить тому, что познается на практике. Правда, Сталин не всегда прислушивался к советам и предложениям Василевского и Жукова. В результате принимались не всегда верные решения, пагубно влиявшие на ход событий. Но в тех случаях, когда Верховный воспринимал правильно все, что ему предлагали, результат всегда был положительным.

Мы не имеем возможности, учитывая объем книги, подробно рассказывать о той титанической работе, которую выполнял Василевский в рассматриваемый период. А потому остановимся лишь на отдельных моментах, характеризующих его как главного оператора Красной Армии. А в этом качестве он предстает перед нами жестким, расчетливым и проницательным военачальником, умеющим четко формулировать свои замыслы, твердо проводить в жизнь принятые решения. Василевский становится весомой фигурой на военном Олимпе, с которым считались именитые военачальники.

Как и прежде, работать приходилось, не считаясь со временем, подстраиваясь под график Верховного. В его кабинете обсужда-

лись ход наступления, какие необходимо принимать меры в конкретно складывавшейся обстановке. Обсуждение этих вопросов велось с приглашением лиц, отвечающих за тот или иной участок работы. Это требовало напряжения всех духовных и физических сил. И хотя Сталин установил время для отдыха Василевского, не всегда ему удавалось им воспользоваться. Ведь он теперь нес ответственность за претворение в жизнь принимаемых Сталиным решений.

А ответственность была громадной, ибо общее наступление Красной Армии развивалось не столь успешно, как это планировалось. Войска Ленинградского, Волховского фронтов и правого крыла Северо-Западного фронта в январе — апреле 1942 г. сковали значительные силы группы армий «Север», окружили ее демянскую группировку, нанесли большой урон врагу, но, понеся значительные потери, не смогли деблокировать Ленинград. Войска Западного и Калининского фронтов при содействии левого крыла Северо-Западного и правого крыла Брянского фронтов в ходе Ржевско-Вяземской операции охватили с северо-запада и юга группу армий «Центр», но не сумели окружить и уничтожить ее основные силы. Армии Юго-Западного и Южного фронтов прорвали оборону врага южнее Балаклеи и Изюма, продвинувшись на 90—100 км, но им не удалось разгромить донбасско-таганрогскую группировку противника. Войска Закавказского (Кавказского) фронта совместно с силами Черноморского флота освободили Керченский полуостров, отвлекли силы противника от Севастополя, создав условия для освобождения Крыма.

В ходе боевых действий Василевский по поручению Сталина неоднократно выезжал во фронты с целью оказанию помощи их командованию. Кроме того, по указанию Верховного он готовил проекты директив фронтам по различным вопросам их деятельности. Так, когда Сталин узнал, что 18 января противник захватил Феодосию, он продиктовал Василевскому текст директивы в адрес командующего Кавказским фронтом. В ней требовалось «за проявленную в боях трусость, за оставление поля боя, в результате чего 44-я армия оказалась без управления, немедленно арестовать исполняющего обязанности командующего 44-й армией генерал-

майора Дашичева»¹. Одновременно предписывалось немедленно привести войска армии в порядок, остановить дальнейшее наступление противника и удержать Феодосию².

31 марта в кабинете Сталина состоялось совещание, которое имело для Василевского судьбоносное значение. Сталин и маршал Шапошников в этот день подписали директиву № 170204 об освобождении генерала В.Д. Соколовского от обязанностей первого заместителя начальника Генштаба с оставлением его в должности начальника штаба Западного направления. Первым заместителем начальника Генштаба был назначен Василевский, а вторым заместителем и по совместительству начальником Оперативного управления — генерал П.И. Бодин, освобожденный от обязанностей начальника штаба Юго-Западного фронта³. Организационное управление Генштаба возглавил генерал Г. Карпоносов, освобожденный от должности заместителя начальника Оперативного управления Генштаба.

Василевский после совещания, собрал бумаги в папку и попросил разрешения покинуть кабинет. Но Сталин остановил его и спросил:

— Вы возвратили семью из эвакуации, а где живет она?

— Мне предоставлена отличная квартира на улице Грановского, — ответил Василевский.

— А где вы отдыхаете, когда имеется возможность? — продолжал Сталин.

— Там и отдыхаю, а чаще в Генштабе, в особняке Ставки, рядом с моим кабинетом имеется приличная комната отдыха, там и сплю.

— А у вас за городом дачи нет?

¹ 21 января 1942 г. генерал И.Ф. Дашичев был арестован. Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила его к лишению всех наград и понижению в воинском звании. В июле Дашичев был снова арестован по обвинению в антисоветской агитации. 31 июля 1953 г. решением Особого совещания при МВД СССР дело по обвинению Дашичева прекращено за отсутствием состава преступления с полной его реабилитацией. В феврале 1954 г. его отправили в отставку.

² См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1942 год. Т. 16(5—2). С. 50.

³ См.: Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. — 1942 г. Т. 13 (2—2). М.: ТЕРРА, 1997. С. 215—216.

— Последние два предвоенных года семья и я пользовались в летние месяцы дачей Наркомата обороны в Краскове, но мне из-за работы и тогда приходилось бывать там редко, так как далеко от Москвы, — ответил Василевский.

Буквально через несколько дней начальник охраны Сталина генерал Власик пригласил Василевского и его жену осмотреть дачу в Вольнском, на берегу р. Сетунь, в 15 минутах езды на автомашине от Генштаба и Кремля. Неподалеку находилась дача Сталина. Хороший домик, окруженный зеленью, очень понравился Василевскому, Екатерине Васильевне и сыну Игорю. Власик тут же вручил им ключи от дачи. Однако Александр Михайлович редко ездил туда: то находился на фронтах, то вынужден был спать по-прежнему в Генштабе. Тем более что в начале апреля он получил предметный урок от вождя.

Василевский, решив все дела, отправился ночью на дачу, чтобы там отоспаться. Утром он немного задержался, как тут раздался телефонный звонок. Взяв трубку телефона, Василевский услышал голос Поскребышева:

— Вас ищет товарищ Сталин.

— Товарищ Василевский, вы не успели обжиться на даче, а уже засиделись там, — сказал Иосиф Виссарионович. — Боюсь, что вы и совсем переберетесь туда. В часы сна можете спать на даче, а в рабочее время будьте в Генштабе.

Это было для Василевского уроком, и, пока шла война, он редко бывал на даче. Семья же пользовалась ею в основном в период его пребывания на фронте.

Со второй половины апреля Василевский по указанию Сталина находился на Северо-Западном фронте, решая вопросы, связанные с ликвидацией окруженной демянской группировки противника. Однако этого не удалось сделать. Неудачи преследовали Красную Армию и на других фронтах. 9 мая Василевский по указанию Сталина вернулся в Москву. Теперь ему предстояло решать вопросы, связанные с планированием и руководством военными действиями, уже в роли исполняющего обязанности начальника Генштаба.

В ходе общего наступления войска Красной Армии разгромили около 50 дивизий противника, отбросили его на запад на

150—400 км, ликвидировали угрозу Москве и Северному Кавказу, облегчили положение Ленинграда, освободили полностью или частично территории 10 областей. Противник, потерпев крупное поражение, был вынужден на всем советско-германском фронте перейти к стратегической обороне. Однако многие операции советских войск остались незавершенными из-за переоценки Ставкой ВГК возможностей своих войск и недооценки сил противника, распыления резервов, неумения создать решающее превосходство на важнейших участках фронта.

Глава 4. **ВО ГЛАВЕ «МОЗГА АРМИИ»**

В своих мемуарах А.М. Василевский отмечает, что 24 апреля 1942 г. И.В. Сталин по телефону сообщил ему, что напряженная работа подорвала здоровье маршала Б.М. Шапошникова. Поэтому решено освободить его от работы и дать возможность подлечиться, а временное исполнение обязанностей начальника Генштаба возложить на Василевского. Маршал Б.М. Шапошников был оставлен в должности заместителя наркома обороны. На следующий день Сталин подписал приказ № 0324 о реорганизации Генерального штаба с целью совершенствования его работы. По сравнению со штатом от 10 августа 1941 г. в структуру Генштаба были внесены следующие изменения: Разведывательное управление стало именоваться Главным разведывательным управлением, Управление строительства укрепрайонов — Управлением укрепленных районов; Отдел по оперативным перевозкам был выведен из Оперативного управления и стал самостоятельным отделом; создан Отдел по использованию опыта войны.

Если судить по опубликованным документам Ставки ВГК, то впервые подпись Василевского в качестве исполняющего обязанности начальника Генштаба появилась только 11 мая 1942 г. В своих мемуарах Александр Михайлович отмечает, что 26 апреля ему было присвоено воинское звание генерал-полковник. По другим данным, это звание он получил лишь 21 мая.

В мае — июне Сталин неоднократно обращался к Василевскому с предложениями полностью принять на себя обязанности началь-

ника Генштаба. Одна из бесед на эту тему велась в кремлевском кабинете Сталина в присутствии командования Юго-Западного направления — С.К. Тимошенко, Н.С. Хрущева и И.Х. Баграмяна. Воздушная тревога прервала беседу и все вынуждены были спуститься в убежище. Здесь Сталин после обсуждения основной темы сообщил:

— В связи с серьезным заболеванием маршала Шапошникова Ставка сейчас занята поиском кандидата на должность начальника Генштаба. По мнению Ставки на эту должность подошел бы давно работающий в Генштабе товарищ Василевский, но он категорически отказывается от этого. Каково ваше мнение?

— Товарищ Сталин, я предлагаю назначить начальником Генштаба маршала Тимошенко, — сказал генерал Баграмян. — Он работал в наркомате обороны и отлично знает роль и содержание работы Генерального штаба.

Однако Тимошенко отклонил это предложение.

— На мой взгляд, для этой должности подходит генерал Голиков, отличный военачальник и политработник.

Сталин, выслушав своих собеседников, произнес:

— Все-таки считаю, что наилучшая кандидатура — это товарищ Василевский.

«Я, как и всякий раз при подобных разговорах, просил этого не делать, — пишет Александр Михайлович. — Я отказывался от этого назначения потому, что искренне считал себя не подготовленным для этой роли, тем более в условиях той сложной военной обстановки. Наблюдая в течение ряда лет за работой Б.М. Шапошникова и некоторых других военачальников, я отлично понимал, что подбор кандидата на должность начальника Генерального штаба является исключительно серьезной проблемой и что далеко не каждый, даже более подготовленный и опытный военачальник, чем я, может с ней справиться. Я считал, что начальник советского Генштаба обязан обладать не только глубокими военными знаниями, боевым опытом, критическим умом, но и рядом других специфических качеств. Он должен быть военачальником, пользующимся высоким авторитетом в Вооруженных Силах и стране, безусловно, с сильной волей и в то же время способным постоянно и во всех случаях проявлять выдерж-

ку, спокойствие и разумную гибкость в руководстве огромным и столь ответственным, разнохарактерным коллективом, каким является Генеральный штаб, и в то же время иметь и дипломатические способности»¹.

Все те качества, которые перечислил Василевский, несомненно, были присущи и ему. Сталин, имевший немалый опыт в решении кадровых вопросов, это давно уже уловил. Вот, что по этому поводу пишет В.С. Яровиков²:

«В выдвигании его на столь высокий пост большую роль сыграла рекомендация Б.М. Шапошникова. Он давно заметил военное дарование Александра Михайловича, продвигал его по служебной лестнице, а теперь хотел видеть его на своем месте. Решающее значение имело, конечно, мнение Сталина. К тому времени он уже оценил роль Генерального штаба в войне и хотел иметь во главе его военного стратега, который бы глубоко мыслил категориями развернувшейся войны, понимал тенденции ее развития, являлся первым помощником в планировании военных действий, умело вел за собой большой и сложный коллектив генштабистов. Верховный, конечно, сопоставлял Василевского с другими возможными кандидатами на пост начальника Генштаба. А его возглавляли такие талантливые военачальники, как К.А. Мерецков, Г.К. Жуков. Но теперь они командовали фронтами. К Василевскому Верховный приглядывался давно. Особенно близко мог наблюдать за ним после эвакуации в 1941 году части коллектива Генштаба из Москвы. Василевский находился с ним рядом почти все дни и ночи. Выполнял любое его задание оперативно, с умом, давая обоснованные предложения по усилению оборонительных действий советских войск, подготовке и проведению контрнаступлений под Москвой и на других направлениях. Когда только спал! А когда Б.М. Шапошников серьезно заболел и Василевский, в полном объеме выполняя его обязанности, показал возросшую зрелость руководящего военного деятеля, Сталин окончательно убедился в правильности своего выбора. События на фронтах не радовали, до предела усложнилось руководство войсками. Василевский был неизменно

¹ Цит. по: Василевский А.М. Дело всей жизни. С. 196.

² См.: Яровиков В.С. Грани военного таланта: О Маршале Советского Союза А.М. Василевском. 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1985.

собранным, мобильным, способным нести ответственность за Генштаб, находить контакты с командованием фронтов, армий, управлениями Народного комиссариата обороны, с Госпланом, наркоматами, производящими оружие, боевую технику».

26 июня 1942 г. приказом № 199 Ставки ВГК генерал Василевский был утвержден в должности начальника Генштаба. С целью повышения статуса Александра Михайловича постановлением СНК СССР от 14 октября он был назначен заместителем наркома обороны.

Итак, А.М. Василевский достиг пика своей карьеры. Он теперь стал во главе «мозга армии». Теперь ему придется нести ответственность за всю работу огромного коллектива Генерального штаба. Василевский ничего не изменил в стиле деятельности Генштаба, который сложился под руководством маршала Шапошникова. Не произошло и «перетряхивания» кадров. Работа Генштаба пошла в том же ритме и с такой же высокой степенью напряженности.

А.М. Василевский руководил Генштабом около трех лет, из которых почти два года (более 22 месяцев) провел на фронтах в роли представителя Ставки ВГК. *«В тех конкретных условиях ведения вооруженной борьбы такая практика являлась, — отмечал Александр Михайлович, — я бы сказал, не только правильной, но и необходимой для Ставки и Генерального штаба, так как она позволяла при принятии окончательных решений и при разработке планов проведения операций исходить не только из данных, которые имеются в Центре, но уже в значительной мере учитывать особенности обстановки непосредственно на месте и производить на этой основе более обоснованные расчеты».* В то же время Василевский подчеркивает: *«Безусловно, нельзя отрицать при этом того, что, часто выезжая на фронт и находясь там, я, как начальник Генерального штаба, не мог принимать непосредственного участия в решении всех вопросов, над которыми обязан был работать аппарат Генштаба, и лишился возможности повседневного общения с его коллективом, а следовательно, и возможности оказывать постоянную, практическую помощь в работе его управлениям и отделам. И это немало беспокоило меня, беспокоило и потому, что я остро чувствовал и воспринимал ту довольно жесткую, не дававшую каких-либо скидок требова-*

тельность, которую предъявлял ко мне Верховный Главнокомандующий почти каждый раз за те или иные упущения или промахи в работе Генерального штаба. Поэтому я, будучи в отрыве от Генерального штаба, принимал все меры к тому, чтобы обеспечить себе возможность для более эффективного руководства его работой. Учитывая порою крайне слабую укомплектованность его руководящими кадрами, вынужден был неоднократно докладывать о своем беспокойстве за Генштаб Ставке Верховного Главнокомандования. Однако И.В. Сталин несколько проще относился к этому моему беспокойству»¹.

В отсутствие А.М. Василевского во главе Генштаба оставался военный комиссар Ф.Е. Боков, который 8 августа 1942 г. был назначен заместителем начальника Генштаба, хотя и не был подготовлен для выполнения чисто оперативных функций. Заместители начальника Генштаба генералы Н.Ф. Ватутин и П.И. Бодин, назначенные на эти должности по просьбе А.М. Василевского, вскоре, в июле, решением И.В. Сталина были направлены первый — командующим войсками Воронежского фронта, а второй — начальником штаба Сталинградского фронта. В результате Оперативное управление снова осталось без руководителя. Василевский, стремясь обеспечить бесперебойную и эффективную работу одного из важнейших управлений Генштаба, обратился к Сталину с просьбой назначить начальником Оперативного управления и первым заместителем начальника Генштаба генерал-лейтенанта А.И. Антонова, руководившего штабом Закавказского фронта.

— Напрасно вы так озабочены работой Генштаба, — сказал Сталин. — Главное сейчас для Ставки, для Генштаба, да и для всех — это успешное выполнение проводимых и намеченных нами операций, на них и должно быть сосредоточено все ваше внимание, сюда должно быть направлено и основное внимание Генштаба, к тому же все важнейшее по ним Генштабом уже сделано, а с остальными канцелярскими делами мы как-нибудь справимся и без вас, а когда вы будете необходимы здесь как начальник Генерального штаба при решении новых задач, то не беспокойтесь, мы вас не забудем и пригласим. Если же у Генерального штаба в процессе

¹ Цит. по: *Василевский А.М. Дело всей жизни.* С. 469.

его работы встанут какие-либо серьезные затруднения и появится необходимость помочь ему, то думаю, что вы сможете это сделать и находясь на фронте. А в основном сейчас не вы должны помогать Генштабу, а Генштаб вам.

Сталин в то время не придавал должного значения роли Генштаба в планировании и руководстве вооруженной борьбой, считая, что он занимается обыденной канцелярщиной. Осознание своей ошибки придет к Верховному Главнокомандующему позже, когда Генштаб под руководством генерала Василевского докажет, что является полноценным рабочим органом Ставки ВГК. Однако надо отдать должное настойчивости Василевского, который сумел убедить вождя в необходимости назначения генерала Антонова в Генштаб. Такое назначение состоялось 11 декабря 1942 г., несмотря на то что Сталин лично его не знал. *«Многие его знали и одобрительно отзывались о нем, — пишет генерал армии С.М. Штеменко. — А.И. Антонов детально знакомился с людьми управления, тщательно изучал оперативную обстановку, вполне свободно ориентировался и в делах Генштаба, и в положении на фронтах. Постепенно у нас прекратились бдения в приемной. Не без помощи Антонова Верховным Главнокомандующим был установлен трудный и жесткий, но в целом необходимый и приемлемый регламент работы Генштаба, который сохранился на годы. При этом сам он делил с нами все тяготы службы»*¹.

В исторических исследованиях последнего времени, в том числе в труде «Генеральный штаб Российской армии: история и современность», в разработке которого участвовал и автор данной книги, дана развернутая характеристика деятельности Генштаба в годы войны. Поэтому мы остановимся лишь на отдельных вопросах, наиболее ярко характеризующих роль начальника Генштаба А.М. Василевского.

Одной из наиболее важных и сложных задач Генштаба и его начальника являлось планирование военных кампаний. За два-три месяца до начала новой кампании в Генштабе, исходя из военно-политической цели и задач вооруженной борьбы, определенных политическим руководством, и с учетом складывавшейся страте-

¹ Цит. по: Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. 2-е изд. М.: Воениздат, 1989. Кн. 1. С. 107.

гической обстановки на всем советско-германском фронте, разрабатывались предложения и осуществлялись предварительные расчеты для Ставки ВГК относительно ее общего стратегического замысла, материально-технического обеспечения войск, подготовки необходимого количества стратегических резервов и их использования и по многим другим вопросам¹. В общем стратегическом замысле находили отражение способ действий вооруженных сил, направления сосредоточения основных усилий, распределение сил и средств по стратегическим направлениям, состав и порядок создания на них стратегических группировок войск, их возможные задачи, очередность и время применения, основы взаимодействия и др. Предложения с необходимыми обоснованиями и расчетами обычно докладывались начальником Генштаба на совещаниях в Ставке с участием членов Политбюро ЦК ВКП(б) и ГКО. После обсуждения и принятия Ставкой ВГК решения в Генштабе с привлечением (в части касавшейся) представителей главных и центральных управлений Наркомата обороны, наркоматов промышленности и других центральных органов осуществлялось окончательное планирование. При этом детально разрабатывались только планы начальных (исходных) операций, а последующие операции намечались в общих чертах. Они планировались в ходе военных действий в зависимости от результатов исходных операций. В зависимости от развития обстановки Генштаб вносил коррективы в ранее разработанные планы и создавал новые группировки войск для проведения новых операций. В этой связи большинство кампаний подразделялось на этапы².

Планирование военных действий в оборонительных кампаниях имело свою специфику. Летом 1942 г. переход Красной Армии к стратегической обороне был вынужденным. Ставка ВГК и Генштаб могли лишь наметить общую цель и способ действий вооруженных сил: в упорных оборонительных сражениях, сочетаемых

¹ См.: Советское военное искусство в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.: В 3-х т. М., 1962. Т. 3. С. 445; Проблемы военного искусства во Второй мировой войне и в послевоенный период (Стратегия и оперативное искусство). М.: Изд-во ВАГШ, 1995. С. 198.

² Некоторые кампании не подразделялись на этапы (зимняя 1944 г., кампания на Дальнем Востоке). См.: Военное искусство во Второй мировой войне (Стратегия и оперативное искусство). С. 194.

на ряде направлений с частными наступательными операциями и контрударами, измотать, обескровить противника, остановить его продвижение и создать условия для перехода в наступление (контрнаступление). После принятия решения на ведение стратегической обороны Генштаб совместно со Ставкой разрабатывал и реализовывал мероприятия, вытекавшие из определенного замысла. К ним относились: строительство оборонительных рубежей с заблаговременным занятием ряда из них войсками; подготовка стратегических резервов и их использование для восстановления прорванного фронта, усиления группировок на важнейших направлениях; согласование усилий этих группировок и фронтов (армий) внутри них, видов вооруженных сил и родов войск с целью отражения ударов противника и его разгрома. Для того чтобы истощить и остановить мощные ударные группировки вермахта на каждом стратегическом направлении готовились и проводились несколько последовательных по глубине стратегических оборонительных операций. В ходе оборонительных кампаний стратегическая оборона непрерывно совершенствовалась: увеличивались глубина построения оборонительных группировок, их состав и эшелонирование, росло искусство инженерного оборудования местности, повышалась эффективность противотанковой и противовоздушной обороны. Стратегическая оборона становилась все более активной и устойчивой.

Планирование военных действий в наступательных кампаниях зависело от различных целей и конкретно складывавшейся обстановки, соотношения сил и средств в те или иные периоды войны. Все это накладывало отпечаток на характер стратегического планирования кампаний. Так, зимняя кампания 1942/43 г., связанная с борьбой за захват стратегической инициативы, началась с контрнаступления на решающем направлении советско-германского фронта (сталинградском — в ноябре 1942 г.). В последующем, по мере выявления результатов контрнаступления, планировались и организовывались новые наступательные операции, но уже на более широком фронте и на значительную глубину (общее стратегическое наступление).

Для достижения целей кампаний Ставка ВГК и Генеральный штаб создавали, как правило, несколько стратегических группиро-

вок, основу которых составляли фронтовые объединения. Каждая такая группировка обычно включала от 2 до 4 фронтов, усиливалась объединениями и соединениями других видов вооруженных сил. Наиболее крупные группировки предназначались для проведения главных операций.

Основным содержанием военной кампании являлись стратегические операции, планирование и подготовка которых занимали центральное место в деятельности Генштаба и его начальника. Всего в ходе войны было подготовлено и проведено более 50 таких операций, замыслы и планы которых разрабатывались, как правило, по решению Ставки ВГК. В ряде случаев инициатором проведения стратегических операций являлся Генеральный штаб.

В годы войны благодаря усилиям и профессионализму начальника Генштаба А.М. Василевского сложилась определенная, достаточно эффективная система планирования стратегических операций. В связи с тем, что в 1942 г. переход войск Красной Армии к обороне был вынужденным, стратегические оборонительные операции, как и в целом кампании, заранее не планировались. Их организация осуществлялась в основном в условиях крайнего дефицита времени, одновременно с отражением ударов превосходящих сил противника, обладавшего к тому же господством в воздухе. При этом приходилось решать широкий круг проблем, в том числе вскрытие замысла противника и состава группировок его войск, создание своей оборонительной группировки и выбор наиболее целесообразного ее оперативно-стратегического построения, инженерное оборудование местности и др. После этого Ставка ВГК определяла стратегическую цель и общий замысел операции, на основе которых Генштаб разрабатывал общую и частные директивы. Такой метод планирования наиболее четко проявился уже в летне-осенней кампании 1942 г.

Основным способом ведения стратегических оборонительных операций являлось сочетание позиционных форм с высокой активностью войск. Последняя находила свое выражение в широком маневре силами и средствами, в проведении контрударов и частных наступательных операций, в нанесении массированных ударов артиллерией и авиацией по главной вражеской группировке и др. Это позволило Красной Армии в ряде стратегических операций,

правда, ценой утраты значительной территории, больших людских и материальных потерь, сорвать наступательные замыслы противника, нанести ему существенный урон и удержать важнейшие военно-политические и административные центры страны (операции на сталинградском и других направлениях), а в некоторых — и создать выгодные условия для перехода в контрнаступление (Сталинградская операция).

Особое место в ряду стратегических оборонительных операций занимает операция под Курском в июле 1943 г. Она, в отличие от других, готовилась не вынужденно, а преднамеренно. В последующем (осенью 1943 и в 1944 г.) оперативная и стратегическая оборона организовывалась только на отдельных направлениях, причем на короткое время. Она была призвана обеспечить ведение решительных наступательных операций там, где определялась судьба войны.

Особенностью стратегических оборонительных операций 1941—1943 гг. являлось то, что они имели не только значительный пространственный размах, но и в них участвовало значительное количество сил и средств. Большинство оборонительных операций проводилось на фронте 450—650 км, при глубине отхода советских войск до 300—600 км и более¹. Состав войск в ходе операций менялся. Как правило, на первом этапе операций, в связи с потерями, он резко сокращался, но затем, по мере подхода резервов, возрастал.

Методы планирования стратегических наступательных операций складывались в ходе военных действий. С 1942 г. подготовка исходных стратегических наступательных операций той или иной кампании проводилась, как правило, в период стратегических пауз, продолжавшихся от двух до четырех месяцев. Это позволяло своевременно пополнить части и соединения людьми, боевой техникой, накопить материальные запасы, подготовить войска и штабы к предстоящим действиям, оборудовать исходные районы для наступления, всесторонне спланировать операцию и отработать все вопросы взаимодействия. К разработке планов таких операций Генштаб в соответствии с указаниями Ставки ВГК приступал

¹ См.: История военной стратегии России / Под ред. В.А. Золотарева. М.: Кучково поле; Полиграфресурсы, 2000. С. 315.

обычно за 2—2,5 месяца до начала наступления¹. Исходя из этого, Генштаб определял цель и замысел операций, способы их ведения, намечал этапы той или иной операции, задачи фронтов и т. д. Затем ориентировал командующих войсками о замысле стратегической операции и задачах, которые им предстояло в ней решать. В соответствии с этой ориентировкой командующие фронтами представляли в Генштаб свои соображения по наиболее эффективному, с их точки зрения, использованию своих войск, которые учитывались при окончательной отработке ее плана. Нередко в Ставке ВГК проводились совещания с участием командующих войсками фронтов, где обсуждались планы предстоящих действий.

В окончательном виде оперативная часть плана обычно оформлялась в Генштабе на карте. В других планирующих документах находили отражение все вопросы, связанные с обеспечением фронтов резервами, вооружением, боевой техникой, транспортом, материальными средствами. Особое внимание уделялось вопросам планирования очередности подвоза фронтам всего необходимого для ведения операций. После завершения отработки планов в Генеральном штабе Ставка отдавала фронтам директивы (обычно за две-три недели до начала наступления). В директивах указывались: цель операции фронта; ближайшие и дальнейшие задачи войск и сроки их выполнения; количество, состав ударных группировок и направления их ударов; разграничительные линии между фронтами; в отдельных случаях — оперативное построение войск, порядок использования подвижных войск, плотность артиллерии и др. Одновременно ставились задачи дальней авиации, Войскам ПВО, а на приморских направлениях и флоту, организовывалось взаимодействие между фронтами и стратегическими группировками, действовавшими на разных направлениях. Вся остальная работа по планированию осуществлялась командованием и штабами фронтов.

Иногда Генштабом, особенно во второй половине Великой Отечественной войны, когда линия фронта стремительно отодвигалась на запад, а наступательные действия на различных его участках или подготовка к ним велись почти непрерывно, применялся и другой

¹ См.: Советское военное искусство в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Т. 3. С. 445.

метод планирования стратегических операций. Суть его состояла в том, что командующим фронтами предписывалось представить в Генштаб письменные соображения о планах операций (нередко военные советы фронтов представляли свои соображения о планах дальнейших действий и без предварительного указания Ставки). Эти планы тщательно изучались в Генштабе, докладывались Ставке, и если та была в принципе согласна с ними, то план корректировался, после чего Генеральный штаб распорядительным порядком «увязывал» действия фронтов и готовил для каждого из них соответствующие директивы.

Целью большинства стратегических наступательных операций, проведенных в первом и втором периодах войны, обычно являлся разгром крупных стратегических группировок противника (от 30 — 40 до 60 — 80 дивизий), овладение важными в политическом, экономическом и стратегическом отношениях районами (Северным Кавказом, Донбассом, Крымом) или стратегическими рубежами (по рекам Десна, Днепр, Висла, государственной границе), освобождение административных территорий (Прибалтика, Белоруссия, Молдавия). В третьем периоде войны целями операций являлись освобождение оккупированных противником стран (Польша, Чехословакия, Югославия), последовательный вывод из войны на стороне Германии ее союзников (Румыния, Финляндия, Венгрия), завершение ее разгрома. Для достижения этих целей проводились несколько операций разного масштаба.

Для достижения целей стратегических операций Ставка ВГК и Генштаб создавали крупные группировки войск. В их состав, как уже отмечалось, входило от двух до четырех фронтов (100—200 расчетных дивизий), объединения и соединения дальней авиации и Войск ПВО страны, а на приморских направлениях и реках (озерах) — силы флотов и речных (озерных) флотилий. Количество сил и средств в стратегических группировках в годы войны имело тенденцию к возрастанию. В операциях третьего периода оно составляло до 1,5—2,5 млн человек, от 20 до 40 тыс. орудий и минометов, от 3 до 6 тыс. танков и САУ, от 2 до 7,5 тыс. самолетов¹. Некоторые стратегические наступательные операции (Киевская в

¹ См.: Проблемы военного искусства во Второй мировой войне и в послевоенный период. С. 207.

1943 г., Львовско-Сандомирская и Петсамо-Киркенесская в 1944 г.) проводились силами одного фронта. В Петсамо-Киркенесской операции участвовали также силы Северного флота.

Формы и способы разгрома противника в стратегических наступательных операциях отличались большим разнообразием. К ним относились: окружение и уничтожение его крупных группировок; рассеяние сил противника мощным ударом на большую глубину и разгром их по частям; дробление противостоявшей стратегической группировки рядом мощных ударов на нескольких направлениях с развитием успеха в глубину и в стороны флангов. Во многих операциях эти способы сочетались. Способ разгрома противника выбирался с учетом конкретной обстановки, соотношения сил, характера театра военных действий, начертания линии фронта, положения и возможностей своих войск и противника. Поэтому каждая новая наступательная операция, как правило, отличалась от предыдущей.

Особое внимание при подготовке и в ходе стратегических операций уделялось внезапности, являвшейся одним из главных факторов успеха. Это позволяло в более короткие сроки добиваться значительных результатов, вынуждая противника допускать крупные просчеты. С целью достижения внезапности проводились следующие мероприятия: сосредоточение и неожиданный для противника ввод в сражение крупных резервов; нанесение первых ударов большей силы, чем ожидал противник; использование на главных направлениях мощных танковых группировок; ведение глубоких наступательных операций в высоких темпах; быстрый перенос усилий с одного стратегического направления на другое; наращивание последовательных ударов в оперативной и стратегической глубине и др.

Генштаб значительное внимание уделял обеспечению деятельности представителей Ставки ВГК, в том числе и Василевского. С этой целью формировалась оперативная группа из хорошо подготовленных генералов и офицеров, в том числе и из штабов родов войск, готовились соответствующие документы, выделялись необходимые средства связи, шифровальной службы и транспорта. Специалисты, входившие в состав оперативных групп, проводили в жизнь распоряжения представителя Ставки, оказывали помощь

штабам в организации боевых действий. По свидетельству Василевского, большую помощь в деле руководства работой Генштаба во время его нахождения на фронте оказывали систематические приезды ответственных работников Генштаба. Они осуществлялись по их инициативе с разрешения Василевского или по его вызову, а иногда и по указаниям Сталина. Основными целями таких посещений являлись доклады Василевскому о разрабатываемых Генштабом проектах или указаниях, подлежащих утверждению Ставкой, или проектах руководящих директив или указаний, исходящих от Генштаба в войска, а также рассмотрение других вопросов работы Генштаба.

Большую помощь представителям Ставки ВГК оказывали работавшие при штабах фронтов, армий, отдельных корпусов, а иногда и дивизий постоянные представители (группа офицеров) Генштаба¹. Они действовали на основании положения, утвержденного маршалом Шапошниковым. В телеграмме, направленной 23 марта 1942 г. начальнику штаба Ленинградского фронта начальником группы офицеров Генштаба генерал-майором Ф.М. Исаевым, разъяснялось, что группа офицеров Генштаба имеет следующие права: осуществлять непосредственную проверку выполнения штабами и войсками директив, приказом и распоряжений Верховного Главнокомандования, наркома обороны и Генштаба; обеспечивать Генштаб быстрой, непрерывной и точной информацией об обстановке, ходе боевых действий и состоянии войск². Практика показала, что отдельные начальники штабов фронтов и армий не понимали или не хотели понимать роль офицеров Генштаба в обеспечении руководства боевыми действиями. Они отказывали им в ознакомлении с директивами Ставки и Генштаба и в средствах передвижения, запрещали отправлять шифровки на имя начальника Генштаба. Василевский, стремясь положить конец этому произволу, 4 июня вместе с военным комиссаром Генштаба Боковым подписал директиву № 155450, адресованную начальникам штабов фронтов и армий.

¹ Подробнее о деятельности офицеров Генштаба см.: Салтыков Н.Д. Докладываю в Генеральный штаб. М.: Воениздат, 1983.

² См.: Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1942 год. Т. 23 (12—2). М.: ТЕРРА, 1999. С. 63—64.

«Необходимо прекратить неправильное отношение к офицерам Генерального штаба, — отмечалось в директиве, — своевременно ознакомлять старших офицеров фронтов и армий с директивами Ставки и Генерального штаба, оказывать им содействие и помощь в их работе и в необходимых случаях обеспечивать офицеров средствами передвижения»¹.

К лету 1943 г. в деятельности офицеров Генштаба был выявлен ряд недостатков, отрицательно влиявших на выполнение поставленных перед ними задач. Руководящий состав группы офицеров Генштаба, не входя организационно в состав Оперативного управления, не мог осуществлять эффективное руководство деятельностью офицеров и в этом отношении являлся только передаточной инстанцией. Закрепление офицеров Генштаба за фронтом, армией, корпусом, приводило к их сращиванию с соответствующим штабом, а также к тому, что они, присмотревшись к недостаткам, переставали их замечать и в ряде случаев просто не доносили об этих недостатках из-за опасения испортить отношения с командованием. С целью устранения этих недостатков Василевский в качестве заместителя наркома обороны 22 июня подписал приказ, в котором говорилось:

«1. Весь личный состав офицеров передается в состав Оперативного управления для использования их из расчета по 5 — 10 человек на фронт (в зависимости от состава фронта) и 1 — 2 офицеров на каждую отдельную и воздушную армию. При Оперативном управлении иметь постоянный резерв офицеров в количестве 10 — 15 человек.

2. Закрепление офицеров за штабами армии и ниже не производить. Группа выделенных на тот или иной фронт офицеров возглавляется старшим офицером и, находясь при штабе фронта, руководствуется в своей работе планом, утвержденным начальником Оперативного управления, и выполняет отдельные его задания в зависимости от обстановки. Старшие офицеры подчиняются непосредственно начальникам соответствующих направлений Оперативного управления, которые и руководят их повседневной деятельностью.

¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1942 год. Т. 23 (12—2). М.: ТЕРРА, 1999. С. 168.

3. Начальнику Оперативного управления Генерального штаба Красной Армии пересмотреть соответствующее “Положение о группе офицеров Генерального штаба” и на его основе составить единое “Положение об офицерах Генерального штаба Красной Армии”. Проект Положения представить мне на утверждение к 30 июня 1943 г.

Реорганизацию закончить к 1 июля 1943 г. Список старших фронтовых офицеров представить мне на утверждение 25 июня 1943 г.

4. Личный состав группы офицеров, не использованный в пределах Генерального штаба, передать в распоряжение начальника Главного управления кадров Красной Армии»¹.

Вместе с представителями Ставки ВГК на фронты выезжали и представители от родов войск, назначаемые И.В. Сталиным. В тесном контакте с А.М. Василевским в большинстве случаев работали: от Военно-воздушных Сил — начальник штаба и заместитель Главкома ВВС Ф.Я. Фалалеев, заместитель командующего артиллерией Красной Армии М.Н. Чистяков, командующий бронетанковыми и механизированными войсками Я.Н. Федоренко или его заместитель.

И.В. Сталин требовал от представителей Ставки ВГК ежедневно к 24 часам телеграфные отчеты о своей деятельности на фронте, обязывал их иметь с ним самую прочную и непрерывную связь. Для этого представители Ставки располагали специально созданным командным пунктом с мощным узлом связи. Кроме того, Василевский через узел связи Генштаба имел связь с фронтами, армиями и штабами военных округов. На рассмотрение, утверждение и для последующего доклада Ставке ВГК Василевскому направлялись наиболее важные документы, разрабатывавшиеся в Генштабе. *«Прочная техническая связь с Генштабом обеспечивала мне, — пишет Александр Михайлович, — как начальнику Генштаба, возможность неоднократно в сутки заслушивать доклады руководящих его лиц — о всех важнейших событиях, происходящих на фронтах, о постоянной деятельности Ставки, о важнейших*

¹ Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР (1943—1945 гг.). Т. 13 (2—3). М.: ТЕРРА, 1997. С. 184—185.

донесениях и просьбах, поступающих от фронтов в адрес Ставки и Генштаба, о ходе выполнения тех или иных заданий Ставки, о ходе формирований, о состоянии стратегических резервов и обо всех основных затруднениях, с которыми сталкивался Генштаб в процессе своей работы. Тут же давались мною Генштабу все необходимые указания по обсуждаемым вопросам»¹.

Кроме того, Василевский вел телефонные разговоры со Сталиным часто по нескольку раз в сутки. При этом обсуждались ход выполнения заданий Ставки на тех фронтах, на которых ее в данный момент представлял Василевский, а также ход военных действий на остальных фронтах, целесообразность подключения к проводимой операции соседних фронтов или организации новых мощных ударов по врагу на других стратегических направлениях. Наряду с этим рассматривались вопросы, касающиеся состояния и использования имеющихся резервов ВГК, боевого и материального обеспечения войск, назначения или перемещения руководящих кадров в вооруженных силах и др.

Представители Ставки, располагая всеми данными о возможностях, замысле и планах Верховного Главнокомандования, оказывали существенную помощь командующим фронтами в выработке и принятии наиболее правильных оперативных решений, вытекающих из общего плана стратегической операции. Большую работу они проводили по разрешению на месте сложных вопросов стратегического взаимодействия между фронтами, видами вооруженных сил и родами войск, исходя из общего замысла Ставки на операцию. Командующие войсками фронтов получали от представителей Ставки помощь в обеспечении войск всем необходимым для выполнения задач, так как многие вопросы касались компетенции Верховного Главнокомандующего и Наркомата обороны. Представители Ставки также обращались в Генштаб по таким вопросам, как ход боевых действий на соседних фронтах, обеспечение фронтов резервами, боевой техникой, боеприпасами и горючим. Все доклады представителей Ставки обязательно представлялись Сталину. В свою очередь, Генштаб оказывал представителям Ставки постоянную практическую помощь в их работе.

¹ Цит. по: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. С. 472—473.

А.М. Василевский в своих мемуарах подробно рассказывает о докладах начальника Генштаба или его заместителя на рабочих заседаниях Ставки ВГК. При этом он подчеркивает, что, безусловно, будет правильным «говорить о них как о докладах Ставке, Политбюро ЦК партии и ГКО». Сам Василевский отмечал, что лично считал такие свои доклады, как доклады ЦК партии и Ставке. Обычно вечером, если Василевский находился в Москве, звонил Сталин (или его секретарь Поскребышев) и приглашал прибыть в Центральный Комитет часам к восьми-девяти. Повестка доклада предварительно не называлась. Необходимо было самому определять, какие вопросы кроме общей обстановки на фронтах будут интересовать Сталина и присутствующих у него членов Политбюро и ГКО. Иногда получалось так, что Сталина интересовал какой-то другой вопрос. Но в основном обсуждались положение на фронтах и вопросы материального обеспечения войск. Доклады приходилось делать очень быстро, освещая не только положение на фронтах, но и оценивая их действия, внося предложения и докладыывая просьбы военных советов фронтов. Протоколы заседаний не велись. По обсуждаемым вопросам при необходимости тут же готовились решения, которые в зависимости от содержания рассматриваемого вопроса оформлялись постановлением ЦК ВКП(б) или ГКО, директивами Ставки ВГК.

А.М. Василевский особо подчеркивает, что Генштаб повседневно держал связь с Политбюро ЦК ВКП(б). При этом вопросы, требующие санкции ЦК ВКП(б), решались при участии специально прикрепленного к Генштабу члена Политбюро. С ним Василевский повседневно держал связь, обращался к нему за помощью при решении тех вопросов, которые не мог решить сам, а также тех, которые не требовали внимания и без того чрезмерно перегруженного Сталина. *«Политбюро было в курсе всех дел Генштаба, — пишет Александр Михайлович. — Представитель Политбюро принимал участие почти во всех заседаниях, проводимых в Генштабе с целью реализации принятых Ставкой и ЦК решений, на которые приглашались представители наркоматов. Наиболее трудные вопросы выносились на решение Ставки, ЦК ВКП(б). Прикрепление Политбюро ЦК одного из членов в помощь Генеральному штабу в период Великой Отечественной войны вполне себя оправдало.»*

Значительно упростилась наша повседневная связь с ЦК ВКП(б), с правительством и наркоматами. Практиковались выезды отдельных членов Политбюро на фронт. Обычно они ехали туда, где было особенно трудно, где складывалась сложная военная обстановка. Эти поездки приносили бесспорную пользу»¹.

В данном случае Василевский не погрешил против истины. В последнее время в исторических трудах стараются обходить стороной вопрос о роли партийных органов в решении вопросов, хотя она была неоднозначной. Конечно, главным была не тесная связь с ЦК, а постоянное общение со Сталиным, ибо только он в действительности держал все бразды правления в своих руках. Василевский не сомневался в том, что назначение Сталина Верховным Главнокомандующим было оправданно. *«В тот предельно трудный период наилучшим решением, учитывая величайший ленинский опыт периода Гражданской войны, — пишет Александр Михайлович, — являлось объединение в одном лице функции партийного, государственного, экономического и военного руководства. У нас была только одна возможность: немедленно превратить страну в военный лагерь, сделать тыл и фронт единым целым, подчинить все наши силы задаче разгрома немецко-фашистских захватчиков. И когда Сталин, как Генеральный секретарь, Председатель Совета Народных Комиссаров, Председатель ГКО, стал еще и Верховным Главнокомандующим, наркомом обороны, открылись более благоприятные возможности для успешной борьбы за победу. Такое объединение в лице И.В. Сталина функции партийного, государственного и военного руководства не означало, что он в годы войны единолично решал все вопросы»².*

Последний пассаж сделан явно для того, чтобы показать роль коллективного руководства вооруженной борьбой, которая в действительности была пагубной в условиях войны. Но проследим за рассуждениями Василевского. Он отмечает: *«По моему глубокому убеждению, И.В. Сталин, особенно со второй половины Великой Отечественной войны, являлся самой сильной и колоритной фигурой стратегического командования. Он успешно осуществлял руководство фронтами, всеми военными усилиями страны*

¹ Цит. по: Василевский А.М. Дело всей жизни. С. 488.

² Там же. С. 489.

на основе линии партии и был способен оказывать значительное влияние на руководящих политических и военных деятелей союзных стран по войне. Работать с ним было интересно и вместе с тем неимоверно трудно, особенно в первый период войны. Он остался в моей памяти суровым, волевым военным руководителем, вместе с тем не лишенным и личного обаяния. И.В. Сталин обладал не только огромным природным умом, но и удивительно большими познаниями. Его способность аналитически мыслить приходилось наблюдать во время заседаний Политбюро ЦК партии, Государственного Комитета Обороны и при постоянной работе в Ставке. Он неторопливо, чуть сутулясь, прохаживается, внимательно слушает выступающих, иногда задает вопросы, подает реплики. А когда кончится обсуждение, четко сформулирует выводы, подведет итог. Его заключения являлись немногословными, но глубокими по содержанию и, как правило, ложились в основу постановлений ЦК партии или ГКО, а также директив или приказов Верховного Главнокомандующего. Но бывало, что кто-то по указанию Сталина прямо на заседании готовит проект. Сталин подойдет, прочтает написанное, иногда внесет поправки, а если проект не удовлетворяет, сам продиктует его новый вариант»¹.

А.М. Василевский не скрывает того факта, что в первые месяцы войны сказывалась недостаточность оперативно-стратегической подготовки Сталина. Он мало советовался тогда с работниками Генштаба и командующими фронтами, часто лично принимал решения, причем не всегда правильные. По мнению Василевского, поворотной вехой глубокой перестройки Сталина как Верховного Главнокомандующего стал сентябрь 1942 г., когда сложилась очень трудная обстановка и требовалось более гибкое и квалифицированное руководство военными действиями. Именно в это время Сталин стал по-иному относиться к аппарату Генштаба, командующим фронтами, вынужден был постоянно опираться на коллективный опыт военачальников. Прежде чем принять решение по тому или иному важному вопросу ведения вооруженной борьбы, Сталин советовался со своим заместителем Жуковым, начальником Генштаба, руководящими работниками Генштаба, главных управлений

¹ Цит. по: Василевский А.М. Дело всей жизни. С. 490.

Наркомата обороны, командующими фронтами, а также с наркоматами, ведающими оборонной промышленностью.

А.М. Василевский уделял большое внимание вопросам обеспечения устойчивого и непрерывного управления войсками с учетом накопленного опыта. В 1942 г. была издана директива, определявшая строгий порядок устройства основных и запасных пунктов управления фронтов и армий и организации работы на них. Работа Генштаба не могла быть эффективной без получения постоянной достоверной информации от войск. Вначале сроки и порядок представления сводок и донесений от фронтов и армий устанавливались отдельными распоряжениями Генштаба. Для упорядочения этого процесса с 1 августа 1943 г. был введен в действие Табель срочных донесений, четко определивший необходимый перечень оперативных и отчетно-информационных документов, которые надлежало направлять в Генштаб, штабы (управления) видов вооруженных сил и родов войск, сроки и способы их представления.

Особое внимание А.М. Василевский обращал на соблюдение режима секретности в войсках. В первой половине января 1942 г. в этом деле был выявлен ряд нарушений со стороны штабов Юго-Западного направления, Юго-Западного и Южного фронтов. В частности, начальник штаба Юго-Западного фронта генерал-лейтенант П.И. Бодин допустил печатание машинисткой общего плана зимних операций армий Юго-Западного направления, представленного на утверждение Ставки ВГК. В разряд виновных попали и начальники оперативной группы штаба Юго-Западного направления генерал-лейтенант И.Х. Баграмян и начальник штаба Южного фронта генерал-лейтенант А.И. Антонов. Об этом генерал Василевский доложил Сталину, который приказал ему подготовить директиву, в которой обратить внимание Баграмяна, Бодина и Антонова на недопустимость нарушения требований к сохранению секретности оперативных планов. В директиве № 170018, подписанной 16 января Василевским, категорически запрещались: печатание оперативных планов на машинке, за исключением лично ответственных исполнителей; издание и рассылка общих оперативных директив фронтов, применяя только частные боевые приказы и распоряжения, касающиеся отдельных

армий (соединений); передача по телеграфу (шифром) оперативных планов¹.

Кроме вышеуказанных нарушений, имели место многочисленные случаи прямого разглашения военной тайны, особенно при размещении штабов в населенных пунктах. Поэтому Василевский и военный комиссар Генштаба Боков 27 февраля 1942 г. направляют начальникам штабов фронтов, военных округов, 7-й отдельной армии и ВВС директиву № 153135 о немедленном наведении порядка в работе штабов. От старших начальников требовалось все действия командиров и начальников, повлекших за собой разглашение военной тайны, рассматривать как нарушение воинской присяги, с вытекающими отсюда последствиями². Прошло восемь месяцев, и снова Василевский в директиве № 157609 от 19 октября вынужден был обратить внимание начальников штабов фронтов и 7-й отдельной армии на случаи нарушения режима секретности³.

Генеральный штаб принимал активное участие в подготовке и формировании стратегических резервов. В первом периоде войны, когда войскам Красной Армии пришлось дважды вести стратегическую оборону, основным источником образования стратегических резервов являлась мобилизация новых контингентов военнообязанных. Резервы создавались главным образом за счет образования новых формирований в тылу страны (85%) и частично путем вывода войск из состава действующих фронтов на доукомплектование (15%)⁴. Такой способ создания резервов диктовался тем, что в условиях утраты стратегической инициативы и ведения вынужденной обороны Ставка ВГК имела ограниченные возможности для вывода войск в резерв из состава действующих фронтов. К тому же иногда требовались свежие силы для стабилизации фронта там, где противнику удавалось его прорвать.

Во втором периоде войны условия для создания стратегических резервов значительно изменились. Было ликвидировано количе-

¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1942 год. Т. 23 (12—2). С. 44.

² Там же. С. 48—49.

³ Там же. С. 375.

⁴ См.: История военной стратегии России. С. 342.

ственное превосходство противника в боевой технике и вооружении. Военная промышленность не только в достатке вооружила боевой техникой и оружием войска на фронте, но и обеспечила создание стратегических резервов. С переходом стратегической инициативы в руки советского командования создались лучшие возможности для вывода войск из действующих фронтов в резерв для доукомплектования, обучения и последующего их применения на нужных направлениях. Поэтому в данный период войны 70% стратегических резервов составили войска, выведенные из действующих фронтов, и только 30% — новые формирования. В общей сложности из состава действующих фронтов было выведено 565 объединений, соединений и частей, а вновь сформировано лишь 231¹. Всего в ходе Великой Отечественной войны Ставкой ВГК и Генштабом было образовано (восстановлено) более 100 управлений общевойсковых и 17 танковых армий, сформировано (доукомплектовано) 112 танковых, механизированных и артиллерийских корпусов, около 1000 стрелковых, кавалерийских и артиллерийских дивизий, почти 2 тыс. отдельных бригад и полков родов войск². Одновременно по разнарядкам Генштаба в действующие войска было направлено 11,5 млн человек обученного маршевого пополнения, большое количество вооружения и военной техники.

В Генштабе рассчитывались потребности действующей армии в пополнении новыми объединениями, соединениями, частями, в количестве резервов, определялись порядок и сроки их формирования (доукомплектования) и выдвижения в назначенные районы, разрабатывались соответствующие директивы, контролировалось их выполнение, организовывались связь, маскировка и прикрытие с воздуха, материальное обеспечение.

Основная нагрузка в решении перечисленных выше вопросов лежала на Организационном управлении Генерального штаба. Кроме того, часть из них находилась в ведении Организационно-штатного управления Главупраформа, что порождало параллелизм и создавало затруднения в деятельности не только обоих этих органов — Генштаба и Главупраформа, но и в целом централь-

¹ См.: Военно-исторический журнал. 1977. № 4. С. 13, 14.

² См.: История создания и развития Генерального штаба. М., 1992. С. 246 (табл. 11).

ного аппарата наркомата обороны. С целью устранения данного недостатка 4 мая 1943 г. приказом № 0325 наркома обороны Организационное управление Генштаба было реорганизовано в Главное организационное управление Генштаба. В его состав были включены Организационно-учетное управление и Управление по оперативно-организационным мероприятиям. На Главное организационное управление Генштаба возлагались: разработка соображений и директив по проведению организационных мероприятий в Красной Армии на основе указаний наркома обороны и Ставки ВГК; разработка организации штатов, а также учет количества и дислокации войсковых частей, соединений и учреждений Красной Армии; учет штатной, списочной численности и общий учет потерь Красной Армии; разработка планов и директив о выводе соединений и частей в резерв Ставки; отдача указаний главным управлениям Наркомата обороны об очередности и порядке доукомплектования и дообеспечения частей и соединений резерва Ставки и контроль за проведением этих мероприятий; разработка директив, порядка и сроков осуществления межфронтовых перегруппировок и сосредоточений, проводимых решением Ставки; организация и контроль за оперативными перегруппировками войск, производимыми по железной дороге, автотранспортом и походом¹.

С созданием Главного организационного управления все вопросы, связанные с организацией войск и их штатами, стали решаться отныне только в Генеральном штабе, что подтверждалось и постановлением ГКО от 21 июня 1943 г., запрещавшим всем другим органам центрального военного управления «проводить формирования и переформирования, вносить изменения в штаты частей и учреждений, производить их передислокацию без соответствующего оформления директивами Генерального штаба»².

Большую работу Генштаб под руководством Василевского выполнил по планированию и организации железнодорожных перевозок, особенно оперативных, а также по осуществлению контроля

¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная: Приказы Народного комиссара обороны СССР (1943—1945 гг.). Т. 13(2—3). М.: ТЕРРА, 1997. С. 146.

² См.: Генеральный штаб Российской армии: история и современность. М.: Академический Проект, 2006. С. 216.

за их ходом. Всего за годы войны по железной дороге были переброшены управления 6 фронтов, 97 общевойсковых и 20 танковых армий, около 250 управлений стрелковых корпусов, более 120 танковых и механизированных корпусов, свыше 1300 стрелковых и кавалерийских дивизий, 185 артиллерийских дивизий и бригад и много других соединений и частей. Общий объем воинских перевозок составил более 440 тыс. поездов (около 20 млн вагонов), из них 55,2% оперативных¹.

В центре внимания Генштаба и его начальника находились вопросы совершенствования организационной структуры объединений, соединений и частей с целью приведения ее в соответствие с требованиями вооруженной борьбы. Опыт боевых действий, полученный зимой 1941/42 г., показал, что отсутствие в составе фронтов и армий крупных танковых соединений не позволяло в полном объеме решать такую важную задачу наступления, как развитие тактического успеха. Кроме того, требовалось определенное количество отдельных танковых частей и соединений (бригад) для совместного с пехотой и артиллерией прорыва подготовленной обороны противника. С наращиванием производства танков и переходом Красной Армии от стратегической обороны к проведению наступательных операций по инициативе Генштаба в марте 1942 г. начинается формирование танковых, а в сентябре — механизированных корпусов. В мае создаются танковые армии, предназначенные для усиления ударных группировок войск на направлениях главных ударов. В соответствии с приказом № 00106 наркома обороны от 29 мая танковая армия должна была иметь в своем составе два танковых корпуса и одну резервную танковую бригаду в составе 44 Т-34 и 21 Т-60; всего 431 танк². На практике боевой состав первых танковых армий был смешанным, что обуславливалось стремлением создать мощное оперативное объединение, обладающее большой ударной силой и способностью не только прорывать оборону, но и действовать в оперативной глубине. Однако опыт показал, что такие армии оказались громоздкими, не-

¹ См.: Генеральный штаб Российской армии: история и современность. М.: Академический Проект, 2006. С. 217.

² См.: Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. — 1942 г. Т. 13 (2—2). М.: ТЕРРА, 1997. С. 245.

маневренными и трудно управляемыми. Поэтому в конце января 1943 г. на заседании ГКО было принято решение в целях повышения подвижности и ударной силы танковых армий изъять из их состава немоторизованные стрелковые дивизии и организационно выделить танковое ядро новых формирований. В состав танковой армии, как правило, включались два танковых и один механизированный корпус, зенитно-артиллерийская дивизия, гвардейский минометный, гаубичный артиллерийский, истребительно-противотанковый и мотоциклетный полки¹.

Генеральный штаб в ходе войны шесть раз пересматривал штаты стрелковых дивизий в сторону повышения их огневых и маневренных возможностей. Одновременно с этим шел процесс восстановления в структуре стрелковых войск корпусного звена управления, что диктовалось увеличением в армиях количества дивизий и усложнением в связи с этим управления их боевыми действиями. С 1942 г. и до конца войны директивами Генерального штаба было сформировано более 170 стрелковых корпусов.

Основу организационной структуры инженерных войск с 1943 г. стали составлять отдельные бригады (инженерно-саперные, инженерно-минные, понтонно-мостовые), а также инженерно-танковые и моторизованные понтонно-мостовые полки. Наряду с этим создавались качественно новые соединения — штурмовые инженерно-саперные и моторизованные инженерно-штурмовые бригады резерва Ставки, предназначенные для решения самых разнообразных задач по инженерному обеспечению прорыва сильноукрепленных оборонительных рубежей и районов противника. В последующем развитие инженерных войск шло в направлении усиления общевойсковых объединений инженерными частями и подразделениями. При этом наметилась тенденция повышения роли инженерных частей и соединений резерва ВГК, составлявших к концу войны около 25% всех инженерных войск².

Одновременно велась организационная перестройка войск связи с целью обеспечения связью оперативных групп Геншта-

¹ См.: Строительство и боевое применение советских танковых войск в годы Великой Отечественной войны. М.: Воениздат, 1979. С. 71.

² См.: Советские Вооруженные Силы: История строительства. М.: Воениздат, 1978. С. 321; Военно-исторический журнал. 1976. № 11. С. 49.

ба с фронтами. С мая по август 1943 г. началось формирование отдельных дивизионов связи резерва Ставки ВГК и узлов связи особого назначения для обеспечения связью ее представителей с Генштабом и штабами фронтов. Одновременно стали создаваться более сильные части связи во фронтах, в общевойсковых и танковых армиях, а в стратегическом звене — отдельные бригады связи резерва Ставки.

В сфере интересов А.М. Василевского были и вопросы устройства тыла и планирования материальных средств, которыми непосредственно занималось Управление устройства оперативного тыла. Начальнику Генштаба приходилось решать и вопросы, связанные с деятельностью заградительных отрядов и штрафных частей. Так, 17 июня 1943 г. Василевский подписывает директиву № 12393, в которой требовалось использовать штрафников, прежде всего, для выполнения боевых разведывательных задач¹. С целью совершенствования структуры заградительных отрядов начальник Генштаба 18 сентября подписал директиву 1486/2/орг., которая предписывала расформировать все внештатные заградительные отряды стрелковых дивизий, а в каждой армии в соответствии с приказом № 227 наркома обороны Сталина от 28 июля 1942 г. содержать 3—5 штатных заградительных отряда по штату № 04/391, численностью по 200 человек каждый. 26 января 1944 г. А.М. Василевский совместно с наркомом внутренних дел Л.П. Берией, наркомом юстиции Н.М. Рычковым и прокурором СССР К.П. Горшенниным подписывает приказ № 004/0073/006/23 об упорядочении практики передачи осужденных в штрафные части действующей армии².

В функции Генштаба также входила подготовка предложений, докладов и материалов по всем военным вопросам, обсуждавшимся на правительственных встречах и международных конференциях государств антигитлеровской коалиции. Через Генштаб устанавливалась связь со штабами вооруженных сил союзников.

¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы: 1943 год. Т. 23(12—3). М.: ТЕРРА, 1999. С. 171.

² См.: Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР (1943—1945 гг.). Т. 13(2—3). С. 242.

До открытия второго фронта она ограничивалась взаимной информацией о ходе военных действий, обменом опытом войны, организацией ознакомительных поездок военных делегаций на фронты. Эту работу Генштаб осуществлял через аккредитованные при нем военные миссии США, Великобритании и правительства «Сражающейся Франции», а также через советские военные миссии в штабах союзных армий. С июня 1944 г. вопросы взаимодействия обрабатывались уже практически, чему способствовало открытие союзниками второго фронта в Европе и учреждение при Верховном Главнокомандующем союзными войсками в Европе советской военной миссии. При решении вопросов координации проводившихся и предстоящих операций главное внимание уделялось: согласованию по времени ударов по вермахту с востока и запада; сотрудничеству советских и союзных ВВС в ходе так называемых челночных операций, проводимых стратегической авиацией США и Англии с целью бомбардировок административных и военно-промышленных центров Германии; взаимной информации между генеральными штабами союзников в области разведки и стратегической маскировки и др. Большая и ответственная работа по разработке документов проводилась Генштабом в ходе подготовки Тегеранской (ноябрь — декабрь 1943 г.) конференции глав правительств СССР, США и Великобритании и других конференций.

В поле зрения А.М. Василевского постоянно находились вопросы изучения, обобщения и доведения до войск опыта боевых действий. Мы уже отмечали, что 25 апреля 1942 г. был создан Отдел по использованию опыта войны. Он совместно с военно-историческим отделом, управлениями Генштаба, штабами (управлениями) видов вооруженных сил, родов войск, фронтов и армий занимался военно-научной работой. Основное внимание обращалось на обобщение и анализ сообщений, поступавших от представителей Генштаба в войсках, отчетов штабов фронтов и армий о проведенных операциях, результатов военно-научной работы в военных академиях и училищах. На основе обобщенных материалов разрабатывались проекты директив и приказов Ставки ВГК, наркома обороны и начальника Генштаба.

Например, 4 апреля 1942 г. А.М. Василевский и военный комиссар Оперативного управления Генштаба И.Н. Рыжков подписывают директиву № ур/471 военным советам фронтов об укреплении занятых рубежей и населенных пунктов¹. Каждый населенный пункт требовалось готовить к круговой обороне, оборонительные сооружения противника использовать или уничтожать, организовывать надежную систему огня из всех видов оружия. 8 апреля 1942 г. за подписями генерала Василевского и военного комиссара Генштаба Бокова была издана директива № 154034, в которой от военных советов фронтов и армий требовалось: проводить тщательное расследование всех фактов неправильного применения танковых частей и оставления танков на территории противника; привлекать к ответственности лиц, виновных в этом; вменить в обязанность общевоинским командирам при принятии решения по использованию в бою танков предварительно заслушивать предложения приданных им командиров танковых частей и соединений².

Большое значение в деле совершенствования боевого использования танковых и механизированных войск имел приказ № 325 «О боевом применении танковых и механизированных частей и соединений», разработанный Генштабом и подписанный 16 октября 1942 г. наркомом обороны³. Отдельные танковые полки и танковые бригады предписывалось использовать для усиления пехоты на главном направлении в тесном взаимодействии с ней как танки непосредственной поддержки пехоты. Отдельные полки танков прорыва, вооруженные тяжелыми танками, должны были придаваться войскам в качестве средств усиления для прорыва обороны противника в тесном взаимодействии с пехотой и артиллерией. Танковый и механизированный корпуса необходимо было подчинять командующему фронтом или армией и применять на главном направлении в качестве эшелона развития успеха для разгрома и

¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1942 год. Т. 23 (12—2). С. 74.

² Там же. С. 78.

³ См.: Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. № 5. М., 1947. С. 39—44.

уничтожения пехоты противника. Отдельную механизированную бригаду следовало использовать решением командующего армией в качестве подвижного резерва. С учетом требований приказа № 325, а также выводов из опыта использования бронетанковых и механизированных войск в предыдущие годы был разработан «Боевой устав бронетанковых и механизированных войск Красной Армии» в двух частях. Он был подписан 13 февраля 1944 г. Сталиным и введен в действие соответствующими приказами наркома обороны. Первая часть касалась боевого применения танка, танкового взвода и роты, вторая часть — батальона, полка и бригады. С вводом в действие нового устава был отменен «Устав бронетанковых войск РККА, часть первая (УТВ-1—38 г.)».

Для стрелковых войск особое значение имел приказ наркома обороны СССР № 306 от 8 октября 1942 г., разработанный в Генштабе. Он внес серьезные изменения в тактику действий стрелковых подразделений, частей и соединений в наступательном бою, закрепил новые подходы в построении боевого порядка. Главный смысл этих изменений заключался в значительном усилении огневого и ударного воздействия стрелковых войск на противника в наступательном бою.

А.М. Василевский уделял постоянное внимание совершенствованию военно-научной работы. Например, в директиве Генштаба от 19 августа 1942 г. отмечалось, что изучение боевого опыта поставлено плохо, отчеты о проведенных операциях и боях составляются несвоевременно и без достаточно глубокого анализа полученного опыта. Поэтому с целью упорядочения военно-научной работы и своевременного обобщения всего нового, что проявилось в ходе боевых действий советских войск и войск противника, требовалось отчеты о проведенных операциях и боях представлять в штаб армии не позднее трех, в штаб фронта — пяти, а в Генштаб — десяти дней. Контроль за исполнением требований директивы был возложен на Отдел по изучению опыта войны. В сентябре Василевский поставил перед Высшей военной академией задачу по коренной переработке с учетом полученного боевого опыта ряда военно-научных трудов. При участии генералов Г.К. Маландина, Ф.М. Исаева, А.И. Штремберга и других был переработан труд «Наступательная операция армии», который поступил в войска и академии.

На улучшение военно-научной работы была направлена и директива № 1005216 Генштаба «Об изучении опыта войны» от 9 ноября 1942 г.¹. Она требовала от начальников штабов фронтов и армий к 15 ноября подобрать наиболее грамотных командиров, способных к обобщению и изучению опыта войны, назначить их на штатные должности старших помощников и помощников начальников оперативных отделов (отделений) штабов по изучению опыта войны. К 20-му числу каждого месяца предписывалось представлять в Генштаб краткие сводки обобщенного опыта, подтвержденного фактами боевых действий, расчетами, схемами и таблицами. В работе по изучению опыта войны требовалось руководствоваться «Краткой инструкцией по изучению, обобщению и использованию опыта войны». С целью улучшения работы по изучению опыта войны в октябре 1943 г. в Генштабе было проведено Всеармейское совещание. В его работе участвовали старшие помощники начальников оперативных отделов по изучению опыта войны, представители отделов боевой подготовки штабов фронтов и некоторых армий, центральных управлений Наркомата обороны и заместители редакторов журналов «Военная мысль» и «Военный вестник».

10 декабря 1943 г. маршал Василевский утвердил «Инструкцию по изучению и использованию опыта войны в войсках и штабах Красной Армии». В инструкции излагались общие положения по использованию опыта войны, обязанности должностных лиц, основы и формы планирования работы по его изучению и использованию, определялись содержание и порядок издания печатных работ, устанавливались формы и сроки отчетности различных инстанций по вопросам изучения и использования опыта войны. К инструкции были приложены макет краткой сводки обобщенного боевого опыта, примерный план разбора боевых действий стрелковой дивизии (полка), указания по ведению журнала боевых действий.

11 декабря 1943 г. были изданы приказы Верховного Главнокомандующего Сталина об изучении опыта войны и начальника Генштаба маршала Василевского «О работе по изучению и использованию опыта войны в войсках и штабах Красной Армии». В при-

¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы: 1942 год. Т. 23(12—2). С. 386—387.

казе Сталина требовалось усилить работу командиров и штабов всех степеней по изучению опыта Великой Отечественной войны, увековечиванию героизма и мужества воинов Красной Армии. Одним из путей решения этой задачи приказ определял создание комнат боевой славы, ведение летописей боевого пути частей и соединений, а также создание музеев и учебных классов для сосредоточения образцов вооружения, техники и предметов, имевших мемориальное значение.

В приказе № 0443 маршала Василевского отмечалось, что большинство штабов фронтов и армий умело применяют наиболее доходчивые до войск приемы и методы использования опыта войны. В то же время имеют место следующие недостатки: несвоевременное доведение боевого опыта до войск; недостаточное внимание начальников штабов фронтов, армий и их заместителей руководству работой по изучению и использованию опыта войны; слабое взаимодействие групп, изучающих опыт войны, с отделами боевой подготовки, а также с офицерами родов войск, ведущими ту же работу в системе полевых управлений фронтов и армий и др. С целью устранения выявленных недостатков от командующих фронтами и армиями, командиров корпусов и дивизий требовалось с началом операции (боя) лично ставить перед подчиненными командирами и штабами задачи по изучению опыта боевых действий. От командиров соединений и частей требовалось лично изучать опыт боевых действий своих войск и противника, обеспечивать проведение поучительных разборов прошедших боев с офицерами, сержантами и с бойцами. На начальников штабов фронтов и армий, корпусов и дивизий возлагались задачи по четкому планированию работы по изучению боевого опыта, обобщению новых явлений в действиях своих войск и войск противника, по быстрому доведению до войск полученного боевого опыта, обеспечению работы офицеров по изучению опыта боев непосредственно в войсках. В оперативных отделах штабов фронтов и армий предписывалось к 1 января 1944 г. свести группы по изучению опыта войны в отделения, которые комплектовать опытными офицерами с достаточной оперативно-тактической подготовкой и техническими работниками. Одновременно вводилась в действие «Инструкция по изучению и использованию опыта войны в

войсках и штабах Красной Армии», а «Инструкция по изучению и использованию опыта войны в штабах фронтов и армий», изданная в 1942 г., отменялась. Генштабу предписывалось включить в наставление по полевой службе штабов Красной Армии раздел, относящийся к работе штабов по изучению и использованию опыта войны¹. 8 марта 1944 г. маршал Василевский подписывает приказ № 059 о реорганизации Отдела по использованию опыта войны в Управление по использованию опыта войны Генштаба Красной Армии. В его состав вошли отделы оперативной подготовки, редакционно-издательский, по изучению опыта войны и уставный, редакция журнала «Военная мысль», общая часть и библиотека секретного фонда².

Таким образом, под руководством А.М. Василевского была создана единая система обобщения и использования опыта войны, объединившая в себе стратегическое, оперативное и тактическое звенья. В ходе войны сотрудниками военно-исторического отдела и отдела по использованию опыта войны были подготовлены и изданы семнадцать «Сборников по изучению опыта войны», десять «Сборников тактических примеров», тридцать три номера «Информационного бюллетеня». Ежемесячно выпускались журналы «Военная мысль», «Военный вестник» и др. Отдел по изучению опыта войны разработал и представил на рассмотрение начальнику Генштаба проекты «Наставления по полевой службе штабов», «Руководства по действиям войск зимой», «Инструкции по взаимодействию авиации с наземными войсками» и др. В 1942 г. был выпущен Боевой устав пехоты (БУП-42). К весне 1943 г. специально созданная Уставная комиссия подготовила проект Полевого устава (ПУ-43), в котором на основании накопленного боевого опыта раскрывались новые приемы и способы ведения боевых действий, организация и ведение артиллерийского и авиационного наступления. По директиве начальника Генштаба № орг/6/141877с от 12 ноября 1943 г. на базе 6-го отдела Управления инспектирования Главупраформа Красной Армии был создан Уставной отдел Крас-

¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная: Приказы Народного комиссара обороны СССР (1943—1945 гг.). Т. 13(2—3). С. 228—230.

² Там же. С. 262.

ной Армии, который 3 декабря был подчинен начальнику Отдела по использованию опыта войны.

А.М. Василевский высоко оценивал работу Генштаба в годы войны. Он особо отмечал работу своих основных помощников генералов А.И. Антонова, С.М. Штеменко, А.А. Грызлова, Н.А. Ломова, которых считал подлинными мастерами и прекрасными организаторами штабной работы. Сам А.М. Василевский являлся примером организации и ведения штабной службы. Ему, в отличие от других полководцев, приходилось совмещать сразу две ответственные должности — начальника Генштаба и представителя Ставки ВГК. Находясь на фронтах, Василевский критически оценивал деятельность штабов всех степеней, от его внимания не ускользали ошибки, допущенные этими органами управления. Это позволяло ему своевременно исправлять и тем самым направлять усилия Генштаба на успешное управление войсками. Одновременно он учил штабы фронтов и армий организованной, слаженной и ритмичной работе. Более подробно о вкладе Александра Михайловича в планирование военных кампаний и стратегических операций, в руководство вооруженной борьбой будет сказано в последующих главах. С Генеральным штабом он расстался, правда, ненадолго, в феврале 1945 г., когда в связи с гибелью командующего 3-м Белорусским фронтом генерала армии И.Д. Черняховского был назначен командующим этим фронтом. *«Верховный Главнокомандующий легко дал согласие на это, — пишет Александр Михайлович, — по-видимому, потому, что Генеральный штаб к тому времени уже имел у себя, в лице А.И. Антонова, кандидата на эту должность, вполне подготовленного, прошедшего хорошую штабную школу и заслужившего за последние полтора года своей работы в должности первого заместителя начальника Генерального штаба высокий авторитет не только в Вооруженных Силах, но и в Центральном Комитете партии, в ГКО и Ставке. Это во-первых. Во-вторых, по-видимому, потому, что война уже приближалась к своему победному концу. Успех же на завершающем ее этапе прежде всего зависел от выполнения запланированных и уже разрабатываемых в Ставке и Генштабе операций, особенно Берлинской, с целью разгрома здесь главной группировки войск врага»¹.*

¹ Цит. по: Василевский А.М. Дело всей жизни. С. 467.

Глава 5. МАРШАЛЬСКИЙ ЖЕЗЛ

В ходе зимней кампании 1942 г. в Генеральном штабе началась работа по планированию новой кампании. После тщательного обсуждения всех вопросов под давлением И.В. Сталина было принято решение о проведении в мае силами Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов крупной наступательной операции на юго-западном направлении. На остальных направлениях намечалось перейти к стратегической обороне и одновременно осуществить ряд частных наступательных операций с ограниченными целями. В дальнейшем развернуть общее наступление по всему фронту от Балтики до Черного моря. Следовательно, в силе оставалась прежняя идея Сталина: 1942 г. должен стать годом полного разгрома врага и окончательного освобождения советской земли от оккупантов. Эта идея затем была провозглашена и в первомайском поздравительном приказе Сталина.

В Ставке противника практически в это же время шла разработка плана весенне-летней кампании. И здесь не обошлось без борьбы мнений: Гитлер и Кейтель настаивали на проведении наступательной операции на юге; Гальдер добивался нанесения удара на Москву. Но в конечном итоге начальник Генерального штаба Сухопутных войск вынужден был уступить.

5 апреля Гитлер подписал директиву № 41, в которой целью весенней кампании ставились захват инициативы немецким командованием и уничтожение еще оставшихся в распоряжении Советов сил. Главная задача состояла в том, чтобы, «сохраняя положение на центральном участке, на севере взять Ленинград и установить связь на суше с финнами, а на южном фланге осуществить прорыв на Кавказ». Эту задачу намечалось разделить на несколько этапов, сосредоточив в первую очередь все силы «на южном участке с целью уничтожения противника западнее Дона, чтобы затем захватить нефтеносные районы на Кавказе и перейти через Кавказский хребет»¹. 11 апреля Гитлер поручил командованию Сухопутных войск подготовить документы, необходимые для осуществления плана наступления на южном участке Восточного фронта. Опе-

¹ См.: *Дерр Г.* Поход на Сталинград. М., 1957. С. 127.

рация получила кодовое наименование «Блау» («Синий») и планировалась в три этапа. Первый этап («Блау I») — осуществление прорыва на Воронеж, второй этап («Блау II») — развертывание наступления по сходящимся направлениям вдоль правого берега Дона и из района Таганрога в общем направлении на Сталинград, третий этап («Блау III») — вторжение всеми силами на Кавказ. К участию в операции привлекалась группа армий «Юг», а также выдвигавшиеся на фронт итальянские и румынские войска.

С целью скрытия направления главного удара, штаб группы армий «Центр» по указанию руководства вермахта разработал дезинформационную операцию под кодовым наименованием «Кремль»¹. Она сыграла свою роль: Генштаб Красной Армии был уверен, что основные события летом развернутся на московском направлении. Соответственно определялась расстановка сил, в том числе группировка стратегических резервов. Генштаб также ошибочно оценивал состояние своих войск и реальное соотношение сил, так как считал, что уже достигнуто существенное превосходство над врагом. Действительно, к 1 мая 1942 г. общая численность Вооруженных Сил Советского Союза по сравнению с декабрем 1941 г. увеличилась на 2 млн человек и составляла 11 млн. На их вооружении имелось 83 тыс. орудий и минометов, более 10 тыс. танков и 11,3 тыс. боевых самолетов. Однако в составе действующих фронтов к весне находилось только 5,6 млн человек, около 5 тыс. танков, 41 тыс. орудий и минометов, 4,2 тыс. боевых самолетов².

У противника к этому времени имелось 9 млн солдат и офицеров, 82 тыс. орудий и минометов, около 7 тыс. танков, 10 тыс. боевых самолетов. Из них на Восточном фронте находилось 5,5 млн, а с учетом союзников — 6,5 млн человек, 57 тыс. орудий и минометов, более 3 тыс. танков, 3,4 тыс. боевых самолетов³. Следовательно, противник имел превосходство в 1,1 раза в живой силе и в 1,4 раза в орудиях и минометах, а советские войска — в 1,6 раза в танках и в

¹ См.: *Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма: Ист. очерки, документы и материалы. В 2-х т. М.: Наука, 1973. Т. 2. С. 312.

² См.: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. М., 1989. Т. 1. С. 206; История Второй мировой войны 1939—1945. В 12-ти т. М.: Воениздат, 1975. Т. 5. С. 121, 143.

³ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1942 год. Т. 16(5—2). С. 15.

1,2 раза в самолетах. Такое соотношение предопределило высокую напряженность предстоящей борьбы.

В предыдущей главе мы отмечали, что 9 мая А.М. Василевский по указанию Верховного Главнокомандующего вернулся в Москву. Здесь на Александра Михайловича обрушилась лавина дел, в первую очередь связанных с ситуацией на юге и северо-западе страны. Она не радовала Василевского. 16 мая соединения 11-й армии фон Манштейна овладели Керчью. Войска Крымского фронта вынуждены были эвакуироваться на Таманский полуостров. На следующий день противник, пытаясь сорвать наступление советских войск на Харьков, нанес мощные контрудары по правому крылу Южного фронта и вынудил его начать отход на север и северо-восток. Василевский, получив об этом сообщение из штаба Юго-Западного направления, предложил Сталину прекратить наступление Юго-Западного фронта, а часть сил из его ударной группировки бросить на пресечение вражеской угрозы со стороны Краматорска. Но Сталин, переговорив с Тимошенко, заявил, что Юго-Западный фронт будет продолжать наступление.

Однако с утра 18 мая обстановка на Барвенковском выступе резко обострилась, о чем Василевский сразу же доложил Сталину. Вечером Василевскому позвонил член военного совета Юго-Западного направления Хрущев, который попросил добиться у Сталина отмены приказа о наступлении.

— Нет, товарищ Хрущев, нет, товарищ Сталин уже отдал распоряжение. Я уже не однажды пытался убедить его в этом, — ответил Александр Михайлович. — Однако он, ссылаясь как раз на противоположные донесения военного совета Юго-Западного направления, отклонил все мои предложения. Вам, как члену Политбюро ЦК, советую обратиться непосредственно к Сталину.

Не удалось Хрущеву добиться отмены приказа и у Сталина. Вспоминая об этом, Хрущев отмечал: *«Василевский наотрез отказался что-либо предпринимать в ответ на мои просьбы. Своего мнения он не высказывал, а ссылаясь на приказ Сталина. Я, признаться, сейчас несколько переоцениваю свое мнение о том инциденте. Тогда я объяснял это некоторой податливостью и безвольностью Василевского. Он был в данном отношении не очень характерным военным. Это добрый человек, даже очень добрый и*

очень положительный. Я считал его честнейшим человеком. С ним легко разговаривать. Я много раз и до этого случая встречался с ним. Одним словом, это уважаемый человек. Но в сугубо военных вопросах я, конечно, всегда значительно выше ставил Жукова. А сейчас у меня возникло сомнение: была ли это вообще инициатива Сталина в деле отмены нашего приказа? Теперь я больше склоняюсь к тому, что это была инициатива самого Василевского. Возможно, Василевский (у меня не было тогда никаких возможностей проверить это, тем более нет их сейчас) получил наш приказ первым, потому что мы послали его в Генеральный штаб, и сам не был с ним согласен, не разобрался: ведь шло успешное наступление наших войск, а нам приносили большую радость редкие наши победы, было очень приятно открыть победами 1942 год. Каждому было приятно. Возможно, Василевский получил наш приказ, взвесил его и, наверное, возмущился, сейчас же доложил Сталину и соответственно прокомментировал. Сталин согласился с Василевским и отдал контрприказ или же сам позвонил Тимошенко»¹.

19 мая ударная группировка противника, действовавшая на Барвенковском выступе, вышла в тыл советским войскам, и только тогда маршал Тимошенко отдал приказ прекратить дальнейшее наступление на Харьков и использовать основные силы ударной группировки для ликвидации прорыва и восстановления положения в полосе 9-й армии. Сталин утвердил это решение. Но время уже было упущено: три армии Южного и Юго-Западного фронтов понесли тяжелые потери. В окружение попали войска 6-й и 57-й армий. Это была очередная катастрофа в Красной Армии: Южный и Юго-Западный фронты потеряли свыше 270 тыс. человек, 775 танков, более 5 тыс. орудий и минометов².

Неблагоприятно сложилась обстановка и на купянском направлении, где противник создал угрозу окружения 28-й армии Юго-Западного фронта, которая начала неорганизованный отход. Это вынудило войска Юго-Западного и Южного фронтов отой-

¹ Цит. по: Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть. (Воспоминания). Кн. I. М.: ИИК «Московские новости», 1999. С. 365.

² См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1942 год. Т. 16(5—2). С. 15.

ти на рубеж рек Северский Донец и Оскол. Для усиления Юго-Западного фронта Сталин разрешил направить четыре танковых корпуса (13, 22, 23 и 24-й), которые в середине июня прибыли в район западнее Валуйки. 19 мая Сталин принял предложение Василевского о ликвидации Крымского фронта и о преобразования Северо-Кавказского направления в Северо-Кавказский фронт во главе с маршалом Буденным¹.

Неудачно развивались события и в полосе 2-й ударной армии, которая, как уже отмечалось, в ходе Любанской операции попала в окружение. Командующий Ленинградским фронтом генерал Хозин не смог обеспечить прорыв армии из вражеского кольца. Сталин понял, что допустил ошибку, объединив Ленинградский и Волховский фронты в один фронт под командованием Хозина. Поэтому 8 июня Сталин принял решение снять его с должности командующего Ленинградским фронтом, а его войска разделить на два самостоятельных фронта: Ленинградский и Волховский². Командующим Волховским фронтом был назначен генерал армии Мерецков, а Ленинградским фронтом — генерал-лейтенант Говоров. Одновременно Василевскому и Мерецкову было приказано немедленно вылететь на Волховский фронт и во что бы то ни стало вызволить из окружения 2-ю ударную армию. Но спасти ее не удалось. К 25 июня противник сумел окончательно замкнуть кольцо окружения, хотя мелкие группы выходили и позже. По уточненным данным, потери 52-й, 59-й и 2-й ударной армий, соединений и частей фронтового подчинения с 13 мая по 10 июля составили: безвозвратные — 54 774 и санитарные — 39 977 человек, в том числе 2-й ударной армии — соответственно 38 848 и 7940 человек³.

Командующий армией генерал А.А. Власов попал в плен. В сентябре 1944 г. он сформировал из советских военнопленных Русскую освободительную армию (РОА), в ноябре создал Комитет освобождения народов России (КОНР), объявивший своей целью

¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1942 год. Т. 16(5—2). С. 209—210.

² См.: Ленинград выстоял и победил. М., 2004. С. 126—127.

³ См.: Гуркин В.В., Круглов А.И. Жупел Мясного Бора. О Любанской наступательной операции войск 2-й ударной армии и выводе из окружения в 1942 году // Военно-исторический журнал. 1999. № 5. С. 25.

ликвидацию сталинского режима. 12 мая 1945 г. Власов и его сообщники были захвачены советскими частями в окрестностях г. Брежи (южнее Праги). По приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР Власов, как военный преступник и предатель, был повешен.

Итак, миссия Василевского на Волховском фронте завершилась неудачей, хотя и не по его вине. Теперь ему предстояло разобраться с тем, что происходит на Юго-Западном фронте. В штаб фронта, который размещался в Валуйках, Александр Михайлович прибыл в 3 часа 22 июня. В это время противник предпринял наступление в полосах 9-й и 38-й армий, нанес им поражение и форсировал Северский Донец на участке Каменка, Сеничено. С целью усиления обороны на подступах к Купянску и прикрытия стыка с 9-й армией маршал Тимошенко планировал в течение ночи вывести из боя четыре стрелковые дивизии (162, 199, 278 и 304-я), которые должны были занять оборону на рубеже Волосская Балаклея, Савинцы. В качестве резерва на изюмское направление выдвигались 30-я и 34-я кавалерийские и 333-я стрелковая дивизии. Василевский полностью поддержал это решение, о чем он доложил Сталину. По его указанию Александр Михайлович 24 июня вылетел в Москву.

Поражение советских войск на юге сорвало замысел Ставки ВГК по развитию успеха зимней кампании. Войска потеряли ряд важных районов и плацдармов, а значительная часть резервов Ставки, предназначавшаяся для летнего наступления, была бездарно израсходована. Виноватыми, как всегда, оказались в основном те, кто выполнял приказы Ставки. Директивой от 26 июня генерал Баграмян был освобожден от должности начальника штаба Юго-Западного фронта и назначен начальником штаба 28-й армии¹. Обязанности начальника штаба фронта были временно возложены на заместителя начальника Генштаба генерала Бодина. От войск фронта требовалось прочно удерживать в своих руках восточный берег р. Оскол и северный берег р. Северский Донец².

28 июня противник приступил к проведению операции «Блау». Армейская группа «Вейхс» (немецкие 2-я и 4-я танковая, венгер-

¹ Фактически И.Х. Баграмян был назначен 13 июля командующим 16-й армией.

² См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1942 год. Т. 16(5—2). С. 263—264.

ская 2-я армии)¹ при поддержке авиации 4-го воздушного флота нанесла удар по левому крылу Брянского фронта между верховьем р. Сосна в районе Щигры. Удар пришелся по трем стрелковым дивизиям (одна — 13-й армии и две — 40-й армии), которые не смогли устоять под напором превосходящего противника. 29 июня он на 40-километровом участке вышел к р. Кшень. В результате создавалась угроза окружения войск левого фланга 40-й и правого фланга 21-й армий. Части 17-го танкового корпуса генерала Н.В. Фекленко оставили населенный пункт Ясенки.

30 июня в наступление перешла 6-я армия генерала Ф. фон Паулюса. Тогда же операция «Блау» была переименована в «Брауншвейг»². В связи с осложнившейся обстановкой на Брянском фронте Сталин 2 июля приказал немедленно снять генерала Фекленко с должности и арестовать его. В районе Воронежа по указанию Василевского сосредоточивался вновь сформированный 18-й танковый корпус под командованием генерал-майора И.Д. Черняховского.

3 июля подвижные группы противника соединились в районе Старого Оскола и окружили основные силы 21-й армии Юго-Западного фронта и 40-й армии Брянского фронта, которые сумели частично вырваться из окружения. *«В некоторых отечественных работах высказывается мнение, будто основной причиной поражения войск Брянского фронта в июле 1942 года является недооценка Ставкой и Генеральным штабом курско-воронежского направления, — отмечал позднее Василевский. — С таким мнением согласиться нельзя. Неверно и то, что Ставка и Генеральный штаб не ожидали здесь удара. Ошибка, как уже говорилось, состояла в том, что мы предполагали главный удар фашистов не на юге, а на центральном участке советско-германского фронта. Поэтому Ставка всемерно, в ущерб югу, укрепляла именно центральный участок, особенно его фланговые направления. Наиболее*

¹ Армейской группой «Вейхс» командовал генерал-полковник М. Вейхс.

² Планом операции «Брауншвейг» предусматривалось последовательными ударами уничтожить группировку советских войск западнее Дона, захватить нефтеносные районы Кавказа и перейти через Кавказский хребет.

вероятным, опасным для Москвы мы считали орловско-тульское направление, но не исключали и курско-воронежского, с последующим развитием наступления врага в глубокий обход Москвы с юго-востока. Уделяя основное внимание защите столицы, Ставка значительно усиливала и войска Брянского фронта, прикрывавшие орловско-тульское и курско-воронежское направления»¹.

Далее Александр Михайлович говорит о том, что в апреле и первой половине мая Брянский фронт дополнительно получил 4 танковых корпуса, 7 стрелковых дивизий, 11 стрелковых и 4 отдельные бригады, а также значительное количество артиллерийских средств усиления. Кроме того, в полосе фронта располагалась находившаяся в резерве Ставки, полностью укомплектованная и предназначавшаяся для нанесения контрудара 5-я танковая армия. *«Можно ли после этого говорить, что Ставка обошла своим вниманием Брянский фронт? — пишет Василевский. — Тех сил и средств, которыми он располагал, было достаточно не только для того, чтобы отразить начавшееся наступление врага на курско-воронежском направлении, но и вообще разбить действовавшие здесь войска Вейхса. И если, к сожалению, этого не произошло, то только потому, что командование фронта не сумело своевременно организовать массированный удар по флангам основной группировки противника, а Ставка и Генеральный штаб, по-видимому, ему в этом плохо помогли. Действительно, как показали события, танковые корпуса при отражении наступления врага вводились в дело по частям, причем не столько для решения активных задач по уничтожению прорвавшегося врага, сколько для закрытия образовавшихся брешей в обороне наших общевойсковых армий. Командиры танковых корпусов (генерал-майоры танковых войск М.Е. Катуков, Н.В. Фекленко, М.И. Павелкин, В.А. Мишулин, В.М. Баданов) еще не имели достаточного опыта, а мы им мало помогли своими указаниями и советами. Танковые корпуса вели себя нерешительно: боялись оторваться от оборонявшейся пехоты общевойсковых армий, в связи с чем в большинстве случаев сами действовали по методам стрелковых войск, не учитывая своей специфики и своих возможностей»².*

¹ Цит. по: Василевский А.М. Дело всей жизни. С. 198.

² Там же. С. 199.

В результате успешного продвижения противника на стыке Брянского и Юго-Западного фронтов образовалась брешь. На участок Задонск, Клетская по решению Сталина были выдвинуты резервные 3, 6 и 5-я армии, переименованные соответственно в 60, 6 и 63-ю армии. В районе Ельца сосредоточивалась 1-я истребительная авиационная армия резерва Ставки.

Для восстановления положения командующий Брянским фронтом по требованию Сталина планировал силами пяти танковых корпусов (1, 4, 16, 17 и 24-й) нанести контрудар по противнику. Кроме того, генералу Голикову с 8 часов 4 июля был подчинен 18-й танковый корпус генерала И.Д. Черняховского, который разрешалось ввести в сражение только по указанию Ставки ВГК. Однако Голиков нарушил это указание и вводил 18-й танковый корпус в сражение по частям. Василевский, докладывая об этом Сталину, подчеркнул:

— Действия 5-й танковой армии можно усилить не потерявшими боеспособность частями 1-го и 16-го танковых корпусов, а также стрелковыми дивизиями из состава 3-й и 48-й армий. Этому благоприятствует и оперативная обстановка. Танковые и моторизованные соединения врага при выходе к Дону растянулись на широком фронте. Они уже понесли значительные потери и связаны боями у Касторного и на подступах к Воронежу. А развернувшиеся фронтом на север части 13-го армейского корпуса, так же как и части 55-го корпуса, не имеют успеха: их сдерживают 1-я гвардейская стрелковая дивизия и 8-й кавалерийский корпус, выдвинутые из резерва Брянского фронта.

— А что делает 5-я танковая армия? — спросил Сталин.

— Она никаких задач от генерала Голикова не получила, — ответил Василевский.

— Он что, играет в прятки?

— Это он умеет. Я подготовил на имя Голикова телеграмму, в которой Ставка требует от него немедленно приступить к организации контрудара.

— Срочно вылетайте к Голикову! — приказал Сталин. — И все, что можно еще сделать, — сделайте! А телеграмму все же отправьте. Пусть Голиков поразмышляет над ее содержанием.

— Слушаюсь!

Утром 4 июля генерал Василевский прибыл на командный пункт Брянского фронта. Вместе с начальником штаба фронта генералом М.И. Казаковым направился на КП командующего 5-й танковой армией. После рекогносцировки местности Василевский уточнил задачу командарму генералу А.И. Лизюкову:

— Вам необходимо не позднее 15 — 16 часов 5 июля нанести контрудар из района Дубровское в направлении Землянск, Хохол с целью перехватить коммуникации противника, прорвавшегося к Воронежу, и оказать помощь выходящим из окружения частям 40-й армии. Операцию начать, не ожидая полного сосредоточения всех сил армии. Справитесь с поставленной задачей?

— Полагаю, что да!

Василевскому не довелось увидеть результаты контрудара 5-й танковой армии. Сталин приказал ему не позднее утра 5 июля быть в Ставке в связи с тем, что осложнилась обстановка на правом крыле Юго-Западного фронта. Войска 6-й армии противника вышли здесь к Каменке и развивали удар в южном направлении. В результате возникла угроза тылам не только Юго-Западного, но и Южного фронтов.

Василевский, вернувшись в Москву, предложил Сталину образовать на воронежском направлении самостоятельное фронтовое объединение. С этой целью разделить Брянский фронт на два фронта: Брянский и Воронежский. Кроме того, намечалось отвести войска Юго-Западного и правого крыла Южного фронтов на новые рубежи, чтобы не допустить их окружения южнее Воронежа. Сталин одобрил все предложения. Вечером 7 июля были созданы Брянский (командующий генерал-лейтенант Чибисов) и Воронежский (генерал-лейтенант Голиков) фронты.

А что же 5-я танковая армия? Ее соединения вводились в сражение неодновременно по мере выхода на исходные рубежи. В результате к вечеру 10 июля они сумели лишь выйти к р. Сухая Верейка. Не имело успеха и наступление 2-го танкового корпуса генерала И.Г. Лазарева. В то же время генерал-полковник Вейхс не смог выполнить приказ командующего группой армий «Юг», ибо вынужден был повернуть на север выдвигавшиеся в район Воронежа 24-й танковый корпус и три пехотные дивизии и тем самым ослабить удар на Воронеж. В сражение были втянуты значительные силы, которые

были лишены возможности принять участие в развитии наступления вдоль Дона. С целью улучшения руководства войсками группа армий «Юг» 9 июля была разделена на группу армий «Б» (6-я армия и армейская группа «Вейхс»; генерал-фельдмаршал Ф. фон Бок) и группу армий «А» (немецкие 1-я танковая, 11-я и 17-я армии, итальянская 8-я армия; генерал-фельдмаршал В. Лист).

Не имело успеха и наступление войск Воронежского фронта, предпринятое 12 июля. На правом крыле Южного фронта войска 12-й и 37-й армий под ударами 1-й танковой армии противника начали отход. Василевский, изучив обстановку, сложившуюся на юге, пришел к выводу, что противник стремится выйти к Сталинграду и на Северный Кавказ и отсечь советские войска на юге. Докладывая об этом Сталину, начальник Генштаба предложил все войска, действовавшие от Лисок до устья Дона, свести в один фронт и подчинить его генералу Малиновскому. Кроме того, предлагалось сменить командующих Брянским и Воронежским фронтами. Сталин согласился с предложениями Василевского. Юго-Западный фронт был переименован в Сталинградский фронт (21, 62, 63 и 64-я армии). В состав Южного фронта из бывшего Юго-Западного фронта передавались 28, 38, 57 и 9-я армии. Южному фронту предписывалось организовать решительный отпор противнику, продвигающемуся на восток между Миллеровом и Мигулинской. От командующего Сталинградским фронтом требовалось прочно занять Сталинградский рубеж западнее р. Дон, не допустить прорыва противника восточнее этого рубежа в сторону Сталинграда¹. Оборона левого берега Дона от станции Верхне-Курмоярской до устья реки возлагалась на Северо-Кавказский фронт.

При решении вопроса о командующем Воронежским фронтом заместитель начальника Генштаба генерал Ватутин неожиданно сказал:

- Товарищ Сталин, назначьте меня командующим фронтом!
- Вас? — удивленно спросил Верховный.
- Так точно!
- По-моему, генерал Ватутин достойный кандидат на эту

должность, но мне жаль отпускать его из Генштаба, — заявил

¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1942 год. Т. 16(5—2). С. 302.

Василевский. — К тому же его недавно назначили моим заместителем...

Сталин добродушно взглянул на Ватутина.

— Ну что ж, если товарищ Василевский за, я не возражаю, — сказал он.

Командующим Брянским фронтом по предложению Василевского был назначен генерал Рокоссовский. 15 июля Сталин и Василевский приняли решение вывести понесшую большие потери 5-ю танковую армию во фронтовой тыл и «как армию ликвидировать». Командующему Брянским фронтом были подчинены 2, 7 и 11-й танковые корпуса, входившие в состав армии, а ее командующий генерал Лизюков назначен командиром 2-го танкового корпуса¹.

Был ли виновен генерал А.И. Лизюков в том, что 5-я танковая армия не справилась с поставленной задачей? Ответим однозначно: нет. А.М. Василевский следующим образом оценивал действия 5-й танковой армии: *«Ее командование, не имея опыта в вождении таких танковых объединений, на первых порах действовало не совсем уверенно, штаб фронта ему не помогал и фактически его работу не направлял; не было поддержки со стороны фронтовых средств усиления — артиллерии и авиации. Поэтому одновременно мощного удара танков по флангу и тылу ударной группировки врага достичь не удалось. Правда, 5-я танковая армия отвлекла на себя значительные силы врага и тем самым позволила другим войскам Брянского фронта выиграть несколько дней, необходимых для организации обороны Воронежа»*².

После поражения войск левого крыла Брянского и правого крыла Юго-Западного фронтов противник получил возможность развернуть наступление на сталинградском направлении. Снова ухудшилась и ситуация на Южном фронте. Главные силы немецкой

¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1942 год. Т. 16(5—2). С. 309—310. 25 июля 1942 г. генерал А.И. Лизюков погиб в бою у деревни Медвежье в Воронежской области. Его могила долгое время была неизвестной, а сам он, по официальным данным, оставался пропавшим без вести. В 2008 г. были предположительно найдены останки генерала в братской могиле у села Лебяжье. По желанию родственников 7 мая 2009 г. они были перезахоронены на Аллее Славы в Воронеже.

² Цит. по: Василевский А.М. Дело всей жизни. С. 200.

4-й танковой армии обошли с востока части 9-й и 38-й армий, через Морозовскую вышли к переправам через Дон у Цимлянской, где встретили противодействие слабо укомплектованных соединений 51-й армии. Одновременно вражеские танки с мотопехотой совершили рывок с севера на Лихую, Шахты и Новочеркасск, отрезая основные силы фронта в Донбассе.

17 июля войска немецкой 6-й армии генерал-полковника Ф. Паулюса в рамках операции «Брауншвейг» перешли в наступление с целью захвата Сталинграда. Однако передовые отряды 62-й и 64-й армий стойко отражали все атаки врага на рубеже рек Чир и Цимла. Надо было принимать срочные меры для того, чтобы остановить противника. Василевский предложил Сталину нанести по нему контрудар, используя танковые объединения.

— Где же их взять? — спросил Сталин. — 5-ю танковую армию мы расформировали, а 3-я танковая армия еще только формируется.

— Товарищ Сталин, я предлагаю создать на базе 38-й армии 1-ю танковую армию, а на базе 28-й армии — 4-ю танковую армию¹. Времени на их сколачивание у нас нет, но обстановка в полосе Сталинградского фронта весьма тяжелая.

— Хорошо, — сказал Сталин, — готовьте соответствующие директивы.

— Слушаюсь, — ответил Василевский. — Мною подготовлена директива, в которой уточняются задачи войск Южного фронта. Предлагаю возложить на них прочную оборону южного берега Дона на участке от Константиновской включительно до Батайска. Все части Северо-Кавказского фронта, обороняющиеся по реке Дон на этом участке, подчинить с 22 часов 22 июля командующему Южным фронтом. Ему же подчинить и авиацию Северо-Кавказского фронта, на который возложить оборону южного берега Дона от Верхне-Курмоярской до Константиновской исключительно.

Сталин одобрил предложения Василевского.

— Нам придется сменить командующего Сталинградским фронтом, — сказал Верховный. — Маршал Тимошенко явно не

¹ 22 июля 1942 г. И.В. Сталин и А.М. Василевский подписали директивы о сформировании к 28 июля 1-й танковой и к 1 августа — 4-й танковой армий.

справляется с этой задачей. Кого вы может предложить на эту должность?

— Командующего 21-й армией генерала Гордова. Он знаком с театром военных действий, знает обстановку.

— Согласен. Вам надо поехать в Сталинград и помочь командующему укрепить оборону.

23 июля противник, введя в сражение 113-ю пехотную и 16-ю танковую дивизии, прорвал главную полосу обороны 62-й армии и к исходу дня продвинулся до 20 км. Гитлер, считая, что советские войска будут быстро разгромлены, в тот же день подписал директиву № 45 о продолжении операции «Брауншвейг»¹. Группе армий «А» предстояло окружить и уничтожить советские войска, ушедшие за р. Дон, в районе южнее и юго-восточнее Ростова. Войска группы армий «Б», усиленные двумя танковыми дивизиями из состава группы армий «А», должны были силами 6-й армии нанести удар на Сталинград, разгромить советские войска, захватить город, а также перерезать перешеек между Доном и Волгой. Вслед за этим танковым и моторизованным войскам предписывалось нанести удар вдоль Волги с задачей выйти к Астрахани и парализовать там движение по главному руслу реки. Основные силы авиации намечалось использовать для обеспечения переправы войск через Дон, а затем для поддержки восточной группировки, наступающей вдоль железной дороги на Тихорецк. При этом одновременно требовалось оказывать помощь наступлению группы армий «Б» на Сталинград и Астрахань, а также подвергать бомбардировке эти города.

А.М. Василевский, прибывший 23 июля в штаб Сталинградского фронта, вместе с генералом Гордовым тщательно проанализировал обстановку. Вечером 24 июля они прибыли на командный пункт 1-й танковой армии. В это время командующий 62-й армией генерал В.Я. Колпакчи сообщил, что в связи с выходом противника к Голубинскому и Скворину, возникла реальная угроза окружения значительной части сил армии. По решению Василевского в этот район был направлен начальник оперативного отдела штаба 62-й армии полковник К.А. Журавлев, которому предстояло создать оператив-

¹ См.: Дёпп Г. Поход на Сталинград. С. 131—133.

ную группу с целью либо пробиться к главным силам, либо занять круговую оборону. После этого Василевский сказал:

— Обстановка вынуждает нас принять архитрудное и ответственнойшее решение — безотлагательно нанести контрудар танковыми армиями, который мы планировали начать не ранее самых последних чисел июля. Причем 1-й танковой армии придется выступить немедленно — завтра с утра. Ее контрудар вскоре же поддержат 4-я танковая, 21, 62 и 64-я армии. Штабу фронта предстоит спешно разработать план контрудара во фронтовом масштабе.

— Мы готовим такой план, — доложил генерал Гордов, — но его осуществление намечается, как вы заметили, на более поздний срок. Это фактически санкционировал во время переговоров со мной товарищ Сталин. Он дал мне ряд срочных указаний, но среди них не было требования о преждевременном введении в сражение не закончивших формирование танковых армий. Верховный Главнокомандующий сообщил лишь, что им утвержден представленный нами план формирования этих армий.

Командующий 1-й танковой армией генерал К.С. Москаленко, в свою очередь, напомнил о слабом составе армии, имевшей фактически всего один танковый корпус (28-й), одну стрелковую дивизию, одну тяжелую танковую бригаду с минимальными средствами артиллерийского усиления.

Начальник Генштаба, выслушав Гордова и Москаленко, приказал:

— Вот эти соединения завтра на рассвете вы и переправите через Дон, двинете их от совхоза «10 лет Октября» и села Ложки через Липологовский на Большенабатовский, Ближнюю Перекопку. Встретите слабого противника — ваше счастье. Разгромите его около Малонабатовского и Осиновского и будете преследовать врага в северном направлении до рубежа Новогригорьевская, Логовский, где оставите передовые отряды. Главные силы по выполнению задачи сосредоточите в районе Сиротинская, Ближняя Перекопка и севернее Верхнеголубой. Встретите сильного противника — будете биться до последнего танка на том рубеже, до которого сумеете его отбросить, но к переправе у Калача противника не пустите. Вас поддержит сразу же, как только высвободится, 196-я дивизия. Она

будет подчинена вам в оперативном отношении и нанесет удар на Скворин. Будет возвращен вам и нацелен на Евсеев, Верхнебузиновку, Клетскую и 13-й танковый корпус. Когда сможет выступить 4-я танковая армия — мы сейчас узнаем.

Генерал Василевский приказал соединить его с командующим 4-й танковой армией генералом В.Д. Крюченкиным, который ответил, что имеющийся у него единственный 22-й танковый корпус сможет переправиться через Дон и выйти в исходный район не ранее 27 июля.

Начальник Генштаба подчеркнул:

— Всю ответственность за последствия принятого решения я беру на себя и буду докладывать товарищу Сталину о причинах, по которым мы прибегаем к этой крайней, но совершенно необходимой сейчас мере. Взгляните на карту — вы ясно увидите, что целью двух группировок 6-й армии — северной и южной — наверняка является Калач. Враг вышел к Дону у Голубинского, но не предпринял попыток форсировать реку, хотя мог бы это сделать, а повернул на юг. К правому флангу 64-й армии тоже подходит группировка танков и пехоты, которая, видимо, также будет стремиться прорваться к Калачу. Ведь от него прямой кратчайший путь к центру Сталинграда, да еще при хороших коммуникациях.

В своих мемуарах А.М. Василевский следующим образом прокомментировал это решение: *«Изучение сложившейся на фронте обстановки показало, что единственная возможность ликвидировать угрозу окружения 62-й армии и захвата противником переправ через Дон в районе Калача и к северу от него заключалась в безотлагательном нанесении по врагу контрударов наличными силами 1-й и 4-й танковых армий. 4-я танковая армия смогла сделать это только через двое суток, но ждать ее не было возможности, иначе мы потеряли бы переправы и фашистские войска вышли бы в тыл 62-й и 64-й армиям. Поэтому пришлось пойти на немедленный удар 1-й танковой армии, а затем уж и 4-й»¹.*

Василевский, связавшись с Москвой, доложил Сталину о принятом решении. Известие о том, что возможен прорыв врага в Сталинград, было воспринято Верховным с тревогой.

¹ Цит. по: Василевский А.М. Дело всей жизни. С. 209.

— Надо все тщательно обсудить в Ставке! — сказал он и коротко бросил: — Немедленно вылетайте в Москву!

Василевский, прилетев в столицу, около полуночи 24 июля был принят Сталиным. Они, обсудив создавшуюся обстановку, решили возложить на командующего Южным фронтом задачу по укреплению обороны на участке Верхне-Курмоярская, Азов, а на командующего Северо-Кавказским фронтом — на участке Азов, Лазаревский. Войскам Сталинградского фронта предстояло прикрыть участок железной дороги Поворино — Сталинград.

26 июля начальник Генштаба получил сообщение из штаба Сталинградского фронта о том, что контрудар войск 1-й танковой армии не привел к успеху. Об этом Василевский доложил Верховному. Он потребовал от генерала Гордова в ближайшие дни восстановить оборонительную линию от Клетской до Калмыкова и отбросить противника за линию р. Чир. Василевскому было приказано немедленно вылететь на Сталинградский фронт. Вечером Александр Михайлович прибыл на наблюдательный пункт 1-й танковой армии, расположенный на западном берегу Дона. Ознакомившись с результатами первых наступательных боев, он уточнил задачу 1-й и 4-й танковым армиям. Им предстояло 27 июля нанести удары, соответственно в северном и западном направлениях на Верхне-Бузиновку и далее на Клетскую и Перелазовский, чтобы разгромить противника, прорвавшегося на правом фланге 62-й армии¹. На 131-ю стрелковую дивизию и 158-ю тяжелую танковую бригаду была возложена задача по очищению от противника высот на западном берегу Дона.

Однако к четырем часам дня 27 июля соединения 4-й танковой армии не успели переправиться на западный берег Дона. Части 13-го танкового корпуса по-прежнему вели тяжелые бои в районе Манойлина. Поэтому удар в направлении Верхне-Бузиновки 1-я танковая армия наносила лишь силами одного, 28-го танкового корпуса. Он, не получив достаточной артиллерийской и авиационной поддержки, сумел продвинуться всего на 6 — 7 км. В то же время противник, убедившись, что через Калач ему не удастся прорваться в Сталинград, решил осуществить свой замысел с юго-

¹ См.: *Москаленко К.С.* На Юго-Западном направлении. Воспоминания командарма. Кн. I. М.: Наука, 1969. С. 276.

запада, из района Нижне-Чирской. Ему удалось ценою тяжелых потерь 27 июля захватить Нижне-Чирскую, Новомаксимовский и Ближнеосиновский.

Василевский, возвратившись поздно вечером 27 июля в Москву, был вызван к Сталину. Он, выслушав его доклад, сказал:

— Я полагаю, что в войсках забыли приказ Ставки номер двести семьдесят от шестнадцатого августа прошлого года. Подготовьте новый приказ. Основная идея: отступление без приказа — преступление, оно будет караться по всей строгости военного времени.

— К какому времени доложить вам приказ?

— Сегодня же... Как только документ будет готов, заходите.

Василевский быстро справился с поставленной задачей. Сталин внес в проект приказа правки и сказал:

— Срочно в войска!

В приказе № 227, который Сталин 28 июля подписал в качестве наркома обороны, требовалось «безусловно, ликвидировать отступательные настроения в войсках и железной рукой пресекать пропаганду о том, что мы можем и должны якобы отступить и дальше на восток, что от такого отступления не будет якобы вреда»¹. Этим приказом предписывалось сформировать заградительные отряды и штрафные роты и батальоны². В документе ни слова не сказано о том, кто же действительно виноват в поражениях Красной Армии летом 1942 г. Вся вина за это возлагалась на «паникеров». Да, в определенной степени они оказывали отрицательное влияние на ход боевых действий. Но истинным виновником неудач советских войск была Ставка ВГК и в первую очередь Сталин, который при определении характера действий Красной Армии поступил необдуманно. Виноваты и члены Ставки ВГК, которые не сумели, а часть и не собиралась этого делать, отстоять свое мнение перед Верховным Главнокомандующим. В определенной степени часть вины лежала и на начальнике Генштаба.

А.М. Василевский оценивал приказ № 227 следующим образом: *«Приказ этот сразу же привлек внимание всего личного состава Вооруженных Сил. Я был очевидцем, как заслушивали его воины*

¹ См.: Военно-исторический журнал. 1988. № 8. С. 73—75.

² Подробнее см.: Дайнес В.О. Заградотряды и штрафбаты Красной Армии / Владимир Дайнес. М.: Яуза; Эксмо, 2009.

в частях и подразделениях, изучали офицеры и генералы. Приказ № 227 — один из самых сильных документов военных лет по глубине патриотического содержания, по степени эмоциональной напряженности... Я, как и многие другие генералы, видел некоторую резкость и категоричность оценок приказа, но их оправдывало очень суровое и тревожное время. В приказе нас, прежде всего, привлекло его социальное и нравственное содержание. Он обращал на себя внимание суровостью правды, нелюбезностью разговора наркома и Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина с советскими воинами, начиная от рядового бойца и кончая командармом. Читая его, каждый из нас задумывался над тем, все ли силы мы отдаем борьбе. Мы сознавали, что жестокость и категоричность требований приказа шли от имени Родины, народа, и важно было не то, какие будут введены меры наказания, хотя и это имело значение, а то, что он повышал сознание ответственности у воинов за судьбы своего социалистического Отечества. А те дисциплинарные меры, которые вводились приказом, уже перестали быть непрременной, настоятельной необходимостью еще до перехода советских войск в контрнаступление под Сталинградом и окружения немецко-фашистской группировки на берегу Волги»¹.

Насколько был прав Василевский относительно того, что те дисциплинарные меры, которые вводились приказом, «уже перестали быть непрременной, настоятельной необходимостью», мы увидим в ходе дальнейшего повествования. Однако необходимо учесть, что в то время, когда Василевский готовил к изданию свои мемуары, в условиях жесточайшей цензуры не принято было негативно оценивать действия высшего военного руководства.

Но вернемся в кабинет Сталина. Начальник Генштаба, учитывая, что наиболее опасным для Сталинградского фронта является направление Нижне-Чирская, Сталинград, предложил силами 64-й армии с использованием подошедших в район Калача и южнее 204-й и 321-й стрелковых дивизий и 23-го танкового корпуса не позднее 30 июня разгромить противника и полностью восстановить оборону по Сталинградскому рубежу, отбросив в дальнейшем врага на запад за р. Цимла. Одновременно намечалось объединить

¹ Цит. по: *Василевский А.М. Дело всей жизни.* С. 209, 211.

Южный и Северо-Кавказский фронты в единый Северо-Кавказский фронт под командованием маршала Буденного. Ему предстояло упорной борьбой остановить продвижение противника на юг, вернуть Батайск и восстановить положение по южному берегу Дона, а частью сил оборонять южный берег Кубани по Краснодарскому обводу до Темижбекской.

Сталин согласился с предложениями начальника Генштаба, убедившись в том, что он реально оценивает сложившуюся обстановку.

Однако командующий Сталинградским фронтом главную роль в предстоящем контрударе отвел не 64-й армии, а 1-й танковой армии, которой из 4-й танковой армии передавались 23-й танковый корпус (75 танков), 204-я стрелковая дивизия, 397-й и 398-й легкие артиллерийские полки. Все попытки войск 1-й и 4-й танковых армий прорвать вражескую оборону успеха не имели. А.М. Василевский, оценивая результаты контрудара танковых армий, отмечал: *«Будучи одним из наиболее ответственных инициаторов этого события, лицом, которое вело все переговоры с Верховным Главнокомандующим по этому вопросу, а также непосредственным очевидцем всей серьезности создавшейся обстановки, я считал и считаю, что решение на проведение контрудара даже далеко не полностью готовой к боевым действиям 1-й танковой армии в тех условиях было единственно правильным и что оно, как показал дальнейший ход событий, с учетом контрудара столь же неготовой 4-й танковой армии, в значительной степени себя оправдало. Необходимость контрудара наличными силами 1-й танковой армии вызывалась тем, что противник, прорвав оборону правого фланговых дивизий 62-й армии и окружив здесь две наши стрелковые дивизии и танковую бригаду, выходом крупных сил в район Верхне-Бузиновка, Сухановский создал непосредственную и серьезную угрозу не только переправам через Дон, но и всем войскам 62-й и левого фланга 64-й армий, оборонявшимся в большой излучине Дона. Для ликвидации этой серьезной опасности, нависшей над войсками 62-й армии, требовались немедленные контрмеры. Других войск, кроме 1-й и 4-й танковых армий, не было... Последующие события показали, что благодаря активным действиям и упорному сопротивлению войск Сталинградского фронта в*

целом главная группировка войск немецкой армии, вместо захвата Сталинграда с ходу, вынуждена была втянуться в затяжные бои на восточном берегу Дона. В связи с этой задержкой в наступлении 6-й немецкой армии немецко-фашистскому командованию пришлось повернуть свою 4-ю танковую армию с кавказского на сталинградское направление»¹.

Ударная группировка 6-й армии противника, потерпев поражение, была вынуждена перейти к обороне. На Сталинград теперь наступала 4-я танковая армия противника, наносившая удар с юга. Туда и переместился эпицентр сражения. В связи с тем, что командующий Сталинградским фронтом не располагал достаточными резервами для ведения активных действий на двух направлениях, он 5 августа приказал 1-й танковой армии перейти к обороне. Тогда же Василевский предложил Сталину с целью совершенствования управления войсками разделить Сталинградский фронт на два фронта: Сталинградский (21, 62, 63-я, 4-я танковая армии, 28-й танковый корпус) и Юго-Восточный (51, 57, 64-я, 1-я гвардейская армии, 13-й танковый корпус). Командующим Сталинградским фронтом оставался генерал Гордов, а Юго-Восточный фронт возглавил генерал Еременко. Ему в соответствии с директивой № 170562 Ставки с 6 часов 10 августа был подчинен Сталинградский фронт. Управление Юго-Восточного фронта формировалось на базе управления 1-й танковой армии, которая таким образом прекращала свое существование².

Ближайшая задача Сталинградского фронта состояла в том, чтобы разбить противника, прорвавшегося на стыке 21-й и 62-й армий и, восстановив здесь оборону, прочно прикрывать Сталинград с северо-запада и запада. В дальнейшем намечалось перейти в наступление на Морозовский. Юго-Восточному фронту предстояло приостановить продвижение противника к южному фасу Сталинградского внешнего обвода, не допустить его прорыва и выхода врага к Волге южнее Сталинграда, а затем занять Жутово и Котельников и отбросить противника за р. Сал³.

¹ Цит. по: Военно-исторический журнал. 1965. № 10. С. 15.

² См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1942 год. Т. 16(5—2). С. 340.

³ Там же. С. 342—343.

Тем временем обстановка на сталинградском направлении продолжала накаляться. Утром 7 августа войска 6-й армии противника возобновили наступление в полосе 62-й армии, оборонявшей выступ в малой излучине Дона. Вечером 8 августа танковые дивизии врага, прорвавшиеся с севера и юга, соединились западнее Калача. Войска 62-й армии с упорными боями отступали на восток. Их отход прикрывал 23-й танковый корпус (20 танков)¹, который в течение двух дней удерживал правый берег Дона южнее Калача. 9 августа с целью ликвидации вклинившейся вражеской группировки в районе Абганерова войска 64-й армии нанесли контрудар, в котором принял участие и 13-й танковый корпус². В результате положение было восстановлено, противник на этом направлении перешел к обороне. В то же время 22-й танковый корпус 4-й танковой армии под давлением превосходящих сил противника вынужден был отойти за Дон и занять оборону на его левом берегу³.

По поручению Сталина 12 августа в Сталинград вылетели член ГКО, секретарь ЦК ВКП(б) Маленков, начальник Генштаба генерал Василевский и командующий ВВС Красной Армии генерал Новиков. На командном пункте Юго-Восточного фронта, расположенном в штольне на левом берегу р. Царица, они провели заседание военного совета фронта. С целью усиления 4-й танковой армии, удерживавшей плацдарм за Доном, было решено передать ей 37-ю и 39-ю гвардейские стрелковые дивизии. Из резерва Ставки ВГК для усиления 57-й и 64-й армий направлялись 35-я и 36-я гвардейские стрелковые дивизии и три артиллерийско-пулеметных батальона 77-го укрепленного района.

Несмотря на принятые меры, 14-й танковый корпус противника 23 августа прорвал оборону войск Сталинградского фронта в районе Вертячего и вышел к Волге севернее Сталинграда. В ре-

¹ 6 августа 1942 г. 23-й танковый корпус был передан из 1-й танковой армии в 62-ю армию, а 28-й танковый корпус выведен на доукомплектование.

² После боев в районе Верхне-Бузиновки управление 13-го танкового корпуса была переброшено в район Абганерова, где объединило под своим командованием 6-ю гвардейскую, 13-ю, 254-ю танковые и 38-ю мотострелковую бригады.

³ В конце августа 1942 г. 22-й танковый корпус был выведен в резерв и переформирован в 5-й механизированный корпус.

зультате Сталинградский фронт оказался расчлененным на две части. Василевскому по указанию Сталину снова пришлось выехать в район боевых действий. В день его прибытия на командный пункт Юго-Восточного фронта поступили тревожные донесения о том, что к югу от Сталинграда противник вклинился в оборону советских войск и вышел к станции Тингута. По указанию Василевского для обороны Сталинграда с севера и северо-запада были спешно выдвинуты истребительные батальоны рабочих, курсантские батальоны, отряды народного ополчения, специальные и тыловые части Сталинградского фронта. Все это позволило быстро создать оборону в полосе между Доном и Волгой.

В шесть часов вечера 23 августа по решению Василевского силами специально созданной ударной группы (три стрелковые дивизии, 169-я танковая бригада, 28-й танковый корпус) был нанесен контрудар в юго-западном направлении¹. Одновременно соединения 62-й армии наносили удар из района Малых Россошек навстречу группе генерала Коваленко. Для разгрома противника, прорвавшегося к Волге, 2-й и 23-й танковые корпуса под командованием начальника автобронетанковых войск Сталинградского фронта генерал-лейтенанта А.Д. Штевнева утром 24 августа должны были нанести удар от Рынка, Орловки на Ерзовку, то есть по немецкому коридору с юга.

Контрудары групп генералов Коваленко и Штевнева успеха не имели. Лишь войскам 21-й и 63-й армий, проводивших вспомогательный удар на правом крыле Сталинградского фронта, удалось захватить юго-западнее Серафимовича плацдарм в 50 км по фронту и до 25 км в глубину. *«Каковы же основные причины наших неудач в те дни? — пишет Василевский. — Прежде всего отсутствие в распоряжении фронтового командования достаточных сил и средств, особенно танков и авиации, для нанесения мощного удара по врагу. Наспех создаваемые ударные группировки состояли, как правило, из ослабленных в боях стрелковых соединений. Войска же, направляемые Ставкой по железной дороге, поступали медленно и, не закончив сосредоточения, сразу же вводились в бой. В танковых соединениях фронта исправных танков было мало. Времени*

¹ Командующим группой был назначен заместитель командующего Сталинградским фронтом генерал-майор К.А. Коваленко.

для подготовки контрударов, для отработки взаимодействия и организации управления войсками не хватало»¹.

Вечером 24 августа Сталин и Василевский по прямому проводу обсудили создавшуюся обстановку. Они решили в спешном порядке сосредоточить севернее и северо-западнее Сталинграда не менее двух-трех армий из резерва Ставки для ликвидации прорвавшегося противника и деблокирования города с севера. Одновременно было решено срочно направить несколько дивизий для усиления войск, занятых обороной непосредственно в городе.

Сталин все-таки был недоволен действиями Василевского и Маленкова. В шестом часу утра 25 августа он направил им директиву № 170585, которая была весьма нелицеприятной по содержанию:

«Меня поражает то, что на Сталинградском фронте произошел точно такой же прорыв далеко в тыл наших войск, какой имел место в прошлом году на Брянском фронте, с выходом противника на Орел. Следует отметить, что начальником штаба был тогда на Брянском фронте тот же Захаров, а доверенным человеком тов. Еременко был тот же Рухле. Стоит над этим призадуматься. Либо Еременко не понимает идеи второго эшелона в тех местах фронта, где на переднем крае стоят необстрелянные дивизии, либо же мы имеем здесь чью-то злую волю, в точности осведомляющую немцев о слабых пунктах нашего фронта.

Как вы думаете использовать дивизии, подходящие с севера в район Себряково, в какие армии думаете их включить? Как работает наша авиация? Живы ли Еременко и Хрущев.

Как видно из донесения Лопатина², противник свободно переправляет свои части в районе Котлубани на восток от Дона. Это значит, что он будет прорывать следующий обвод Сталинграда.

По-моему, следовало бы отвести Лопатина, а также и 64-ю армию на следующий обвод, восточнее Дона. Отвод надо произвести скрытно и в полном порядке, чтобы он не превратился в бегство. Надо организовать арьергарды, способные драться до смерти, чтобы дать отойти частям армии.

¹ Цит. по: Василевский А.М. Дело всей жизни. С. 215.

² Генерал А.И. Лопатин — командующий 62-й армией.

Наступление 1-й гвардейской армии согласно вчерашней директиве уже не осуществимо в данный момент. Ей надо поставить задачу на оборону и прочно удерживать плацдарм, так же как и 63-й армии.

Жду немедленного ответа»¹.

В тот же день, 25 августа, Сталинград был объявлен на осадном положении. Одновременно Сталин поручил Василевскому отправиться в район сосредоточения войск к северу от города, где взять на себя руководство подготовкой намеченного контрудара. С целью не допустить захвата противником Сталинграда по приказу Сталина сюда перебрасывалась 1-я гвардейская армия генерала К.С. Москаленко. Она должна была с утра 2 сентября нанести контрудар по прорвавшейся к Волге группировке противника, а затем соединиться с 62-й армией. Туда же направлялись 24-я и 66-я армии.

Утром 26 августа Василевский приехал в штаб 24-й армии. Вместе с командующим армией генералом Козловым занимался рекогносцировкой. Затем туда же приехал генерал армии Жуков, назначенный заместителем Верховного Главнокомандующего с освобождением от должности командующего Западным фронтом. На него возлагалось руководство всеми войсками, привлекавшимися к ликвидации прорвавшегося к Волге врага, а также восстановлением нарушенного фронта обороны в районе Сталинграда. Через несколько дней Василевский по распоряжению Сталина вернулся для работы в Генштаб.

Г.К. Жуков, изучив обстановку, пришел к выводу, что войска 1-й гвардейской армии из-за несвоевременного подвоза боеприпасов и горючего смогут перейти в наступление только в 5 часов 3 сентября. Наступление 24-й и 66-й армий он назначил на 5 — 6 сентября². Однако наступление, предпринятое 3 сентября, не дало необходимого эффекта. Войска 1-й гвардейской армии к исходу дня сузили коридор, занятый противником и отделявший их от частей 62-й армии, с 8 км до 3 — 5,5 км. Но соединиться с 62-й армии не удалось. 10 сентября Жуков доложил Сталину, что теми силами,

¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1942 год. Т. 16(5—2). С. 373.

² См.: Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 297.

которыми располагает Сталинградский фронт, прорвать коридор и соединиться с войсками Юго-Восточного фронта в городе не удастся. Сталин приказал Жукову 12 сентября прибыть на совещание в Москву. Интересно, что в этот же день генерал Паулюс вылетел в Винницу. Здесь он получил от Гитлера строжайший приказ взять Сталинград решительным штурмом.

На совещании в Кремле Жуков и Василевский доложили Верховному, что наиболее боеспособные 6-я и 4-я танковая армии противника все больше втягиваются в изнурительные, затяжные бои за Сталинград, а в оперативном резерве у немецкого командования, в районе Волги и Дона, имеется не более шести дивизий, разбросанных по широкому фронту. Положение противника усугублялось еще и тем, что Гитлер не имел возможности высвободить и бросить на юг какие-либо силы с других фронтов, а его ударные группировки на сталинградском направлении и на Кавказе вот-вот исчерпают свои резервы, выдохнутся и перейдут к обороне. Кроме того, конфигурация фронта позволяла подготовить и нанести охватывающие удары по флангам войск генерала Паулюса, которые прикрывали менее боеспособные румынские войска. В дальнейшем можно было развивать наступление на Ростов и отсечь всю кавказскую группировку врага. С целью нанесения мощного удара по оперативному тылу противника, действовавшего в районе Сталинграда, предлагалось создать новый фронт в районе Серафимовича. Для подготовки крупномасштабной операции потребуется примерно полтора месяца. Ее намечалось разделить на два этапа: первый — прорыв обороны противника, окружение его сталинградской группировки и создание прочного внешнего фронта; второй — уничтожение окруженного противника и пресечение попыток врага извне деблокировать кольцо окружения. Сталин обещал над планом подумать и подсчитать имеющиеся ресурсы.

Впоследствии А.М. Василевский отмечал: *«Тут напрашивалось решение: организовать и провести контрнаступление, причем такое, которое не только бы радикально изменило бы обстановку в этом районе, но и привело бы к крушению все еще активно действующего южного крыла вражеского фронта. Такое решение было принято в середине сентября после обмена мнениями между И.В. Сталиным, Г.К. Жуковым и мною. Суть стратегического за-*

мысла сводилась к тому, чтобы из района Серафимовича (то есть северо-западнее Сталинграда) и из дефиле озер Цаца и Барманцак (то есть южнее Сталинграда) в общем направлении на Калач, лежащий западнее Сталинграда, нанести мощные концентрические удары по флангам втянувшейся в затяжные бои за город вражеской группировки, а затем окружить и уничтожить ее основные силы — 6-ю и 4-ю танковую немецкие армии»¹.

Пока Ставка ВГК и Генштаб вынашивали замысел по окружению и разгрому врага под Сталинградом, советские войска, оборонявшие город, продолжали упорно сражаться. Несмотря на стойкость войск Юго-Восточного фронта, противнику все же удалось пробиться к Волге в районе Купоросное. В результате 62-я армия генерала В.И. Чуйкова оказалась изолированной.

Вечером 28 сентября Сталин вместе с Жуковым и Василевским обсудил обстановку, сложившуюся под Сталинградом. В итоге было решено образовать в районе Сталинграда два самостоятельных фронта: из состава Сталинградского фронта — Донской (командующий генерал Рокоссовский), а из состава Юго-Восточного фронта — Сталинградский (командующий генерал Еременко)². Заместителю начальника Генштаба генералу Ф.Е. Бокову было поручено возглавить комиссию Ставки ВГК, которой предстояло очистить войска и штабы на Сталинградском фронте от непригодного командного и политического состава. В результате деятельности комиссии был откомандирован с фронта командующий 4-й танковой армией генерал В.Д. Крюченкин.

После принятия предварительного решения на контр наступление Сталин приказал Жукову и Василевскому выехать на фронт, чтобы тщательно изучить направления будущих ударов по противнику и уточнить все необходимые детали в связи с этим. Жуков отправился на Сталинградский, а Василевский — на Юго-Восточный фронт. Эта работа была завершена в конце сентября. К детальной разработке плана привлекались командующие родами войск, начальник тыла А.В. Хрулев и начальник Главного артиллерийского управления Н.Д. Яковлев. В начале октября в работу включились

¹ Цит. по: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. С. 219.

² См.: *Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1942 год. Т. 16(5—2).* С. 403—404.

командующие и начальники штабов фронтов, которым было приказано подготовить предложения по использованию сил каждого фронта для совместной наступательной операции, получившей кодовое наименование «Уран».

22 октября было принято решение создать новый Юго-Западный фронт под командованием генерала Н.Ф. Ватутина. На него, а также на командующих Сталинградским и Донским фронтами возлагалась подготовка операции по окружению и разгрому группировки противника под Сталинградом. С этого времени началась практическая отработка с войсками и командованием во всех фронтах и непосредственно на местности вопросов, связанных с предстоящей операцией. С целью сохранения в тайне подготовки к операции «Уран» была издана специальная директива Генштаба. Все распоряжения требовалось отдавать только в устной форме и непосредственным исполнителям. Сосредоточение и перегруппировка войск проводились только ночью. Для этой цели выделялись около 30 тыс. автомобилей и 1300 железнодорожных вагонов. Оперативная маскировка достигла своей цели. Противник считал, что «русские в ходе последних боев были серьезно ослаблены и не смогут зимой 1942/43 года располагать такими же силами, какие имелись у них в прошлую зиму».

3 ноября Жуков и Василевский на командном пункте Юго-Западного фронта при участии генералов Воронова, Новикова и Федоренко провели совещание руководящего состава 5-й танковой и 63-й армий. На следующий день подобное совещание состоялось в 21-й армии Юго-Западного фронта с привлечением руководящего состава Донского фронта, а 10 ноября — в штабе 57-й армии с руководством Сталинградского фронта. На этих совещаниях были рассмотрены вопросы организации взаимодействия с артиллерией, танками и авиацией, организации управления войсками и др.

Завершив отработку планов, Жуков и Василевский позвонили Сталину и попросили разрешения лично доложить о наиболее важных проблемах предстоящей операции. Встреча у Сталина состоялась утром 13 ноября.

— Группировка немецких войск в основном остается прежней, — доложил Жуков, — главные силы 6-й и 4-й танковой армий вовлечены в затяжные бои в районе Сталинграда. На флангах

этих сил, то есть на направлениях наших главных ударов, остаются румынские части. Подхода на сталинградское направление более или менее значительных резервов из глубины за последнее время не наблюдалось. Не отмечалось и каких-либо существенных перегруппировок в войсках противника, действовавших на этом направлении. В целом силы сторон на сталинградском направлении, по имеющимся данным, к началу наступления равны. На направлениях же предстоящих ударов в результате поступления из Ставки резервов и ослабления второстепенных направлений удалось создать мощные ударные группировки, что позволяет рассчитывать на успех.

— Кто будет играть главную роль в начале операции? — спросил Сталин.

— Как и предусматривается планом, Юго-Западный фронт. К исходу третьего или на четвертый день операции намечается встреча танковых и механизированных корпусов Юго-Западного и Сталинградского фронтов в районе Калача. Они должны замкнуть кольцо окружения главной группировки врага в районе Сталинграда. Начать наступление на Юго-Западном и Донском фронтах можно 19—20-го, а на Сталинградском — 20 ноября.

Сталин одобрил план и сроки начала операции. Он поручил Жукову подготовить отвлекающую операцию на Калининском и Западном фронтах под кодовым наименованием «Марс». На Василевского была возложена координация действий всех трех фронтов сталинградского направления при проведении контрнаступления. Это был серьезный экзамен для Александра Михайловича, которому впервые на практике предстояло решать задачу стратегического масштаба.

Замысел операции «Уран» состоял в том, чтобы ударами войск Юго-Западного фронта с плацдармов на южном берегу Дона в районах Серафимовича и Клетской и левого крыла Сталинградского фронта из района Сарпинских озер южнее Сталинграда в северо-западном направлении разгромить войска, прикрывавшие фланги ударной группировки противника. В последующем, развивая наступление по сходящимся направлениям на Калач, Советский, намечалось окружить и уничтожить его главные силы, действовавшие непосредственно под Сталинградом. На долю войск

Донского фронта выпадало нанесение двух вспомогательных ударов. Первый удар — силами 21-й и 65-й армий из района восточнее Клетской на юго-восток с целью свертывания обороны противника на правом берегу Дона. Второй удар — войсками 24-й армии вдоль левого берега Дона на юг, чтобы отсечь группировку противника, находившуюся в малой излучине Дона. Одновременно 66-я армия активными действиями должна была сковывать противостоящие вражеские части.

А.М. Василевский прибыл в штаб Юго-Западного фронта, который находился в г. Серафимович. Здесь работниками Генштаба для него был подготовлен пункт руководства Юго-Западным, Донским и Сталинградским фронтами. Не успел он обжиться на новом месте, как позвонил Сталин и предложил прибыть 18 ноября в Москву для обсуждения одного из вопросов, касающихся предстоящей операции. Ничего более конкретного он не сообщил. В шесть часов вечера Василевский уже находился в кремлевском кабинете Сталина, где проходило заседание Государственного Комитета Обороны. Сталин немедленно принял Василевского и предложил ему ознакомиться с письмом командира 4-го механизированного корпуса генерала В.Т. Вольского.

Василевский, читая письмо, еле сдерживал закипавшее в душе раздражение. Вольский писал, что запланированное наступление под Сталинградом при том соотношении сил и средств, которое сложилось к началу операции, не только не позволяет рассчитывать на успех, но, по его мнению, безусловно обречено на провал со всеми вытекающими отсюда последствиями. Комкор отмечал, что он как честный член партии, зная мнение и других ответственных участников наступления, просит ГКО немедленно и тщательно проверить реальность принятых по операции решений, отложить ее, а быть может, и отказаться от нее совсем.

— Ну, каково ваше мнение по поводу письма Вольского? — спросил Сталин.

— Товарищ Сталин, я удивлен этим письмом. В течение последних недель его автор активно участвовал в подготовке операции и ни разу не высказывал ни малейшего сомнения как по операции в целом, так и по задачам, поставленным перед войсками вверенного ему корпуса. Более того, 10 ноября на заключительном совещании

он заверил представителей Ставки и военный совет фронта, что его корпус готов к выполнению задачи, а затем доложил о полной боеспособности и об отличном, боевом настроении личного состава этого соединения. У меня нет каких-либо оснований не только для отмены подготовленной операции, но и для пересмотра сроков ее начала.

Сталин, выслушав Василевского, спросил:

— А как вы объясняете это письмо?

— Я не могу объяснить это письмо.

— Как вы оцениваете автора этого письма?

— Вольский отличный командир корпуса, способный выполнить возложенное на него задание.

— А теперь, после этого письма? — спросил Сталин. — Можно ли его оставить на корпусе, по вашему мнению?

Василевский несколько секунд думал над этим, потом сказал:

— Я считаю невозможным снимать командира корпуса накануне наступления и считаю правильным оставить Вольского на его должности, но, конечно, с ним необходимо говорить.

— А вы можете меня соединить с Вольским, — спросил Сталин, — чтобы я с ним поговорил?

— Постараюсь это сделать сейчас.

Василевский вызвал по ВЧ командный пункт фронта, приказал найти Вольского и соединиться с ним через ВЧ и полевой телефон. Через некоторое время Вольского нашли. Сталин взял трубку.

— Здравствуйте, товарищ Вольский. Я прочел ваше письмо. Я никому его не показывал, о нем никто не знает. Я думаю, что вы неправильно оцениваете наши и свои возможности. Я уверен, что вы справитесь с возложенными на вас задачами и сделаете все, чтобы ваш корпус выполнил все и добился успеха. Готовы ли вы сделать все от вас зависящее, чтобы выполнить поставленную перед вами задачу?

Очевидно, последовал ответ, что готов. Тогда Сталин сказал:

— Я верю в то, что вы выполните вашу задачу, товарищ Вольский. Желаю вам успеха. Повторяю, о вашем письме не знает никто, кроме меня и товарища Василевского, которому я показал его. Желаю успеха. До свидания.

Сталин говорил все это абсолютно спокойно, с полной выдержкой, весьма мягко. После этого он сказал, что Василевский может отправиться на фронт.

Утром 19 ноября Василевский снова был в Серафимовиче, а затем выехал в 5-ю танковую армию генерала П.А. Романенко, которой предстояло сыграть главную роль на Юго-Западном фронте.

К началу контрнаступления Юго-Западный, Донской и Сталинградский фронты насчитывали 1103 тыс. человек, 15 500 орудий и минометов, 1463 танка и САУ, 1350 боевых самолетов. По другим данным, на трех фронтах насчитывалось около 979 танков, из которых более 80% находилось на Юго-Западном и Сталинградском фронтах¹. Им противостояли итальянская 8-я, румынские 3-я и 4-я армии, немецкие 6-я полевая и 4-я танковая армии группы армий «Б»; всего более 1011,5 тыс. человек, 10 290 орудий и минометов, 675 танков и штурмовых орудий, 1216 боевых самолетов. По живой силе соотношение сторон было равным. По артиллерии и минометам советские войска превосходили противника в 1,5 раза, по танкам и САУ — в 2,1, а по самолетам — в 1,1 раза.

Перед началом контрнаступления повалил густой крупный снег, который смешивался с туманом. Видимость не превышала 250 м. В таких условиях действия артиллерии очень затруднены. Несмотря на это, она в установленный срок приступила к проведению артиллерийской подготовки. В полосе Юго-Западного фронта оборона румынской 3-й армии была подавлена на двух участках. Однако из-за плохой видимости далеко не везде вражеская оборона была сокрушена, особенно на фланговых участках прорыва. Стрелковые соединения 5-й танковой и 21-й армий Юго-Западного фронта с плацдарма у Клетской перешли в наступление, быстро взломали передний край обороны противника и устремились вперед. Для наращивания удара в сражение между 12 и 13 часами дня были введены 1, 4 и 26-й танковые корпуса. Генерал Паулюс сразу почувствовал надвигающуюся угрозу, но своевременных контрмер не принял. Только в десять часов вечера командующий группой армий «Б» генерал-полковник М. фон Вейхс вынужден был принять решение немедленно прекратить все наступательные операции в Сталинграде. Командующему 6-й армией

¹ См.: Советские танковые войска 1941—1945. Военно-исторический очерк. М.: Воениздат, 1973. С. 75.

приказывалось создать ударную группировку (две моторизованные, одна пехотная дивизии), которая под руководством штаба 14-го танкового корпуса должна была нанести удар в северо-западном или западном направлении¹. Фон Вейхс, видимо, не до конца осознавал опасность, так как выделил незначительные силы для парирования удара советских войск.

20 ноября нанес удар Сталинградский фронт. К середине дня его войска прорвали оборону противника, и только теперь генерал Паулюс понял, что происходит. Войска Юго-Западного и Сталинградского фронтов еще не сомкнули кольцо окружения, а Паулюс в шесть часов вечера 22 ноября доложил фон Вейхсу, что 6-я армия окружена. Учитывая критическое положение с боеприпасами и горючим, фон Паулюс планировал оставить Сталинград и северный участок фронта, чтобы обрушить удары на противника всеми силами на южном участке фронта между Доном и Волгой и соединиться здесь с 4-й танковой армией². Однако Гитлер потребовал от 6-й армии занять круговую оборону и выжидать деблокирующего наступления извне.

23 ноября войска Юго-Западного и Сталинградского фронтов соединились в районе Калач-на-Дону, хутор Советский. Генерал Василевский, обсудив с командующими Юго-Западным, Сталинградским и Донским фронтами оперативную обстановку, предложил Сталину с целью более надежной изоляции окруженной группировки от подхода деблокирующих сил противника создать прочный внешний фронт окружения. Силами войск всех трех фронтов, находившихся на внутреннем фронте окружения, намечалось с утра 24 ноября продолжить решительные действия по ликвидации окруженного противника. Эти предложения были одобрены Сталиным. Одновременно он сказал:

— Необходимо, исходя из благоприятно сложившейся обстановки на среднем течении Дона, наметить проведение новой наступательной операции силами Юго-Западного и левого крыла Воронежского фронтов. Цель — расширить фронт наступления и нанести врагу дополнительный и по возможности как можно более

¹ См.: Дёпп Г. Поход на Сталинград. С. 69.

² Goerlitz W. Paulus und Stalingrad. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1974. S. 208.

чувствительный удар в общем направлении на Миллерово, Ростов. Это позволит создать условия для полного разгрома противника на южном крыле советско-германского фронта и вместе с тем, при наличии наших активных действий на тормосинском направлении, надежнее обеспечить с запада ликвидацию окруженной группировки противника. Прошу вас, товарищ Василевский, в ближайшие дни вместе с командующими Юго-Западным и Воронежским фронтами рассмотреть этот вопрос и представить в Ставку соответствующие соображения.

Затем Сталин спросил, как действовал генерал Вольский и его корпус. Василевский ответил, что они действовали отлично.

— Вот что, товарищ Василевский, — сказал Сталин. — Раз так, то я прошу вас найти там, на фронте, хоть что-нибудь пока, чтобы немедленно от моего имени наградить Вольского. Передайте ему мою благодарность, наградите его от моего имени и дайте понять, что другие награды ему и другим — впереди.

У Василевского был трофейный немецкий «вальтер». Он приказал прикрепить к нему дощечку с соответствующей надписью. Встретившись с Вольским, поздравил его с успехом, передал ему слова Сталина и от его имени этот пистолет. И, как вспоминает Василевский, командир корпуса испытал такое потрясение, что тут же, не стесняясь, зарыдал, как ребенок.

В ночь на 24 ноября Василевский поставил командующим Юго-Западным, Донским и Сталинградским фронтами задачи по ликвидации окруженной группировки. Однако наступление, предпринятое утром, успеха не имело. *«В наших исходных расчетах, на которых основывалось решение об уничтожении окруженного противника действиями с ходу, была допущена серьезная ошибка, —* отмечал позднее Василевский. *— По разведывательным данным из фронтов, принимавших участие в контрнаступлении, а также разведывательных органов Генерального штаба, общая численность окруженной группировки, которой командовал генерал-полковник Паулос, определялась в то время в 85 — 90 тыс. человек. Фактически же в ней насчитывалось, как мы узнали позднее, более 300 тыс¹. Значительно уменьшенными были наши*

¹ В действительности в окружении оказались 22 дивизии и более 160 отдельных частей общей численностью 330 тыс. человек.

представления и о боевой технике, особенно артиллерии и танках, и вооружении, которыми располагали окруженные фашисты. Мы не учли тех пополнений, которые поступали в соединения 6-й полковой и 4-й танковой немецкой армий в процессе их наступления и обороны, и огромного количества частей и подразделений всякого рода специальных и вспомогательных войск, попавших в "котел". Между тем личный состав этих войск в большинстве своем был использован в дальнейшем для пополнения боевых частей»¹.

А.М. Василевский, координируя действия фронтов в операции «Уран», одновременно занимался проработкой вопросов, связанных с новой Среднедонской операцией. 25 ноября он вместе с генералами Вороновым и Новиковым прибыл в штаб Воронежского фронта. Здесь они совместно с командующим фронтом генералом Голиковым провели рекогносцировку местности. 26 ноября такая же работа была проведена и на правом крыле Юго-Западного фронта. После этого Василевский, вернувшись в Серафимовичи, доложил Сталину о проделанной работе, а также о необходимости ускорить переброску соединений и частей 1-й гвардейской армии.

Цель Среднедонской операции состояла в разгроме силами Юго-Западного и Воронежского фронтов итальянской 8-й армии, немецкой оперативной группы «Холлидт» и остатков 3-й румынской армии, а в последующем в развитии контрнаступления на сталинградско-ростовском направлении. По предложению Василевского решением Сталина от 27 ноября в состав 5-й танковой армии передавался 5-й механизированный корпус, а Донскому фронту — 21-я армия. В составе Юго-Западного фронта оставался 3-й гвардейский кавалерийский корпус, без танковых полков². 3 декабря, а не 2-го, как пишет Василевский, Сталин директивой № 170697 утвердил план операции, присвоив ей кодовое наименование «Сатурн»³. Координация действий Юго-Западного и Воронежского фронтов была возложена на генерала Воронова, а Сталинградского и Донского фронтов — на генерала Василевского. В его распоряжение передавалась вся авиация обоих фронтов, а

¹ Цит. по: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. С. 229.

² См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1942 год. Т. 16(5—2). С. 453.

³ Там же. С. 459.

также поступающий на Донской фронт корпус бомбардировщиков Пе-2. Сталин также одобрил предложение Василевского о выводе 1-го механизированного корпуса на рубеж р. Дон в район Еланской, чтобы использовать его для нанесения сильных ударов по флангам и тылу наступающей немецкой группировки и разгромить ее. Кроме того, Василевскому разрешалось выделить в свой резерв один танковый корпус для усиления при необходимости Донского или Сталинградского фронтов.

29 ноября Василевский прибыл в Заварыгино, где размещались командный пункт и штаб Донского фронта. Отсюда он руководил действиями обоих фронтов. Однако все попытки в первых числах декабря расчлнить и уничтожить окруженную группировку успеха не дали. Противник, опираясь на сеть хорошо подготовленных инженерных оборонительных сооружений, оказывал упорное сопротивление. По предложению командующего Донским фронтом Сталин 4 декабря обязал его и командующего Сталинградским фронтом не позднее 18 декабря завершить подготовку новой операции по разгрому окруженной группировки врага. Операция получила кодовое наименование «Кольцо». Одновременно Сталин направил Василевскому распоряжение № 170698, в котором выразил недовольство его действиями как представителя Ставки: *«Ваша задача состоит в том, чтобы объединять действия Иванова и Донцова¹. До сего времени, однако, у вас получается разведение, а не объединение. Вопреки вашему приказу 2 и 3 числа наступал Иванов, а Донцов не был в состоянии наступать. Противник получил возможность маневра. 4-го будет наступать Донцов, а Иванов оказывается не в состоянии наступать. Противник опять получает возможность маневрировать. Прошу вас впредь не допускать таких ошибок. Раньше, чем издать приказ о совместном наступлении Иванова и Донцова, нужно проверить, в состоянии ли они наступать»².*

Василевский, комментируя этот документ, отмечал, что основной причиной неудачи операции являлся недостаток сил. Кроме

¹ Иванов — псевдоним генерала А.И. Еременко, Донцов — генерала К.К. Рокоссовского.

² См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1942 год. Т. 16(5—2). С. 459.

того, по сведениям разведки, Главное командование Сухопутных войск с целью деблокирования окруженной группировки и восстановления в районе Сталинграда утраченного положения создавало на юго-восточном участке фронта группу армий «Дон» во главе с генерал-фельдмаршалом фон Манштейном. В составе армейской группы «Гот» для нанесения деблокирующего удара были созданы две ударные группировки: одна — в районе Котельникова, другая — в районе Тормосина.

Довольно тревожная обстановка на южном и юго-западном факсах внешнего фронта окружения требовала его дальнейшего усиления за счет войск внутреннего фронта. По указанию командующего Сталинградским фронтом в состав 51-й армии были переброшены 13-й танковый корпус, несколько отдельных танковых и артиллерийских полков. По предложению Василевского на Донской фронт из резерва Ставки направлялась 2-я гвардейская армия генерала Малиновского, а также ряд других частей и соединений. В составе Сталинградского фронта приказом № 170699 Ставки ВГК от 8 декабря была сформирована 5-я ударная армия. Ей предстояло во взаимодействии с 5-й танковой армией уничтожить нижнечирскую и тормосинскую группировки противника, не допустить его прорыва из района Тормосин, Нижне-Чирская на соединение с окруженной группировкой врага в районе Сталинграда, а в дальнейшем наступать в общем направлении на Усть-Быстрянскую.

По указанию фон Манштейна штаб группы армий «Дон» разработал план операции «Винтергевиттер» («Зимняя гроза») с целью деблокады 6-й армии¹. Замысел состоял в том, чтобы основными силами 4-й танковой армии нанести удар из района Котельниково восточнее р. Дон. Почему здесь? Ответ на этот вопрос дал фон Манштейн: *«...Противник меньше всего будет ожидать такое наступление на восточном берегу Дона, так как при существовавшей на фронте обстановке сосредоточение в этом районе крупных сил было бы связано для немцев с большим риском. Поэтому противник вначале выдвинул только относительно слабые силы в направлении на Котельниково для прикрития внутреннего фронта окружения»*. Если же, полагал Манштейн, количество войск

¹ См.: Манштейн Э. Утерянные победы. С. 380—381.

противника перед Котельниковом значительно возрастет, тогда *«приказом был предусмотрен следующий запасный вариант: танковые дивизии 4-й танковой армии должны были быть срочно и скрытно для противника переброшены по западному берегу Дона на север, на донско-чирский плацдарм у Нижне-Чирской и наносить главный удар отсюда»*.

Каковы же были планы Василевского? В ночь на 5 декабря он, посоветовавшись с Еременко, совместно с Рокоссовским приступил к разработке нового плана ликвидации войск 6-й армии. *«Должен сказать, что по вопросу о дальнейших действиях советских войск в районе Сталинграда в Ставку был внесен ряд предложений, — пишет Александр Михайлович. — Как мне стало известно, согласно одному из них, мы должны были прекратить действия по ликвидации осажденной армии Паулюса, оставить вокруг нее лишь охранные войска, поскольку она якобы не представляла угрозы, являлась вроде “зайца на привязи”, а все наши основные войска немедленно двинуть на Ростов-на-Дону, чтобы отрезать пути отхода фашистским войскам с Северного Кавказа. Это, по мнению авторов предложения, принесло бы нам большие выгоды, образовав на Северном Кавказе второй крупный “котел” для находившихся там неприятельских войск. И.В. Сталин поддержал мое отрицательное отношение к этому предложению. Верховное Главнокомандование на основе трезвого расчета не могло стать на этот путь, хотя он был заманчивым. Под Сталинградом находилась хотя и ослабленная, но крупная группировка противника, располагавшая мощной боевой техникой и далеко еще не лишенная боеспособности. Недооценивать ее, особенно в начале декабря, было ни в коем случае нельзя. И.В. Сталин отверг предложение “открыть ворота” Паулюсу, предложив его авторам оставить эту идею при себе»¹.*

9 декабря Василевский представил Сталину план расчленения и ликвидации в три этапа окруженного противника. Первый этап — уничтожение силами Донского фронта четырех пехотных дивизий западнее р. Россошка. Второй этап — нанесение удара Донским фронтом, в основном 2-й гвардейской армией, в юго-восточном на-

¹ Цит. по: Василевский А.М. Дело всей жизни. С. 239.

правления на Воропоново, и встречного удара 64-й армией Сталинградского фронта через Песчанку на Воропоново в целях изоляции и затем пленения вражеских войск в южной части окруженной группировки. Третий этап — нанесение удара всеми действовавшими на внутреннем фронте армиями Донского и Сталинградского фронтов в общем направлении на Гумрак, чтобы окончательно сломить сопротивление окруженного противника и покончить с ним¹.

11 декабря Сталин утвердил представленный план, потребовав провести операцию «Кольцо» в два этапа. Первый этап — выход в район Басаргино, Воропоново и не позже 23 декабря ликвидация западной и южной групп противника. Второй этап — общий штурм силами обоих фронтов с целью ликвидации основной массы вражеских войск к западу и северо-западу от Сталинграда².

Однако противник упредил советские войска. 12 декабря началась операция «Винтергевиттер». Армейская группа «Гот» (124 тыс. человек, 650 танков, 852 орудия и миномета, 500 самолетов) нанесла удар вдоль железной дороги Котельниково — Сталинград на участке 51-й армии. Она и 5-я ударная армия Сталинградского фронта насчитывали 115 тыс. человек, 329 танков, 1133 орудия и миномета и 220 самолетов³. Противник, имея превосходство в силах и средствах, сумел к вечеру на отдельных участках выйти к южному берегу Аксая и занять район, который находился в 10 — 15 км южнее железнодорожного и шоссейного моста через Аксай у Круглякова.

Василевский, обсудив с командующим Сталинградским фронтом сложившуюся ситуацию, потребовал от него принять меры по усилению 51-й армии и выделению части сил для организации обороны по р. Мышкова. Вечером в штабе Донского фронта Василевский проинформировал генерала Рокоссовского и командующего 2-й гвардейской армией генерала Малиновского о создавшемся положении.

¹ См.: *Василевский А. М.* Дело всей жизни. С. 239—240.

² См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1942 год. Т. 16(5—2). С. 465.

³ См.: История Второй мировой войны, 1939 — 1945. В 12-ти т. М.: Воениздат, 1976. Т. 6. С. 64.

— Как только дадут связь, я намерен просить Верховного Главнокомандующего, — сказал Александр Михайлович, — по мере прибытия соединений 2-й гвардейской армии направлять их к югу от Сталинграда. Манштейна надо встретить как следует. Вам, товарищ Малиновский, я предлагаю немедленно начать переброску своих частей форсированным маршем на реку Мышкову. Противника надо упредить, дать ему решительный отпор.

Это распоряжение вызывало возражение Рокоссовского:

— Я не согласен с таким использованием армии Малиновского и буду отстаивать свое мнение перед Верховным.

— Это ваше право!

Разговор со Сталиным состоялся через несколько часов. Василевский доложил о начавшемся наступлении противника и о необходимости принятия срочных мер для ликвидации опасности прорыва внешнего кольца.

— Прошу вашего разрешения немедленно начать переброску прибывающих частей 2-й гвардейской армии, с тем чтобы, развернув ее на реке Мышкове, остановить Манштейна. Когда же мы его разгромим, можно подумать и о Паулюсе. Он от нас не уйдет. Операцию по разгрому его группировки считаю необходимым отложить.

Предложение Василевского поначалу вызвало возражение Сталина:

— Вы и так уж слишком долго возитесь с Паулюсом. Пора с ним кончать. И вообще, вы постоянно просите резервы у Ставки, причем для тех направлений, за которые отвечаете. — Сталин явно сердился. — Рокоссовский рядом с вами? Передайте ему трубку.

Рокоссовский взял трубку.

— Как вы относитесь к предложению Василевского? — услышал он характерный голос Верховного Главнокомандующего.

— Отрицательно, товарищ Сталин.

— Что же вы предлагаете?

— Я думаю, следует сначала разделаться с окруженной группировкой и использовать для этого армию Малиновского.

— А если немцы прорвутся?

— В этом случае можно будет повернуть против них 21-ю армию.

Сталин немного помолчал.

— Да, ваш вариант смел... — возобновил он разговор, — но он рискован. Передайте трубку Василевскому.

Несколько минут Василевский слушал то, что ему говорил Сталин, а затем вновь стал доказывать необходимость передачи армии Малиновского Сталинградскому фронту.

— Еременко сомневается в возможности отразить наступление врага теми силами, которые есть у него. — Мгновение Василевский молчал, затем промолвил: — Да, товарищ Сталин. — И вновь протянул трубку Рокоссовскому.

— Товарищ Рокоссовский, — услышал он, — ваше предложение действительно очень смело. Но риск чересчур велик. Мы здесь, в Государственном Комитете Обороны, сейчас все рассмотрим, все за и против. Но, видимо, с армией Малиновского вам придется расстаться.

— В таком случае, товарищ Сталин, войска Донского фронта не смогут уничтожить Паулюса. Я прошу вас тогда отложить операцию.

Сталин чуть помолчал.

— Хорошо, — решительно произнес он, наконец. — Временно приостановите операцию. Мы вас подкрепим людьми и техникой. Я думаю, надо прислать вам Воронова, он поможет усилить вашу артиллерию.

Около пяти часов утра 13 декабря Сталин позвонил в штаб Донского фронта. К телефону подошел Василевский.

— Я возлагаю на вас руководство войсками по ликвидации деблокирующих группировок противника, — сказал Сталин. — В ближайшие дни представьте свои соображения по использованию 2-й гвардейской армии на котельниковском направлении. С 15 декабря она будет передана в состав Сталинградского фронта¹.

Вечером 13 декабря Сталин, учитывая сложившуюся обстановку, внес изменения в план операции «Сатурн»². Главный удар теперь

¹ В 22 часа 30 минут 14 декабря 1942 г. И.В. Сталин подписал директиву № 170708, в которой нашли отражение все предложения генерала А.М. Василевского.

² См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1942 год. Т. 16(5—2). С. 466—467.

наносился на юго-восток в сторону Нижнего Астахова и с выходом на Морозовский, чтобы взять в клещи боковско-морозовскую группировку противника, выйти на ее тылы и ликвидировать одновременно ударом с востока силами 5-й танковой и 1-й гвардейской армий и с северо-запада силами 3-й гвардейской армии и приданных ей подвижных частей. Прорыв вражеской обороны требовалось произвести в тех же районах, в которых он был задуман по операции «Сатурн». Войска 6-й армии Воронежского фронта должны были обеспечить действие главной ударной группировки с запада¹. Для поддержки наземных войск выделялись более 300 самолетов 2-й и 17-й воздушных армий. Благодаря решительному массированию сил и средств на участках прорыва удалось создать 2 — 3-кратное превосходство над противником. Операция, которая должна была начаться 16 декабря, получила теперь наименование «Малый Сатурн».

15 декабря части 4-го механизированного корпуса (до 70 танков) генерала В.Т. Вольского совместно с подошедшей из резерва Сталинградского фронта 87-й стрелковой дивизией выбили противника из Верхне-Кумского и приостановили его дальнейшее продвижение на северо-восток. До войск 6-й армии передовым отрядам фон Манштейна оставалось пройти всего 50 км. 16 декабря войска правого крыла Юго-Западного фронта начали операцию «Малый Сатурн». Танковые корпуса фронта при поддержке артиллерии и авиации мощными таранными ударами прорвали оборону итальянской 8-й армии и стали продвигаться в направлении на станцию Тацинская.

В соответствии с указанием Сталина генерал Василевский представил ему план использования 2-й гвардейской армии против котельниковской группировки врага. Ей предстояло с утра 22 декабря нанести удар в направлении Громославка, Шестаков и далее вдоль железной дороги на Котельниково, чтобы совместно с 3-м гвардейским механизированным корпусом разгромить противника в районе Верхне-Кумский, очистить северный берег р. Аксай и выйти на ее южный берег. 24 декабря намечалось овладеть рубежом Майорский, Котельниково, Поперечный, р. Сал. Обеспечение действий

¹ 19 декабря 1942 г. 6-я армия была передана в состав Юго-Западного фронта.

2-й гвардейской армии с востока возлагалось на 51-ю армию, а в дальнейшем и на 4-й кавалерийский корпус Сталинградского фронта. Войска 5-й ударной армии должны были 20 декабря ударом с северо-запада овладеть Нижне-Чирской и в дальнейшем совместно с 5-й танковой армией продвигаться на Тормосин, чтобы к вечеру 24 декабря выйти на р. Цымла.

Около часу ночи 19 декабря Сталин утвердил представленный план. На командующего артиллерией Красной Армии генерала Воронова возлагалась разработка не позднее 21 декабря плана прорыва обороны противника, окруженного под Сталинградом, и ликвидации его в течение 5—6 дней.

Утром 19 декабря соединениям 57-го танкового корпуса противника удалось опрокинуть 3-й гвардейский механизированный корпус, форсировать р. Аксай и продвинуться дальше на север до р. Мышкова. 23 декабря группировка фон Манштейна находилась от окруженных войск 6-й армии всего в 35 — 40 км. Однако войска 51-й и 2-й гвардейской армий при поддержке 8-й воздушной армии сумели остановить врага. Время, необходимое для окончательного развертывания 2-й гвардейской армии, было выиграно.

24 декабря войска 2-й гвардейской и 51-й армий при содействии части сил 5-й ударной армии перешли в наступление. Они прорвали оборону противника и овладели в полосе 2-й гвардейской армии переправами на р. Мышкова. В сражение были введены подвижные части армии, которые стремительно продвигались вперед. Одновременно танковые корпуса Юго-Западного фронта овладели станцией Тацинская. Фон Манштейну пришлось отказаться от дальнейших попыток деблокировать окруженные под Сталинградом войска и, чтобы самому не оказаться в окружении, бросить все, что оказалось под рукой, для парирования ударов Юго-Западного фронта. В результате были созданы благоприятные условия для окончательного разгрома группировки противника в районе Тормосина, находившейся в опасной близости от окруженных войск 6-й армии. В этой связи Сталин, по предложению Василевского, приказал с 12 часов 26 декабря включить 5-ю ударную армию в состав Юго-Западного фронта¹.

¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1942 год. Т. 16(5—2). С. 469.

К утру 29 декабря 7-й танковый корпус выбил противника из Котельниковского. На следующий день в целях быстреего разгрома противника на ростовском направлении и лучшего управления армиями, действующими на этом направлении, Сталинградский фронт с 1 января 1943 г. был преобразован в Южный фронт во главе с генералом Еременко.

31 декабря части 2-го гвардейского механизированного корпуса и правифланговые соединения 2-й гвардейской армии во взаимодействии с частью сил 5-й ударной армии овладели Тормосином, устранив угрозу флангового удара противника. Утром 1 января 1943 г. А.М. Василевский вернулся на свой командный пункт в Верхне-Царицынском. Здесь он получил директиву Ставки ВГК об утверждении представленного им плана дальнейших действий войск Южного фронта. Вместе с тем дополнительно предписывалось силами подвижных частей овладеть 2 января Цимлянкой, к исходу 4-го и ни в коем случае не позже 5 января — Константиновской, 5 января — Сальском, 7-го — городами Шахты и Новочеркасск, а 15 — 16 января — Тихорецкой. Операции присваивалось кодовое наименование «Дон». Организация взаимодействия войск Южного и Юго-Западного фронтов возлагалась на Василевского¹. Но вскоре Сталин возложил на него координацию действий Воронежского, Брянского и Юго-Западного фронтов.

Контрнаступление советских войск под Сталинградом решительным образом изменило стратегическую обстановку на советско-германском фронте в пользу Красной Армии. В этих условиях Ставка ВГК решила, максимально используя успех сталинградского контрнаступления, развернуть общее наступление от Ленинграда до Кавказа. Не распыляя сил, как это имело место зимой 1941/42 г., Ставка сосредоточила основные усилия на юго-западном направлении, то есть там, где противнику было нанесено особенно ощутимое поражение и где ожидалось менее упорное его сопротивление. Здесь планировалось силами Брянского, Воронежского, Юго-Западного, Южного и Закавказского фронтов разгромить соединения групп армий «Б», «Дон» и «А», освободить Харьковский промышленный район, Донецкий бассейн и Север-

¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16(5—3). М.: ТЕРРА, 1999. С. 21.

ный Кавказ. Одновременно войскам Донского фронта было приказано ликвидировать окруженную под Сталинградом вражескую группировку. Активные действия намечались и на других участках фронта. В январе 1943 г. планировалась наступательная операция по прорыву блокады Ленинграда. На северо-западном и западном направлениях очередную попытку разгрома демянской и ржевско-вяземской группировок противника должны были предпринять армии Северо-Западного, Калининского и Западного фронтов.

Германское командование намеревалось задержать наступление Красной Армии на юго-западном направлении. Угроза выхода армий Южного фронта в тыл кавказской группировке вынудила врага оставить часть захваченной территории в расчете на удержание Донбасса и части Северного Кавказа. Основные силы противостоявших сторон действовали на южном участке фронта — от Долгорукова до Новороссийска.

Ко многим этим событиям начальник Генштаба А.М. Василевский имел непосредственное отношение. 2 января 1943 г. он прибыл в поселок Анна, где находился штаб Воронежского фронта. Разгром войск 6-й армии был осуществлен уже без участия Василевского.

Сталин, придавая большое значение освобождению Харьковского промышленного района, послал в начале января 1943 г. на Воронежский фронт в качестве представителя Ставки ВГК еще и генерала армии Жукова. Он и Василевский вскоре перебрались в г. Бобров. Вместе с командующим и штабом Воронежского фронта они разработали план Острогожско-Россошанской операции, которая являлась составной частью Воронежско-Харьковской стратегической наступательной операции.

К середине января 1943 г. на Верхнем Дону оборонялись главные силы группы армий «Б» (итальянская 8-я, венгерская 2-я армии, корпусная группа «Крамер») под командованием генерал-полковника М. Вейкса. Она насчитывала около 270 тыс. человек, 2,6 тыс. орудий и минометов, более 300 танков и штурмовых орудий. С воздуха ее поддерживали авиация командования ВВС «Дон», а также часть сил 4-го воздушного флота и командования ВВС «Восток» — всего до 300 самолетов. Оборона противника носила очаговый характер и была развита в инженерном отношении лишь в тактической зоне.

В оперативной глубине заблаговременно подготовленные рубежи отсутствовали.

К проведению Острогожско-Россошанской операции привлекались главные силы Воронежского фронта (40-я, 3-я танковая, 2-я воздушная армии, 18-й отдельный стрелковый и 7-й кавалерийский корпуса) и 6-я армия Юго-Западного фронта. Они насчитывали около 200 тыс. человек, до 3 тыс. орудий и минометов, 909 танков и 208 самолетов. Противник имел превосходство в живой силе в 1,3 раза и в авиации в 1,5 раза, почти равное количество орудий и минометов, но в 3 раза меньше танков.

По замыслу операции предусматривалось нанесение трех ударов по сходящимся направлениям. Главный удар по центру группы армий «Б» (венгерская 2-я армия) со Сторожевского плацдарма наносила 40-я армия, второй удар из района южнее Новой Калитвы по центру итальянской 8-й армии — 3-я танковая армия. В целях быстрой ликвидации окруженной группировки противника с Щучьинского плацдарма в общем направлении на Карпенково наносил рассекающий удар 18-й отдельный стрелковый корпус. Действия войск Воронежского фронта с юга обеспечивала 6-я армия, наступавшая из района юго-западнее Кантемировка на Покровское (125 км западнее Кантемировка). Одновременно с окружением противника часть сил 40-й армии и 7-й кавалерийский корпус, усиленный 201-й отдельной танковой бригадой, должны были выдвинуться к р. Оскол и образовать внешний фронт окружения.

При подготовке к операции были проведены крупные внутрифронтные перегруппировки войск (до 40% частей и соединений) на расстояние 100—175 км. В результате решительного массирования сил и средств на направлениях главных ударов удалось создать превосходство над противником по пехоте в 2,3—3,7 раза, по танкам — в 1,3—3 и по артиллерии — в 4,5—8 раз. Одновременно проводились мероприятия по маскировке, дезинформации противника и организации управления войсками. По предложению Жукова и Василевского с целью завершения сосредоточения войск, подвоза горючего и боеприпасов начало наступления было перенесено на два дня. К исходу дня 11 января вся подготовительная работа к операции была завершена. Генерал армии Жуков уехал, а генерал Василевский остался в штабе Воронежского фронта.

На рассвете 13 января войска Воронежского фронта после артиллерийской подготовки перешли в наступление. 17 января левофланговые соединения 40-й армии вышли с севера к Острогожску, а с востока к городу подошли правофланговые части 18-го отдельного стрелкового корпуса. На следующий день 15-й танковый корпус 3-й танковой армии и 305-я стрелковая дивизия 40-й армии вышли в район Алексеевки, замкнув кольцо окружения всей острогожско-россошанской группировки врага (13 дивизий). Одновременно 12-й танковый корпус 3-й танковой армии и 18-й отдельный стрелковый корпус встречными ударами с юга и севера в общем направлении на Карпенково рассекли окруженную группировку противника на две части. Одна из них (5 дивизий) была блокирована в районе Острогожск, Алексеевка, Карпенково, другая (8 дивизий) — в районе севернее Россоши.

Успешные действия войск Воронежского фронта были с удовлетворением восприняты Сталиным. Он убедился, что Василевский способен решать задачи любой сложности. По инициативе Верховного 18 января Александру Михайловичу было присвоено воинское звание генерала армии. Столь высокое признание его заслуг надо было оправдать. И Василевский приложил все усилия к тому, чтобы наступление войск Воронежского фронта набирало темпы. Одновременно он вместе с командующим и начальником штаба фронта к 18 января завершил разработку плана новой Воронежско-Касторненской операции, также являвшейся составной частью Воронежско-Харьковской стратегической наступательной операции¹.

К Воронежско-Касторненской операции привлекались войска Воронежского фронта и левого крыла Брянского фронта, насчитывавшие 297,8 тыс. человек, 6633 орудия и миномета, 485 танков. Их поддерживали 527 самолетов 2-й и 15-й воздушных армий. Им противостояли немецкая 2-я армия, оборонявшаяся на северном и восточном фасах Воронежского выступа, а также остатки венгерского 3-го армейского корпуса и части группы «Зиберт» (до 4 дивизий), находившиеся на южном фаса. Они входили в состав группы армий «Б» генерал-полковника М. фон Вейкса. Всего вра-

¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Прелюдия Курской битвы. Т. 15 (4—3). М.: ТЕРРА, 1997. С. 72—73.

жеская группировка насчитывала до 125 тыс. человек, 2100 орудий и минометов, 65 танков¹.

Замысел состоял в том, чтобы после завершения Острогожско-Россошанской операции перейти в наступление в целях окружения противника в районе Воронежа ударами 13-й и 40-й армий с севера и юга по сходящимся направлениям на Касторное с одновременным рассечением вражеской группировки встречными ударами 38-й и 60-й армий с северо-востока и юго-востока в общем направлении на Нижнюю Ведугу. 19 января Сталин утвердил представленный план. На следующий день Василевский провел в штабе Воронежского фронта совещание, на котором вместе с командующими Брянским фронтом генерал-полковником М.А. Рейтером и 13-й армией генерал-майором Н.П. Пуховым обсудил все детали Воронежско-Касторненской операции. Одновременно Василевский и командующий Воронежским фронтом генерал-полковник Ф.И. Голиков завершили работу над планом еще одной операции — Харьковской². Она также являлась составной частью Воронежско-Харьковской стратегической операции.

Замыслом Харьковской операции предусматривалось нанести главный удар из района Нового Оскол, Валуйки на Харьков в обход города с северо-запада и юга силами 40-й, 69-й и 3-й танковой армий, а вспомогательный удар — из района западнее Касторное на Курск войсками 60-й армии. Соединения 38-й армии должны были развивать наступление на Обоянь. Для обеспечения операции с юга 6-я армия Юго-Западного фронта, проводившего Донбасскую операцию, наносила удар на Балаклею, Красноград. В половине первого ночи 23 января Сталин директивой № 30022 утвердил представленный план операции в части, касающейся Харькова. Операцию предписывалось именовать «Звезда» и начать ее, как и предлагалось, 28 января³.

Тем временем войска 6-й армии Юго-Западного фронта сломали сопротивление итальянского 2-го армейского корпуса, и выш-

¹ См.: *Дайнес В.О.* Генерал Черняховский. Гений обороны и наступления. М.: Яуза; Эксмо, 2007. С. 258.

² См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16(5—3). С. 33.

³ Там же. С. 274—275.

ли на р. Айдар. Главные силы 40-й армии Воронежского фронта 24 января овладели рубежом Семидесятское, Городище. К этому времени была ликвидирована острогожская группировка противника, а главные силы Воронежского фронта и войска левого крыла Брянского фронта приступили к проведению Воронежско-Касторненской операции. Утром 25 января соединения 60-й армии заняли Воронеж. В тот же день в наступление перешла 38-я армия. 26 января ударом в направлении на Касторное оборону противника прорвала 13-я армия. На следующий день войска Воронежского фронта завершили ликвидацию росошанской группировки врага. Однако недостаток сил не позволил создать прочный внутренний фронт окружения. В результате противник, имевший численное превосходство, частью сил прорвался в западном направлении.

28 января войска 13-й, 38-й армий и 4-й танковый корпус соединились в районе Касторное, завершив окружение вражеской группировки (до 60 тыс. человек). Этот день для Василевского был знаменателен не только успешным завершением Острогожско-Росошанской операции и окружением врага в районе Касторного. Указом Президиума Верховного Совета СССР Александр Михайлович был награжден орденом Суворова 1-й степени. Это была заслуженная награда. Во многом благодаря Василевскому в ходе Острогожско-Росошанской операции было нанесено крупное поражение группе армий «Б». Советские войска разгромили 15 вражеских дивизий (из них три уничтожены) и нанесли тяжелые потери 6 дивизиям. Противник потерял свыше 140 тыс. солдат и офицеров, в том числе 86 тыс. пленными¹. Взломав оборону противника на 250-километровом фронте, советские войска за 15 дней наступления продвинулись на глубину 60—130 км. Воронежско-касторненская группировка врага была глубоко охвачена с юго-востока, и созданы благоприятные условия для ее уничтожения и окончательного разгрома группы армий «Б».

Если Острогожско-Росошанская операция была проведена стремительно, то в Воронежско-Касторненской операции наметился сбой. Войска Воронежского фронта пробили в оперативном

¹ См.: Великая Отечественная война Советского Союза 1941 — 1945. Краткая история. М.: Воениздат, 1970. С. 228.

построении группы армий «Б» брешь шириной до 150 км. Для прикрытия этой бреши противник в спешном порядке перебрасывал из Западной Европы в район Харькова 2-й танковый корпус СС. Это требовало ускорить наступление на Курск и Харьков. Однако из-за сложных метеоусловий проведение Воронежско-Касторненской операции затягивалось. Кроме того, с внутреннего фронта окружения 30 — 31 января было снято более половины войск для участия в Харьковской наступательной операции. В результате борьбу с окруженной группировкой продолжала вести часть сил 38-й и 40-й армий. Противник, сосредоточив до шести дивизий, сумел 31 января осуществить прорыв на Старый Оскол.

2 февраля войска 3-й танковой и 69-й армий Воронежского фронта и 6-й армии Юго-Западного фронта приступили к проведению Харьковской операции. На следующий день к ним присоединились 40-я и 60-я армии. 4 февраля соединения 60-й армии заняли г. Тим, а в ночь на 5-е — Щигры. 3-я танковая армия обошла Харьков с юга и вышла к р. Северский Донец в районе Чугуева, но форсировать реку с ходу не смогла. 7 февраля соединения 40-й армии освободили Корочу, а 8-го — войска 60-й армии заняли Курск. На следующий день соединения 40-й армии освободили Белгород, а 69-я армия — Волчанск. К полудню 16 февраля был освобожден Харьков. Сталин, узнав об этом, сразу же позвонил Василевскому и поздравил его с присвоением воинского звания Маршала Советского Союза. Ранее, 18 января, этого звания был удостоен Жуков.

В районе Касторного противнику, борьбу с которым вела только одна 38-я армия, удалось вырваться из окружения и 17 февраля отойти в район Обояни. На этом завершилась Воронежско-Касторненская операция, в ходе которой была освобождена большая часть территории Воронежской и Курской областей. Однако неудавшееся рассечение изолируемой группировки, неудовлетворительная организация внутреннего фронта окружения, неэффективная борьба с подвижными котлами не позволили завершить уничтожение противника.

18 февраля Сталин приказал Василевскому срочно прилететь в Москву, оставив временно в Курске в роли представителя Ставки генерала Антонова...

Глава 6. КРАХ «ЦИТАДЕЛИ»

Вечером 18 февраля 1943 г. А.М. Василевский прилетел в Москву. В двенадцатом часу ночи его принял Сталин, сообщивший, что на Василевского возлагается координация действий войск Брянского, Центрального, Воронежского фронтов и левого крыла Западного фронта при проведении операций, связанных с разгромом основных сил группы армий «Центр».

Чем же было вызвано это решение Сталина?

Войска Брянского фронта, перейдя 12 февраля в наступление, встретили в районе Орла сильное сопротивление противника. В результате темп продвижения войск фронта замедлился. Не добилась успеха и левофланговая 16-я армия Западного фронта, наносившая удар во взаимодействии с войсками Центрального фронта. Не успел маршал Василевский как следует вникнуть в обстановку, как разразилась новая беда. 19 февраля три танковых корпуса противника (корпус СС, 40-й и 48-й) нанесли контрудар по войскам правого крыла Юго-Западного фронта, создав серьезную угрозу левому крылу и тылу Воронежского фронта, проводившего Харьковскую операцию.

По указанию Сталина начальнику Генштаба пришлось снова срочно выехать на фронт. Здесь он получил письмо от сына Юрия:

«Здравствуй, отец! Ты, наверное, сейчас так занят делами на фронте, что нет времени написать мне хотя бы несколько строк. С тех пор как я уехал в авиационное училище, от тебя ни строчки! Но я не сержусь: сейчас идет кровавая война и тут не до сантиментов. Знаешь, я тоже хочу как можно скорее попасть на фронт, но мне страшно не везет. Проучился три месяца и тяжело заболел. Мы были на заготовке леса, я промок под дождем и сильно простыл. Надо было сходить к врачу, а я считал это пустяком, и теперь мне совсем плохо. Врач прописал таблетки, я глотаю их, но кашель стал сильнее. Я не знаю, чем болен, но дышать тяжело, тугой спазм легких, будто их кто-то сдавливает руками. Куда уж тут до учебы! Вчера так сильно

кашлял, что из горла пошла кровь. Как поправлюсь, снова напишу тебе, ладно?

Будь здоров, отец, успехов тебе на фронте! Целую. Твой сын Юрий.

Р. С. Если увидишь мою маму, очень прошу тебя не говорить ей о том, что я болен. Ты же знаешь, у нее слабое сердце, и как бы не случилось беды»¹.

Василевский позвонил генералу Антонову и рассказал о полученном письме. Алексей Иннокентьевич предложил послать за своей подписью начальнику училища телеграмму по бодо с указанием откомандировать курсанта Юрия Василевского в Москву в связи с тяжелым заболеванием.

— Через два-три дня он будет здесь, — сказал Антонов. — Тогда и покажем его врачам. Если надо, я сам отвезу его в госпиталь.

— Спасибо, Алексей. Отстучи телеграмму по адресу: Челябинская область, город Миасс, авиационная школа механиков.

Вскоре Юра прилетел в Москву, где встретился с отцом. *«В годы нашей размолвки я постоянно думал о предстоящей встрече с отцом, — вспоминал Юрий Александрович. — С каким волнением я переступил порог его кабинета, известно только мне. Отец отошел от большого стола, где лежала карта, и вышел мне навстречу. Он располнел и через густые темные волосы начала заметно проступать седина. Передо мною стоял человек, которого я в детстве боготворил, и вместе с тем в нем было что-то новое, неузнаваемое. Выражение усталости и озабоченности, видимо, не сходило с его лица. Взглянув на его плечи, я впервые увидел, как выглядят погоны Маршала Советского Союза. Отец крепко обнял меня и долго с какой-то болью, тревогой, а может быть, и с чувством раскаяния за прошлое внимательно смотрел на меня. Казалось, что, если бы мы встретились где-то случайно, вряд ли бы он узнал меня»².*

Василевский угостил сына чаем. Юрий рассказал ему, что был направлен в техническое училище не по-своему желанию, что его

¹ Цит. по: Золототрубов А.М. Василевский: Жезл маршала: Роман/ А.М. Золототрубов. М.: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2002. С. 320.

² Цит. по: Василевский А.М. Дело всей жизни. С. 579.

заветная мечта — стать летчиком и принять участие в боевых действиях.

— Мы продолжим наш разговор после того, как я вернусь с фронта, — сказал Александр Михайлович. — Прошу тебя поехать в санаторий «Архангельское» и отдохнуть там несколько дней до моего возвращения в Москву. Откровенно говоря, мне не нравится, как ты выглядишь.

— А как с училищем? — спросил Юрий.

— Ради бога, не беспокойся, считай, что этот вопрос мы сумеем решить.

После этого Василевский позвонил начальнику Военно-санитарной службы РККА генерал-полковнику медицинской службы Е.И. Смирнову:

— Здравствуйте, Ефим Иванович. Мой старший сын болен. Прошу вас дать указание поместить его на несколько дней, до моего возвращения с фронта, в санаторий «Архангельское». Желательно за это время провести всесторонний медицинский осмотр его.

Закончив разговор по телефону, Василевский сказал сыну, чтобы в его отсутствие он решил все вопросы с начальником секретариата Генштаба подполковником М.Ф. Овчинниковым. Завтра он отвезет Юрия в «Архангельское». После этого Василевский снял со своей руки часы и вручил их сыну.

— Помни, Юрий, что с этими часами у меня осталось много воспоминаний о Сталинграде.

По рекомендации генерала Смирнова Юрий Александрович был направлен на лечение в клинику профессора Эйниса, крупного специалиста по легочным заболеваниям...

Обстановка на фронте складывалась неудачно для Красной Армии. Войска Воронежского фронта, не располагая резервами и исчерпав наступательные возможности, 3 марта перешли к обороне на рубеже Рыльск, Суджа, Лебедин, Опошня, Минковка. На следующий день соединения 4-й танковой армии возобновили наступление и к 10 марта пробили на стыке 69-й и 3-й танковой армий 60-километровую брешь, для закрытия которой у Воронежского фронта не было сил.

Неудачно развивалось и наступление войск Центрального фронта, начатое 25 февраля, которые по решению Сталина с 21 марта

перешли к обороне на рубеже Городище, Малоархангельск, Тросна, Лютеж, Коренево, образовав вместе с войсками Брянского фронта северный фас Курского выступа. В состав Центрального фронта передавались 13-я и 48-я армии из Брянского фронта и 60-я армия из Воронежского фронта. Его войска, отойдя в ходе оборонительных сражений на 100—150 км, 16 марта оставили Харьков, а 18-го — Белгород. 25 марта армии фронта остановили противника на рубеже Краснополье, Белгород и далее по р. Северский Донец до Чугуева, образовав здесь южный фас Курского выступа. Сталин возложил всю ответственность за сдачу Харькова и Белгорода на командующего войсками Воронежского фронта генерала Голикова, который 22 марта был освобожден от должности, а на его место назначен генерал армии Ватутин.

Генерал-фельдмаршал Э. фон Манштейн, оценивая итоги контрнаступления под Харьковом, писал: *«Взятием Харькова и Белгорода закончился второй контрудар нашей группы; усиливающаяся распутица исключала дальнейшее ведение операций. Собственно, у группы (речь идет о группе армий “Юг”. — Авт.) была еще одна цель — в качестве заключительной фазы операции совместно с группой “Центр” очистить от противника дугу в районе Курска, врезавшуюся глубоко на запад в немецкий фронт, и создать здесь более короткий фронт. Но мы должны были отказаться от этого намерения, потому что группа “Центр” заявила, что она не может участвовать в этой операции. Так эта дуга и осталась неприятным выступом на нашем фронте, который открывал противнику определенные оперативные возможности и в то же время ограничивал наши возможности»¹.*

Курская дуга стала летом 1943 г. ареной грандиозного сражения. Пока же на советско-германском фронте наступило затишье, которому суждено было длиться три месяца. В Ставках и Генштабах Красной Армии и вермахта закипела работа по планированию новой кампании.

15 апреля Гитлер подписал приказ № 6, в котором излагались задачи войск и мероприятия по их обеспечению в новой наступатель-

¹ Цит. по: Манштейн Э. Утерянные победы / Пер. с нем.; худож. А. Шуплецов. Смоленск: Русич, 2003. С. 502.

ной операции, получившей условное наименование «Цитадель»¹. Группе армий «Юг» предстояло сосредоточенными силами нанести удар с рубежа Белгород, Томаровка, прорвать оборону на участке Прилепы, Обоянь и соединиться у Курска и восточнее его с наступающей армией группы армий «Центр». Для прикрытия наступления с востока требовалось как можно быстрее достичь рубежа Нежега, р. Короча, Скородное, Тим, не ослабляя при этом главного направления. С целью прикрытия наступления с запада следовало использовать часть сил, которые в последующем должны были нанести удар по окружаемой группировке советских войск. Группе армий «Центр» приказывалось нанести массированный удар с рубежа Тросна, район севернее Малоархангельска, прорвать оборону на участке Фатеж, Веретиново, сосредоточивая основные усилия на своем восточном фланге, и соединиться с ударной армией группы армий «Юг» у Курска и восточнее. С целью прикрытия наступающей группировки с востока следовало в кратчайший срок выйти на рубеж Тим, восточнее Щигры, р. Сосна, не ослабляя направления главного удара. Прикрытие наступающей группировки с запада необходимо было осуществить частью имеющихся сил. В случае отхода советских войск приказывалось немедленно перейти в наступление по всему фронту. Срок начала операции — 3 мая. В конце апреля он был перенесен на 5 мая, а затем — на 9 мая.

С целью введения советского командования в заблуждение предписывалось продолжать в полосе группы армий «Юг» подготовку операции «Пантера»². В полосе группы армий «Центр» не предусматривалось проводить в крупном масштабе мероприятия по введению противника в заблуждение, но требовалось всеми средствами скрыть от советского командования истинную картину обстановки. В замысел операции посвящались только те лица, «привлечение которых абсолютно необходимо», а соединениям, прибывающим в состав ударных армий, предписывалось соблюдать

¹ См.: *Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Ист. очерки, документы и материалы. В 2-х т. М.: Наука, 1973. Т. 2. С. 410—413.

² В ходе операции «Пантера» войска 1-й и 4-й танковых армий должны были вынудить советские войска оставить район Северского Донца и вновь отойти на рубеж Волчанск, Купянск, Сватово, р. Красная.

режим радиомолчания. Одновременно велись работы по инженерному оборудованию обороны.

Противник был уверен, что ему удалось скрыть от советского командования подготовку к наступлению на Курской дуге и тем добиться внезапности своих действий. Однако он серьезно ошибался. Разрушить «Цитадель» предстояло двум друзьям, двум маршалам, Василевскому и Жукову.

В начале апреля Генштаб по поручению Сталина направил фронтам указания о совершенствовании занимаемых оборонительных рубежей, особенно в противотанковом отношении, о создании резервов на основных направлениях, о боевой подготовке войск, в основу которой требовалось положить отработку наступательных боя и операции. Особое внимание уделялось накоплению боеприпасов, горючего и прочих материальных ресурсов, необходимых войскам для проведения крупных наступательных операций.

Сталин утвердил предложение начальника Генштаба о выводе на наиболее ответственных направлениях (орловском, курском, харьковском и донбасском) на укомплектование пяти общевойсковых (2-я резервная, 24-я, 46-я, 53-я, 66-я) и одной танковой (5-я гвардейская) армий, четырех танковых (1-й и 4-й гвардейских, 3-й и 18-й) и двух механизированных (1-й и 5-й) корпусов. Все эти объединения и соединения, а также 47-ю армию, 3-й гвардейский и 10-й танковые корпуса намечалось включить в состав Резервного фронта под командованием генерал-лейтенанта М.М. Попова. Его планировалось сформировать к 30 апреля¹.

А.М. Василевский, занимаясь подготовкой плана новой кампании, часто выезжал в действующую армию. Во время одной из поездок он в начале апреля попал под Обоянью в такой переплет, о котором не раз вспоминал с содроганием. Машину, которая следовала на полевой аэродром, вел шофер маршала Жукова лейтенант А.Н. Бучин. В своих воспоминаниях он не слишком вежливо отзывается о своем пассажире. Оставим это на совести Бучина. *«Их село в машину троє — маршал, адъютант и “прикрепленный” полковник, читай — начальник охраны, — рассказывал Бучин. — Маршал был светел, благодушен и разговорчив. Василевский славился обходи-*

¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5—3). С. 114—115.

тельностью, вежливостью, всегда за руку здоровался и обращался на “вы”. В этот раз, судя по запаху спиртного, Василевский только что встал из-за стола. Сытость, известно, располагает к благодати. Уже смеркалось, но было достаточно светло, и не стоило труда различить наш “хорьх”, окрашенный белой краской на фоне черного весеннего шоссе. Навстречу шли бесконечные колонны танков. За ревом их двигателей мы не слышали немецкий самолет, который атаковал “хорьх”. Только когда немец стегнул трассирующими — очередь прошла над нашими головами, — опасность стала очевидной. Места для маневра нет: слева танки, справа кювет. Я на тормоза и на миг из машины осмотреться: где немецкий самолет. И, как мы делали с Георгием Константиновичем, увертываться от огня, меняя скорость, но не прекращая движения. Мои пассажиры оказались проворнее — они зайцами сиганули из машины, бегом в поле и плюхнулись в грязь с мокрым снегом. Укрылись! “Прикрепленный” успел крикнуть: “Бучин! Убирай машину, сейчас фриц пойдет по новой!” А куда убирать? Понятно, дело табак — охота пойдет за “хорьхом”, танкам с их броней плевать на паршивый немецкий самолет. Фриц больше не появился. Вернулись пассажиры, мокрые, перепачканные. Поехали дальше. Стемнело. Танкисты шли навстречу с полным светом, и я включил фары. Протрезвевший маршал спросил: “Товарищ Бучин, пожалуйста, нельзя ли без света”. Нужно слушать, все-таки маршал... Жуков между делом сказал мне, что Василевский благодарен “товарищу Бучину”. Он-де спас его жизнь. Спас так спас. Я не перечил, начальству виднее. Но все же было приятно, два Маршала Советского Союза отметили достижение младшего лейтенанта»¹.

Генштаб и Ставка ВГК, анализируя разведывательные данные о подготовке врага к наступлению, постепенно склонялись к идее перехода к преднамеренной обороне. Так утверждает Василевский в своих мемуарах. 8 апреля маршал Жуков направил Сталину доклад, в котором отмечал, что «ввиду ограниченности крупных резервов противник вынужден будет весной и в первой половине

¹ Цит. по: Бучин А.Н. 170 000 километров с Г.К. Жуковым: Беседы шофера полковника с историком Яковлевым Н.Н. М.: Молодая гвардия, 1994. С. 73.

лета 1943 года развернуть свои наступательные действия на более узком фронте и решать свою задачу строго по этапам, имея основной целью кампании захват Москвы». Жуков полагал, что главные наступательные операции противник развернет против Центрального, Воронежского и Юго-Западного фронтов. «Для того чтобы противник разбился о нашу оборону, — пишет Георгий Константинович, — кроме мер по усилению ПТО (противотанковая оборона. — Авт.) Центрального и Воронежского фронтов, нам необходимо как можно быстрее собрать с пассивных участков и перебросить в резерв Ставки на угрожаемые направления 30 полков ИПТАП (истребительно-противотанковые артиллерийские полки. — Авт.); все полки самоходной артиллерии сосредоточить на участке Ливны — Касторное — Старый Оскол. Часть полков желательно сейчас же дать на усиление Рокоссовскому и Ватутину и сосредоточить как можно больше авиации в резерве Ставки, чтобы массированными ударами авиации во взаимодействии с танками и стрелковыми соединениями разбить ударные группировки и сорвать план наступления противника... Переход наших войск в наступление в ближайшие дни с целью упреждения противника считаю нецелесообразным. Лучше будет, если мы измотаем противника на нашей обороне, выйдем его танки, а затем, введя свежие резервы, переходом в общее наступление окончательно добьем основную группировку противника»¹.

А.М. Василевский в своих мемуарах отмечает, что Сталин дал ему указание запросить мнение командующих фронтами. Командующим Юго-Западным и Центральным фронтами он позвонил сам. Генерал армии Штеменко, в свою очередь, подчеркивает, что в ночь на 10 апреля Сталин дал указание генералу Антонову направить запрос командующим фронтами².

В своих донесениях, по свидетельству Василевского, «командующие сообщали, что в отношении сил противника и его намерений их мнение совпадает с мнением Г.К. Жукова и Генерального

¹ Цит. по: Сборник документов Верховного Главнокомандования за период Великой Отечественной войны. Т. 3, январь — декабрь 1943 г. М., 1969. С. 351—353.

² См.: Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. 2-е изд. М.: Воениздат, 1989. Кн. 1. С. 124.

штаба». И далее Александр Михайлович пишет: «Что касается плана действий войск, командование и штаб Центрального фронта высказывались за то, чтобы объединенными усилиями войск Западного, Брянского и Центрального фронтов уничтожить орловскую группировку врага, пока она еще не подготовилась к наступлению, и тем самым лишить противника возможности использовать ее для нанесения удара через Ливны на Касторное одновременно с ударом от Белгорода. Руководство Воронежского фронта высказалось только по поводу намерений врага»¹.

По указанию Василевского генерал Антонов, который, по словам Жукова, «обладал блестящим мастерством оформления материалов», подготовил карту обстановки и план-карту действий фронтов в районе Курской дуги. Вечером 16 апреля в кабинете Сталина состоялось совещание с участием Жукова, Василевского, Антонова, Карпоносова и Щербакова. О том, какое было принято решение, пишут Жуков и Василевский. Их свидетельства практически совпадают. Поэтому мы приведем выдержку из воспоминаний Жукова, которая наиболее емко отражает суть принятого решения: «...Уже в середине апреля Ставкой было принято предварительное решение о преднамеренной обороне (здесь и далее выделено Жуковым. — Авт.). Правда, к этому вопросу мы возвращались неоднократно, а окончательное решение о преднамеренной обороне было принято Ставкой в начале июня 1943 года... Главными действующими фронтами на первом этапе летней кампании Ставка считала Воронежский, Центральный, Юго-Западный и Брянский. Здесь, по нашим расчетам, должны были разыграться главные события. Мы хотели встретить ожидаемое наступление немецких войск мощными средствами обороны, нанести им поражение, и в первую очередь разбить танковые группировки противника, а затем, перейдя в контрнаступление, окончательно его разгромить. Одновременно с планом преднамеренной обороны и контрнаступления решено было разработать также и план наступательных действий, не ожидая наступления противника, если оно будет затягиваться на длительный срок. Таким образом, оборона наших войск была, безусловно, не вынужденной, а сугубо

¹ Цит. по: Василевский А.М. Дело всей жизни. С. 301.

преднамеренной, и выбор момента для перехода в наступление Ставка поставила в зависимость от обстановки. Имелось в виду не торопиться с ним, но и не затягивать его»¹.

Сталин поручил Василевскому и Антонову разработать всю документацию по принятому плану, чтобы в начале мая еще раз его обсудить.

Для Верховного главнокомандования вермахта не было секретом, что советские войска готовятся встретить наступление немецких войск на Курской дуге упорной обороной. Об этом говорилось в телеграмме командующего группой армий «Б» генерал-фельмаршала Вейхса, отправленной 25 апреля в адрес оперативного отдела Верховного главнокомандования вермахта. Но он полагал, что *«противнику не удастся даже предупредить выполнение нами плана “Цитадель”...»²* Текст этой телеграммы сумел добыть резидент Наркомата государственной безопасности в Лондоне. 7 мая она была направлена Сталину. В донесении отмечалось, что название «Цитадель» относится к готовящейся операции по прорыву обороны советских войск в районе Курск, Белгород, а не к городу Великие Луки, как это предполагалось ранее. 8 мая Ставка ВГК, ориентируясь на полученные разведывательные сведения, оповестила штабы Центрального, Брянского, Воронежского и Юго-Западного фронтов о том, что удары противника на орловско-курском или белгородско-обоянском направлении следует ожидать 10—12 мая. Однако 11 мая Гитлер решил перенести начало операции «Цитадель» на середину июня. Ставка ВГК считала, что она начнется в период с 19 по 26 мая. Но и эта дата не подтвердилась.

А.М. Василевский, наряду с подготовкой операции на курском направлении, много внимания уделял разработке еще одной операции, получившей условное наименование «Кутузов». Сталин в начале мая, обсудив с Василевским обстановку на фронтах, сказал:

¹ Цит. по: Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 3-х т. Т. 3. 10-е изд., доп. по рукописи автора. М.: Изд-во Агентства печати «Новости», 1990. С. 23.

² См.: Андроников Н.Г. Гитлеровский факел был погашен на огненной дуге / Военно-исторический журнал. 1993. № 8. С. 6—7.

— Помните, генерал Рокоссовский предлагал разгромить немцев под Орлом? Вы тогда с ним не согласились, и я вас поддержал. Теперь же хочу дать вам задание. Не догадываетесь?

— Нет, товарищ Сталин.

— Надо разработать операцию по ликвидации орловского выступа и освобождению Орла. Я даже придумал ей кодовое название — «Кутузов». Она тесно связана с действиями наших войск на курском направлении, поэтому вам легче, чем кому-либо, разработать ее. Так считает и ваш друг Жуков. Я хочу, чтобы операция увенчалась успехом. Нельзя нам хоть чем-то запятнать имя великого русского полководца! Тут уж надо бить врага во всю мощь русского кулака!

— Я охотно возьмусь за это дело.

— Я и не сомневался в этом. В операции необходимо задействовать войска Брянского, Центрального и левого крыла Западного фронтов. Работу над планом следует завершить в кратчайший срок, — подчеркнул Сталин.

Василевский, вернувшись в Генштаб, поручил своим помощникам подготовить необходимые справочные материалы о группировке и состоянии войск противника и своих войск. В Орловском выступе оборонялись 2-я танковая и 9-я армии группы армий «Центр», насчитывавшие около 600 тыс. человек, свыше 7 тыс. орудий и минометов, около 1,2 тыс. танков и штурмовых орудий, более 1,1 тыс. самолетов. Противник занимал глубокоэшелонированную и заблаговременно подготовленную оборону с развитой системой полевых укреплений и заграждений.

По расчетам Генштаба, к операции «Кутузов» (Орловская стратегическая наступательная операция) привлекались: из состава Западного фронта 11-я и 50-я гвардейская общевойсковые, 1-я и 4-я танковые армии, часть сил 1-й воздушной армии, 1-й и 5-й танковые и 2-й гвардейский кавалерийский корпуса; войска Брянского фронта (3-я, 61-я, 63-я, 15-я воздушная армии, 20-й и 1-й гвардейский танковые корпуса); основные силы Центрального фронта (13-я, 48-я, 70-я, 2-я танковая, 16-я воздушная армии, 9-й и 19-й танковые корпуса). Всего они насчитывали 1286 тыс. человек, более 21 тыс. орудий и минометов, 2,4 тыс. танков и САУ и более

3 тыс. боевых самолетов¹. Советские фронты, таким образом, имели перевес над противником в людях в 2 раза, в артиллерии и минометах в 3, в танках более чем в 2, а в авиации почти в 3 раза.

Василевский на очередном докладе Верховному изложил свой замысел:

— Анализ обстановки говорит о том, что наиболее целесообразно четырьмя ударами по сходящимся направлениям на Орел с севера, востока и юга расчленить группировку противника и разгромить ее по частям. С этой целью предлагаю силами 50-й и 11-й гвардейской армий Западного фронта прорвать оборону врага юго-западнее Козельска, совместно с 61-й армией Брянского фронта окружить и уничтожить его группировку в районе Болхова. В последующем развивать наступление на Хотынец, не допустить отхода противника из района Орла на запад и во взаимодействии с войсками Брянского и Центрального фронтов уничтожить его. Действия ударной группировки с воздуха будут поддерживать соединения 1-й воздушной армии. Войска 3-й и 63-й армий Брянского фронта при поддержке авиации 15-й воздушной армии должны нанести удар из района Новосила на Орел, охватывая противника с севера и юга.

Сталин одобрил замысел Василевского.

Впоследствии, после войны, маршал Рокоссовский, командовавший тогда Центральным фронтом, критически оценил план операции «Кутузов». Он отмечал, что ее замысел сводился к раздроблению орловской группировки на части, но рассредоточивал и наши войска. *«Мне кажется, что было бы проще и вернее нанести два основных сильных удара на Брянск (один — с севера, второй — с юга), — пишет Константин Константинович. — Вместе с тем необходимо было предоставить возможность войскам Западного и Центрального фронтов произвести соответствующую перегруппировку. Но Ставка допустила ненужную поспешность, которая не вызывалась сложившейся на этом участке обстановкой. Поэтому-то войска на решающих направлениях (Западного и Центрального фронтов) не сумели подготовиться в такой ко-*

¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Курская битва: Документы и материалы 27 марта — 23 августа 1943 г. Т. 15 (4—4). М.: ТЕРРА, 1997. С. 9.

роткий срок к успешному выполнению поставленных задач и операция приняла затяжной характер. Происходило выталкивание противника из орловского выступа, а не его разгром. Становилось досадно, что со стороны Ставки были проявлены торопливость и осторожность. Все говорило против них. Действовать необходимо было продуманнее и решительнее, то есть, повторяю, нанести два удара под основание орловского выступа. Для этого требовалось только начать операцию несколько позже. Мне кажется, что Ставкой не было учтено и то обстоятельство, что на орловском плацдарме неприятельские войска (2-я танковая и 9-я армии) находились свыше года, что позволило им создать прочную, глубоко эшелонированную оборону. Кроме того, к началу нашего наступления орловская группировка противника значительно усилилась»¹.

К словам Рокоссовского добавим, что глубина главной полосы обороны на Орловском выступе достигала 5 — 7 км, а на наиболее важных направлениях — 9 км. Большинство населенных пунктов, расположенных на переднем крае, в узлах дорог и в районах переправ, было подготовлено для прочной круговой обороны, а города Орел, Болхов, Мценск, Хотынец, Карачев, Кромы — в мощные узлы сопротивления. В глубине обороны было создано большое количество промежуточных тыловых рубежей и отсечных позиций. Все это создало серьезное препятствие для продвижения ослабленных боями советских войск.

Сталин, придавая операции «Кутузов» большое значение, в середине мая приказал Василевскому выехать на Брянский и левое крыло Западного фронта, чтобы на месте проверить, правильно ли понимают войска поставленные перед ними задачи, и как идет подготовка к их выполнению.

Проверку войск маршал Василевский начал с Западного фронта, которым командовал генерал Соколовский. Они в сопровождении члена военного совета фронта Булганина 19 и 20 мая работали в 11-й гвардейской армии генерала Баграмяна, которой предстояло сыграть значительную роль в операции «Кутузов». 20 мая маршал Василевский работал в 61-й армии и 63-й армиях. На следующий

¹ Цит. по: *Рокоссовский К.К. Солдатский долг*. М.: Голос, 2000. С. 280—281.

Братя и сестры Василевские (слева направо): Екатерина, Вера, Александр, Елена, Дмитрий, Виктор, Евгений. 1910 г.

А.М. Василевский среди учащихся
Костромской духовной семинарии. 1914 г.

Прапорщик
А.М. Василевский с братом
Дмитрием перед отправкой
на фронт в 1915 г.

А.М. Василевский
с боевым другом
К.Д. Бездетновым. 1917 г.

Комдив
А.М. Василевский. 1940 г.

Заместитель начальника
оперативного управления
Генерального штаба генерал-
майор А.М. Василевский

Москва готовится к обороне. 1941 г.

Сдача в плен фельдмаршала Паулюса. Сталинград.
1 февраля 1943 г.

Советские войска занимают город Бобруйск. 1944 г.

Группа офицеров во главе с генералами А.М. Василевским и И.Д. Черняховским ведет допрос пленных немецких офицеров под Витебском. 1944 г.

**А.М. Василевский и командующий 51-й армией Я.Г. Крейзер
наблюдают за ходом боя. Апрель 1944 г.**

**С.С. Бирюзов, К.Е. Ворошилов, К.С. Мельник,
А.М. Василевский на командном пункте
4-го Украинского фронта. Апрель 1944 г.**

Маршал А.М. Василевский. Художник В.Н. Яковлев

Восточная Пруссия, занятая советскими войсками. 1945 г.

Кёнигсберг. 9 апреля 1945 г.

А.М. Василевский в Порт-Артуре. 1945 г.

М.И. Калинин вручает А.М. Василевскому награды после победы на Дальнем Востоке. Сентябрь 1945 г.

В кругу семьи и близких на даче. Слева направо: племянница Лариса, жена Екатерина Васильевна, П.Г. Копылов, сын Игорь, А.М. Василевский, сын Юрий, Н.К. Дундуков, сестра жены Вера Васильевна. Январь 1946 г.

А.М. Василевский с отцом Михаилом Александровичем.
1948 г.

А.М. Василевский в 1950 г.

Заместитель министра обороны СССР А.М. Василевский на танкодроме в Северной группе войск. 1954 г.

А.М. Василевский, Р.Я. Малиновский и М.В. Захаров в зале заседаний Верховного Совета СССР. Москва, Кремль. 1955 г.

Юные следопыты Малоритской средней школы Брестской области в гостях у А.М. Василевского. Подмосковье. 1964 г.

А.М. Василевский с внучкой Анютой

Начало трудового дня А.М. Василевского. 1960-е гг.

А.М. Василевский в рабочем кабинете

Маршал А.М. Василевский.
Официальная фотография. 1970-е гг.

Могила А.М. Василевского в Кремлевской стене

Памятник А.М. Василевскому в Калининграде

день он представил Сталину доклад о проделанной работе на Западном фронте: *«По сравнению с Брянским фронтом здесь проделана большая работа как по подготовке комсостава, так и войск в целом; остается лишь отработать отдельные детали и по получении распоряжения вывести войска в исходное положение. Слабо с танками и авиацией. Командованием фронта выделены для Баграмяна имеющиеся два танковых полка прорыва и четыре отдельные танковые бригады. На восстановление 1-го и 5-го танковых корпусов получено всего лишь 100 танков. Было бы крайне желательно к началу операции подкрепить еще двумя танковыми полками прорыва. В отношении авиации тов. Новиков сообщил, что решением Ставки последняя усиливается, но, к сожалению, лишь к 15. VI, то есть, по-видимому, после начала операции»¹.*

В тот же день Василевский получил указание Сталина вернуться в Москву.

5 июня по решению Верховного на должность командующего войсками Брянского фронта вместо генерала М.А. Рейтера был назначен генерал-полковник М.М. Попов. Маршал Василевский отправился на Брянский фронт, чтобы на месте ознакомить его с задачами, стоявшими перед войсками фронта. В течение четырех дней он побывал в 3-й, 61-й и 63-й армиях, проверил состояние обороны и ход подготовки к предстоящим действиям. В ночь на 10 июня Александр Михайлович опять вернулся в Москву. Но вскоре по указанию Сталина выехал на Воронежский фронт. На него была возложена координация действий войск Воронежского и Юго-Западного, а на Жукова — Центрального, Брянского и Западного фронтов.

Со второй половины июня авиация противника активизировала полеты с разведывательными целями. Одновременно его бомбардировщики усилили налеты на железнодорожные узлы в полосе Центрального фронта, в особенности на линии Касторное — Курск. Все свидетельствовало о том, что враг завершает подготовку к наступлению. Но когда оно начнется? Ответа на этот вопрос пока не было. Такая неопределенность беспокоила Генштаб и командующих фронтами, а некоторых даже выводила из равновесия. Сталин

¹ Цит. по: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. С. 305.

во время одного из разговоров по телефону с Василевским сказал, что генерал Ватутин предлагает не позднее первых чисел июля начать наступление. Однако Василевский заявил:

— Товарищ Сталин, для нас было бы гораздо выгоднее, если бы враг предупредил нас своим наступлением, которого, по всем данным, следует ожидать в ближайшее же время.

Сталин ответил:

— Вам, товарищ Василевский, надо, не позднее 22 июня прилететь в Москву.

Василевский передал распоряжение Сталина командующему Юго-Западным фронтом генералу Малиновскому. Затем позвонил Жукову, который сказал, что Сталин с ним на эту тему пока еще не беседовал. Василевский и Жуков были твердо уверены, что первым в течение ближайшей недели удар нанесет противник. 22 июня Василевский покинул Воронежский фронт.

Виновником беспокойства Генштаба и командующих фронтами был Гитлер. Он все не решался назначить точную дату перехода в наступление. И только 1 июля фюрер созрел. На совещании в ставке, расположенной в Восточной Пруссии, объявил, что операция «Цитадель» начнется 5 июля.

В ночь на 2 июля маршал Василевский получил от Разведывательного управления сведения о том, что в период с 3 по 6 июля противник может перейти в наступление. Василевский сразу же позвонил Сталину, доложил о полученных сведениях и попросил разрешения немедленно предупредить фронты. Сталин утвердил проект директивы, разработанный Василевским:

«Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Усилить разведку и наблюдение за противником с целью своевременного вскрытия его намерений.

2. Войскам и авиации быть в готовности к отражению возможного удара противника.

3. Об отданных распоряжениях донести»¹.

В 2 часа 10 минут директива была направлена командующим Западным, Брянским, Центральным, Воронежским, Юго-Западным и Южным фронтами.

¹ Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5—3). С. 175.

Какие же силы были сосредоточены Главным командованием Сухопутных войск для проведения операции «Цитадель» и Ставкой ВГК для ее срыва?

Войска Центрального фронта насчитывали свыше 710 тыс. человек, 5280 орудий всех калибров, более 5,6 тыс. минометов, 1783 танка и САУ, около 1,1 тыс. самолетов. Им противостояли главные силы группы армий «Центр», имевшие 460 тыс. человек, около 6 тыс. орудий и минометов и до 1,2 тыс. танков и штурмовых орудий. Воронежский фронт имел около 630 тыс. человек, свыше 4 тыс. орудий всех калибров, 4150 минометов, 1661 танк и САУ, около 1,1 тыс. самолетов. Против его войск были сосредоточены 4-я танковая армия и армейская группа «Кемпф» группы армий «Юг» и 2-я полевая армия группы армий «Центр»; всего 440 тыс. человек, 4 тыс. орудий и минометов и до 1,5 тыс. танков и штурмовых орудий. По сведениям В. Замулина, три танковых корпуса группы армий «Юг» насчитывали 1261 танк и 424 штурмовых орудия¹. В тылу Воронежского и Центрального фронтов был развернут Степной военный округ, имевший 573 тыс. человек, около 4 тыс. орудий, 4 тыс. минометов, 1550 танков и САУ².

Войска Центрального, Воронежского фронтов и Степного военного округа превосходили противника в людях в 2,1 раза, по орудиям и минометам — почти в 2,8, а по танкам и САУ — в 1,9 раза.

4 июля в четыре часа дня противник силами четырех батальонов, поддержанными 20 танками, артиллерией и авиацией, предпринял разведку боем в полосе Воронежского фронта. Однако все попытки врага вклиниться в передний край обороны были отбиты. Один из пленных, солдат 168-й пехотной дивизии, показал, что войскам розданы на руки сухой паек, порции водки и что 5 июля они должны перейти в наступление.

Василевский, получив сведения об этом, немедленно позвонил Жукову, находившемуся на Центральном фронте. Он подтвердил, что о начале противником 5 июля наступления говорят немецкие перебежчики на Центральном фронте. По решению командующего

¹ См.: Замулин В. Курский излом. Решающая битва Отечественной войны. М.: Яуза; Эксмо, 2007. С. 54.

² См.: Русский архив: Великая Отечественная. Курская битва: Документы и материалы 27 марта — 23 августа 1943 г. Т. 15 (4—4). С. 8.

фронтом, согласованному с маршалом Жуковым и утвержденному Сталиным, в 2 часа 20 минут началась артиллерийская контрподготовка. Василевский, посоветовавшись с Ватутиным, также решил провести предусмотренную планом артиллерийско-авиационную контрподготовку.

Эффективность действий артиллерии на рассвете 5 июля оценивается по-разному. *«Артиллерийская контрподготовка нанесла врагу большие потери и дезорганизовала управление наступлением войск, — писал Жуков, — но мы все же ждали от нее больших результатов. Наблюдая ход сражения и опрашивая пленных, я пришел к выводу, что как Центральный, так и Воронежский фронты начали ее слишком рано: немецкие солдаты еще спали в окопах, блиндажах, оврагах, а танковые части были укрыты в выжидательных районах. Лучше было бы контрподготовку начать примерно на 30—40 минут позже»¹.*

По мнению Василевского, артиллерийская контрподготовка дала, как выяснилось позднее, исключительный эффект. *«Противник, находившийся в исходном для наступления положении, понес большие потери в живой силе и технике, — пишет Александр Михайлович. — Дезорганизована была подготовленная им система артиллерийского огня, нарушено управление войсками. Понесла потери и вражеская авиация на аэродромах, а связь с нею у общевойскового командования тоже нарушилась... Гитлеровцы с трудом смогли начать наступление вместо 3 часов утра 5 июля тремя часами позже»².*

Немецкие военачальники Манштейн и Гудериан в своих мемуарах артиллерийскую контрподготовку, проведенную 5 июля советскими войсками, почему-то даже не упомянули.

В 3 часа 25 минут 5 июля бомбардировочная и штурмовая авиация противника массированными налетами группами до 50 — 60 самолетов начала бомбардировку и обстрел боевых порядков советских войск на всю тактическую глубину, главным образом районов артиллерийских позиций. В 4 часа 30 минут началась артиллерийская подготовка противника. Через час пехота 9-й армии при поддержке до 800 танков и самоходных орудий перешла в наступление на

¹ Цит. по: Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 3. С. 46.

² Цит. по: Василевский А.М. Дело всей жизни. С. 309—310.

45-километровом фронте от Панской до Морозихи. В полосе группы армий «Юг» соединения 4-й танковой армии (около 1000 танков и штурмовых орудий) нанесли удар по 6-й гвардейской армии, а армейская группа «Кемпф» (свыше 400 танков и штурмовых орудий) — по 7-й гвардейской армии Воронежского фронта¹. В ходе 5-дневных ожесточенных боев враг сумел вклиниться в оборону на глубину около 35 км. В связи с напряженной обстановкой, создавшейся на белгородско-курском направлении, по решению Сталина Воронежский фронт был усилен 5-й гвардейской и 5-й гвардейской танковой армиями. При этом танковая армия сосредоточивалась в районе Бобрышево, Большая Псинка, Прелестное, Прохоровка с задачей быть в готовности отразить наступление противника, занявшего 8 июля Кочетовку. 5-я гвардейская армия Жадова должна была выйти на р. Псел, занять оборону и не допустить дальнейшего продвижения противника на север и северо-восток.

После неудачных попыток прорваться к Курску вдоль шоссе на Обоянь противник решил сделать это восточнее, через Прохоровку. Войска, наступавшие на корочанском направлении, также получили задачу нанести удар на Прохоровку. В свою очередь, командующий Воронежским фронтом решил утром 12 июля силами 5-й гвардейской и 5-й гвардейской танковой армий нанести мощный контрудар из района Прохоровки, а 6-й гвардейской и 1-й танковой армиями — с рубежа Меловое, Орловка в общем направлении на Яковлево. Цель — окружение и разгром вражеской группировки, пытавшейся прорваться к Обояни и Прохоровке. К проведению контрудара привлекалась также часть сил 40-й, 69-й и 7-й гвардейской армий. С воздуха наземные войска прикрывали 2-я и 17-я воздушные армии. Решающая роль в контрударе отводилась 5-й гвардейской танковой армии.

Сталин, обеспокоенный вклиниванием войск группы армий «Юг» в оборону соединений Воронежского фронта на корочанском направлении, приказал командующему Степным фронтом² совместным ударом с юго-востока силами 47-й армии и 3-го гвардейского

¹ См.: *Лопуховский А.* Прохоровка. Без грифа секретности. М.: Эксмо; Язуа, 2007. С. 81.

² Согласно директиве № 46196 Ставки ВГК от 9 июля Степной военный округ был переименован в Степной фронт.

механизированного корпуса, а с севера — 1-го механизированного корпуса уничтожить группировку противника, продвигавшейся в направлении Корочи и далее к р. Оскол¹.

Однако противник внес коррективы в эти планы. В четыре часа утра 12 июля командующему Воронежским фронтом стало известно, что противник вводом в сражение главных сил 3-го танкового корпуса оперативной группы «Кемпф» отбросил части 81-й и 92-й гвардейских стрелковых дивизий 69-й армии и овладел населенными пунктами Ржавец, Рындинка, Выползовка. В результате возникла угроза левому флангу и тылу 5-й гвардейской танковой армии и нарушения устойчивости всех войск левого крыла Воронежского фронта². Поэтому генерал Ватутин приказал командующему 5-й гвардейской танковой армией направить его резерв в полосу 69-й армии. К шести часам утра 3-й танковый корпус генерала Брайта, развивая успех, уже находился в 28 км юго-восточнее Прохоровки. Маршал Василевский, получив донесение об этом, приказал командующему 5-й гвардейской танковой армией направить из района Красное 11-ю и 12-ю механизированные бригады 5-го гвардейского Зимовниковского механизированного корпуса для усиления сводного отряда генерала Н.И. Труфанова. Командиру 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса было предписано развернуть 26-ю танковую бригаду в районе Плота фронтом на юг и прикрыть левый фланг армии. Вскоре командующий Воронежским фронтом приказал объединить все эти части под командованием генерала Труфанова в оперативную группу. Ей предстояло совместно с 81-й и 92-й гвардейскими стрелковыми дивизиями и 96-й танковой бригадой 69-й армии «окружить и уничтожить противника в районе Рындинка, Ржавец и к исходу дня выйти на рубеж Шахово — Щелканово»³.

В результате произошло распылению сил 5-й гвардейской танковой армии, а ее командующий генерал П.А. Ротмистров лишился

¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16(5—3). С. 176.

² См.: *Ротмистров П.А.* Танковое сражение под Прохоровкой. М., 1960. С. 86.

³ См.: *Ротмистров П.А.* Стальная гвардия. М.: Воениздат, 1984. С. 186.

своего мощного резерва. В 5-м гвардейском Зимовниковском механизированном корпусе остались две из четырех бригад: 24-я танковая и 10-я механизированная.

В 8 часов 30 минут 12 июля после авиационной и артиллерийской подготовки войска 5-й и 6-й гвардейских армий, 1-й и 5-й гвардейской танковых армий перешли в наступление. Одновременно в наступление перешла и ударная группировка врага. Это привело к крупному встречному танковому сражению, в котором с обеих сторон, по уточненным данным, участвовало 1160 танков и самоходных (штурмовых) орудий (с советской стороны 670, со стороны противника — 490)¹. По данным штаба 5-й гвардейской танковой армии, в сражении с обеих сторон участвовало более 1500 танков².

Войска 5-й гвардейской армии своим правым флангом, преодолев сопротивление вражеских войск, вышли к северной окраине Кочетовки, а на левом фланге вели оборонительные бои на р. Псел. Соединения 6-й гвардейской и 1-й танковой армий, принявшие участие в контрударе, сумели продвинуться на незначительную глубину. Это объясняется главным образом недостатком времени, которым они располагали для подготовки к контрудару, и слабым артиллерийским и инженерным обеспечением.

Фон Манштейн в своих мемуарах почему-то обошел молчанием танковое сражение под Прохоровкой. Ему стало известно, что 9-я армия вынуждена была приостановить наступление и что советские войска перешли в наступление против 2-й танковой армии. Несмотря на это, фон Манштейн решил не приостанавливать преждевременно сражения, так как в его распоряжении находился последний козырь — 24-й танковый корпус.

Таким образом, войска Воронежского фронта не сумели разгромить группировку противника, вклинившуюся в оборону на 30 — 35 км. По уточненным данным, противник 12 июля потерял 200 танков и штурмовых орудий из 420, а 5-я гвардейская танковая армия — 500 танков и САУ из 951³.

Около трех часов ночи 14 июля маршал Василевский докладывал Сталину:

¹ См.: *Лопуховский А.* Прохоровка. Без грифа секретности. С. 485.

² См.: *Ротмистров П. А.* Стальная гвардия. С. 186.

³ См.: *Лопуховский А.* Прохоровка. Без грифа секретности. С. 548.

«...Вчера сам лично наблюдал к юго-западу от Прохоровки танковый бой наших 18-го и 29-го корпусов с более чем двумястами танками противника в контратаке. Одновременно в сражении приняли участие сотни орудий и все имеющиеся у нас РСы. В результате все поле в течение часа было усеяно горящими немецкими и нашими танками. В течение двух дней боев 29-й танковый корпус Ротмистрова потерял безвозвратными и временно вышедшими из строя 60% и 18-й корпус — до 30% танков. На завтра угроза прорыва танков противника с юга в районе Шахово, Авдеевка, Александровка продолжает оставаться реальной. В течение ночи принимаю все меры к тому, чтобы вывести полки ИПТАП. Учитывая крупные танковые силы противника на прохоровском направлении, здесь на 14.VII главным силам Ротмистрова совместно со стрелковым корпусом Жадова поставлена задача — разгромить противника в районе Сторожевое, севернее Сторожевого, совхоз «Комсомолец», выйти на линию Грезное — Ясная Поляна и тем более прочно обеспечить прохоровское направление»¹.

12 июля началось наступление войск левого крыла Западного фронта, Брянского и Центрального фронтов, которые претворили в жизнь разработанный под руководством Василевского план операции «Кутузов». Это поставило в еще более тяжелое положение 9-ю армию группы армий «Центр». В ставке Гитлера 13 июля срочно было созвано совещание. Командующий группой армий «Центр» фон Клюге, учитывая большие потери войск 9-й армии, считал, что ее дальнейшее наступление не может быть успешным. Командующий группой армий «Юг» фон Манштейн был настроен оптимистически. Он полагал, что советское командование бросило в последние дни в бой почти все свои оперативные резервы. Поэтому если сейчас остановить битву, то можно упустить победу. Фон Манштейн предложил силами 9-й армии сковать противостоящие ей советские войска, а силами группы армий «Юг» окончательно их разгромить. Но Гитлер внял доводам фон Клюге. Ссылаясь на необходимость отправки части сил в район Средиземного моря, он решил прекратить операцию «Цитадель». Одновременно фон Манштейну, которому передавался 24-й танковый корпус, было

¹ Цит. по: Василевский А.М. Дело всей жизни. С. 311.

приказано разгромить противостоящие советские войска, чтобы обеспечить снятие сил с фронта «Цитадель».

Однако этот план не удалось претворить в жизнь. Маршал Василевский опередил генерал-фельдмаршала фон Манштейна. 16 июля в наступление перешли войска Воронежского фронта, 17-го — Юго-Западный и Южный, а 19 июля — Степной фронт¹. Главное командование Сухопутных войск вермахта вынуждено было вывести в свой резерв из состава группы армий «Юг» 2-й танковый корпус СС, а также изъять две танковые дивизии для усиления группы армий «Центр». В результате фон Манштейн, лишившись наиболее боеспособных соединений, отказался от запланированных ударов и вернул свои армии на исходные позиции. Замысел операции «Цитадель» был окончательно похоронен. Фон Манштейн отмечал: *«Операция “Цитадель” была прекращена немецким Главным командованием еще до исхода сражения по следующим причинам: во-первых, в связи со стратегическим влиянием других театров военных действий (Средиземное море) или других фронтов (2-я танковая армия на Орловской дуге), и лишь, во-вторых — в связи с тактической неудачей, а именно остановкой наступления 9-й армии, которая поставила под вопрос, по меньшей мере, быстрое достижение исхода сражения»*².

К 23 июля войска Воронежского и Степного фронтов вышли на рубежи, занимаемые до начала оборонительной операции. После оперативной паузы они 3 августа приступили к проведению Белгородско-Харьковской стратегической наступательной операции (кодовое наименование «Полководец Румянцев») с целью прорвать оборону противника северо-западнее Белгорода, рассеять вражескую группировку с последующим охватом и разгромом ее в районе Харькова. Координация действий обоих фронтов возлагалась на Жукова.

Маршалу Василевскому была поручена координация действий Южного и Юго-Западного фронтов. Согласно директиве № 30160 Ставки ВГК от 6 августа Юго-Западному фронту предстояло нанести главный удар на юг в общем направлении Голая

¹ 10 июля 1943 г. Степной военный округ был переименован в Степной фронт.

² Цит. по: Манштейн Э. Утерянные победы. С. 542.

Долина, Красноармейское в целях разгрома во взаимодействии с Южным фронтом донбасской группировки противника и овладения районом Горловка, Сталино (Донецк). Южному фронту приказывалось нанести главный удар в общем направлении Куйбышево, Сталино с целью соединения с ударной группой Юго-Западного фронта. Готовность к наступлению — 13 — 14 августа¹.

Директива Ставки легла в основу плана Донбасской наступательной операции, разработанного под руководством Василевского. Вечером 8 августа он представил его Сталину².

К началу операции войска Южного и Юго-Западного фронтов насчитывали до 1053 тыс. человек, около 21 тыс. орудий и минометов, 1257 танков и САУ и до 1,4 тыс. самолетов³. Им противостояли 1-я танковая, 6-я полевая армии, часть сил армейской группы «Кемпф» группы армий «Юг», которых поддерживала авиация 4-го воздушного флота. Всего они насчитывали около 540 тыс. человек, 5,4 тыс. орудий и минометов, 900 танков и штурмовых орудий, около 1,1 тыс. самолетов⁴. Противник уступал армиям Юго-Западного и Южного фронтов в 2 раза по личному составу, в 3,8 — по орудиям и минометам, в 1,4 — по танкам и САУ (штурмовым орудиям), в 1,3 раза — по самолетам.

Каков же был замысел Василевского? Он планировал силами 6-й и 12-й армий и 1-го гвардейского кавалерийского корпуса при поддержке 17-й воздушной армии Юго-Западного фронта нанести главный удар из района Изюм на Барвенково, Павлоград, Орехов, разгромить противника и, выйдя в район Запорожье, Пологи, отрезать пути отхода на запад его донбасской группировке. Войскам Южного фронта предстояло силами трех армий (5-я ударная, 2-я гвардейская и 28-я), двух механизированных (2-й, 4-й гвардейский) и одного кавалерийского (4-й гвардейский) корпусов при поддержке всей авиации нанести главный удар из района Куйбышево на Сталино (Донецк), прорвать оборону на р. Миус,

¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5—3). С. 187.

² Там же. С. 302—305.

³ См.: История второй мировой войны 1939 — 1945. В 12-ти т. М.: Воениздат, 1976. Т. 7. С. 194.

⁴ Там же. С. 195.

во взаимодействии с войсками Юго-Западного фронта разгромить группировку противника на юге Донбасса и затем наступать в направлении Крыма и низовий Днепра. К утру 12 августа намечалось завершить перегруппировку войск, а наступление начать утром 14 августа. Учитывая слабый состав войск Южного фронта, Василевский просил Сталина разрешить начать операцию двумя сутками позже Юго-Западного фронта.

В ночь на 10 августа Сталин сообщил Василевскому об утверждении представленного плана. В случае необходимости разрешалось прибавить к намечаемым срокам наступления два дня.

Маршал Василевский при подготовке к операции основное внимание обратил на оказание помощи генерал-полковнику Ф.И. Толбухину, для которого это была первая операция в качестве командующего Южным фронтом. Командующему Юго-Западным фронтом генералу Р.Я. Малиновскому было поручено полностью взять на себя работу по подготовке войск к наступлению.

В ночь на 11 августа Сталин вызвал к прямому проводу Василевского:

— Товарищ Василевский, есть все основания полагать, что задача разгрома харьковской группировки противника и овладения Харьковом войсками Воронежского и Степного фронтов в ближайшее время будет решена. Но при этом им необходима будет серьезная помощь со стороны Юго-Западного фронта. Он, особенно его правое крыло, обязан будет не только прочно обеспечить удар войск Степного фронта по Харькову с юга и юго-востока, но и своими до предела активными действиями способствовать тому. Эта задача является на ближайшее время основной для Юго-Западного фронта, а потому вам надо все внимание сосредоточить на действиях этого фронта.

— Слушаюсь, — ответил Василевский. — Прошу только разрешить мне провести вместе с командующим Южным фронтом уже назначенное на 11 августа инструктивное совещание с командованием армий, корпусов и начальниками родов войск.

— Хорошо, — сказал Сталин. — Но не позднее 12 августа вы должны явиться на Юго-Западный фронт. Войскам Южного фронта разрешаю начать операцию по прорыву обороны врага на р. Миус 18 августа.

11 августа, как и было запланировано, Василевский провел совещание руководящего состава Южного фронта на участке за стыком 5-й ударной и 2-й гвардейской армий, в том месте, где степь прорезал пересыхающий летом донской рукав Тузлов. Генерал Толбухин сообщил о предстоящей задаче и поставил конкретные задания каждой армии. Затем участники совещания долго и детально обсуждали порядок проведения операции, уделив особое внимание вопросам прорыва обороны противника.

После совещания Василевский вечером 11 августа выехал на Юго-Западный фронт. На командном пункте его встретил генерал Малиновский, который доложил:

— На правом крыле фронта, в 1-й гвардейской и 46-й армиях, работа по подготовке к операции ведется таким образом, чтобы не позже чем через двое суток начать форсирование Северского Донца. Одновременно успешно ведется подготовка к переходу 16 августа в наступление главной группировки фронта к югу от Изюма.

— Хорошо, — сказал Василевский. — На рассвете мы выедем на правое крыло фронта, чтобы проверить, как войска фронта будут выходить на железную дорогу Харьков — Лозовая и к истокам реки Орель.

В это время на командный пункт Юго-Западного фронта позвонил маршал Жуков. Он сообщил, что войска Воронежского фронта перерезали железную дорогу Харьков — Полтава, армии Степного фронта с севера вплотную подошли к Харьковскому оборонительному обводу, а 57-я армия угрожает охватом Харькова с юго-востока. Во втором часу ночи 12 августа генерал Антонов согласовал по прямому проводу с Василевским подготовленные Генштабом для доклада Сталину проект директивы Воронежскому и Степному фронтам по дальнейшим действиям на этом направлении. Они также уточнили задачи и Юго-Западного фронта. Ему предстояло главными силами нанести удар с рубежа Изюм, Богородичное в общем направлении Барвенково, Павлоград. Правым крылом следовало немедленно приступить к форсированию р. Северский Донец южнее Чугуева и ударом на Замостье, Тарановку и далее на юг во взаимодействии с 57-й армией Степного фронта свертывать оборону противника по западному берегу р. Северский

Донец. К 24 — 25 августа главными силами выйти на рубеж Лиговка, Лозовая, Барвенково. В дальнейшем развивать наступление в общем направлении Павлоград, Орехов с целью выйти на рубеж Запорожье, Пологи и отрезать пути отхода на запад донбасской группировке противника¹. Антонов подтвердил уже имевшиеся у Василевского сведения о прибытии на харьковское направление южнее Богодухова трех танковых дивизий СС и подчеркнул, что Сталин придает исключительное значение скорейшему началу активных действий Юго-Западным фронтом. Необходимо было торопиться. Маршал Василевский доложил Сталину о возможности начать операцию в установленный срок.

13 августа из района южнее Змиева перешли в наступление войска 1-й гвардейской армии, а 16 августа из района Изюма — главная группировка Юго-Западного фронта — 6-я и 12-я армии. Она, встретив ожесточенное сопротивление врага, сумела вклиниться в его в оборону всего на 2,5—3,5 км. Маршал Василевский в это время находился на командном пункте 46-й армии. Здесь он получил весьма неприятную для себя директиву за подписью Сталина:

«Сейчас уже 3 часа 30 минут 17 августа, а вы еще не изволили прислать в Ставку донесение об итогах операции за 16 августа и о вашей оценке обстановки.

Я давно уже обязал вас, как уполномоченного Ставки, обязательно присылать в Ставку к исходу каждого дня операции специальные донесения. Вы почти каждый раз забывали об этой своей обязанности и не присылали в Ставку донесений.

16 августа является первым днем важной операции на Юго-Западном фронте, где вы состоите уполномоченным Ставки. И вот вы опять изволили забыть о своем долге перед Ставкой и не присылаете в Ставку донесений.

Вы не можете ссылаться на недостаток времени, так как маршал Жуков работает на фронте не меньше вас и все же ежедневно присылает в Ставку донесения. Разница между вами и Жуковым состоит в том, что он дисциплинирован и не лишен чувства долга перед Ставкой, тогда как вы мало дисциплинированы и забываете часто о своем долге перед Ставкой.

¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16(5—3). С. 189—190.

Последней раз предупреждаю вас: если вы хоть раз еще позволите себе забыть о своем долге перед Ставкой, будете отстранены от должности начальника Генерального штаба и будете отозваны с фронта»¹.

Адъютант маршала Василевского полковник А.С. Орлов вспоминал: «Трижды я был свидетелем того, как у маршала Василевского, этого мужественного человека, были на глазах слезы... 17 августа И.В. Сталин прислал ему резкую телеграмму... Она потрясла его до глубины души»².

А вот что пишет по поводу телеграммы Сталина сам Василевский:

«За все годы своей военной службы я не получил ни одного даже мелкого замечания или упрёка в свой адрес. Вся моя вина в данном случае состояла в том, что 16 августа, находясь в войсках армии В.В. Глаголева в качестве представителя Ставки, я действительно на несколько часов задержал очередное донесение. На протяжении всей своей работы с И.В. Сталиным, особенно в период Великой Отечественной войны, я неизменно чувствовал его внимание, я бы даже сказал, чрезмерную заботу, как мне казалось, далеко мной не заслуженные. Что же произошло? По возвращении на КП фронта я тотчас связался по телефону со своим первым заместителем по Генштабу А.И. Антоновым. Чувствовалось, что тот был тоже взволнован происшедшим и стремился всячески успокоить меня. Он сказал, что мое донесение, за которое на меня обрушился Сталин, было Генштабом получено и доложено в Ставку. Однако это было уже после того, как мне направили послание Сталина. Антонов, успокаивая меня, добавил, что получил указание Сталина никого с этим письмом не знакомить и хранить его у себя. Доложил он мне также и то, что слабое развертывание наступления на Воронежском, Степном и Юго-Западном фронтах очень беспокоило Верховного. Не получив донесения, Сталин попытался связаться со мной по телефону, но и это не удалось сделать. И тогда он продиктовал Антонову процити-

¹ Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16(5—3). С. 193.

² Цит. по: Окококов В. Штрихи к портрету // Голос Родины. Июнь 1994. № 24.

рованный выше документ. Добавлю лишь, что Сталин был так категоричен не только в отношении меня. Подобную дисциплину он требовал от каждого представителя Ставки. Нам было решено передвигаться по своему усмотрению только в пределах фронтов, координировать действия которых мы были обязаны. Для выезда на другие нужна была специальная санкция Верховного. Считаю, что отсутствие какой-либо снисходительности к представителю Ставки было оправдано интересами оперативного руководства вооруженной борьбой. Верховный Главнокомандующий очень внимательно следил за ходом фронтовых событий, быстро реагировал на все изменения в них и твердо держал управление войсками в своих руках»¹.

18 августа 1-я гвардейская армия овладела Змиевом, но в центре полосы Юго-Западного фронта наступление развивалось медленно. Не имела успеха и повторная атака, предпринятая на следующий день. Поэтому Василевский и Малиновский решили прекратить бесплодные атаки на прежнем направлении и скрытно перегруппировать необходимые силы несколько южнее. Правда, здесь предстояло форсировать Северский Донец. Основная роль в предстоящем наступлении отводилась 8-й гвардейской армии. Для перегруппировки войск и подготовки нового удара требовалось 5—6 суток. Об этом Василевский доложил по телефону Сталину. Он был неудовлетворен, разговаривал весьма нелюбезно, сделал ряд справедливых, а отчасти и не совсем обоснованных упреков и Василевскому, и в адрес фронтового командования. Несмотря на это, Сталин разрешил начать операцию на новом участке 27 августа.

Более успешно развивались события на Южном фронте. Войска 5-й ударной армии сумели прорвать оборону противника и продвинуться на 10 км. В ночь на 19 августа в сражение был введен 4-й гвардейский механизированный корпус. Он в течение суток преодолел 20 км, вышел на р. Крынка, захватил там плацдарм и создал угрозу перехвата железной дороги Амвросиевка — Сталино. В последующие двое суток ударная группировка Южного фронта, отражая многократные контратаки противника, продолжала расширять прорыв. В результате 6-я армия была расчленена на

¹ Цит. по: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. С. 323.

две части с обнаженными флангами в месте прорыва. Подвижная группа Южного фронта (4-й гвардейский механизированный и 4-й гвардейский кавалерийский корпуса) генерала Н.Я. Кириченко нанесла удар из района Амвросиевки на юг, чтобы отрезать пути отхода таганрогской группировке врага.

22 августа, раньше, чем намечалось, в сражение из второго эшелона Юго-Западного фронта была введена 8-я гвардейская армия с 23-м танковым и 1-м гвардейским механизированным корпусами. Василевский доложил Сталину, что считает обстановку на Южном фронте многообещающей. Сталин согласился на возвращение Василевского в штаб Южного фронта, но лишь после успешного решения харьковской задачи.

На ахтырском и харьковском направлениях события развивались следующим образом. Войска Степного фронта 23 августа завершили освобождение Харькова. Воронежский фронт к 27 августа разгромил ахтырскую группировку противника и развернул наступление к Днепру.

С освобождением Харькова завершилась Белгородско-Харьковская стратегическая наступательная операция, а вместе с ней и вся Курская битва. Были созданы предпосылки для перехода в общее наступление, освобождения Левобережной Украины и выхода к Днепру. В успешном исходе битвы на Курской дуге заслуга, наряду с другими полководцами, принадлежит и маршалу Василевскому. *«В результате провала наступления “Цитадель”, — писал генерал Гудериан, — мы потерпели решительное поражение... Инициатива полностью перешла к противнику»*¹.

После освобождения Харькова Ставка ВГК в четыре часа утра 24 августа поставила Юго-Западному фронту следующую задачу: правым крылом наступать в общем направлении Тарановка, Лозовая, Чаплино, а частью сил ударом вдоль р. Берека свертывать оборону противника по западному берегу р. Северский Донец².

26 августа в полосе 1-й гвардейской армии из второго эшелона Юго-Западного фронта была введена в сражение 46-я армия, ко-

¹ Цит. по: Гудериан Г. Воспоминания солдата / Пер. с нем. Смоленск: Русич, 2003. С. 431.

² См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16(5—3). С. 197.

торая нанесла удар на Тарановку. Однако ей удалось лишь захватить ряд отдельных населенных пунктов. Василевский в донесении Сталину отмечал, что в результате задержки в наступлении левого крыла Степного фронта на северном берегу р. Мжа обнажилось правое крыло Юго-Западного фронта. Поэтому основные усилия 46-я армия вынуждена будет 27 августа вновь направить на оказание помощи северному соседу.

В то же время войска группы армий «Юг», ослабленные предшествующими боями, находились в тяжелом положении. Гитлер, прибывший 27 августа в Винницу, где находилась его полевая ставка, обещал фон Манштейну усилить группу армий «Юг» за счет соединений групп армий «Север» и «Центр». Однако 28 августа командующий группой армий «Центр» доложил, что не может быть и речи о снятии сил с его участка фронта. Группа «Север» также не могла выделить ни одной дивизии. Спасением для фон Манштейна и его войск было то, что войска 6-й, 8-й гвардейской и 12-й армий вынуждены были в тот же день перейти к обороне на занятых рубежах. 30 августа к обороне перешла и 46-я армия, сумевшая за четверо суток продвинуться всего на 10 км.

Более успешно действовали войска Южного фронта, на командный пункт маршал Василевский прибыл в ночь на 28 августа. Они 30 августа освободили Таганрог. К северо-западу от города были окружены и 31 августа ликвидированы остатки вражеских войск, оборонявшихся на р. Миус. Это вынудило фон Манштейна начать отвод 6-й армии на тыловые позиции. *«Этим был сделан первый шаг к сдаче Донбасса, — вспоминал он. — Вечером этого же дня Гитлер разрешил, наконец, командованию группы постепенно отводить 6-ю армию и правый фланг 1-й танковой армии, “если того действительно требует обстановка и нет никакой другой возможности” . Было отдано распоряжение об уничтожении всех важных в военном отношении объектов Донбасса. Если бы эта свобода маневра была предоставлена нам несколькими неделями раньше, группа имела бы возможность вести бой на своем южном фланге с большей экономией сил. В этом случае группа могла бы высвободить части для использования на решающем северном фланге и, несмотря на это, остановить наступление противника на юге на более коротком фронте, может быть, даже перед Днепром.*

Теперь же она могла только уберечь южный фланг от поражения. Однако было еще сомнительно, сможем ли мы создать прочную оборону перед Днепром»¹.

По указанию Сталина в распоряжение Василевского 2 сентября были выделены 11-й и 20-й танковые корпуса. Василевский решил использовать их совместно с 5-м гвардейским кавалерийским корпусом для удара через Волноваху в обход г. Сталино с юго-запада, навстречу Юго-Западному фронту. В тот же день соединения 3-й гвардейской армии Юго-Западного фронта освободили Лисичанск, а 38-я армия Воронежского фронта — Сумы. Однако войска 6-й и 8-й гвардейских армий, перейдя на следующий день в наступление, не смогли преодолеть сильно укрепленную оборону противника. Тем временем 3-я гвардейская армия, продвинувшись на 20—30 км, захватила Пролетарск, Камышеваху, Попасную, Первомайск и через истоки Лугани наступала к Артемовску. Одновременно войска 51-й армии Южного фронта заняли Дебальцево, а 5-я ударная армия — Орджоникидзе (Енакиеве). Соединения 28-й и 44-й армий, вклинившись в оборону противника на западном берегу р. Еланчик, расширяли прорыв с тем, чтобы пропустить 4-й гвардейский кавалерийский и 4-й гвардейский механизированный корпуса. Сюда же решением командующего Южным фронтом выдвигалась прибывшая 26-я артиллерийская дивизия.

Медленное продвижение центральной группировки Юго-Западного фронта вынудило Василевского и Малиновского внести коррективы в план дальнейших действий. Основные усилия фронта теперь сосредоточивались в полосе 3-й гвардейской армии, которая получила на усиление 1-й гвардейский механизированный, 23-й танковый и 33-й стрелковый корпуса. По решению Василевского 1-й гвардейский механизированный и 23-й танковый корпуса должны были нанести удар от Артемовска через Константиновку, Красноармейское в обход г. Сталино с северо-запада. Это решение было одобрено Верховным.

5 сентября соединения 7-й гвардейской армии Степного фронта, применив обходный маневр, заняли город и железнодорожный узел Мерефа. В результате открылся путь для более быстрого продвиже-

¹ Цит. по: Манштейн Э. Утерянные победы. С. 562.

ния 57-й и 7-й гвардейской армий к Днепру. 8 сентября соединения 5-й ударной и 2-й гвардейской армий Южного фронта освободили Сталино. От Днепра их разделяло по прямой почти 200 км.

Гитлер, отвергавший до этого все доводы фон Манштейна о необходимости отвода войск за Днепр, 8 сентября согласился с необходимостью отхода северного фланга группы армий «Центр» на рубеж Мелитополь, Днепр. Фюрер обещал фон Манштейну, что группа армий «Центр» немедленно выделит один корпус на стык между нею и 4-й танковой армией. Гитлер также согласился с требованием фон Манштейна подтянуть еще четыре дивизии для обеспечения переправ через Днепр, а также в целях высвобождения сил оставить Кубанский плацдарм, потерявший уже давно всякую оперативную ценность.

Однако фон Манштейна ждало новое разочарование. Он не получил обещанного подкрепления. Поэтому он вынужден был приказать 6-й и 1-й танковой армиям перейти к подвижной обороне в целях обеспечения стойкости войск и выигрыша возможно большего времени для осуществления отхода.

Войска Южного и Юго-Западного фронтов, несмотря на трудности с материально-техническим обеспечением, продолжали наращивать темпы наступления. 10 сентября соединения 8-й гвардейской армии Юго-Западного фронта освободили железнодорожный узел Барвенково, а 2-я гвардейская армия Южного фронта совместно со 2-й гвардейским механизированным, 11-м танковым и 5-м гвардейским кавалерийским корпусами — Волноваху. Войска 44-й армии во взаимодействии с десантом Азовской военной флотилии заняли важный центр металлургической промышленности Мариуполь.

Фон Манштейн не хотел примириться с утратой Донбасса. 11 и 12 сентября он не раз предпринимал сильные контратаки, что позволяло на некоторое время вновь захватывать отдельные населенные пункты. Но это не остановило советские войска. К 15 сентября армии Южного и Юго-Западного фронтов вышли на рубеж Лозовая, Чаплино, Гуляй-Поле, Урзуф. Левофланговые соединения Центрального фронта освободили Нежин и разорвали фронт противника. Войска Воронежского фронта также рассекли вражеские войска на отдельные изолированные группы, которые

частью отходили к киевским переправам, а частью — к переправам у Канева (южнее Киева). В результате были созданы условия для окружения этих групп по частям восточнее Киева. Это вынудило фон Манштейна вечером 15 сентября отдать приказ об отводе всех армий на линию Мелитополь, Днепр (до района выше Киева), Десна. После этого 6-я армия передавалась в состав группы армий «А», а ее 17-я армия отводилась из Кубани в Крым. Командующий группой армий «Юг», стремясь осложнить советским войскам преследование, приказал в зоне 20 — 30 км перед Днепром разрушить, уничтожить или вывезти в тыл все, что могло помочь им продолжать свое наступление на широком фронте.

Советские войска начали гонку за отходившими соединениями группы армий «Юг». Войска Северо-Кавказского фронта во взаимодействии с Черноморским флотом 16 сентября освободили Новороссийск, а вслед за тем была разгромлена вся таманская группировка противника. Армии Юго-Западного фронта к 22 сентября вышли на рубеж Новомосковск, восточнее Запорожья, а главные силы ударной группировки фронта достигли Днепра. Войска Южного фронта заняли рубеж западнее Орехова, р. Молочная, Мелитополь. Однако попытки соединений 5-й ударной и 2-й гвардейской армий с ходу прорвать вражескую оборону успеха не имели. К этому времени войска 5-й гвардейской армии Степного фронта освободили Полтаву, соединения 3-й гвардейской танковой армии Воронежского фронта и 13-й армии Центрального фронта вышли к Днепру.

На этом завершилась Донбасская операция, в ходе которой войска Южного и Юго-Западного фронтов продвинулись на глубину до 300 км, разгромили 13 дивизий противника, создав благоприятные условия для освобождения Северной Таврии, Правобережной Украины и Крыма. Потери войск Юго-Западного и Южного фронта составили: безвозвратные — 66 166 человек, санитарные — 207 356 человек, 886 танков и САУ, 814 орудий и минометов, 327 самолетов¹.

Несмотря на в целом успешные действия войск Южного и Юго-Восточного фронтов, они не смогли помешать отходу противника на

¹ См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 288, 485.

заблаговременно подготовленные рубежи. Соединения 6-й армии заняли позиции севернее Мелитополя и Запорожский плацдарм. Войска 8-й армии во всей полосе от Кременчуга до Киева отошли за Днепр. Соединения 4-й танковой армии еще располагались по обе стороны от Киева, но потеряли связь со 2-й армией группы армий «Центр». *«Противнику не удалось сорвать сосредоточения войск у немногих переправ через реку или отрезать их от этих переправ, — пишет фон Манштейн. — Несмотря на его численное превосходство, он не сумел использовать благоприятной обстановки, которую создавало для него стягивание наших войск к переправам, для того, чтобы форсировать Днепр крупными силами в стороне от этих переправ и тем самым не допустить создания намеченной оборонительной линии по ту сторону реки. То, что он захватил на нескольких участках плацдармы на противоположном берегу реки, при нехватке сил с нашей стороны нельзя было предотвратить»¹.*

Верховное главнокомандование вермахта после поражения в Донбассе планировало любой ценой удержаться на рубеже Восточного вала, навязать Красной Армии позиционные формы ведения войны, выиграть время для подрыва антигитлеровской коалиции. Исходя из этого, ближайшими задачами групп армий «Центр» и «Юг» являлись ликвидация плацдармов советских войск на Днестре и сохранение Правобережной Украины с ее важнейшими экономическими районами. Противник, пользуясь отсутствием второго фронта в Европе, сосредоточивал главные усилия на Восточном фронте. В сентябре сюда из Западной Европы были переброшены 13 пехотных дивизий, а в октябре — еще до 7 дивизий, в том числе 3 танковые.

Сталин, переоценив результаты наступления войск Красной Армии, считал необходимым развернуть широкое наступление с решительными целями на всем советско-германском фронте. На такое решение повлияла уверенность Верховного в том, что противник будет отходить на большинстве участков фронта. Войскам, действовавшим на северо-западном направлении, ставилась задача по разгрому группы армий «Север» и не допущению ее отхода на Двинск,

¹ Цит. по: Манштейн Э. Утерянные победы. С. 578.

Ригу. На западном стратегическом направлении намечалось выйти на рубеж Вильнюс, Минск, Слуцк, а на юго-западном — на рубеж Могилев-Подольский, Рыбница, Херсон. Северо-Кавказскому фронту предстояло во взаимодействии с Черноморским флотом разгромить противника в Крыму.

Постановка столь объемных задач не отвечала реальным возможностям фронтов. Их выполнение требовало серьезной подготовки, а времени для этого предоставлено не было. Главный удар наносили войска юго-западного направления, а вспомогательный — западного направления. После завершения перегруппировок Ставка ВГК сумела сосредоточить на главном направлении около 190 стрелковых дивизий, 19 танковых и механизированных корпусов. Самым мощным был Воронежский фронт.

В соответствии с решением Сталина армии Степного, Юго-Западного и Южного фронтов должны были провести Нижнеднепровскую стратегическую наступательную операцию в целях завершения освобождения Левобережной Украины, форсирования Днепра и захвата стратегических плацдармов на его правом берегу. Ее замысел предусматривал не допустить планомерного отхода противника за Днепр, выйти к реке на широком фронте и создать стратегический плацдарм на ее правом берегу. Главные удары наносились на кременчугском, днепропетровском и мелитопольском направлениях. Стратегическая операция включала фронтовые операции, нацеленные на разгром группировок противника в важных экономических районах и центрах страны. Степной фронт должен был разгромить кременчугско-криворожскую группировку противника и выйти в его тыл в районе Днепропетровска. Юго-Западного фронту предстояло ликвидировать Запорожский плацдарм противника, расширить захваченные плацдармы на правом берегу Днепра и во взаимодействии со Степным фронтом разгромить группировку врага в районе Днепропетровска и Кривого Рога. В задачи Южного фронта входили прорыв обороны противника на р. Молочная, развитие наступления на Каховку и Херсон, а также на Армянск, частью сил — на Сальково, блокада с суши вражеской группировки в Крыму и по возможности прорыв на полуостров для его полного освобождения. На маршала Жукова возлагалась координация действий Воронежского и

Степного фронтов, а на маршала Василевского — по-прежнему Юго-Западного и Южного фронтов.

Задачи, поставленные Южному фронту, легли в основу планирования и подготовки Мелитопольской наступательной операции. Фронт по своему составу был достаточно мощным. Судите сами: пять общевойсковых (5-я ударная, 44-я, 2-я гвардейская, 28-я, 51-я) и одна воздушная (8-я) армии, три танковых (11-й, 19-й, 20-й), два механизированных (2-й и 4-й гвардейские) и два кавалерийских (4-й и 5-й гвардейские) корпуса; всего — 555,3 тыс. человек, 5320 орудий и минометов, 778 танков и САУ, 1110 самолетов. Им противостояли 6-я армия, часть сил 17-й армии группы армий «А» (генерал-фельдмаршал Э. Клейст) и авиация 4-го воздушного флота, насчитывавшие около 210 тыс. человек, 1500 орудий и минометов, около 300 танков и штурмовых орудий и до 700 самолетов¹. Войска противника опирались на хорошо подготовленную в инженерном отношении оборону. Она включала две-три полосы (общая глубина 10 — 20 км) с развитой системой траншей, долговременных огневых сооружений, многочисленных противотанковых и противопехотных заграждений. Основным узлом обороны был Мелитополь.

К 22 сентября маршал Василевский вместе с командующим и штабом Южного фронта завершил разработку плана Мелитопольской операции². Замысел Василевского состоял в том, чтобы нанести два охватывающих удара: главный — силами 5-й ударной, 44-й и 2-й гвардейской армий севернее Мелитополя в общем направлении на Михайловку, Веселое и вспомогательный — из района южнее Мелитополя силами 28-й армии в обход города с юго-запада. Для развития успеха на главном направлении планировалось использовать второй эшелон фронта — 51-ю армию, 11-й танковый корпус и две конно-механизированные группы — «Ураган» (5-й гвардейский кавалерийский и 20-й танковый корпуса) и «Буря» (4-й гвардейский кавалерийский и 4-й гвардейский механизированный корпуса). Для поддержки войск, наносивших главный удар, выделялись 2-я и 26-я артиллерийские дивизии, 13-я бригада М-31, восемь полков М-13 и вся авиация фронта. С целью скорейшего освобождения

¹ См.: Дайнес В.О. Советские ударные армии в бою. М.: Яуза; Эксмо, 2009. С. 616—617.

² См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16(5—3). С. 311—313.

Крыма предусматривалось при помощи Азовской военной флотилии высадить морской десант. Ему предстояло перехватить железную дорогу в районе Джанкоя и выйти в тыл Сивашу навстречу войскам Южного фронта. Кроме того, намечалось 29 — 30 сентября выбросить в район Джанкоя воздушный десант в составе двух-трех бригад.

24 сентября Сталин утвердил план Мелитопольской операции¹. При этом он потребовал высадить на второй или третий день операции морской десант за счет сил Северо-Кавказского фронта не в Крыму, а в районе Геническа с задачей прервать железную дорогу Мелитополь — Джанкой и прекратить всякий подвоз из Крыма к мелитопольской группировке противника. Воздушный десант следовало использовать на втором этапе операции для захвата Крымских перешейков во взаимодействии с подвижными группами Южного фронта. Подготовка Мелитопольской операции осуществлялась в предельно короткие сроки (4 суток), что не позволило провести все мероприятия по планированию, организации взаимодействия войск и их всестороннему обеспечению.

Наступление началось 26 сентября проведением 45-минутной (вместо плановой 1 час 15 минут) огневой подготовки, которая была малоэффективной. Атакующие войска продвигались медленно, несли большие потери. Наиболее ощутимых результатов (но и они были далеки от конечных целей) в первый день наступления добились 2-я гвардейская армия генерала Г.Ф. Захарова и 44-я армия генерала В.А. Хоменко. На Юго-Западном фронте 1-я гвардейская армия вышла на левый берег Днепра. Однако ее попытки переправиться на правый берег не имели успеха. 6-я армия южнее Днепропетровска к 28 сентября переправила через Днепр четыре стрелковые дивизии, а 12-я армия — две стрелковые дивизии. Во избежание дальнейших крупных потерь и для более тщательной организации наступления командующий Южным фронтом с разрешения маршала Василевского временно приостановил наступление. Войска фронта, отбивая контратаки противника, проводили необходимые перегруппировки, пополняли запасы боеприпасов и горючего.

¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16(5—3). С. 206.

Вечером 28 сентября Сталин по телефону обсудил с Василевским планы дальнейшего развертывания операций Воронежского, Степного и Юго-Западного фронтов. Сталин сообщил, что он только что советовался по этому поводу с Жуковым и хочет знать мнение Василевского. *«Видимо, он беседовал не только с нами, но и с командующими фронтами, — пишет Александр Михайлович. — В результате было принято решение основные усилия Воронежского фронта по-прежнему направлять на освобождение Киева, а затем наступать на Бердичев, Винницу, Жмеринку, Могилев-Подольский и выйти к Молдавии. Степной фронт обязан был нанести главный удар в общем направлении от Черкасск на Ново-Украинку и Вознесенск, разбить кировоградскую группировку врага и отрезать ей пути отхода на запад. Своим левым крылом фронт должен был наступать на Пятихатку и Кривой Рог, выходя в тыл днепронетровской группировке противника. Юго-Западному фронту предписывалось ликвидировать Запорожский плацдарм противника, одновременно правым крылом продолжая форсировать Днепр и расширяя плацдарм на его западном берегу, наступать главными силами на Кривой Рог с востока. В результате реализации этих задач криворожская группировка фашистов должна была оказаться в полукольце»¹.*

Сталин и Василевский обсудили и вопросы, связанные с перегруппировкой войск и их перераспределением между фронтами. Для усиления Юго-Западного фронта ему из Степного фронта передавалась 46-я армия, а Степной фронт получал из Воронежского фронта 4-ю гвардейскую и 52-ю армии. Кроме того, Воронежскому фронту из Центрального фронта намечалось передать 13-ю и 60-ю армии, а Центральному из Брянского фронта — 3, 50 и 63-ю армии. Тогда же было решено упразднить Брянский фронт, перебросив его управление в район Торопца и реорганизовав его в Прибалтийский фронт.

Задачи Юго-Западного фронта, о которых пишет Василевский, нашли отражение в директивах № 30199 Ставки ВГК от 28 сентября и № 30206 от 1 октября². Василевский, занимаясь подготовкой

¹ Цит. по: Василевский А. М. Дело всей жизни. С. 336—337.

² См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16(5—3). С. 208, 212.

войск Южного фронта к наступлению, вынужден был одновременно вместе с генералом Малиновским вести работу по планированию операции Юго-Западного фронта. 2 октября они выехали в 8-ю гвардейскую армию. Здесь выяснилось, что в армии, как и в 3-й гвардейской армии, оставалось менее половины боевого комплекта боеприпасов. Это не позволяло надежно подавить сильно укрепленную оборону противника, который постоянно наносил сильные контратаки. Поэтому Василевский и Малиновский пришли к выводу, что при таком наличии боеприпасов продолжать дальнейшее наступление на запорожском направлении невозможно. В этой связи приняли решение приостановить наступление на 5—6 дней, пока в ударной группировке будет не менее 1—1,5 боекомплекта. Было решено также усилить ударную группировку пехотой и артиллерией за счет 12-й армии, отказаться от форсирования Днепра 1-й гвардейской армией на ближайшее время и взять у нее две стрелковые дивизии в резерв фронта для усиления запорожского направления. На западном берегу Днепра, впредь до ликвидации Запорожского плацдарма противника, намечалось оставить в обороне лишь четыре стрелковые дивизии 6-й армии. О своем решении Василевский в ночь на 3 октября доложил Сталину, который его утвердил.

А.М. Василевский, завершив работу на Юго-Западном фронте, срочно перелетел на Южный фронт. Его войска, утопая в осенней грязи, 9 октября возобновили наступление, стремясь овладеть Мелитополем, который прикрывал подходы к Крыму и нижнему течению Днепра. Несмотря на упорное сопротивление противника, войска 28-й армии генерала В.Ф. Герасименко прорвали его оборону и вышли к южной окраине Мелитополя. Начальник штаба Южного фронта генерал С.С. Бирюзов с целью активизации действий на этом направлении предложил перегруппировать резервы фронта, подтянуть ближе к 28-й армии 19-й танковый и 4-й кавалерийский корпуса. Танковый корпус предлагалось ввести в прорыв, осуществленный 28-й армией. Кавалерийский корпус предусматривалось использовать по двум вариантам: первый — на главном направлении; второй — южнее Мелитополя, если ввод 19-го танкового корпуса окажется успешным. Василевский, тща-

тельно взвесив предложение начальника штаба фронта, пришел к выводу, что оно отвечает реально сложившейся обстановке. Он потребовал от командующего фронтом обеспечить ввод в прорыв танкового корпуса огнем артиллерии 28-й армии и 1-й гвардейской штурмовой авиационной дивизией. Корпус получил на усиление два гаубичных артиллерийских, истребительно-противотанковый артиллерийский, зенитный артиллерийский полки, один полк «ка-тюш» и саперный батальон.¹

Части 19-го танкового корпуса сумели прорваться в северо-западном направлении — на Веселое. В результате создались условия для ввода с наступлением темноты 4-го гвардейского кавалерийского корпуса. Для развития успеха 28-й армии в ее полосу также была перегруппирована 51-я армия. 13 октября она овладела южной частью Мелитополя. Войска Юго-Западного фронта, возобновив наступление, 14 октября освободили Запорожье и плацдарм, занятый врагом на левом берегу Днепра к востоку и северо-востоку от этого города. В связи с тем, что левофланговая 3-я гвардейская армия Юго-Западного фронта, наступавшая вдоль левого берега Днепра, и по задачам и территориально вынуждена была непосредственно взаимодействовать с войсками Южного фронта, Василевский 16 октября, с разрешения Сталина, дал указание передать ее Южному фронту. Командующему армией генералу Лелюшенко была поставлена задача, пробившись через плавни, захватить Васильевку. Южный фронт рассчитывал также на то, что ему поможет Черноморский флот, но его операция успеха не имела. Произошло это из-за того, что командование флотом не согласовало свои действия с войсками Северо-Кавказского фронта.

23 октября соединения 51-й армии во взаимодействии с 28-й армией полностью освободили Мелитополь. Подвижные соединения 4-го Украинского фронта², введенные в прорыв южнее Ме-

¹ См.: *Бирюзов С.С.* Когда гремели пушки. М.: Воениздат, 1961. С. 217.

² В соответствии с приказом № 30227 Ставки ВГК от 16 октября 1943 г. фронты с 20 октября получили новые наименования: Центральный — Белорусский, Калининский — 1-й Прибалтийский, Прибалтийский — 2-й Прибалтийский, Воронежский — 1-й Украинский, Степной — 2-й Украинский, Юго-Западный — 3-й Украинский, а Южный — 4-й Украинский.

литополя, при поддержке 8-й воздушной армии быстро развили успех, угрожая основным коммуникациям противника. 26 октября он начал общее отступление. За день до этого войска 3-го Украинского фронта овладели Днепропетровском и Днепродзержинском. 30 октября соединения 28-й армии 4-го Украинского фронта освободили Генчиск и вышли на побережье Сиваша. 1 ноября, преодолев укрепления Турецкого вала, войска фронта ворвались на Перекопский перешеек. В ночь на 3 ноября командующий 44-й армией сумел переправить на правый берег Днепра 417-ю стрелковую дивизию. Однако противник оказывал упорное сопротивление, перебрасывая под Никополь части из Кривого Рога и Кировограда. Это позволило ему удержать плацдарм на левом берегу Днепра южнее Никопля.

В результате Мелитопольской операции было уничтожено более 85 тыс., захвачено в плен свыше 22 тыс. человек. Советские войска, продвинувшись на запад и юго-запад на 50 — 320 км, освободили почти всю Северную Таврию, блокировали с суши крымскую группировку врага, создали благоприятные условия для освобождения Крыма и юга Правобережной Украины. Однако ограниченные сроки подготовки операции не позволили провести детальную разведку обороны противника и создать необходимые запасы боеприпасов и горючего. Это стало причиной слабой эффективности артподготовки, низких темпов прорыва обороны, вынужденной паузы в операции (с 1 по 9 октября) и больших потерь: безвозвратные — 42 760 человек, санитарные — 155 989 человек¹.

Глава 7. ОРДЕН «ПОБЕДЫ»

В ходе Мелитопольской операции И.В. Сталин и А.М. Василевский дважды, 3 и 4 ноября 1943 г., обсуждали по телефону обстановку, складывавшуюся на 4-м Украинском фронте.

— Товарищ Сталин, из показаний пленных стало известно, что противник усиливает свою никопольскую группировку и стягивает

¹ См.: Дайнес В.О. Советские ударные армии в бою. С. 622.

в район Никополя часть танковых дивизий, действующих против 2-го Украинского фронта, — докладывал Василевский. — В ближайшее время враг может нанести встречные удары с Никопольского плацдарма и из Крыма, чтобы развязать крымский мешок и ударить в тыл 4-му Украинскому фронту, главные силы которого находятся уже западнее. Кроме того, противник может нанести удар и в тыл 2-го Украинского фронта.

— Каковы ваши предложения?

— Первоочередной и важнейшей задачей является разгром криворожско-никопольской группировки противника. С этой целью 4-й Украинский фронт, продолжая операцию по вторжению в Крым, должен направить свои главные усилия на ликвидацию Каменского плацдарма противника (южнее Никополя) и форсирование Днепра на участке Никополь, Большая Лепетиха. Наступление главными силами 2-го Украинского фронта в направлении Кировограда предлагаю временно отложить.

— Хорошо, согласен. Войскам 2-го Украинского фронта будет поставлена задача, прочно закрепившись на ныне занимаемом рубеже, нанести удар силами 37-й, 57-й и 5-й гвардейской танковой армий в общем направлении Лозоватка, Широкое, обходя Кривой Рог с запада. Цель — во взаимодействии с 3-м Украинским фронтом разбить криворожскую группировку противника, овладеть Кривым Рогом и выйти на рубеж Петрово, Гуровка, (исключительно) Широкое. Наступление начать не позже 12 — 14 ноября. 3-й Украинский фронт должен, продолжая наступление, главный удар наносить правым крылом в направлении Софиевка, Долгинцево, оказать содействие 2-му Украинскому фронту в овладении Кривым Рогом и выйти на рубеж Широкое, Апостолово. Директива Ставки вам будет направлена.

Около часа ночи 5 ноября представителям Ставки маршалам Василевскому и Жукову, командующим 2, 3 и 4-м Украинскими фронтами была направлена соответствующая директива за № 30238¹. В последующем Сталин еще не раз связывался по телефону с Василевским, чтобы обсудить план новой зимней кампании. Верховный также вел переговоры с маршалом Жуковым и командующими

¹ Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16(5—3). М.: ТЕРРА, 1999. С. 231.

фронтами. Василевский пишет, что в середине декабря его и Жукова вызвали в Москву по этому вопросу. Но в журнале посещения кабинета Сталина зафиксировано, что Александр Михайлович в 1943 г. последний раз был в Кремле 5 июля, а затем прибыл туда только 15 мая 1944 г.

После тщательного обсуждения всех вопросов Сталин, Василевский и Жуков пришли к единому мнению, что необходимо основные усилия сосредоточить на Украине. Замысел состоял в том, чтобы мощными ударами на ряде направлений расчленил силы противника на южном крыле стратегического фронта, разгромить их по частям, освободить Правобережную Украину и создать благоприятные условия для последующего наступления. Этот замысел лег в основу Днепровско-Карпатской стратегической наступательной операции, проведенной с 24 декабря 1943 г. по 6 мая 1944 г. Ее составной частью была Никопольско-Криворожская операция, проведение которой возлагалось на войска 3-го и 4-го Украинских фронтов. Их действия координировал маршал Василевский.

План операции созрел постепенно. Маршал Василевский внимательно следил за развитием обстановки на фронтах. 24 декабря 1943 г. войска 1-го Украинского фронта приступили к проведению Житомирско-Бердичевской операции. Они прорвали оборону 4-й танковой армии группы армий «Юг» и к концу декабря расширили прорыв до 300 км, продвинувшись в глубину до 100 км. Поражение основной группировки противника на этом направлении побудило Сталина направить основные усилия 2-го Украинского фронта на разгром кировоградской группировки врага с дальнейшим выходом на Южный Буг в районе Первомайска.

Василевский, обсудив 29 декабря с командующими 3-м и 4-м Украинскими фронтами сложившуюся обстановку, пришел к выводу, что противник теперь не способен оказать серьезное сопротивление в излучине Днепра и на никопольском плацдарме. По мнению Александра Михайловича, враг, оставив территорию между Никополем и Кривым Рогом и отведя свои войска за р. Ингулец, а затем и за Южный Буг и резко сократив фронт обороны, постарается высвободить часть своих войск, прежде всего танковые дивизии, чтобы немедленно перебросить их на наиболее опасные для него направления — к Жмеринке, Гайсину

и Первомайску, для действий против войск 1-го и 2-го Украинских фронтов. С целью не допустить планомерного отхода противника Василевский считал необходимым, невзирая на скверную погоду, немедленно начать активные действия. Войска 3-го Украинского фронта должны были наступать в направлении Шолохово, Апостолово, а 4-й Украинский фронт силами 3-й гвардейской, 5-й ударной и 28-й армий — в направлении Большая Лепетиха и далее также на Апостолово, с ближайшей задачей общими усилиями двух фронтов разгромить никопольскую группировку противника. После овладения Никоподем и Кривым Рогом намечалось из 4-го Украинского фронта передать 3-му Украинскому фронту 3-ю гвардейскую армию и основными силами этого фронта развивать наступление на Первомайск и Вознесенск. Войска 4-го Украинского фронта должны были из района Каховка, Цюрупинск нанести удар на Николаев и вверх по западному берегу Южного Буга на Вознесенск, навстречу войскам 3-го Украинского фронта. Со стороны Крыма проведение этой операции планировалось прикрыть войсками 51-й армии.

Маршал Василевский, докладывая Сталину план операции, просил разрешения для усиления основной группировки 4-го Украинского фронта использовать располагавшуюся в его тылу в резерве Ставки 69-ю армию. Сталин в целом одобрил представленный план¹. При этом предписывалось после выхода войск 3-го Украинского фронта на Южный Буг закрепиться на нем. 4-й Украинский фронт после ликвидации никопольского плацдарма должен был силами двух армий начать наступление на Крым и овладеть им во взаимодействии с Отдельной Приморской армией. 69-ю армию Сталин по-прежнему оставил в резерве Ставки. Маршалу Василевскому следовало не позже 1 января 1944 г. представить в Ставку план действий 4-го Украинского фронта.

При обсуждении вопроса об усилении 3-го Украинского фронта Сталин неожиданно вспылал:

— Не в резервах дело! Вы, товарищ Василевский, и командующие фронтами не умеете управлять войсками, организовать наступление.

¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16(5—3). С. 252.

Александр Михайлович стоял на своем:

— Не будет пополнения, сроки операции сорвутся.

Сталин — в крик, Василевский тоже повысил голос. Тогда Сталин бросил трубку. Стоявший рядом с Василевским командующий 4-й Украинским фронтом генерал Толбухин только головой покачал:

— Ну, знаешь, Александр Михайлович, я от страха чуть под лавку не залез.

И все же после того разговора 3-й Украинский фронт, игравший главную роль в Никопольско-Криворожской операции, получил от 2-го Украинского 37-ю армию, из резерва Ставки — 31-й гвардейский стрелковый корпус, а в самый решающий момент — 4-й гвардейский механизированный корпус от 4-го Украинского фронта.

А теперь заглянем в ставку Гитлера. Он стремился любой ценой сохранить Правобережную Украину и Крым. Поэтому требовал, опираясь на Каневский выступ и Никопольский плацдарм, отбросить советские войска за Днепр и восстановить сухопутные коммуникации с отрезанными в Крыму немецкими войсками. Исходя из данного требования, фюрер отверг предложение командующего группой армий «Юг» фон Манштейна о частичном отводе войск из большой излучины Днепра и об эвакуации Никополя. Принятие указанного предложения обеспечило бы сокращение фронта почти на 200 км. Но Гитлер опасался, что любое значительное отступление в излучине Днепра позволит советскому командованию сосредоточить силы для наступления на Крым, а потеря полуострова может «катастрофически» сказаться на отношениях с Румынией и Турцией. Не дало никакого результата и заявление начальника Генштаба Сухопутных войск генерала Цейтцлера о том, что Крым все равно будет в скором времени потерян.

Фон Манштейн, не добившись у Гитлера какого-либо конкретного решения, 29 декабря приказал командующему 1-й танковой армией к 1 января 1944 г. передать занимаемый им участок 6-й армии и не позднее 3 января принять от 4-й танковой армии участок от Днепра до района, расположенного примерно в 45 км юго-восточнее Бердичева (24-й танковый, 7-й армейский корпуса). За левым флангом этого участка сосредоточивался 3-й танковый корпус, затем сюда намечалось направить еще несколько дивизий.

На участок, оставшийся за 4-й танковой армией, предусматривалось перебросить 46-й танковый корпус, выделенный ОКХ. О своем решении фон Манштейн 30 декабря сообщил в Генштаб Сухопутных войск. На следующий день Гитлер утвердил его, но уклонился от принятия решения об оставлении восточной части Днепровской дуги и тем самым и Никопольского плацдарма.

Развитие событий в полосе группы армий «Юг» вынудило фон Манштейна 4 января 1944 г. вылететь в ставку фюрера. Беседа между ним и командующим группой армий «Юг» протекала на повышенных тонах. Гитлер даже не допускал и мысли об оставлении Днепровской дуги и сдаче Никополя. Он также заявил, что не в состоянии дать группе армий «Юг» дополнительные силы для ее северного фланга. Фон Манштейну пришлось вернуться в штаб группы армий «Юг» с пустыми руками. Между тем дела на фронте шли все хуже и хуже. 4 января 1944 г. войска 3-й гвардейской танковой армии 1-го Украинского фронта вышли в тыл бердичевской группировки. Опасаясь окружения, она 5 января оставила Бердичев. Соединения 1-й танковой армии к исходу следующего дня разгромили противостоявшего противника, получив возможность развить наступление на Умань.

У фон Манштейна в эти дни появилась еще одна головная боль. 5 января войска 2-го Украинского фронта приступили к осуществлению Кировоградской наступательной операции. К исходу дня ударная группировка фронта прорвала оборону противника в полосе шириной 24 км и на глубину от 4 до 24 км. 8 января соединения 5-й гвардейской танковой армии освободили Кировоград.

Фон Манштейн, потеряв Кировоград и Бердичев, получил две бреши в своем фронте: одну — между 1-й танковой армией и правым флангом 4-й танковой армии; другую — между 4-й танковой армией и группой армий «Центр», где действовал слабый 59-й армейский корпус, отступавший с боями на Ровно. Из двух зол фон Манштейн выбрал наибольшую опасность — брешь между 1-й и 4-й танковыми армиями. Ее надо было закрыть в первую очередь, так как прорыв советских войск в направлении на Умань вынудил 1-ю танковую армию загнать свой западный фланг в районе юго-западнее Киева на юг. Он соприкасался теперь своими тыловыми позициями с тыловыми позициями 8-й армии, расположенной

в Днепровской дуге. «Так как внутренние фланги обеих армий удерживали еще Днепр по обе стороны от Канева, — пишет фон Манштейн, — немецкие позиции образовали, так сказать, мешок, который был перевязан на севере у Днепра, в то время как его продольные стороны представляли собой обращенные на восток и на запад фронты обеих армий. Если бы противник добился успеха, используя брешь севернее Умани, ему было бы легко «затянуть» этот мешок на юге! Разумнее всего было бы, конечно, уйти из него, так как на его оборону пришлось бы бессмысленно тратить много сил. Но и здесь Гитлер не хотел добровольно уступить побережье Днепра. Он все еще надеялся нанести удар из этого выступа фронта для того, чтобы когда-нибудь снова овладеть восточной частью дуги. Поэтому этот выступ остался. Через непродолжительное время этот «мешок» превратился в черкасский котел»¹.

У командующих 1-м и 2-м Украинскими фронтами появилась реальная возможность затолкнуть в мешок 1-ю танковую и 8-ю армии фон Манштейна. Однако он нанес ряд контрударов и вынудил войска 1-го Украинского фронта 15 января перейти к обороне. Одновременно фон Манштейн, не зря же он считался «самым блестящим стратегом вермахта», предпринял меры по локализации наступления и 2-го Украинского фронта, которые также вынуждены были перейти к обороне. Но это был кратковременный успех противника, ибо 24 января войска 1-го и 2-го Украинских фронтов возобновили наступление, начав Корсунь-Шевченковскую операцию. Тем временем на 3-м и 4-м Украинских фронтах была завершена подготовка к Никопольско-Криворожской операции. Оба фронта насчитывали 705 тыс. человек, 8048 орудий и минометов, 390 танков и САУ, 1200 боевых самолетов и 140 самолетов У-2 и Р-5. Им противостояла немецкая 6-я армия, имевшая 540 тыс. человек, 6420 орудий и минометов, 460 танков и самоходных орудий. Армию поддерживал 1-й авиационный корпус 4-го воздушного флота (около 700 самолетов)². Советские войска в 1,3 раза превосходили

¹ Цит. по: Манштейн Э. Утерянные победы / Пер. с нем.; художн. А. Шуплецов. Смоленск: Русич, 2003. С. 619.

² См.: Грылев А.Н. Днепр — Карпаты — Крым. Освобождение Правобережной Украины и Крыма в 1944 году. М.: Наука, 1970. С. 109.

противника в людях и в артиллерии, в 2 раза в боевых самолетах и уступали ему в 1,2 раза в танках и САУ.

Утром 30 января в наступление перешли войска 6-й и 37-й армий 3-го Украинского фронта. Противник принял удар 37-й армии за наступление главных сил и ввел в сражение против нее две танковые дивизии. Это облегчило соединениям 8-й и 46-й гвардейской армий прорыв 31 января вражеской обороны на главном направлении. Тогда же в наступление перешли войска 4-го Украинского фронта. В три часа дня в полосе 5-й ударной армии этого фронта в сражение был введен 2-й гвардейский механизированный корпус, насчитывавший до 30 танков и САУ. К исходу дня войска 5-й ударной армии продвинулись на 7 км, а 2-й гвардейский механизированный корпус — до 11 км.

1 февраля по указанию Василевского в полосе 8-й гвардейской армии 3-го Украинского фронта в прорыв был введен 4-й гвардейский механизированный корпус. На следующий день противник начал отход перед войсками 4-го Украинского фронта к переправам через Днепр в районах Большой Лепетихи и Никополя. Но по этим переправам сосредоточила огонь артиллерия, их непрерывно бомбили и обстреливали самолеты 8-й и 17-й воздушных армий. В результате организованный отход вражеских войск был нарушен. Однако им удалось сдержать наступление советских войск на предместных плацдармах и, хотя с большими потерями, отвести свои дивизии на северный берег Днепра. К 8 февраля войска 4-го Украинского фронта полностью очистили Никопольский плацдарм от противника. Одновременно соединения 6-й армии 3-го Украинского фронта и 3-й гвардейской армии 4-го Украинского фронта освободили Никополь.

С потерей Никополя противник, действовавший в этом районе, лишился последнего крупного опорного пункта и оказался перед катастрофой. Бросая оружие, автотранспорт и даже личные вещи, он стремился быстрее пробиться на запад. За узкий коридор, находившийся в руках противника западнее Никополя, развернулись тяжелые бои. 11 февраля противник предпринял сильный контрудар против главной группировки 3-го Украинского фронта с востока и юго-востока в направлении Апостолово. Хотя этот контрудар

удалось отразить, продвижение войск 3-го Украинского фронта к Днепру было задержано.

После ликвидации противника в районе Никополя войска 3-го Украинского фронта силами 37-й армии продолжали вести бои к югу от населенного пункта Веселые Терны. Соединения 46-й армии вышли на рубеж северо-западнее Апостолова, 8-я гвардейская — юго-западнее Апостолова, а 6-я армия — в район Новой Воронцовки. 10 февраля из 4-го Украинского фронта в состав 3-го Украинского фронта была передана 3-я гвардейская армия, но вскоре ее вывели в резерв Ставки ВГК. Одновременно 5-я ударная армия, включенная по предложению Василевского в состав 3-го Украинского фронта, в исключительно трудных условиях форсировала Днепр и овладела плацдармом на его правом берегу в районе северо-западнее Малой Лепетихи. После этого войска 3-го Украинского фронта по решению Василевского были временно остановлены, чтобы подтянуть артиллерию и подвезти боеприпасы.

Утром 17 февраля войска 3-го Украинского фронта возобновили наступление на криворожском направлении. Снегопад и метель затрудняли действия войск, исключили возможность использования авиации. 18 февраля внезапно начавшийся на Днестре ледоход и значительный подъем воды сделали невозможной в ближайшие два-три дня переправу 4-го гвардейского кавалерийского корпуса, сосредоточившегося к югу от Никополя.

Несмотря на сложные погодные условия, войска 3-го Украинского фронта преодолели вражескую оборону и 22 февраля освободили Кривой Рог. К концу февраля они своим правым крылом и центром вышли к р. Ингулец, захватив плацдармы на ее западном берегу. Соединения 5-й ударной армии 26 февраля с плацдарма за Днестром перешли в наступление в юго-западном направлении и к концу вышли на рубеж Большая Александровка, Дудчино.

На этом завершилась Никопольско-Криворожская операция войск 3-го и 4-го Украинских фронтов. Потери противника составили более 40 тыс. человек убитыми и 4600 пленными¹. В ходе операции был ликвидирован Никопольский плацдарм, противник

¹ См.: *Грылев А.Н.* Днепр — Карпаты — Крым. Освобождение Правобережной Украины и Крыма в 1944 году. С. 121.

отброшен из запорожской излучины Днепра за р. Ингулец, стране возвращены Никополь и Кривой Рог. Войска 4-го Украинского фронта получили возможность, не опасаясь удара противника с тыла, готовиться к освобождению Крыма, а 3-й Украинский фронт — к наступлению на николаевско-одесском направлении.

Еще до завершения Никопольско-Криворожской операции Генеральный штаб приступил к разработке планов дальнейших наступательных операций. Маршал Василевский неоднократно беседовал по этим вопросам со Сталиным, маршалом Жуковым и своим заместителем по Генштабу генералом Антоновым, который фактически возглавлял разработку предстоящих операций. Анализ стратегической обстановки на фронте, состояния войск врага, непрерывно возрастающие ресурсы страны позволили сделать вывод о том, что необходимо продолжать наступление четырех Украинских фронтов без оперативной паузы, чтобы одновременными мощными ударами на широком фронте от Полесья до устья Днепра расчленить войска противника и, уничтожив их по частям, завершить освобождение Правобережной Украины. На 1-й Украинский фронт возлагались задачи по развитию наступления в общем направлении на Чортков с целью отрезать пути отхода основным силам группы армий «Юг» на запад. Войска 2-го Украинского фронта должны были нанести удар на Умань и далее к Днестру, 3-й Украинский фронт — на николаевско-одесском направлении и разгромить группу армий «А», а 4-й Украинский фронт — освободить Крым.

В соответствии с намеченным замыслом маршалу Василевскому предстояло одновременно заниматься планированием и подготовкой двух наступательных операций — Березнеговато-Снигиревской и Крымской. Их основные контуры были намечены в его докладе Сталину от 6 февраля¹. В докладе отмечалось, что после ликвидации противника на Никопольском плацдарме целесообразно направить основные усилия войск 4-го Украинского фронта по двум направлениям: первое — на крымском, второе — на николаевском с целью оказать помощь 3-му Украинскому фронту в выходе на Южный Буг. Для решения этих задач Василевский предлагал осуществить пере-

¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВКГ: Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16 (5—4). М.: ТЕРРА, 1999. С. 264—265.

группировку войск 3-го Украинского фронта. В чем же состояла суть данных перегруппировок?

Из 3-й гвардейской армии намечалось передать 6-й армии пять стрелковых дивизий и одну стрелковую бригаду. Ей предстояло нанести вспомогательный удар 3-го Украинского фронта между реками Днепр и Ингулец в общем направлении на Новую Каменку, Снигиревку, свертывая оборону противника по западному берегу Днепра. Управление 5-й ударной армии с четырьмя стрелковыми дивизиями и 2-й гвардейский механизированный корпус намечалось перебросить на Сиваш, передав в распоряжение командующего армией генерала Цветаева находящиеся там шесть стрелковых дивизий 51-й армии. Один стрелковый корпус 5-й ударной армии предусматривалось вывести во фронтовой резерв в район Аскании-Нова для его использования с целью развития Крымской операции. Одновременно Василевский предлагал расформировать 28-ю армию, передав две ее стрелковые дивизии в состав 2-й гвардейской армии и три стрелковые дивизии — 51-й армии. С Никопольского плацдарма для усиления 5-й ударной армии планировалось перебросить на Сиваш 7-ю артиллерийскую дивизию, а в состав 2-й гвардейской армии под Херсон — 26-ю артиллерийскую дивизию. После захвата войсками 3-го Украинского фронта Кривого Рога и Широкого и начала наступления 6-й армии на Снигиревку войска 2-й гвардейской армии должны были форсировать Днепр в районе Херсона, чтобы оттянуть на себя часть сил противника с севера и свернуть его оборону по западному берегу нижнего течения р. Ингулец.

Главную роль в Крымской операции маршал Василевский отводил 5-й ударной армией, усиленной 2-м гвардейским механизированным и 4-м гвардейским кавалерийским корпусами. Она должна была нанести удар на сивашском направлении в целях выхода в тыл ишуньским позициям противника и развития наступления на Джанкой. Это позволяло 51-й армии преодолеть перекопские позиции, выйти на оперативный простор и наступать основными силами на Евпаторию, Саки, а частью сил — на Симферополь с севера. Одновременно 5-я ударная армия из района Джанкой должна была двумя стрелковыми и одним механизированным корпусами наступать на Симферополь через Сарабуз, а одним стрелковым и 4-м гвардейским кавалерийским корпусами — на Феодосию.

К перегруппировке войск Василевский планировал приступить с утра 7 февраля. Учитывая состояние погоды и дорог, он предусматривал завершить ее к 18—19 февраля. Тогда же намечалось начать Крымскую операцию.

7 февраля Сталин утвердил представленный план, внося в него ряд изменений. Из 28-й армии предписывалось три стрелковые дивизии передать не 51-й, а 5-й ударной армии. Эту армию требовалось использовать для действий на херсонском направлении, между реками Днепр и Ингулец. 7-ю артиллерийскую дивизию приказывалось передать на усиление 46-й армии. К проведению Крымской операции следовало приступить после очищения от противника нижнего течения Днепра до Херсона. 6-ю армию после ликвидации никопольской группировки противника приказывалось использовать для действий на николаевском направлении, по западному берегу р. Ингулец¹. Кроме того, 3-й Украинский фронт усиливался 57-й армией из 2-го Украинского фронта.

28 февраля Сталин директивой № 220042 окончательно определил задачи войск 3-го Украинского фронта: «Считать первоочередной и важнейшей задачей 3-го Украинского фронта форсировать р. Ингулец не позднее 2 марта на одном из участков между Шестерня и Бол. Александровка и выдвинуть на западный берег р. Ингулец 6 А и большую часть сил 5 уд. А с целью свернуть оборону противника на нижнем течении р. Ингулец и обрушиться на войска противника, обороняющие Николаев. Левым крылом 5 уд. А наступать между р. Ингулец и р. Днепр»². Войска 28-й армии предписывалось использовать для овладения Херсоном и наступления на николаевском направлении.

С учетом указаний Сталина маршал Василевский внес изменения в план Крымской операции. Теперь главный удар с плацдармов на южном берегу Сиваша в направлении Симферополь, Севастополь предстояло нанести 5-й армии 4-го Украинского фронта. Вспомогательный удар на Перекопском перешейке должна была осуществить 2-я гвардейская армия. *«Почему же мы приняли ре-*

¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВКГ: Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16 (5—4). С. 40.

² Там же. С. 85.

шение нанести главный удар с плацдармов за Сивашом, а не с Перекопа? — пишет Александр Михайлович. — Ведь здесь наши войска ожидали наибольшие трудности и неудобства. Исходили мы из того, что именно здесь главный удар окажется для противника более неожиданным. К тому же удар со стороны Сиваша, в случае его удачи, выводил наши войска в тыл всем укреплениям врага на Перекопе, а следовательно, позволял нам гораздо быстрее вырваться на просторы Крыма. Мы решили ввести здесь в бой 19-й танковый корпус, чтобы как можно быстрее развить успех по прорыву оборонительной полосы врага в направлении Джанкоя и Симферополя. И Ставка Верховного Главнокомандования согласилась с нами. К концу февраля была закончена перегруппировка войск на Сиваш и Перекоп, и командование 51-й и 2-й гвардейской армий приступило к руководству войсками на этих направлениях»¹.

2 марта А.М. Василевский прибыл в штаб 4-го Украинского фронта. С утра 3 марта он вместе с командующим фронтом генералом Ф.И. Толбухиным отправился на Сиваш. Здесь при участии командующих 2-й гвардейской и 51-й армиями генералами Г.Ф. Захаровым и Я.Г. Крейзером была проведена рекогносцировка и рассмотрены основные вопросы, связанные с первым этапом Крымской операции. Особое внимание было уделено организации переправ через Сиваш, переброске по ним 19-го танкового корпуса, их надежному прикрытию и быстрому восстановлению в случае разрушения.

В ночь на 4 марта Василевский доложил Сталину: «Прошедший вчера и сегодня дождь окончательно вывел из рабочего состояния дороги. Весь автотранспорт стоит на дорогах в грязи. С трудом кое-как работают лишь тракторами. От попытки пробраться к Крейзеру на машинах пришлось отказаться, летели на У-2. При таком состоянии дорог начинать операцию нельзя, не сумеем за продвигающимися войсками подать не только пушки и снаряды, но даже продовольствие и кухни. К тому же переправы на Сиваше, разрушенные штормом в последних числах февраля, восстановлением из-за подвоза лесоматериалов задерживаются. На основе

¹ Цит. по: Василевский А.М. Дело всей жизни. С. 376.

всего виденного лично и на основе докладов непосредственных участников в подготовке операции считаю, что Крымскую операцию можно будет начать лишь в период между 15 — 20 марта. Только к этому времени сумеем иметь на Сиваше две серьезные переправы и сумеем подвезти как на Перекоп, так и на Сиваш все необходимое. Прошу вас утвердить указанные сроки. Все указания по подготовке операции дал, и к отработке всех вопросов в армиях с учетом моих указаний приступят немедленно. 4 марта вновь вылетаю к Родионову¹ с тем, чтобы вернуться к Обухову² дней за пять до начала операции. Александров³ »⁴.

В начале марта были внесены коррективы и в план Березнеговато-Снигиревской операции. Ставка ВГК исходила из того, что наибольший успех будет достигнут в полосах наступления 6-й и 5-й ударной армий 3-го Украинского фронта. Однако к началу марта существенного успеха добились войска 46-й и 8-й гвардейской армий, захватившие к западу от Широкого и южнее Кривого Рога значительные плацдармы за р. Ингулец. Поэтому командующий 3-м Украинским фронтом решил для нанесения главного удара использовать именно эти плацдармы. Об этом он доложил маршалу Василевскому, который одобрил решение генерала армии Малиновского. Сообща они выработали следующий замысел действий: силами 46-й и 8-й гвардейской армий нанести главный удар с плацдармов в общем направлении на Новый Буг, а затем развивать наступление по тылам противника, действовавшего восточнее Николаева. В полосе 46-й армии планировался ввод в прорыв 23-го танкового корпуса (102 танка и 16 САУ), а в полосе 8-й гвардейской армии — конно-механизированной группы (4-й гвардейский механизированный, 4-й гвардейский кавалерийский корпуса, 5-я отдельная мотострелковая бригада). Вспомогательные удары предусматривалось нанести силами пяти армий (57, 37, 6, 28-я и 5-я ударная). Авиация 17-й воздушной армии должна была поддерживать наступление 46-й, 8-й гвардейской армий и конно-механизированной группы.

¹ Псевдоним генерала Р.Я. Малиновского.

² Псевдоним генерала Ф.И. Толбухина.

³ Псевдоним маршала А.М. Василевского.

⁴ Цит. по: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. С. 377.

Подготовка наступления проводилась в чрезвычайно сложных условиях весенней распутицы, которая затрудняла перегруппировки войск, подвоз боеприпасов, продовольствия, горючего и других материальных средств. Несмотря на это, к исходу дня 5 марта удалось в основном справиться с этими задачами.

К началу операции 3-й Украинский фронт насчитывал 500 тыс. человек, 9 тыс. орудий и минометов, 372 танка и САУ, 551 боевой самолет. Им противостояли немецкая 6-я и румынская 3-я армии группы армий «А», имевшие 500 тыс. человек, 5350 орудий и минометов, 450 танков и штурмовых орудий, 550 боевых самолетов¹. Таким образом, по живой силе и боевым самолетам соотношение было равным. По орудиям и минометам советские войска превосходили противника в 1,6 раза, но уступали ему в 1,2 раза по танкам и САУ.

Несмотря на то что в ходе подготовки операций Сталин требовал от командующих фронтами обеспечить скрытность перегруппировок войск и других подготовительных мероприятий, противнику удалось получить данные о готовящемся наступлении. Еще 10 февраля в сводке Генерального штаба Сухопутных войск отмечалось: *«Особенно сильная угроза намечается для немецких сил, находящихся между Черным морем и районом р. Припять. Здесь по-прежнему остается главное направление операций советских войск. Решающий успех против группы “Юг” полностью освободил бы противнику путь на Балканы и в Польшу и сделал бы невозможной дальнейшую оборону немцами существующей линии фронта. Поэтому ход настоящих операций на участке группы армий “Юг”, наряду с будущим развертыванием операций на северном фланге немецких войск, решит в первую очередь судьбу всего немецкого восточного фронта в целом»*².

Столь мрачные перспективы вынуждали вражеское командование принимать экстренные меры, чтобы быстрее закрепиться на занимаемых рубежах и удержать за собой оставшиеся районы Правобережной Украины. Полагая, что в условиях все более уси-

¹ См.: Грылев А.Н. Днепр — Карпаты — Крым. Освобождение Правобережной Украины и Крыма в 1944 году. С. 179.

² Там же. С. 126.

ливающейся весенней распутицы советские войска, измотанные в предыдущих боях, в ближайшее время не смогут продолжать широкое наступление, противник рассчитывал использовать ожидаемую передышку для пополнения и приведения в порядок своих потрепанных войск, а также для создания прочной, глубоко эшелонированной обороны. За счет переброски пяти танковых дивизий с уманского направления противник усилил свою группировку в полосе 1-го Украинского фронта. Причем переброска этих соединений осуществлялась настолько искусно, что советская разведка не обнаружила ее, что имело серьезные отрицательные последствия. Кроме того, на левое крыло группы армий «Юг» из резерва ОКХ были переброшены два танковых корпуса и три пехотные дивизии. Однако фон Манштейн считал такие силы недостаточными и просил Гитлера сосредоточить здесь до двух армий в составе 15—20 дивизий. Такой возможности у фюрера не было, а эвакуацию 17-й армии из Крыма он безоговорочно отвергал.

Фон Манштейн, оценивая впоследствии планы Верховного Главнокомандования, писал: «... Не дать русским выйти глубоко во фланг групп армий “Юг” и “А” или к Лембергу (Львов), — в этом состояла оперативная цель, которую ставила перед собой группа армий на период до наступления полной распутицы. При этом необходимо было примириться с возможностью дальнейшего отхода нашего правого фланга, а тем самым и группы армий “А” на запад... Хотя состояние погоды не давало нашей воздушной разведке возможность установить, предпринял ли противник перегруппировку своих сил и где он их сосредоточивает, командование группы армий оценивало обстановку следующим образом. Появившийся впервые перед нашим фронтом Первый Белорусский фронт, очевидно, будет сосредоточивать свои силы для обхода западного фланга группы армий в районе Ровно. Первый Украинский фронт будет наносить удар по обращенному фронтом на север участку по обе стороны от Проскурова, отошедшему теперь к 1-й танковой армии. Второй Украинский фронт, как мы предполагали, возобновит удары по правому флангу 1-й танковой армии и в полосе 8-й армии и, если ему удастся форсировать Буг, продолжит наступление на Черновицы. Третий и Четвертый Украинские фронты будут про-

должать попытки добиться успеха на правом фланге 8-й армии и на участке 6-й армии»¹.

Командующий группой армий «Юг» сумел в целом правильно определить возможные планы советского командования, которое в начале марта предприняло в наступление на огромном фронте от Луцка до устья Днепра.

Войска 1-го Украинского фронта 4 марта приступили к проведению Проскуровско-Черновицкой наступательной операции. На следующий день началось наступление 2-го Украинского фронта, проводившего Уманско-Ботошанскую операцию. Войска 3-го Украинского фронта на рассвете 6 марта приступили к осуществлению Березнеговато-Снигиревской наступательной операции. После артиллерийской и авиационной подготовки соединения 8-й гвардейской армии генерал-полковника В.И. Чуйкова овладели первой позицией обороны противника, который оказал яростное сопротивление. Для наращивания силы удара командующий фронтом по согласованию с маршалом Василевским ввел в сражение конно-механизированную группу генерал-лейтенанта И.А. Плиева. Она совместно со стрелковыми частями сломила вражеское сопротивление и утром 8 марта овладела станцией и городом Новый Буг. В результате была перерезана железная дорога Долинская — Николаев, имевшая большое значение для противника, разорван фронт 6-й армии и созданы условия для глубокого охвата ее правого фланга.

11 марта части 2-го гвардейского механизированного корпуса 3-го Украинского фронта стремительным ударом захватили Берислав. Конно-механизированная группа, развивая успех, в течение двух дней перехватила пути отхода врага на запад, и вышла к р. Ингулец южнее Снигиревки. Одновременно войска 6-й, 5-й ударной и 28-й армий теснили части 6-й армии противника с востока и юга. 13 марта соединения 28-й армии освободили Херсон. Войска центра и левого крыла 3-го Украинского фронта 16—20 марта вышли к Южному Бугу, а части 46-й армии форсировали реку в районе Троицкого. На правом крыле фронта соединения 57-й и 37-й армий, прорвав оборону врага, освободили Долинскую, Бобринец и Вознесенск.

¹ Цит. по: Манштейн Э. Утерянные победы. С. 640.

В результате ударов войск 3-го Украинского фронта с востока, севера, запада и юга группировка противника (до 10 дивизий), действовавшая перед левым крылом фронта в районе Березнеговатое, Снигиревка, оказалась под угрозой полного окружения и уничтожения. В ходе Березнеговато-Снигиревской операции были разгромлены 9 дивизий противника, который потерял свыше 50 тыс. человек, в том числе 13,6 тыс. пленными¹. Управления корпусных групп «Бехтольсхайм», «Кирхнер», «Эдельсхайм», 125-я пехотная дивизия были расформированы. Шесть дивизий (9-я танковая, 15, 294, 302, 304 и 335-я пехотные) потеряли половину численности и почти все тяжелое вооружение. 16-я моторизованная дивизия лишилась двух третей своего состава. Командующий 6-й армией генерал Холлидт 20 марта был снят с должности, а на его место назначен генерал З. Хейнрици. Войска 3-го Украинского фронта продвинулись на 140 км, освободили значительную территорию Правобережной Украины между реками Ингулец и Южный Буг и заняли выгодное положение для проведения в последующем Одесской операции. В то же время из-за неудачного распределения сил и ведения наступления в сложных метеоусловиях полностью достичь целей операции не удалось.

В ходе Березнеговато-Снигиревской операции Сталин 9 и 10 марта обсудил с маршалами Жуковым, Василевским, Коневым и генералом армии Малиновским планы дальнейших действий Украинских фронтов. В результате было принято решение силами 1-го Украинского фронта форсировать с ходу Днепр, нанести удар на Черновцы и выйти на государственную границу СССР. После овладения рубежом Берестечко, Броды, Городище, Бучач войскам фронта предстояло продолжать наступление, овладеть районом Львов, Перемышль и выйти правым крылом на р. Западный Буг, то есть также на государственную границу. 2-му Украинскому фронту предписывалось преследовать отходящего противника, не дать ему возможности организовать оборону на р. Южный Буг и овладеть рубежом Муровано-Куриловцы, Могилев-Подольский, р. Днестр, захватив на этой реке переправы. В последующем войскам фронта приказывалось овладеть районом Бельцы, Кишинев и выйти на

¹ См.: *Дайнес В.О.* Советские ударные армии в бою. М.: Яуза; Эксмо, 2009. С. 641.

р. Прут, также на государственную границу СССР. От 3-го Украинского фронта требовалось после овладения городами Николаев и Херсон развивать наступление на Тирасполь, Одессу, а затем выйти на р. Прут и северный берег р. Дунай, то есть на госграницу Советского Союза¹. С целью не позволить группе армий «Центр» оказать помощь группе армий «Юг» войскам 2-го Белорусского фронта следовало в ближайшие дни начать наступление на Ковель и Брест.

Исходя из намеченных задач, маршал Василевский совместно с командующим 3-м Украинским фронтом разработал план Одесской операции, который 19 марта был представлен Сталину. Его суть заключалась в том, чтобы силами четырех правифланговых армий (57, 37, 46-я и 8-я гвардейская), конно-механизированной группы и 23-го танкового корпуса нанести главный удар в полосе Вознесенск, Новая Одесса на Жовтень, станцию Сербка, Тирасполь, Раздельную в охват с северо-запада черноморского побережья и Одессы. Вспомогательный удар предусматривалось нанести 6-й и 5-й ударной армиями в общем направлении Николаев, Нечаянное, Одесса. Одновременно Василевский просили Сталин помочь фронту артиллерийскими тягачами, танками и истребительной авиацией и ускорить прибытие личного состава на пополнение частей.

Сталин утвердил представленный план, приказав незамедлительно начать подготовку Одесской операции. Он обещал усилить фронт только танками и тягачами.

К этому времени войска 2-го Украинского фронта маршала Конева в полосе шириной 200 км вышли к Днестру, с ходу форсировали реку и овладели плацдармом юго-восточнее Могилев-Подольского. Эти действия создали реальную угрозу как для 1-й танковой армии противника, так и для группы армий «А», остановившей войска 3-го Украинского фронта на р. Южный Буг. Сталин, ошибочно полагая, что для окружения 1-й танковой армии вполне хватит сил 1-го Украинского фронта, приказал 2-му Украинскому фронту оказать содействие войскам 3-го Украинского фронта. В соответствии с директивой Ставки ВГК от 22 марта армиям маршала Конева предстояло наступать вдоль обоих берегов Днестра к Черному морю,

¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16 (5—4). С. 57—59.

не допустить отхода группы армий «А» за Днестр и вместе с 3-м Украинским фронтом окружить и разгромить противника. Одновременно правым крылом 2-го Украинского фронта приказывалось овладеть Кишиневом и выйти на р. Прут¹.

Противник, стремясь остановить наступление советских войск, оборудовал в глубине обороны рубежи по рекам Тилигул, Большой Куяльник, Малый Куяльник, Днестр. Большое внимание было уделено укреплению подступов к Одессе. На направлении предстоящего наступления войск 3-го Украинского фронта находились немецкая 6-я и румынская 3-я армии группы армий «А», которой командовал генерал-фельдмаршал Э. Клейст. Они имели 350 тыс. человек, около 3200 орудий и минометов, 160 танков и штурмовых орудий. На этом направлении противник мог использовать до 550 боевых самолетов немецкого 1-го авиационного корпуса 4-го воздушного флота и румынского авиационного корпуса².

Войска 3-го Украинского фронта насчитывали 470 тыс. человек, 12 678 орудий и минометов (без 50-мм), 435 танков и САУ, 436 боевых самолетов. Они превосходили противника в 1,3 раза в живой силе, в 2,7 — в танках и САУ, в 4 раза — в орудиях и минометах, уступая ему в количестве боевых самолетов в 1,3 раза. Соединения и части фронта испытывали затруднения в снабжении материально-техническими средствами, так как распутица ограничивала их подвоз. Учитывая опыт предыдущих операций, маршал Василевский обратил внимание командующих фронтом и армиями на повышение подвижности войск с целью быстрого обхода узлов сопротивления и опорных пунктов врага, выхода им в тыл и захвата важных узлов дорог, переправ и мостов на реках. Для решения этих задач привлекались 23-й танковый корпус и конно-механизированная группа генерала И.А. Плиева (4-й гвардейский механизированный, 4-й гвардейский кавалерийский корпуса). Кроме того, в каждой дивизии создавался подвижный передовой отряд в составе до роты автоматчиков, взвода саперов на автомашинах, с одним-двумя 45-мм орудиями или самоходно-артиллерийскими установками.

¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944 — 1945. Т. 16 (5—4). С. 60—61.

² См.: Грылев А.Н. Днепр — Карпаты — Крым. Освобождение Правобережной Украины и Крыма в 1944 году. С. 190.

В связи с тем, что распутица затруднила подвоз боеприпасов, горючего и продовольствия, войска 3-го Украинского фронта смогли перейти в наступление только 26 марта. К исходу дня 28 марта соединения 37-й и 57-й армий, преодолевая упорное сопротивление противника, расширили плацдарм на правом берегу Южного Буга до 45 км по фронту и от 4 до 25 км в глубину. Одновременно войска 5-й ударной, 6-й и 28-й армий после тяжелых боев освободили г. Николаев. К утру 29 марта части 5-й ударной армии форсировали Южный Буг в районе Варваровки и овладели этим населенным пунктом. В полосе 2-го Украинского фронта его правофланговые армии форсировали Прут и заняли ближние подступы к Яссам и Кишиневу.

Разгром противника в районе Николаева, а также успешное наступление 37-й и 57-й армий с плацдармов у Константиновки и Вознесенска поставили под угрозу оба фланга 6-й армии противника. Ее войска были вынуждены начать поспешный отход по всему фронту. По отходящим колоннам противника массированные удары наносила авиация 17-й воздушной армии. Одновременно часть сил армии прикрывала переправу 23-го танкового корпуса и конно-механизированной группы через Южный Буг в районе Александровки.

С целью развития успеха на правом крыле 3-го Украинского фронта генерал армии Малиновский решил внести коррективы в план операции. Об этом он доложил маршалу Василевскому:

— Я предлагаю конно-механизированную группу и 23-й танковый корпус, сосредоточенные в районе северо-восточнее Новой Одессы, в полосе 46-й армии, незамедлительно перегруппировать в полосу 57-й и 37-й армий. Здесь планирую ввести их в прорыв и наступать в общем направлении на станцию Раздельная и Тираполь.

Маршал Василевский одобрил решение командующего фронтом. После этого Александр Михайлович утром 29 марта выехал в Кривой Рог, где по указанию Сталина встретился с представителем Ставки маршалом Ворошиловым, чтобы обсудить вопросы взаимодействия войск 4-го Украинского фронта и Отдельной Приморской армии на первых этапах Крымской операции.

Войска 4-го Украинского фронта и Отдельной Приморской армии насчитывали около 470 тыс. человек, 5982 орудия и миномета, 559 танков и САУ, 1250 самолетов¹. Противник (немецкая 17-я армия) имел примерно 200 тыс. солдат и офицеров, около 3600 орудий и минометов, 215 танков и штурмовых орудий и 148 самолетов². Кроме того, командующий армией мог использовать часть сил авиации, находившейся на аэродромах в Румынии и Молдавии.

Следовательно, советские войска превосходили противника по живой силе в 2,4 раза, по орудиям и минометам — в 1,7, по танкам и САУ — в 2,6, по самолетам — в 8,4 раза. Кроме того, враг располагал на Черном море, в портах Румынии и в Крыму, значительными силами флота, в том числе 7 эсминцами и миноносцами, 14 подводными лодками, 28 торпедными катерами.

Основные силы 17-й армии находились в северной части Крыма. На Керченском полуострове оборонялись 73-я, 98-я пехотные дивизии и 191-я бригада штурмовых орудий, входившие в состав немецкого 5-го армейского корпуса, а также румынские 6-я кавалерийская и 3-я горнострелковая дивизии. На побережье Крыма оборону держали румынские 1-я и 2-я горнострелковые и 9-я кавалерийская дивизии. Противник опирался на заблаговременно созданную и сильно укрепленную оборону. На Перекопском перешейке она состояла из трех оборонительных полос общей глубиной до 35 км. Первая полоса проходила по линии Ишуньского рубежа, а вторая — по р. Чатырлык. На южном берегу Сиваша были созданы две, а местами и три оборонительные полосы. На Керченском полуострове на всю его глубину были построены четыре оборонительные полосы.

Наличие столь мощной обороны противника вызвали у маршала Ворошилова сомнения в возможности выполнения задач, поставленных перед 4-м Украинским фронтом. Об этом он заявил маршалу Василевскому во время новой встречи. Ворошилов также предложил дальнейшее обсуждение плана операции в целом и увязку действий войск фронта с Отдельной Приморской армией продолжить 30 марта в Мелитополе с привлечением командования 4-го Украинского фронта.

¹ См.: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. С. 379.

² Там же. С. 375.

Тем временем войска 37-й и 57-й армии 3-го Украинского фронта вышли к р. Тилигул. Утром 30 марта 23-й танковый корпус (57 танков и 24 САУ) и конно-механизированная группа (124 танка и 20 САУ), переправившись на западный берег Южного Буга, стали продвигаться за 37-й и 57-й армиями. На левом крыле 3-го Украинского фронта, вдоль побережья Черного моря, успешно наступали соединения 5-й ударной армии. Части 1-го гвардейского укрепленного района, передовой отряд 295-й стрелковой дивизии этой армии и десантная группа Черноморского флота комбинированным ударом с суши и с моря освободили Очаков.

В день освобождения Очакова маршалы Василевский и Ворошилов встретились на станции Мелитополь. Здесь же находились командующий 4-м Украинским фронтом генерал Ф.И. Толбухин, член военного совета фронта генерал Н.Е. Субботин, начальник штаба фронта генерал С.С. Бирюзов и командующий 8-й воздушной армией генерал Т.Т. Хрюкин. Маршал Ворошилов был подробно ознакомлен с планом проведения операции войсками фронта. В свою очередь, Ворошилов сообщил о плане действий Отдельной Приморской армии. Ей предстояло прорвать оборону противника севернее Керчи, уничтожить по частям керченскую группировку врага, не позволив ему отойти на Ак-Монайские позиции, и развить в дальнейшем удар на Симферополь, Севастополь, а частью сил — вдоль южного берега Крымского полуострова. После этого Ворошилов спросил Толбухина:

— Федор Иванович, достаточно ли вы и ваш штаб знаете противника, с которым придется иметь дело? Способен ли ваш фронт имеющимися силами выполнить поставленные задачи? Дело это не простое. Войска Отдельной Приморской армии, имея значительное превосходство в силах над противником, неоднократно пытались прорвать вражескую оборону на керченском направлении, но успеха не имели. Уверен, что и вам, с вашими силами не удастся это, и вы подведете Ставку.

Слова Ворошилова оказали магическое воздействие на Толбухина и его начальника штаба. Они в один голос заявили, что действительно сил мало и было бы куда лучше, если бы их добавили. Василевского это встревожило.

— Я удивлен вашими сомнениями, — сказал Александр Михайлович. — Ведь все расчеты, на которых строился утвержденный Ставкой план операции, исходили не только от меня, но и прежде всего от вас. При представлении этого плана в Ставку, да и по сей день уверенность в успехе операции у вас была полная. Чем же объяснить изменение вашего отношения к плану операции?

Ворошилов, не дав высказаться Толбухину, заявил:

— Я не позволю вводить в заблуждение Ставку, и вынужден буду доложить ей о своих сомнениях и сомнениях командования фронтом. Предлагаю и вам Александр Михайлович присоединиться к моему мнению.

— Уважаемый Климент Ефремович, ваши сомнения в успехе операции, считаю, совершенно необоснованными и напрасными, а потому не буду ставить о них в известность Ставку и просить у нее дополнительные силы. Если товарищ Толбухин отказывается от ранее принятого решения на проведение операции, то я готов прямо отсюда доложить Ставке об этом и просить не изменять утвержденного плана операции и сроков для ее проведения, а возложить на меня непосредственное ее проведение и командование войсками 4-го Украинского фронта.

Такое заявление подействовало не только на Толбухина, но и на Ворошилова. Он сказал, что не будет вмешиваться в действия 4-го Украинского фронта, а выскажет свои опасения в примечании к донесению в Ставку, хотя и от этого потом отказался. После этого дальнейшее обсуждение протекало в конструктивном духе. Все сошлись во мнении, что необходимо согласованными ударами войск 4-го Украинского фронта из района Перекопа и Сиваша и Отдельной Приморской армии с Керченского плацдарма в общем направлении на Симферополь, Севастополь расчленить и уничтожить группировку врага, не допустив ее эвакуацию из Крыма.

31 марта Василевский и Ворошилов направили Сталину доклад следующего содержания:

«30 марта в Мелитополе совместно с военсоветом 4-го Украинского фронта обсудили вопросы, связанные с проведением Крымской операции.»

1. Считаю необходимым принятие решительных мер по организации настоящей блокады Крыма, которая воспрепятствовала бы

переброске войск и материальных ресурсов как в Крым, так и обратно. Для этой цели необходимо немедленно усилить авиагруппу Черноморского флота в Скадовске, которая в данный момент вместе с авиацией прикрытия составляет меньше 100 самолетов и при этом слабо обеспеченных транспортными средствами и горючим. Блокаду Крыма в настоящее время считать важнейшей задачей для Черноморского флота. Поэтому из имеющихся в распоряжении Черноморского флота более 500 самолетов необходимо довести авиацию Скадовска до 250—300 самолетов. Кроме того, для этой же цели следовало бы теперь перебросить до 10 подлодок в город Николаев. По этим вопросам просим указаний наркому Кузнецову.

2. 4-й Украинский фронт полностью подготовлен к выполнению задачи. Выпал глубокий снег, который вывел аэродромы из строя, а частые метели и туманы исключают возможность проведения нормальной работы артиллерии. Если погода позволит, то 4-й Украинский фронт начнет операцию не позднее 5 апреля 1944 года. На керченском направлении предлагаем начать через 2—3 дня после начала Перекопской операции. Просим утверждения»¹.

Сталин утвердил представленный план. Позже, 11 апреля, он поставил задачу Черноморскому флоту поддержать наступление сухопутных войск на приморских флангах и приступить к нанесению ударов по коммуникациям противника². Азовская военная флотилия должна была оказать содействие наступлению Отдельной Приморской армии.

В ночь на 31 марта самолетом А.М. Василевский вернулся из Мелитополя на 3-й Украинский фронт, войска которого продолжали успешное наступление. Гитлер был недоволен действиями командующего группой армий «А» генерал-фельдмаршала Клейста. 30 марта он был снят с должности и уволен в запас. Группу армий возглавил генерал Ф. Шернер³. Он, пытаясь предотвратить окружения своих войск, принимал все меры к тому, чтобы задержать наступление войск 37-й и 57-й армий, 23-го танкового корпуса и

¹ Цит. по: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. С. 378—379.

² См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944 — 1945. Т. 16 (5—4). С. 72—73.

³ 5 апреля 1944 г. группа армий «А» была переименована в группу армий «Южная Украина».

конно-механизированной группы на рубеже р. Тилигул. Несмотря на упорное сопротивление противника, войска 37-й армии и конно-механизированной группы 31 марта форсировали реку и сбили противника с высот правого берега. 4 апреля конно-механизированная группа овладела станцией Раздельная, перерезав железную дорогу, связывавшую Одессу с Тирасполем. В результате группировка противника была рассечена на две части. Соединения 30-го и 52-го армейских корпусов 6-й армии под ударами 37-й и 57-й армий и 23-го танкового корпуса отходили к Тирасполю. Части 29, 44 и 72-го корпусов 6-й армии и румынский 3-й армейский корпус охватывались войсками 3-го Украинского фронта с севера и северо-запада и прижимались к Одессе. 5 апреля конно-механизированная группа вышла к Страсбургу, оттеснив за Днестр в районе Беляевки часть сил 29-го армейского корпуса (бригада штурмовых орудий, два танковых батальона).

Генерал Шернер снова вынужден был принимать меры к тому, чтобы не допустить окружения своих войск, теперь уже в районе Одессы. Во второй половине дня 5 апреля и в ночь на 6 апреля в район к юго-востоку от Раздельной были подтянуты пять дивизий (3-я горнострелковая, 17, 258, 294 и 335-я пехотные), которые возглавил командир 29-го армейского корпуса. К северо-западу от Раздельной сосредоточивались 97-я легкопехотная и 257-я пехотная дивизии 30-го армейского корпуса. Обе эти группировки должны были нанести удар навстречу друг другу в направлении Раздельной и соединиться. Частям 29-го армейского корпуса удалось потеснить соединения 82-го стрелкового корпуса 37-й армии и соединиться со своими войсками, действовавшими северо-западнее Раздельной. Однако во второй половине 7 апреля войска 37-й армии нанесли поражение прорвавшейся группировке врага и расчленили ее две части. Дивизиям 29-го армейского корпуса удалось соединиться со своими войсками, отходящими на Тирасполь, а части 44-го армейского корпуса снова были отброшены к югу и юго-востоку от Раздельной.

Маршал Василевский, изучая обстановку в полосе 3-го Украинского фронта, обратил внимание на то, что противник может воспользоваться переправами через Днестр в селах Маяки и Беляевка и уйти на территорию Румынии.

— Родион Яковлевич, — обратился Василевский к командующему фронтом генералу Малиновскому, — надо послать к переправам конно-механизированную группу Плиева, чтобы она с ходу захватила Маяки и Беляевку.

— А в Беляевке, как доложил мне начальник разведки, — сказал Малиновский, — расположена водопроводная станция с огромной водонапорной башней. Вся Одесса получает из Беляевки пресную воду. Станцию и башню немцы могут взорвать.

Командующий фронтом срочно связался по радио со штабом Плиева. На месте генерала не оказалось, и приказ Малиновский отдал через начальника штаба.

— Будет сделано, товарищ командующий, Маяки и Беляевку возьмем! — громко ответил начальник штаба.

По решению генерала Плиева был сформирован отборный, прекрасно вооруженный передовой отряд казаков с танками. Он получил приказ обойти Беляевку с севера, по береговому плесу выйти к водонапорной станции и внезапным налетом захватить ее. Части 9-й гвардейской кавалерийской дивизии должны были атаковать Беляевку с севера, а 30-я кавалерийская дивизия — с востока¹.

Передовому отряду удалось незаметно пересечь дорогу Яски — Беляевка и по болоту, разлившемуся вдоль западной окраины города, выйти к водокачке. Территория ее была обнесена высоким деревянным забором, поверху которого тянулась колючая проволока. Казаки проникли во двор вплавь по Днестру, быстро сняли охрану и захватили все важнейшие пункты. Вскоре было освобождено и село Маяки.

Генерал Малиновский тут же доложил Василевскому:

— Оба села, Беляевка и Маяки, кавалеристами генерала Плиева захвачены! Дать бы надо Героя Плиеву. Как вы считаете?

Маршал Василевский молча достал из папки листок бумаги и написал на нем текст телеграммы: *«Генералу Плиеву. По-прежнему обязан благодарить вас и ваши войска за победу. Ваша дальнейшая задача: внезапной атакой с тыла овладеть Одессой, после чего группа будет выведена в резерв для пополнения и заслуженного отдыха. Возбуждаю ходатайство перед правительством о при-*

¹ См.: Плиев И.А. Разгром «армии мстителей». Орджоникидзе: Северо-осетинское книжное издательство, 1967. С. 197.

своении вам лично звания Героя Советского Союза. Уверен, что вы это и в дальнейшем, безусловно, оправдаете. Желаю вашим войскам и вам лично дальнейших успехов на благо нашей социалистической Родины. 8.4.44 г. Василевский»¹.

16 апреля 1944 г. генерал-лейтенанту И.А. Плиеву Указом Президиума Верховного Совета СССР было присвоено звание Героя Советского Союза.

Войска центра и левого крыла 3-го Украинского фронта, развивая успех, все ближе подходили к Одессе, которую обороняли 72-й корпус особого назначения и часть сил 44-го армейского корпуса 6-й армии. Всего в районе Одессы действовало более шести вражеских дивизий и большое количество отдельных частей. При организации обороны города противник использовал оборонительные сооружения, оставшиеся еще с осени 1941 г. Многочисленные балки, овраги, залитые водой, и лиманы сильно затрудняли действия войск фронта.

К вечеру 9 апреля в районе Одессы сложилась следующая обстановка. Конно-механизированная группа, захватив Беляевку и Маяки, вела тяжелые бои в этом районе, отражая удары отходящих из-под Одессы частей противника. 10-я гвардейская кавалерийская дивизия заняла Скуры и завязала бои за Овидиополь. 8-я гвардейская армия, обходя Одессу с северо-запада, главными силами вышла на рубеж Фрейденталь, Петерсталь, Дальник. Соединения 6-й армии вышли на подступы к Одессе с северо-запада и вели бои на рубеже Дальник, Усатово, Куяльник. Войска 5-й ударной армии в шесть часов вечера 9 апреля овладели станциями Сортировочная, Куяльник, Пересыпь, а в 10 часов ворвались в северную часть Одессы. Таким образом, противник в районе Одессы оказался в условиях почти полного окружения. Только в районе Овидиополя оставался путь для отхода вражеских частей с последующей переправой через Днестровский лиман. Сюда и двинулась основная часть тылов, а затем и войск одесской группировки противника. Одновременно крупные силы пехоты пытались пробиться к переправам через Днестр в районе Беляевки. По отходящим тыловым

¹ Цит. по: *Золототрубов А.М. Василевский: Жезл маршала: Роман/ А.М. Золототрубов. М.: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2002. С. 404.*

колоннам, вражеским судам в порту наносила удары авиация 17-й воздушной армии.

В ночь на 10 апреля войска 8-й гвардейской, 6-й и 5-й ударной армий после короткой артиллерийской подготовки атаковали противника в Одессе. Соединения 8-й гвардейской армии ворвались в западную часть города, а части 6-й и 5-й ударной армий теснили врага с севера и северо-запада. К 10 часам утра Одесса была полностью в руках советских войск. При освобождении Одессы значительную помощь советским войскам оказали партизанские отряды под командованием С.И. Дроздова, Е.П. Баркалова, К.А. Тимофеева, А.Ф. Горбеля и Н.А. Крылевского.

Сталин, получив известие об освобождении Одессы, сразу же позвонил Василевскому:

— Товарищ Василевский, поздравляю вас с высокой наградой Родины. За умелое выполнение заданий Верховного Главнокомандования по руководству боевыми операциями большого масштаба, в результате которых достигнуты выдающиеся успехи в деле разгрома немецко-фашистских захватчиков вы награждены орденом «Победа» за № 2. Орден за № 1 получил ваш друг маршал Жуков. Теперь вам предстоит сосредоточить все внимание на освобождение Крыма, не забывая при этом о 3-м Украинском фронте.

Среди тех, кто поздравил Василевского с высокой наградой, был и маршал Шапошников. *«Дорогой Борис Михайлович! Благодарю Вас за поздравление, — писал Василевский ему в ответ. — Успешное выполнение мною заданий Верховного Главнокомандования, а следовательно, и мое исключительно высокое награждение являются в значительной мере результатом долголетней работы под Вашим непосредственным руководством. От души желаю Вам здоровья. Благодарный Вам А. Василевский»*¹.

Войска 3-го Украинского фронта, продолжая преследование противника, 11—14 апреля вышли к Днестру, освободили Тирасполь и, с ходу форсировав реку, захватили ряд плацдармов, в том числе Кицканский. На этом рубеже они по приказу Ставки ВГК перешли к обороне. В результате успешного завершения Одесской операции войска фронта нанесли тяжелое поражение

¹ Цит. по: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. С. 366.

немецкой 6-й и румынской 3-й армиям, продвинулись на 180 км, освободили Николаевскую и Одесскую области и значительную часть Молдавии. Черноморский флот получил возможность перебазировать в северо-западный район бассейна Черного моря легкие силы флота и авиацию, что создавало угрозу изоляции с моря крымской группировки противника, блокированной советскими войсками с суши.

При обсуждении с генералом Малиновским плана дальнейших действий войск 3-го Украинского фронта маршал Василевский сказал:

— Я считаю, что главный удар надо нанести правифланговыми армиями — 57-й, 37-й, 6-й, 5-й ударной и 46-й в общем направлении от Тирасполя на Кагул. Конно-механизированную группу генерала Плиева необходимо ввести в сражение для развития успеха на главном направлении на Комрат и далее к югу и юго-западу, на основных путях отхода противника. 8-я гвардейская армия должна форсировать Днестр у Беляевки и Аккермана, нанести вспомогательный удар вдоль Черноморского побережья на Татарбунары с выходом на Дунай у Вилкова. Начало форсирования Днестра всем фронтом наметим на 18 — 20 апреля. А пока соединения 57-й, 37-й и 46-й армий должны продолжать борьбу за расширение плацдарма на правом берегу реки.

Генерал Малиновский полностью поддержал замысел Василевского. По поручению Александра Михайловича он представил план операции в Ставку ВГК. После его рассмотрения в Генштабе план был утвержден Сталиным.

Маршал Василевский, завершив работу в штабе 3-го Украинского фронта, рано утром 11 апреля вылетел на 4-й Украинский фронт. Его войска еще 8 апреля приступили к проведению Крымской операции. По прибытию в штаб фронта Василевский сразу же ознакомился с обстановкой. Войска 51-й армии генерала Я.Г. Крейзера, наносившие удар с плацдарма на южном берегу Сиваша; после двухдневных ожесточенных боев прорвали вражескую оборону, и вышли во фланг перекопской группировки противника. Соединения 2-й гвардейской армии генерала Г.Ф. Захарова освободили Армянск. Войска Отдельной Приморской армии генерала А.И. Ере-

менно к этому времени полностью освободили Керчь и начали выдвижение к промежуточным рубежам обороны противника между Арабатским и Феодосийским заливами.

Задача по прикрытию трех переправ через Сивашский залив, по которым осуществлялась переброска войск и снабжение 51-й армии, была возложена на 3-й истребительный авиационный корпус, которым командовал генерал Е.Я. Савицкий. Маршал Василевский вызвал к прямому проводу командира корпуса:

— Здравствуйте, Евгений Яковлевич! Прошу вас доложить, как выполняется задача, поставленная корпусу?

— Товарищ маршал, летчики корпуса ведут непрерывное барражирование над переправами, надежно прикрывают их и наземные войска с воздуха, осуществляют ночные бомбоштурмовые удары по аэродромам противника.

— А как у вас с питанием? Чем кормите летчиков?

— Питание наладилось. Сложнее обстоит дело с боеприпасами, не хватает осколочно-фугасных, зажигательных и светящихся бомб.

— Товарищ Савицкий, я удовлетворен нашим разговором. С обеспечением боеприпасами помогу. Меня обнадеживает ваш оптимизм и ваша уверенность в успешном выполнении поставленной задачи. Но хочу напомнить: ни одна из переправ через Сиваш не должна быть разбита. Уничтожение переправ практически сорвало бы срок выполнения наступательной операции. Милый мой Евгений Яковлевич, если вы не выполните эту задачу и переправы окажутся разрушены, вы будете преданы суду военного трибунала. До свидания. Желаю вам удачи.

Маршал авиации Е.Я. Савицкий, вспоминая об этом разговоре, писал: *«Все это было мне понятно. Но вот фраза, которую избрал Василевский, чтобы максимально акцентировать свою мысль, произвела на меня неизгладимое впечатление. Выразительнее и доходчивее не скажешь... Контраст чисто человеческой доброжелательности с вынужденной жесткостью отвечавшего за исход операции военачальника оказался настолько разительным, настолько ошеломляющим, что и без того хорошо известная мне истина о чрезвычайной важности сохранения сивашских переправ*

как бы обрела вновь силу первоначальной свежести, будто я только что ее впервые услышал»¹.

С утра 11 апреля по указанию маршала Василевского в полосе 51-й армии в прорыв был введен 19-й танковый корпус. Его части стремительным ударом овладели Джанкоем и стали развивать наступление на Симферополь. Однако под Перекопом враг оказывал 2-й гвардейской армии генерала Г.Ф. Захарова упорное сопротивление. Василевский, посоветовавшись с Толбухиным, решил с целью захвата 13 апреля Симферополя создать подвижную группу в составе 19-го танкового корпуса, усиленного 279-й стрелковой дивизией на автомашинах и 21-й истребительно-противотанковой артиллерийской бригадой. Командующим группой был назначен заместитель командующего 51-й армией генерал-майор В.Н. Разуваев. Кроме того, было решено боковым отрядом 51-й армии не позднее 12 апреля во взаимодействии с основными силами армии разгромить ишуньскую группировку врага, зайдя в тыл его войскам, оборонявшимся на Перекопе.

12 апреля Василевский выехал на правое крыло 51-й армии, чтобы помочь ее войскам возможно быстрее пробиться навстречу соединениям 2-й гвардейской армии. В течение дня войска 4-го Украинского фронта прорвали Ишуньские позиции восточнее Каркинитского залива, Ак-Монаяские позиции у основания Арабатской Стрелки и Биюк-Онларские позиции в центре Крыма. Теперь наступление пошло развернутым фронтом: 2-я гвардейская армия шла западным берегом Крымского полуострова, на Евпаторию; 51-я армия — через степи прямо на Симферополь; Отдельная Приморская армия — через Феодосию южным берегом Крыма, где в горах перешли к активным действиям партизанские соединения. Авиация Черноморского флота наносили удары по морским коммуникациям противника и скоплениям его войск и кораблей в Судаке, Алуште и Балаклаве.

13 апреля войска 2-й гвардейской армии освободили Евпаторию, 51-я армия — Симферополь, а Отдельная Приморская армия — Феодосию. На следующий день 19-й танковый корпус с передовым отрядом 2-й гвардейской армии занял Бахчисарай, 15-го — совместно с Отдельной Приморской армией — Алушту, а подвижные

¹ Цит. по: *Савицкий Е.Я.* Полвека с небом. М., 1988. С. 127—128.

части 51-й армии вышли к внешнему оборонительному обводу Севастополя. Маршал Василевский вместе с генералом Толбухиным в эти дни побывал в войсках 2-й гвардейской и 51-й армий. Изучив обстановку они решили, до подхода войск Отдельной Приморской армии с юга к Балаклаве, начать штурм Севастопольского оборонительного района врага в два часа дня 16 апреля, поддерживав его всей фронтовой артиллерией. В Сарабуз, где теперь располагался штаб 4-го Украинского фронта, приехал Ворошилов. Вместе с ним Василевский и Толбухин обсудили вопросы взаимодействия войск фронта и Отдельной Приморской армии, а также об ее подчинении командующему 4-м Украинским фронтом. Этот вопрос Сталин и Василевский по телефону рассматривали еще 11 апреля. Командующий Отдельной Приморской армией генерал Еременко должен был возглавить 2-й Прибалтийский фронт вместо генерала Попова, которого решено было назначить начальником штаба Ленинградского фронта. В ночь на 16 апреля была получена соответствующая директива за № 220078¹.

16 апреля из Крыма был отозван маршал Ворошилов. На следующий день Василевский и Толбухин выехали во 2-ю гвардейскую, а затем в 51-ю армию. Изучив обстановку, Александр Михайлович вечером доложил Сталину:

«По показанию пленных, эвакуация живой силы противника из Севастополя планируется в первую очередь, после чего, если обстановка позволит, приступят к эвакуации техники. Пленные румынские офицеры говорят, что в вопросах последовательной эвакуации между румынскими и немецкими частями происходят большие недоразумения, сопровождающиеся в последние дни огнем. В течение ночи и утра 19.IV принимаем все меры к тому, чтобы подвезти 51-й и Приморской армиям до 1 боекомплекта снарядов и мин. Главные усилия по-прежнему сосредоточиваем на юге со стороны Балаклавы с тем, чтобы отрезать Севастополь от моря с юга и юго-запада. Кроме того, ударом Крейзера на гору Сахарная Головка и Гайтани стремимся выйти в Инкерманскую долину с тем, чтобы взять под огонь орудий прямой наводки Северную бухту и изолировать войска противника, обороняющиеся

¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16 (5—4). С. 73.

к северу от нее. Главные усилия штурмовой авиации сосредотачиваются на балаклавском направлении, сюда же подтягивается и 19-й танковый корпус, имеющий к вечеру 18.IV сто машин на ходу. “Бостоны”¹ и пикировщики будут использованы для ударов по севастопольским портам и по транспортам, выходящим из них. Для борьбы с транспортами в открытом море привлечена Скадовская авиационная группа, по докладу которой за сегодняшний день потоплен транспорт водоизмещением в 5000 т и один транспорт поврежден»².

По решению Василевского главный удар по Севастополю наносился силами левого фланга 51-й армии и Приморской армии, а вспомогательный — 2-й гвардейской армией.

Во второй половине дня 19 апреля войска 4-го Украинского фронта предприняли попытку прорвать основной оборонительный рубеж Севастопольского укрепрайона, но успеха не имели. С целью избежать напрасных потерь Василевский и Толбухин приняли решение, правда, не совсем охотно утвержденное Сталиным, перенести генеральный штурм Севастополя на 23 апреля.

В указанный срок войска 4-го Украинского фронта снова перешли в наступление. В ходе упорных боев соединения Приморской армии сумели продвинуться всего на 3 км. Наличие сплошных минных полей не позволило ввести в сражение 19-й танковый корпус. Войска 2-й гвардейской армии заняли железнодорожную станцию Мекензиевы Горы, а 51-й армии — на отдельных направлениях сумели ворваться в оборону противника, захватив две-три траншеи. Снова пришлось провести перегруппировку и подготовку войск, проработать вопросы взаимодействия между ними, осуществить подвоз боеприпасов и горючего. Василевский, учтя опыт предыдущих боев, решил 30 апреля нанести удар на вспомогательном направлении силами 2-й гвардейской армии с вводом в сражение 13-го гвардейского стрелкового корпуса через Мекензиевы Горы, выйти к Северной бухте и отвлечь сюда часть вражеских сил, действовавших в южном секторе. Удар этой армии должна была поддержать вся авиация фронта. Во всех стрелковых соединениях

¹ Американский бомбардировщик «Дуглас» А-20 «Хэвок» /ДБ-7 Бостон. Его модификация А-20G поставлялась в СССР.

² Цит. по: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. С. 383—384.

на направлении главного удара армии предписывалось создать и подготовить штурмовые блокирующие группы в составе пехоты, саперов, огнеметных танков и орудий сопровождения. В течение 29 и в ночь на 30 апреля артиллерии большой мощности и 152-мм пушкам-гаубицам огнем на разрушение вскрытых оборонительных сооружений противника предстояло подготовить штурм пехоты и танков. Перед рассветом 30 апреля намечалось нанести по боевым порядкам врага удары авиацией дальнего действия. С утра 1 мая планировалось силами войск Приморской армии и левого фланга 51-й армий нанести главный удар в общем направлении на поселок 6-я Верста и мыс Херсонес, обходя Севастополь с юга. Для их поддержки привлекались основные средства усиления фронта и авиация.

Сталин, которому Василевский доложил свое решение, одобрил его. Но когда речь зашла о новой отсрочке наступления, он вышел из равновесия.

— Сроки наступления откладывать не разрешаю!

— Тогда я не гарантирую успех операции! — заявил Василевский. — К началу наступления необходимо иметь не менее полутора боевого комплекта снарядов и мин для 2-й гвардейской армии, а для остальных армий — два с половиной комплекта.

— Согласен, но какие вы предлагаете установить сроки?

— По нашим расчетам, 5 мая перейдут в наступление войска 2-й гвардейской армии на вспомогательном направлении, а 7-го начнем генеральный штурм Севастополя.

— Хорошо! — одобрил Сталин.

Маршал Василевский и командующий 4-м Украинским фронтом, получив добро на новые сроки наступления, приняли меры к тому, чтобы провести в жизнь мероприятия, изложенные в докладе Сталину. Одновременно со всем командным составом была проведена рекогносцировка местности, отработаны все вопросы, касавшиеся выполнения ближайших задач.

5 мая войска 2-й гвардейской армии перешли в наступление. Это вынудило командующего 17-й армией перебросить против нее части и соединения с других направлений. Этим воспользовалась ударная группировка 4-го Украинского фронта, которая 7 мая начала наступление. Утром 9 мая войска 4-го Украинского фронта,

нанеся согласованные удары по противнику с севера, востока и юго-востока, освободили Севастополь. Остатки 17-й армии противника, преследуемые 19-м танковым корпусом, отошли на мыс Херсонес, где 12 мая были окончательно разгромлены.

В результате Крымской операции был освобожден Крым, Черноморский флот получил свою главную военно-морскую базу. Противник потерял более 100 тыс. человек, в том числе 53 тыс. пленными. Кроме того, с 3 по 13 мая в море погибло 42 тыс. немецких солдат и офицеров¹. Потери советских войск составили: безвозвратные — 17 754 человека; санитарные — 67 065 человек².

После освобождения Севастополя Василевский решил осмотреть город. Переезжая через одну из траншей в районе Мекензиевых Гор, автомашина маршала наскочила на мину. *«Каким образом там уцелела мина, невозможно понять: за двое суток по этой дороге прошла не одна сотня машин, — пишет Александр Михайлович. — Произошел невероятный случай: мотор и передние колеса взрывной волной были отброшены от кузова на несколько метров в сторону, шоферу лейтенанту В.Б. Смирнову повредило левую ногу. Я сидел рядом с ним в кабине и получил весьма ощутимый ушиб головы. Мелкие осколки стекла поранили мне лицо. Сопровождавшие меня А.А. Кияницкий, А.И. Гриненко и П.Г. Копылов, сидевшие сзади, не пострадали. После перевязки нас отправили в тыловой эшелон штаба армии, затем в штаб фронта. Оттуда я, по настоянию медиков, самолетом был эвакуирован в Москву»³.*

Глава 8. ОПЕРАЦИЯ «БАГРАТИОН»

В своих мемуарах А.М. Василевский пишет, что к разработке планов летней кампании 1944 г. и Белорусской стратегической наступательной операции Генштаб вплотную приступил с апреля. И.В. Сталин полагал целесообразным начать наступление силами

¹ См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. М., 1964. Т. 4. С. 454.

² См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 294.

³ Цит. по: Василевский А.М. Дело всей жизни. С. 389.

1-го Украинского фронта, чтобы еще глубже охватить белорусскую группировку и оттянуть туда резервы противника с центрального направления. Генерал А.И. Антонов и маршал Г.К. Жуков, в свою очередь, предлагали начать наступление с севера, а затем провести операцию против группы армий «Центр».

Сталин несколько раз вызывал в Москву маршалов Жукова и Василевского, неоднократно говорил с ними об отдельных деталях кампании. Основные задачи Красной Армии были сформулированы в первомайском приказе Верховного Главнокомандующего. Их суть состояла в том, чтобы завершить изгнание оккупантов с советской территории, восстановить государственную границу СССР на всем протяжении, вывести из войны на стороне Германии европейских союзников и освободить из немецкой неволи поляков, чехов, словаков и другие народы Западной Европы¹. С этой целью предстояло подготовить и последовательно провести серию стратегических наступательных операций на огромном пространстве от Заполярья до Черного моря. На первом этапе кампании (июнь — август) планировалось нанести мощные удары и поочередно разгромить крупные группировки противника: вначале на Карельском перешейке и в Южной Карелии, затем на центральном участке фронта, в Белоруссии, и после этого — в западных областях Украины на львовско-сандомирском направлении. На втором этапе (сентябрь — ноябрь) предусматривалось проведение операций на Балканах, в Прибалтике и на Крайнем Севере.

Это были так называемые «десять сталинских ударов», в которых предстояло участвовать войскам всех 12 существовавших в то время фронтов, Северному, Балтийскому и Черноморскому флотам, а также ряду речных и озерных военных флотилий.

К 14 мая разработка плана летней кампании и Белорусской операции была завершена. 20 мая его скрепил своей подписью генерал армии Антонов и представил Сталину. План был обсужден 25 мая на совещании в Ставке с участием Сталина, маршалов Жукова, Василевского, главного маршала артиллерии Воронова, главного

¹ См.: *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1953. С. 145—146.

маршала авиации Новикова, генералов Антонова и Штеменко¹. На следующий день состоялось расширенное заседание с приглашением командующих и членов военных советов 1-го Прибалтийского, 1-го, 2-го, 3-го Белорусских фронтов, начальника Главного артиллерийского управления маршала артиллерии Н.Д. Яковлева, начальника тыла Красной Армии генерал-полковника А.В. Хрулева, командующего бронетанковыми и механизированными войсками маршала бронетанковых войск Я.Н. Федоренко.

В ходе совещания была окончательно сформулирована цель Белорусской операции — окружить и уничтожить в районе Минска крупные силы группы армий «Центр». Одновременно были заслушаны решения командующих фронтами. Сталин согласился с доводами командующих 1-м и 3-м Белорусскими фронтами о нанесении на каждом из фронтов по два главных удара. 30 мая он утвердил план Белорусской операции, получившей кодовое наименование «Багратион», которую решено было начать 19—20 июня. К операции привлекались войска 1-го Прибалтийского, 1-го, 2-го и 3-го Белорусских фронтов, Днепровская военная флотилия, 1, 3, 4, 6 и 16-я воздушные армии, авиация Дальнего действия и войск ПВО страны. Они насчитывали более 2,4 млн человек, 36 тыс. орудий и минометов, 5,2 тыс. танков и САУ, 6807 самолетов². С войсками тесно взаимодействовали партизанские отряды и соединения.

На маршала Василевского была возложена координация действий 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов, а на маршала Жукова — 1-го и 2-го Белорусских фронтов.

А.М. Василевский, оценивая план операции «Багратион», писал: *«Он был прост и в то же время смел и грандиозен. Простота его заключалась в том, что в его основу было положено решение использовать выгодную для нас конфигурацию советско-германского фронта на белорусском театре военных действий, причем мы заведомо знали, что эти фланговые направления являются наиболее*

¹ В некоторых источниках говорится об обсуждении плана кампании 22 и 23 мая 1944 г. Однако в журнале посещений Сталина в его кремлевском кабинете это не зафиксировано.

² См.: Великая Отечественная война. 1941—1945. Военно-исторические очерки. Кн. Освобождение. М.: Наука, 1999. С. 58.

опасными для врага, следовательно, и наиболее защищенными. Смелость замысла вытекала из стремления, не боясь контрпланов противника, нанести решающий для всей летней кампании удар в одном стратегическом направлении. О грандиозности замысла свидетельствует его исключительно важное военно-политическое значение для дальнейшего хода Второй мировой войны, невиданный размах, а также количество одновременно или последовательно предусмотренных планом и, казалось бы, самостоятельных, но вместе с тем тесно связанных между собой фронтовых операций, направленных к достижению общих военно-стратегических задач и политических целей»¹.

С целью дезинформации противника фронтам было приказано создать не менее трех оборонительных рубежей на глубину до 40 км, населенные пункты подготовить к круговой обороне. Фронтные, армейские и дивизионные газеты публиковали материалы по оборонительной тематике. В результате внимание противника в значительной степени было отвлечено от готовившегося наступления. В войсках строго соблюдался режим радиомолчания, а к разработке плана операции привлекался узкий круг лиц. В полном объеме план операции «Багратион» знали только шесть человек: Сталин, Жуков, Василевский, Антонов, начальник Оперативного управления и один из его заместителей. Перегруппировка войск проводилась с соблюдением всех мер маскировки, только в ночное время и небольшими группами. Для того чтобы создать у противника впечатление, что главный удар будет нанесен летом на юге, по указанию Сталина на правом крыле 3-го Украинского фронта, севернее Кишинева, была создана ложная группировка в составе 9 стрелковых дивизий, усиленных танками и артиллерией. В этом районе устанавливались макеты танков и орудий зенитной артиллерии, а в воздухе патрулировали истребители.

В итоге противнику не удалось ни вскрыть замысел советского Верховного Главнокомандования, ни масштаб предстоящего наступления, ни направление главного удара. Поэтому Гитлер из 34 танковых и механизированных дивизий 24 дивизии держал южнее Полесья.

¹ Цит. по: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. С. 395.

Освобождение Белоруссии возможно было только при условии уничтожения такой крупной группировки противника, как группа армий «Центр». Она вместе с правофланговыми соединениями 16-й армии группы армий «Север» и левофланговыми частями 4-й танковой армии группы армий «Северная Украина» насчитывала 1,2 млн человек, 9,5 тыс. орудий и минометов, 900 танков и штурмовых орудий. Их поддерживали около 1350 самолетов 6-го и части сил 1-го и 4-го воздушных флотов¹. Главные силы были сосредоточены в районах Полоцка, Витебска, Орши, Могилева, Бобруйска и Ковеля, на наиболее доступных для наступления направлениях. Заранее подготовленная эшелонированная оборона глубиной до 250 — 270 км должна была способствовать выполнению основной задачи — прочно удерживать Белорусский выступ, или, как его называл противник, «балкон», по которому проходили кратчайшие пути к границам Германии.

В ночь на 31 мая Сталин, Жуков, Василевский и Антонов отработали частные директивы и указания фронтам, конкретные задачи на первый этап операции². Они легли в основу плана Витебско-Оршанской операции, являвшейся составной частью операции «Багратион».

4 июня в 16 часов маршал Василевский прибыл в штаб 3-го Белорусского фронта, располагавшийся в лесу вблизи городка Красное Смоленской области. Там заранее был подготовлен пункт управления с соответствующими средствами связи, обеспечивавший Василевскому постоянную и падежную телефонную, телеграфную и радиосвязь со Ставкой, Генеральным штабом и всеми командующими фронтами и армиями. Вместе с Василевским прибыли заместитель командующего артиллерией Красной Армии генерал-полковник М.Н. Чистяков, заместитель командующего ВВС генерал-полковник авиации Ф.Я. Фалалеев и группа офицеров Генштаба под руководством состоявшим при Василевском генералом для поручений генерал-лейтенантом М.М. Потаповым.

¹ См.: История Второй мировой войны 1939—1945. В 12-ти т. М.: Воениздат, 1978. Т. 9. С. 41—47.

² См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16(5—4). С. 94—95.

Командующий 3-м Белорусским фронтом генерал-полковник И.Д. Черняховский доложил Василевскому окончательный вариант плана операции:

— Товарищ маршал, оперативное построение войск фронта решил иметь в два эшелона. В первом эшелоне — четыре общевойсковые армии (39, 5, 31-я и 11-я гвардейская), во втором — конно-механизированная группа и 5-я гвардейская танковая армия. Замысел состоит в том, чтобы силами правого крыла 3-го Белорусского (5-я, 39-я армии, конно-механизированная группа) и ударной группировкой 1-го Прибалтийского (6-я гвардейская, 43-я армии, 1-й танковый корпус) прорвать оборону противника северо-западнее и южнее Витебска, форсировать Западную Двину, окружить и уничтожить витебскую группировку 3-й танковой армии, а на внешнем фронте окружения развивать наступление на Лепель и Сенно. Одновременно войска левого крыла 3-го Белорусского фронта (11-я гвардейская, 31-я армии, 2-й гвардейский танковый корпус) наносят фронтальный удар с целью разгромить соединения немецкой 4-й армии в районе Орши и овладеть городом. Танковую армию планирую ввести в сражение, в зависимости от развития обстановки, после прорыва армейского рубежа обороны противника на направлениях Орша, Борисов или Лиозно, Богушевск, а конно-механизированную группу — с выходом пехоты на рубеж реки Лучеса — в направлении Лиозно, Богушевск.

— Товарищ Черняховский, почему вы решили ввести в сражение танковую армию после прорыва армейского рубежа обороны противника? — спросил Василевский.

— Такое решение продиктовано стремлением сохранить ударную силу подвижной группы фронта для успешных действий в глубине обороны группы армий «Центр».

— Какова ширина участков прорыва в армиях и какими силами вы намечаете его осуществить? — задал новый вопрос Василевский.

— Общая ширина участков прорыва обороны противника составляет 33 км, или почти 24 % от общей ширины полосы, занимаемой войсками фронта. Войска 39-й армии прорывают оборону на участке шириной 6 км, 31-я армия — около 7 км, а 5-я и 11-я гвардейские армии — по 10 км каждая. В трех армиях (39-я,

31-я, 11-я гвардейская) созданы ударные группы в составе двух стрелковых корпусов и одной танковой бригады, а в 5-й армии — дополнительно еще одна танковая бригада.

— Какие артиллерийские и танковые средства сосредоточены на армейских участках прорыва?

— С целью обеспечения успешного прорыва вражеской обороны привлекаются 5764 орудия и миномета, 1466 танков и САУ, что составляет примерно 80 % от общего их количества. Это позволяет создать следующую плотность на 1 км фронта прорыва — до 175 стволов и 44 единицы бронетехники.

Маршал Василевский одобрил решение Черняховского. 5 июня они рассмотрели планы операций 31-й и 39-й армий. Командующий 39-й армией генерал И.И. Людников доложил, что войска к наступлению готовы и способны успешно решить возложенную на них задачу. Маршал Василевский, утвердив решения командующих 31-й и 39-й армиями, утром следующего дня вместе с Черняховским выехал в 5-ю армию генерала Н.И. Крылова. Они детально проанализировали планы командующего и начальников родов войск армии. Особое внимание было уделено вопросам использования артиллерии и взаимодействия действий пехоты, танков, артиллерии и авиации.

В ночь на 7 июня маршал Василевский доложил Сталину, что подготовка войск в 3-м Белорусском фронте проходит в сроки, установленные планом. На рассвете 8 июня Василевский вместе с генералами Чистяковым и Фалалеевым перелетел на командный пункт 1-го Прибалтийского фронта. Здесь они заслушали доклады командующего фронтом генерала армии Баграмяна, начальника штаба, начальников родов войск и члена военного совета фронта о ходе подготовки к операции и ее материальном обеспечении.

— Задачи, поставленные войскам 1-го Прибалтийского фронта, — докладывал Баграмян, — решил выполнить в три этапа. Первый этап — прорыв обороны противника на 25-километровом участке от населенного пункта Болотовка до Тошника в стыке групп армий «Север» и «Центр» на всю глубину тактической зоны. Второй — ввод в прорыв в направлении на Бешенковичи танкового корпуса, форсирование с ходу Западной Двины, захват на ее левом берегу плацдармов, окружение и уничтожение во взаимодействии

с 39-й армией 3-го Белорусского фронта витебской группировки противника. Третий — форсирование реки Улла, разгром полоцкой и лепельской группировок противника и овладение городами Полоцк, Лепель и Камень.

— Какими силами и средствами вы намереваетесь осуществить прорыв обороны противника? — спросил Василевский.

— Прорыв вражеской обороны решил осуществить силами четырех стрелковых корпуса 6-й гвардейской армии, двух корпусов 43-й армии и одного танкового корпуса при поддержке 3-й воздушной армии. На участке прорыва сосредоточено 3760 орудий и минометов из 4900 имевшихся во фронте, а также 535 танков и самоходно-артиллерийских установок из 687. Всего на участке прорыва, составляющем по протяженности лишь седьмую часть всей полосы действий фронта, сосредоточено три четверти стрелковых дивизий, все танковые и самоходно-артиллерийские части и 90% артиллерии. В результате мы имеем превосходство над противником в личном составе в 3 раза, а в артиллерии, танках и авиации — в 3,6 раза.

Маршал Василевский одобрил решение командующего фронтом. Он обратил его внимание на то, что основная часть артиллерии, может отстать при подходе стрелковых и танковых частей к реке, а потому надо тщательно подготовить бомбардировочную и штурмовую авиацию к обеспечению форсирования и удержанию захваченных плацдармов.

После этого маршал Василевский выехал в 43-ю армию. Здесь он ознакомился с ходом перегруппировки, сосредоточения войск, с боевой подготовкой, решением командарма генерала А.П. Белобородова на наступление. В 6-й гвардейской армии Василевский детально изучал оборону противника, заслушал и утвердил решение командарма генерала И.М. Чистякова.

В ночь на 9 июня в очередном донесении Верховному Главнокомандующему Василевский сообщил, что подготовка к операции на 1-м Прибалтийском фронте идет успешно. Затем он и сопровождавшие его офицеры и генералы вернулись на 3-й Белорусский фронт. Отдохнув, Александр Михайлович в сопровождении Черняховского приехал в 11-ю гвардейскую армию. Заслушав решение и основные соображения командарма Галицкого и командиров

корпусов по проведению операции, Василевский внес некоторые коррективы и дал дополнительные указания. Он предложил сместить направление наступления правофлангового 16-го гвардейского стрелкового корпуса в первый день несколько южнее — на Выдрицу, чтобы таким образом вспомогательный удар сблизить с главным в глубине обороны противника. Посоветовал также нарастить наступление частей 152-го полевого укрепленного района ударом 11-й гвардейской стрелковой дивизии, чтобы совместно с соседом — 5-й армией — быстрее окружить и разгромить в районе западнее Бабиновичи 256-ю пехотную дивизию¹. Василевский, обеспокоенный задержкой с подвозом войск, позвонил начальнику Главного организационного управления Генштаба генералу А.Г. Карпоносову и предложил ему прибыть на фронт.

После этого Василевский отправился на передний край 88-й стрелковой дивизии. С помощью стереотрубы внимательно осмотрел оборону противника на направлении, где предполагалось нанести главный удар. Заслушав решение командиров 8-го и 36-го гвардейских стрелковых корпусов на наступление, дал ряд практических советов по обеспечению прорыва вражеской обороны. И снова в путь. На сей раз в 3-й гвардейский механизированный Сталинградский и 3-й гвардейский кавалерийский корпуса, который были объединены в конно-механизированную группу. Василевский довел до командиров корпусов задачи, подчеркнув, что им придется действовать в значительном отрыве от основных сил фронта.

11 июня Василевский, воспользовавшись приездом генерала Карпоносова, занимался решением вопросов железнодорожных перевозок. Подготовив письмо в Наркомат путей сообщения с просьбой закончить перевозки (с учетом прибытия войск 5-й гвардейской танковой армии) не позднее 18 июня, отправил его с Карпоносовым.

12 июня Василевский и Черняховский снова проверяли готовность войск 5-й и 39-й армий, а затем приняли прибывшего на фронт командующего 5-й гвардейской танковой армией маршала бронетанковых войск П.А. Ротмистра. Вместе с ним тщательно от-

¹ См.: *Галицкий К.Н.* Годы суровых испытаний 1941 — 1944 (Записки командующего армией). М., 1973. С. 472.

работали вопросы о месте и сроках сосредоточения войск армии, рекогносцировке возможных направлений ее действий.

Маршал Василевский остался доволен работой командующего 3-м Белорусским фронтом, ибо сам рекомендовал Черняховского на эту должность. *«Я всячески старался помочь Черняховскому, — отмечал Александр Михайлович, — чтобы его 3-й Белорусский фронт, игравший наряду с 1-м Белорусским фронтом Рокоссовского главную роль при осуществлении операции “Багратион”, оказался на высоте. В ночь на 14 июня я писал в докладе Верховному: “Подготовка к выполнению Вашего задания идет полным ходом, с отработкой мельчайших деталей. Наличные войска к указанному Вами сроку, безусловно, будут готовы. Уверенность в успехе у всех полная. По-прежнему опасения за своевременный подход по железной дороге 4-й и 15-й артиллерийских бригад, кавалерийского корпуса Осиковского, боеприпасов, горючего и соединений Ротмистрова... Еще раз докладываю, что окончательный срок начала всецело зависит от работы железных дорог, мы со своей стороны сделали и делаем все, чтобы выдержать установленные Вами сроки”»¹.*

Василевский, будучи в полной уверенности за готовность войск Черняховского, во второй половине дня 14 июня вместе с Чистяковым и Фалалеевым перелетел снова на 1-й Прибалтийский фронт. Здесь они работали в 6-й гвардейской, 43-й и 3-й воздушной армиях. *«Представитель Ставки в деталях ознакомился с ходом перегруппировки, сосредоточения войск и их боевой подготовки, с обеспечением частей боеприпасами, с оценкой обстановки в полосе армии и нашим решением на наступление, — вспоминал генерал армии А.П. Белобородов, командовавший тогда 43-й армией. — Его особенно интересовали вопросы использования танков, артиллерии и их инженерного обеспечения, организации взаимодействия с соседними армиями и авиацией фронта. Тов. Василевский выразил удовлетворение подготовкой войск к операции и дал ряд указаний»².*

Вечером 16 июня Василевский докладывал Сталину: *«Хорошее впечатление производит новый командарм 43-й Белобородов. От-*

¹ Цит. по: Василевский А.М. Дело всей жизни. С. 404.

² Цит. по: Полки идут на запад. М., 1964. С. 105.

лично работают присланные с юга на фронт командиры корпусов Васильев и Ручкин. Дал указание сохранить за Васильевым, переведенным с гвардейского на негвардейский корпус, гвардейский оклад. Прошу санкционировать мое распоряжение и дать соответствующие указания тов. Хрулеву. Подготовка войск обоих фронтов идет вполне нормально, и, если погода позволит, к выполнению задания приступим строго в намеченный Вами срок. По-прежнему несколько нервирует работа железных дорог и вызывает опасения в своевременном сосредоточении некоторых из предназначенных фронтов войск, а также в подаче некоторых видов снабжения, хотя все необходимое для начала операции будем иметь на месте»¹.

Сталин, получив донесение, позвонил Василевскому и спросил, не смог бы он без особого ущерба для выполняемого задания прибыть на два-три дня в Москву. Василевский ответил утвердительно и уже днем 17 июня был в столице. Вечером Сталин принял Василевского и Антонова². Верховный заслушал доклад Александра Михайловича о подготовке войск 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов к операции «Багратион». Особое внимание Сталин обратил на использование 5-й гвардейской танковой армии на 3-м Белорусском фронте.

— Товарищ Сталин, на оршанско-борисовском направлении против 11-й гвардейской армии оборона врага в инженерном отношении развита гораздо сильнее, чем на участке 5-й армии, да и группировка войск противника там значительно плотнее, — сказал Василевский. — Поэтому оршанское направление для ввода танковой армии в прорыв считаю менее перспективным, чем богушевско-борисовское.

— Хорошо. Временно основным направлением ввода танковой армии в прорыв будем считать оршанско-борисовское, как кратчайшее и по характеру местности наиболее удобное для маневра. Окончательное решение примем в первые дни операции. Танковая армия пока останется в резерве Ставки, а в нужный момент вы,

¹ Цит. по: Василевский А.М. Дело всей жизни. С. 405—406.

² В журнале посещений И.В. Сталина в его кремлевском кабинете эта встреча не зафиксирована, а потому мы полагаемся на воспоминания А.М. Василевского.

как представитель Ставки, дадите указание о передаче ее фронту. В любом случае основная задача танковой армии — быстрый выход на Березину, захват переправ и освобождение города Борисова.

В дни пребывания Василевского в Москве Жуков попросил у Сталина разрешения начать операцию 1-го Белорусского фронта не 23-го, а на день позже. Сталин поинтересовался мнением Александра Михайловича на сей счет. Он, обсудив по аппарату ВЧ с командующими 3-м Белорусским и 1-м Прибалтийским фронтами просьбу Жукова, доложил Верховному, что считает такое предложение для обоих фронтов целесообразным. Оно позволяло в ночь на 23 июня, перед началом операции 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов, использовать здесь авиацию дальнего действия, направленную 1-му Белорусскому фронту. Сталин согласился с этим и обещал сообщить Василевскому окончательное решение после разговора с Жуковым.

В ночь на 20 июня партизанские отряды, действовавшие в Белоруссии, приступили к операции по массовому подрыву рельсов, уничтожив за три дня 40 865 рельсов¹. Бывший начальник транспортного управления группы армий «Центр» Г. Теске отмечал: *«Молниеносно проведенная в эту ночь крупная операция партизанских отрядов вызвала в отдельных местах полную остановку железнодорожного движения на всех важнейших коммуникациях, ведущих к районам прорыва»*².

20 июня маршал Василевский вернулся на КП генерала Черняховского. На следующий день они вместе с командующим 1-й воздушной армией проверили готовность авиации, провели совещание с командирами авиакорпусов, дивизий и начальниками политотделов соединений. По телефону Василевский обговорил с Жуковым порядок привлечения в ночь на 23 июня основной массы авиации дальнего действия в полосе 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов. Вечером от Рокоссовского к Василевскому прибыл заместитель командующего авиацией дальнего действия генерал Н.С. Скрипко, находившийся на 1-м Белорусском фронте. Василев-

¹ См.: Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.) Жуковский; М.: Кучково поле, 2001. С. 267.

² *Jeske H. Partisanen gegen die Eisenbahn // Wehrwissenschaftliche Rundschau, 1953. Hf. 10. S. 475.*

ский согласовал с ним задачи, которые должна будет выполнить авиация в интересах 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов.

21 июня около часа дня Василевский докладывал Сталину:

«Подготовка войск Батурина¹ и Чернова² к выполнению Вашего задания заканчивается. Сегодня в ночь войска выдвигаются в исходное положение. В ночь с 21 на 22 и в течение 22.06 на всех участках будет произведена тщательная разведка боем. В ночь на 23.06 разведку повторим. При благоприятной погоде наступление начнем в строго назначенный Вами срок.

В связи с тем, что Румянцев³ нуждается в дополнительных сутках, это позволит нам использовать всю авиацию Голованова в ночь перед наступлением на участках Батурина и в основном Чернова, за исключением, конечно, авиации, предназначенной для действий на фронте Зорина⁴. Все эти вопросы сегодня спланировал со Скрипко, хотя от Жарова⁵ санкции еще не имею.

В ночь перед началом действий Румянцева вся авиация Голованова может и должна быть использована на фронте Румянцева.

Оперативные перевозки к Чернову должны быть закончены к утру 21.06. Хуже с подачей снабженческих поездов, хотя условия сейчас уже более благоприятны. НКПС и ЦУПВОСО все же в этом отношении остаются неповоротливыми.

Неясен вопрос с авиадивизией Ту-2, по сообщению т. Новикова, она прибудет лишь 23.06, причем по прибытии поступит в распоряжение Новикова, тогда как я, согласно Вашим указаниям, на первые дни планировал ее у себя и главным образом для помощи Батурину, который не имеет ни одного бомбардировщика.

С утра 21.06 приглашал к себе Новикова, чтобы договориться по всем этим вопросам.

Если будут недоразумения — доложу Вам»⁶.

¹ Псевдоним генерала И.Х. Баграмяна.

² Псевдоним генерала И.Д. Черняховского.

³ Псевдоним генерала К.К. Рокоссовского.

⁴ Псевдоним генерала Г.Ф. Захарова.

⁵ Псевдоним маршала Г.К. Жукова.

⁶ Цит. по: Маршал Василевский: Москва в жизни и судьбе полководца (исторические очерки, воспоминания, документы)/Сост. В.А. Афанасьев, А.Н. Пономарев. М.: Издательство Главного архивного управления города Москвы, 2008. С. 263.

22 июня, как и планировалось, во всей полосе 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов была проведена разведка боем силами передовых батальонов. Они на ряде участков вклинились в оборону врага от 1,5 до 8 км и вынудили его ввести в сражение дивизионные и частично корпусные резервы. Упорное сопротивление противника передовые батальоны встретили на оршанском направлении. Командующий 4-й армией доложил командующему группой армий «Центр» генерал-фельдмаршалу фон Бушу, что советские войска атаквали крупными силами позиции в направлении Орши. Не имея точных данных и переоценив силы 3-го Белорусского фронта, командующий армией допустил непоправимую ошибку. Из штаба 3-й танковой армией поступило сообщение, что на витебском направлении успешно отбита атака советских войск. Исходя из этого, фон Буш продолжал считать главным направление Орша, Минск. Он исключал возможность наступления крупных сил русских на богушевском направлении, в условиях болотистой местности и множества озер, и основное внимание сосредоточил на Минском шоссе. Командующему 4-й армией приказывалось ввести в бой резервы дивизий и остановить продвижение войск 3-го Белорусского фронта на Оршу. Фон Буш еще не догадывался, что Василевский и Черняховский ввели его в заблуждение, выдав разведку боем за начало общего наступления, чтобы раскрыть систему огня обороны противника.

В ночь на 23 июня погода резко изменилась. Все дни стояла сухая, жаркая погода, а тут прошел сильный дождь. Утром по сигналу красных ракет залпы «катюш» оповестили о начале артиллерийской подготовки. Противник, приняв проведенную накануне разведку боем за общее наступление, выдвинул резервы в тактическую зону обороны, подставив этим свои войска под удар артиллерии и авиации 3-го Белорусского фронта. Ударная группировка, состоящая из основных сил 11-й гвардейской и 31-й армий, встретила на оршанском направлении ожесточенное сопротивление врага, занимающего глубоко эшелонированную оборону с долговременными сооружениями. За день боя соединения 11-й гвардейской армии продвинулись всего на 2 км и только на стыке с 5-й армией — до 8 км. Войска 31-й армии отражали контратаки 78-й штурмовой и

25-й моторизованной дивизий и смогли преодолеть вражескую оборону лишь на глубину около 2 км.

Маршал Василевский выехал в 11-ю гвардейскую армию, чтобы разобраться в обстановке на месте. После возвращения на командно-наблюдательный пункт фронта, он сказал Черняховскому:

— Галицкому нужно помочь. Завтра Рокоссовский южнее нанесет сокрушительный удар. Ввод в сражение 5-й гвардейской танковой армии в полосе наступления армии Галицкого, считаю, достаточно обоснованным. Так и буду докладывать Сталину.

— Галицкому окажем максимальную помощь. На оршанское направление перенацеливаю основную массу штурмовой и бомбардировочной авиации, — ответил Иван Данилович. — Полагаю, что с утра 11-я гвардейская армия завершит прорыв тактической зоны.

Черняховский, отдав соответствующие распоряжения командующим артиллерией фронта и воздушной армией на подавление противника, приказал Галицкому силами 31-й гвардейской стрелковой дивизии к утру выйти на шоссе Орша — Витебск. Вскоре части дивизии, действовавшие на вспомогательном направлении, расширили прорыв по фронту до трех и в глубину до 8 км. В результате в полосе наступления 11-й гвардейской армии обозначился успех. С утра 24 июня ее войска после ожесточенных боев преодолели болота и вышли к тыловому оборонительному рубежу противника, прикрывавшего рокадное шоссе Витебск — Орша. Стремительно действовали и войска 39-й армии генерала И.И. Людникова, которые к часу дня перерезали железную дорогу Витебск — Орша в районе станции Замосточье.

Как же оценивал ход событий противник? Эрнст фон Буш вынужден был признать: *«Крупное наступление северо-западнее Витебска означало... полную внезапность, так как до сих пор мы не предполагали, что противник мог сосредоточить перед нами такие крупные силы»*¹.

Успешно развивались события и в полосе наступления 5-й армии на богушевском направлении. Во время разведки боем передовые

¹Цит. по: Хаунт В. Сражения группы армий «Центр». Взгляд офицера вермахта. М.: Яуза; Эксмо, 2006. С. 311.

батальоны форсировали речку Суходровка и заняли оборону на ее крутом противоположном берегу. Ночью через водную преграду были переправлены главные силы дивизии.

Командующий 5-й армией генерал Крылов, заручившись на это согласием Черняховского, начал атаку позже других армий. Это ввело в заблуждение командира 6-го армейского корпуса генерала артиллерии Пфайфера, который сообщил в штаб 3-й танковой армии, что на его участке сравнительное затишье. Командующий армией решил снять резервы с участка 6-го армейского корпуса, чтобы использовать их на других направлениях. И тут генерал Крылов приказал начать артиллерийскую и авиационную подготовку. Она длилась всего 35 минут. После этого стрелковые части, вплотную прижимаясь к огневому валу, поддерживаемые танками и авиацией, стремительно атаковали противника. К исходу дня 24 июня войска 5-й армии овладели шестью линиями траншей и вечером вышли к р. Лучеса, прорвав вражескую оборону на глубину до 12 км.

В полдень 24 июня соединения 6-й гвардейской армии 1-го Прибалтийского фронта форсировали Западную Двину и захватили плацдарм на ее противоположном берегу. Василевский, получив информацию об этом, позвонил генералу армии Баграмяну. Выслушав его доклад о положении войск, сказал:

— Учтите, Иван Христофорович, сейчас важнее всего успеть переправиться через Западную Двину правофланговыми соединениями 43-й армии генерала Белобородова. Именно от этого будет зависеть исход окружения витебской группировки. Соединения 39-й армии уже обошли Витебск с юго-востока и устремились на Гнездиловичи. Мы имеем сведения, что немецкое командование уже второй раз обратилось к Гитлеру с просьбой разрешить отход из витебского мешка, пока советские войска не завязали его. Но не Гитлер, а мы должны решить судьбу этой группировки. В любом случае нужно не выпустить противника. Это зависит от быстрых действий войск 43-й армии. Окажите ей помощь и добейтесь, чтобы она не позже исхода завтрашнего дня не только была на том берегу, но и соединилась с войсками 39-й армии.

Генерал армии Баграмян сразу же связался с командующим 43-й армией. Изложив Белобородову суть разговора с Василев-

ским, он предупредил его, что завтра в первой половине дня необходимо соединиться с войсками 39-й армии и замкнуть кольцо окружения вокруг витебской группировки. Командарм заверил, что назавтра его войска выйдут в район Гнездиловичей навстречу 39-й армии.

Генерал Белобородов сдержал свое слово. 25 июня соединения 43-й армии форсировали Западную Двину, а к исходу дня вышли в район Гнездиловичей и установили непосредственную связь с вышедшими сюда войсками 39-й армии, часть сил которой ворвалась в Витебск с востока. Пять дивизий 3-й танковой армии противника были окружены и одновременно рассечены на части. Баграмян приказал Белобородову оставить для участия в ликвидации окруженного противника часть войск армии, а главными силами развивать успех в направлении Лепеля. Василевский, одобрив это решение, потребовал вести наступление на запад ударной группировкой фронта, не давать противнику использовать подходившие из глубины резервы для организации прочной обороны в полосе многочисленных озер и болотистых речушек на линии Полоцк, Лепель.

В полосе 5-й армии 3-го Белорусского фронта утром 25 июня в сражение была введена конно-механизированная группа генерал-лейтенанта Н.С. Осликовского. К часу дня сопротивление противника было сломлено и войска 5-й армии вышли к Богушевску, являвшегося узлом, связывающим оборону Орши и Витебска, и как бы замком всей линии Фатерланд в этом регионе. Город был сильно укреплен в инженерном отношении. Несмотря на это, войска 5-й армии рано утром 25 июня полностью очистили Богушевск от противника. Конно-механизированная группа, успешно преодолев лесисто-болотистую местность, заняла город Сенно и перерезала железную дорогу Орша — Лепель.

Генерал Черняховский, анализируя обстановку, пришел к выводу, что противник продолжает считать вспомогательным направлением для войск 3-го Белорусского — направление на Богушевск. Поэтому он решил на рассвете 26 июня ввести 5-ю гвардейскую танковую армию в прорыв на богушевском направлении. Василевский поддержал это решение. Он, вспоминая об этом, писал: «Поскольку

11-я гвардейская армия застряла между Днепром и болотами, которые тянулись от Осинторфа к железной дороге, перспектива на ввод здесь в бой армии Ротмистрова отпала. Поэтому пришлось принять решение ввести 5-ю гвардейскую танковую армию в район Богушевска и оттуда, использовав прорыв 5-й армии Крылова, направить ее, обходя Оршу с тыла, на Толочин и Борисов. В связи с этим войскам конно-механизированной группы Осликовского мы поставили задачу развивать наступление от Сенно на запад с тем, чтобы, обойдя с обеих сторон Лукомльское озеро, одним флангом помочь 1-му Прибалтийскому фронту взять Лепель, а другим — форсировать Березину и продвигаться на Плещеницы»¹.

О принятом решении Василевский доложил Сталину, который его одобрил.

26 июня, как и планировалось, в полосе 3-го Белорусского фронта в прорыв была введена 5-я гвардейская танковая армия. Вечером части 3-го Котельнического гвардейского танкового корпуса заняли Толочин. Одновременно в полосе 11-й гвардейской армии в сражение был введен 2-й гвардейский танковый корпус, который начал обходить Оршу с северо-запада. Войска 39-й армии, поддержанные авиацией 1-й воздушной армии, полностью освободили Витебск. *«В тот же день пришла новая и приятная для меня весть, — вспоминал Василевский. — Накануне я обратился к Верховному Главнокомандующему по телефону с ходатайством о присвоении И.Д. Черняховскому за отличную работу на посту комфронта звания генерала армии. Сталин посоветовал направить представление. И вот на второй день решение состоялось, и я с удовольствием приветствовал Ивана Даниловича в новом звании»².*

Внезапный ввод в сражение танковой армии и других подвижных войск оказал решающее влияние на исход Витебско-Оршанской операции. *«Двадцать шестого июня остальные армии группы армий “Центр”, — отмечал В. фон Хаупт, — тоже вели последние сражения в своей истории»³.*

¹ Цит. по: Василевский А.М. Дело всей жизни. С. 414.

² Там же. С. 422.

³ Цит. по: Хаупт В. Сражения группы армий «Центр». Взгляд офицера вермахта. С. 318.

27 июня войска 11-й гвардейской и 31-й армий при поддержке соединений 1-й воздушной армии и авиации дальнего действия освободили Оршу. Противник, окруженный под Витебском, предпринял попытку вырваться из кольца. В районе Замошенье, в 20 км юго-западнее Витебска, это удалось сделать группе численностью в 5 тыс. человек во главе с командиром 206-й пехотной дивизии генералом Хиттером. Однако генерал Черняховский быстро перебросил в полосу 39-й армии две дивизии 5-й армии, которые нанесли удар по прорвавшейся группировке, вынудив ее сдаться в плен. Одновременно войска 39-й армии при поддержке огня гвардейских минометов приступили к ликвидации основной группировки врага, окруженной под Витебском. Ей был предъявлен ультиматум о капитуляции. Через час на отдельных участках появились белые флажки, но постепенно огонь противника стал затихать и, наконец, прекратился по всему фронту. Противник капитулировал. К 15 часам витебская группировка врага была полностью ликвидирована, в плен сдалось свыше 19 тыс. человек¹. Среди них оказались четыре генерала, в том числе командир 53-го армейского корпуса генерал-полковник Гольвитцер. Их допросили маршал Василевский, генералы Фалалеев, Черняховский и Макаров. До этого пленные генералы содержались порознь и не знали о пленении друг друга. Генерал Гольвитцер считал плен случайностью, результатом личной неосторожности и полагал, что части его корпуса все еще дерутся под Витебском. Он просил, если возможно, проинформировать его о ходе боев за Витебск и был потрясен, когда ему предложили навести эти справки у подчиненных ему лиц и приказали привести командира 206-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Хиттера, начальника штаба корпуса полковника Шмидта и других.

В результате Витебско-Оршанской операции было разгромлено левое крыло группы армий «Центр». Советские войска продвинулись на 80 — 150 км, образовали широкую брешь во вражеской обороне, создали условия для стремительного развития наступления на минском и вильнюсском направлениях. Ворота в Белоруссию были открыты.

¹ См.: *Людников И.И.* Дорога длиною в жизнь. С. 123.

Одновременно войска правого крыла 1-го Белорусского фронта завершили Бобруйскую операцию. Они, продвинувшись на 100—110 км, разгромили основные силы 9-й армии противника и создали условия для наступления на Минск и Барановичи. Войска 2-го Белорусского фронта в ходе Могилевской операции вышли в междуречье Друти и Днепра (160 — 170 км от Минска), создав благоприятные условия для наступления на Минск, окружения и разгрома совместно с 1-м и 3-м Белорусскими фронтами минской группировки врага.

В целом к концу июня войска 4-й армии и часть сил 9-й армий группы армий «Центр» оказались глубоко охваченными советскими войсками. Фон Буш, получив сведения о продвижения войск 3-го Белорусского фронта к Минску, обратился к Гитлеру с просьбой разрешить отвести войска за Березину. Однако Гитлер категорически запретил это делать и приказал пресечь панику, расстреливать паникеров и остановить наступление русских любой ценой. Тогда фон Буш попросил выделить дополнительно две-три танковые дивизии для организации контрудара, но получил и в этом отказ. 28 июня Гитлер снял фон Буша с поста командующего и отозвал в Берлин. Войска группы армий «Центр» возглавил по совместительству командующий группой армий «Северная Украина» генерал-фельдмаршал В. Модель. Он развернул энергичную деятельность по восстановлению стратегического фронта обороны в Белоруссии. Для этого были переброшены несколько танковых дивизий из группы армий «Северная Украина». Модель не предполагал, что командование Красной Армии одновременно с такой крупной операцией в Белоруссии готовит и другую — Львовско-Сандомирскую операцию силами войск 1-го Украинского фронта.

Еще до завершения Витебско-Оршанской операции маршал Василевский во время беседы со Сталиным по телефону затронул вопрос о дальнейшем развитии операции «Багратион».

— Товарищ Сталин, я уверен в том, что в ближайшие дни войска 1-го Прибалтийского фронта освободят Полоцк и Лепель, а 3-й Белорусский фронт — Борисов и затем Минск. В результате значительная часть немецкой 4-й армии неминуемо должна попасть в окружение. В связи с этим необходимо немедленно приступить к

подготовке нового этапа операции с тем, чтобы исходя из ранее намечавшегося Ставкой плана не допустить образования в Белоруссии вновь сплошного фронта врага, а затем незамедлительно развивать дальнейшее наступление войск 1-го Прибалтийского и Белорусских фронтов, окончательно очистить территорию Белоруссии от врага, приступить к освобождению Прибалтики и с выходом войск на побережье Балтийского моря поставить под угрозу полной изоляции и окружения группу армий «Север» и вывести наши войска к границам Восточной Пруссии и Польши. При этом значение 1-го Прибалтийского фронта в операции резко возрастает, а потому необходимо передать ему из резерва Ставки 2-ю гвардейскую и 51-ю армии. Одновременно предлагаю немедленно начать активные действия силами войск 2-го Прибалтийского фронта, находящихся в обороне к востоку от Опочки и Себежа. В противном случае разрыв между ним и 1-м Прибалтийским фронтом с каждым днем будет резко увеличиваться. В этой связи предлагаю передать во 2-й Прибалтийский фронт, действующую на северном берегу Западной Двины 4-ю ударную армию из 1-го Прибалтийского фронта.

— С вашими предложениями согласен, — сказал Сталин. — Подготовьте директиву о передаче с 7 июля в распоряжение командующего 1-м Прибалтийским фронтом 2-й гвардейской армии, а также 51-й армии и из 3-го Белорусского фронта — 39-й армии.

В полночь 27 июня Генштаб поставил в известность командующего 1-м Прибалтийским фронтом о решении, принятом Верховным Главнокомандующим. На следующий день командующим 2-м и 3-м Белорусскими фронтами были поставлены задачи на окружение и уничтожение минской группировки противника¹. Ставка требовала овладеть Минском не позже 7 — 8 июля. Операция должна была начаться без оперативной паузы. Особое внимание было обращено на действия подвижных сил.

Замысел Минской наступательной операции заключался в том, чтобы в ходе развернувшегося преследования врага стремительными ударами войск левого крыла 3-го Белорусского фронта и части сил правого крыла 1-го Белорусского фронта по сходящимся направ-

¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16(5—4). С. 100—101.

лениям на Минск во взаимодействии со 2-м Белорусским фронтом завершить окружение минской группировки противника. Одновременно войска 1-го Прибалтийского, правого крыла 3-го Белорусского и часть сил 1-го Белорусского фронтов должны были продолжить стремительное наступление на запад, уничтожить подходившие резервы противника и создать условия для развития наступления на шяуляйском, каунасском и варшавском направлениях.

Сроки овладения Минском, указанные в директиве, как показал ход событий, оказались завышенными, и если бы их формально придерживались фронты, то, возможно, противник не был бы окружен.

Василевский и Черняховский, исходя из директивы Ставки ВГК, поставили войскам 3-го Белорусского фронта следующие задачи. Подвижные войска при поддержке авиации фронта должны были в оперативном взаимодействии с 1-м Белорусским фронтом стремительно развивать наступление на Минск и отрезать пути отступления противника на запад. Конно-механизированной группе предстояло занять Молодечно. 5-й гвардейской танковой армии приказывалось форсировать Березину, овладеть районом Борисова, а в дальнейшем развивать наступление в полосе автострады и к исходу дня 2 июля овладеть Минском. От войск 5-й и 39-й армий требовалось прикрыть правое крыло 3-го Белорусского фронта. Особое внимание обращалось на достижение высоких темпов наступления, чтобы не дать возможности 4-й армии противника выйти восточнее Минска из подготавливаемого окружения.

Одновременно Василевский обсудил с командующим 1-м Прибалтийским фронтом задачи его войск в Полоцкой наступательной операции. Им противостояли соединения 16-й армии группы армий «Север» и часть сил 3-й танковой армии группы армий «Центр». На подступах к Полоцку противник возвел оборонительную полосу «Тигр». Многочисленные озера и болота в сочетании с широко развитой системой полевых и долговременных укреплений превратили оборонительные позиции вокруг города в мощный и труднопреодолимый оборонительный район. В самом Полоцке противник создал круговую оборону, а гарнизон был усилен переброшенными сюда к 25 июня двумя пехотными и одной охранной дивизиями. Всего в районе Полоцка оборонялись до шести дивизий противника.

Замысел Полоцкой операции состоял в том, чтобы ударами по сходящимся направлениям главных сил 1-го Прибалтийского фронта с северо-востока и юго-запада окружить и уничтожить полоцкую группировку противника, одновременно частью сил развивать наступление на запад в общем направлении Ушачи, Глубокое, Козяны. Главный удар наносили войска левого фланга (83-й и 100-й стрелковые корпуса) 4-й ударной армии в направлении Котляны, Поздняки, Полоцк. В последующем часть сил армии должна была наступать на Дохнары, правый фланг 6-й гвардейской армии (22-й гвардейский стрелковый корпус) — на Полоцк с востока, а ее 23-й гвардейский стрелковый корпус — на Полоцк с юго-востока, с последующим обходом его с юго-запада. 2-й гвардейский стрелковый корпус 6-й гвардейской армии совместно с войсками 43-й армии и подвижной группой фронта (1-й танковый корпус) получили задачу развивать наступление на запад в общем направлении на Козяны. Авиационную поддержку войск осуществляла 3-я воздушная армия генерал-лейтенанта авиации Н.Ф. Папивина.

29 июня войска 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов без оперативной паузы приступили к выполнению поставленных задач. Части 1-го танкового корпуса, выйдя на оперативный простор, с ходу овладели узлом дорог Ветрино. Это обеспечило частям 23-го гвардейского стрелкового корпуса форсирование р. Ушачи в районе Заскорки. Утром 30 июня 150-я танковая бригада 1-го танкового корпуса внезапно для противника ворвалась на улицы Дисны. Он, не сумев оказать организованное сопротивление, поспешно отступил на правый берег Западной Двины. Вслед за ним на захваченном пароме переправилась часть сил 1-го танкового корпуса, занявшая на правом берегу реки небольшой плацдарм. Остальные соединения корпуса, форсировав с ходу р. Мнюта, ударом с тыла содействовали стрелковым дивизиям в захвате важных узлов сопротивления в Лужках и Плиссе. Главные силы 3-го Белорусского фронта вышли к Березине. Соединения 5-й гвардейской танковой армии и передовые отряды 11-й гвардейской и 31-й армий подошли к Борисову.

1 июля Василевский вместе с Черняховским выехал на Березину, чтобы на месте разобраться, как идет наступление войск 5-й гвардейской танковой армии. Беглый осмотр местности между реками

Бобр и Березина свидетельствовал о тяжелых боях, которые пришлось выдержать здесь танковой армии с 5-й танковой дивизией противника. Мосты у Борисова были разрушены. Но некоторые уже восстанавливались и позволяли переправлять даже тяжелые танки. Однако командующий армией Ротмистров рассчитывал закончить переправу лишь в ночь на 2 июля и к исходу дня выйти к Острошицкому городку (18 км северо-восточнее Минска). Маршал Василевский отменил решение Ротмистрова, приказав ему к исходу дня 2 июля освободить Минск. Генерал Черняховский тут же отдал распоряжение о пропуске через мост танков и самоходных орудий танковой армии вне всякой очереди.

В три часа утра 2 июля 4-я гвардейская танковая бригада подполковника О.А. Лосика, входившая в состав 2-го гвардейского танкового корпуса генерал-майора танковых войск А.С. Бурдейного, опередив главные силы отступающего противника более чем на 100 км, ворвалась на улицы Минска. Соединения 5-й гвардейской танковой армии в результате стремительного продвижения вышли на северную окраину города. Вскоре на помощь им подошли стрелковые части 11-й гвардейской и 31-й армий, которые начали отбивать у противника квартал за кварталом. В ночь на 3 июля войска 1-го и 3-го Белорусских фронтов завершили окружение основных сил 4-й армии и отдельных соединений 9-й армии общей численностью в 105 тыс. человек. К исходу дня Минск был полностью освобожден. 4 июля соединения 1-го Прибалтийского фронта, обеспечивавшие проведение Минской операции с севера, заняли Полоцк. Ликвидация окруженной минской группировки противника была осуществлена в период с 5 по 12 июля войсками 33-й армии, частью сил 49-й и 50-й армий 2-го Белорусского фронта. В плен было захвачено 57,6 тыс. человек, которые 17 июля под конвоем советских солдат прошли по улицам Москвы.

В день освобождения Полоцка Сталин обсудил с маршалами Жуковым и Василевским дальнейшие задачи 1-го, 2-го Прибалтийских, 1, 2 и 3-го Белорусских фронтов¹. Так, войскам 1-го Прибалтийского фронта директивой № 220130 предписывалось нанести главный удар в общем направлении на Свенцяны, Каунас, овла-

¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16(5—4). С. 103—105.

деть не позже 10 — 12 июля рубежом Двинск, Новые Свенцяны, Подбродзе. В дальнейшем, прочно обеспечивая себя с севера, наступать на Каунас и частью сил на Паневежис, Шяуляй. Войскам 3-го Белорусского фронта директивой № 220126 предписывалось развивать наступление, нанося главный удар в общем направлении на Молодечно, Вильно (Вильнюс). Ближайшая задача — не позже 10—12 июля овладеть Вильно и Лидой. В дальнейшем выйти на р. Неман и захватить плацдармы на его западном берегу.

Задачи, поставленные войскам 3-го Белорусского фронта, легли в основу плана Вильнюсской наступательной операции. Ее замысел был выработан командующим фронтом при активном участии маршала Василевского. Он предусматривал нанесение силами 5-й армии главного удара на вильнюсском направлении, разгром во взаимодействии с 5-й гвардейской танковой армией вильнюсской группировки противника и освобождение Вильнюса. Левее, на алитусском направлении, должна была наступать 11-я гвардейская армия с задачей форсировать р. Неман и захватить плацдарм на его левом берегу. Левое крыло фронта обеспечивала 31-я армия, наступавшая на Лиду.

Верховное главнокомандование вермахта придавало особое значение обороне Вильнюса как важному узлу коммуникаций, прикрывающему подступы к Восточной Пруссии. С осени 1943 г. здесь возводилась оборонительная линия «Остваль» с использованием бетонных сооружений укрепрайонов, созданных еще польской армией. Командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Модель, стремясь удержать линию «Остваль», пытался остановить продвижение советских войск на рубеже Даугавпилс, Вильнюс, Лида. С этой целью в район Вильнюса стягивались отступающие соединения 3-й танковой армии генерала Г. Райнхардта, перебрасывались из Германии части 2-й авиадесантной и 6-й танковой дивизий. У г. Лиды выгружалась прибывшая из Станислава 7-я танковая дивизия. В район Ошмяны, Гольшаны выходили из боя остатки 707-й охранной и 5-й танковой дивизий. Противник сплошного фронта обороны не имел и оказывал противодействие лишь отдельными подошедшими соединениями и остатками разгромленных частей.

Одновременно с 3-м Белорусским фронтом войска 1-го Прибалтийского фронта должны были провести Шяуляйскую операцию в целях разгрома группировки противника в районе Шяуляя и выхода к Рижскому залива, чтобы отрезать пути отхода группе армий «Север» в Восточную Пруссию.

Командующий 1-м Прибалтийским фронтом во исполнение директивы Ставки ВГК решил, прежде всего, разгромить две обособившиеся на флангах основные группировки противника — даугавпилсскую и швенченисскую. В последующем намечалось наступать на запад, сосредоточивая основные силы на стыке с войсками 3-го Белорусского фронта и прикрываясь от войск группы армий «Север» частью сил 6-й гвардейской армии. Маршал Василевский, прибывший в штаб фронта, заслушал доклад генерала армии Баграмяна. После чего сказал:

— Надо всегда рассчитывать на умного противника. А как должен поступить умный командующий вражескими войсками в сложившейся ситуации? Разгром группы армий «Центр» и продвижение советских войск к Восточной Пруссии ставит группу армий «Север» в отчаянное положение, изолирует ее от остальных сил вермахта. В обстановке, когда фронт стремительно катится к самой Германии, подвергать изоляции и угрозе уничтожения огромные силы, находящиеся в Прибалтике, — величайшая глупость. Значит, следует ожидать, что Гитлер поспешит отвести группу армий «Север» в Восточную Пруссию, чтобы использовать ее в сражениях за собственно Германию. Если главные силы 1-го Прибалтийского фронта будут наступать на рижском направлении, то их задержат отходящие войска противника, и они не смогут преградить им путь в Восточную Пруссию. Наступление же главных сил фронта на каунасском и шяуляйском направлениях позволит не только содействовать успешному продвижению войск 3-го Белорусского фронта, но и упредить войска группы армий «Север» в выходе к северо-восточным границам Восточной Пруссии.

И.Х. Баграмян в своих мемуарах подчеркивал, что логика рассуждений Василевского была, как всегда, безупречной. Но все же интуиция подсказывала, что противник вряд ли оставит Прибалтику, он, видимо, будет держаться здесь до тех пор, пока советские войска не уничтожат его последнюю дивизию.

— Товарищ маршал, — сказал Баграмян, — начиная с лета 1943 года противник не оставил добровольно ни одного клочка советской земли, несмотря ни на какие выгоды тактического или оперативного значения. Таких тупоголовых упрямцев история войн еще не знала. Кроме того, удержание Прибалтики пока еще не потеряло значения, ибо Финляндия остается в орбите войны, а нахождение немецкого флота в Финском заливе облегчает доставку шведской руды в Германию.

— Для меня это не новость, Иван Христофорович. В случае если и на этот раз Гитлер поступит неразумно, оставив свои войска в Прибалтике, то в дальнейшем это выяснится и тогда можно будет внести необходимые коррективы в наши планы.

Затем маршал Василевский подробно остановился на задачах соседних фронтов, с тем чтобы командующий и штаб 1-го Прибалтийского фронта в своих планах предусмотрели взаимодействие с ними. После этого Александр Михайлович вылетел в штаб 2-го Прибалтийского фронта.

5 июля войска 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов без оперативной паузы продолжили наступление. Соединения 11-й гвардейской армии 3-го Белорусского фронта совместно с конно-механизированной группой генерала Осиковского и 25-й танковой бригадой 29-го танкового корпуса 5-й гвардейской танковой армии заняли крупный железнодорожный узел и важный опорный пункт обороны противника на вильнюсском направлении — г. Молодечно. Маршал Василевский в это время находился в штабе 3-го Белорусского фронта, в лесу, вблизи станции Красная. Здесь его и застал звонок по телефону из Кремля.

— Товарищ Василевский, — раздался в трубке голос Сталина, — вам предстоит в удобном месте в ближайшее время принять главу военной миссии Великобритании в СССР генерала Бэрроуза и главу военной миссии США генерала Дина. Они подробно проинформируют вас о ходе операции американско-английских войск в Нормандии. В свою очередь, вы должны ознакомить наших союзников о ходе наступления в Белоруссии.

6 июля маршал Василевский принял генерала Бэрроуза в штабе 3-го Белорусского фронта (встреча с генералом Дином состоялась несколькими днями позже). Командующему фронтом Александр

Михайлович поручил организовать выезд глав военных миссий на фронт и встречу с находившимися в плену немецкими генералами. В честь глав военной миссии Великобритании и США генерал Черняховский дал обед.

Маршал Василевский, докладывая Сталину о результатах своей беседы с генералом Бэрроузом, вновь попросил ускорить начало активных действий войск 2-го Прибалтийского фронта. Выдвижение правого крыла 1-го Прибалтийского фронта вдоль южного берега Западной Двины с каждым днем все более увеличивало и без того уже значительный его отрыв от левого крыла и тем более от главных сил 2-го Прибалтийского фронта. Это требовало привлечения дополнительных сил для обеспечения действий 1-го Прибалтийского фронта с севера и в то же время не снимало угрозы для основной части его войск, наносивших удары в шяуляйском и каунасском направлениях. Противник все время усиливал свою группировку в районе Двинска, нависавшую с севера над армиями 1-го Прибалтийского фронта, снимая для этого войска, стоявшие против 3-го и 2-го Прибалтийских фронтов. В тот момент правофланговая 6-я гвардейская армия 1-го Прибалтийского фронта вела упорные бои перед Друей. Местные селения в этом районе неоднократно переходили из рук в руки. Василевский доложил Сталину также и о том, что для усиления правого фланга войск 1-го Прибалтийского фронта к 8 июля на двинское направление выводится 22-й стрелковый корпус и к тому же сроку будет приведен в порядок после трудных боев 1-й танковый корпус. Очередное наступление намечалось начать 9 июля. Сталин согласился с доводами Василевского и обещал определить сроки перехода 2-го Прибалтийского фронта в наступление после переговоров с командующим этим фронтом генералом Еременко.

Одновременно Сталин и Василевский обсудили вопрос о подключении к операции на севере войск не только 2-го, но и 3-го Прибалтийских фронтов, а на юге — 1-го Украинского фронта. По решению Сталина 2-й Прибалтийский фронт должен был 10 июля перейти в наступление с рубежа Новоржев, Пустошка, нанося удары на Резекне и совместно с войсками 1-го Прибалтийского фронта — на Двинск. 3-му Прибалтийскому фронту директивой

№ 220135 от 6 июля предписывалось подготовить и провести операцию в целях разгрома псковско-островской группировки противника, овладения городами Псков, Выру, Тарту, Пярну и выхода в тыл нарвской группировке¹. Начало наступления — 17 июля. Переход 1-го Украинского фронта в наступление было решено начать 13 июля с тем, чтобы, используя успех 1-го Белорусского фронта, нанести решительный удар по войскам группы армий «Северная Украина» и освободить западные районы Украины. Войска Ленинградского фронта должны были 26 июля возобновить наступление на нарвском направлении.

В ночь на 7 июля войска 5-й, 5-й гвардейской танковой армией, 3-й гвардейский механизированный корпус при поддержке авиации 1-й воздушной армии и авиации дальнего действия начали штурм Вильнюса. Противник, оказывая ожесточенное сопротивление, отражал одну атаку за другой. Соединения 43-й армии, наступавшей на главном направлении 1-го Прибалтийского фронта, 7 июля освободили Швенченис, 9 июля — Утяну (Утена) и перерезали железную дорогу Даугавпилс — Вильнюс. Одновременно 3-й гвардейский кавалерийский корпус 3-го Белорусского фронта атакой с флангов и тыла взял г. Лида. К этому времени Вильнюс был почти полностью окружен. Попытка 12-й танковой дивизии прорвать кольцо окружения и соединиться с гарнизоном успеха не имела.

9 июля Сталин принял решение возложить на маршала Василевского координацию действий не только 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов, но и 2-го Прибалтийского фронта². Ему предстояло провести Режицко-Двинскую операцию. По решению командующего фронтом генерала армии Еременко, согласованного с маршалом Василевским, войска 4-й ударной армии должны были стремительно развивать наступление по северному берегу Западной Двины с ближайшей задачей уничтожить противостоящего противника и выйти на рубеж Освея, Дрисса, а в дальнейшем овладеть Двинском³. В районе Краснополье, Клястицы, Желез-

¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16(5—4). С. 106.

² Там же. С. 107.

³ Там же. С. 288—289.

ница сосредоточивался 5-й танковый корпус в готовности для ввода в сражение в полосе 4-й ударной армии в общем направлении на Двинск. Корпусу были приданы 48-й гвардейский танковый полк, 92-й и 93-й батальоны 19-й штурмовой инженерно-саперной бригады и 88-й понтонный батальон. Части 15-й воздушной армии должны были оказать содействие войскам 22-й, 4-й ударной армий и 5-му танковому корпусу, уничтожить подходящие резервы противника, не допускать его отхода, парализовать движение эшелонов и вести борьбу с вражеской авиацией.

В директиве № 220133 от 4 июля не были указаны сроки перехода войск 2-го Прибалтийского фронта в наступление, хотя маршал Василевский настойчиво просил Сталина это сделать. *«Полагаю, что данное обстоятельство позволило руководству 2-го Прибалтийского фронта действовать с некоторой прохладцей, — пишет Александр Михайлович. — А ведь обстановка для наступления была весьма благоприятной. 6-я гвардейская, 43-я и 39-я армии 1-го Прибалтийского фронта продвигались на Двинск и от озера Нарочь — на Свенцяны. Здесь же позднее были введены 2-я гвардейская и 51-я армии. На северо-запад был повернут и 1-й танковый корпус. Южнее Нарочи действовали 5-я, 11-я гвардейская, 31-я (частично), 33-я (позднее), 5-я гвардейская танковая армии, 3-й гвардейский механизированный, 2-й гвардейский танковый и 3-й гвардейский кавалерийский корпуса 3-го Белорусского фронта. Через Сморгонь, Ошмяны и по верхним притокам Немана они наступали на Вильнюс и Лиду»¹.*

И только в ночь на 10 июля во время телефонного разговора Сталин сказал Василевскому, что наступление войск 2-го Прибалтийского фронта начнется утром. Одновременно Сталин внес в решение командующего фронтом ряд уточнений. Согласно директиве № 220138 предписывалось силами 22-й армии нанести удар в общем направлении на Клястицы, Кохановичи в целях свернуть оборону противника в районе озера Нещердо и содействовать продвижению 4-й ударной армии. Обе артиллерийские дивизии требовалось использовать на участках прорыва 10-й гвардейской и 3-й ударной армий. Войскам предписывалось на первый день операции поста-

¹ Цит. по: *Василевский А.М. Дело всей жизни.* С. 423.

вить выполнимые задачи, то есть ограничить продвижение частей 10 — 15 км¹.

По распоряжению генерала армии Еременко утром 10 июля в полосе 3-й ударной армии была проведена разведка боем. Стрелковые роты 150-й и 171-й стрелковых дивизий 79-го стрелкового корпуса, действуя в качестве разведывательных отрядов, ворвались в траншеи противника и после короткого рукопашного боя овладели важной в тактическом отношении высотой. В четыре часа дня командующий армией ввел в бой дополнительно по одному батальону от 150-й и 171-й стрелковых дивизий и два батальона от 219-й стрелковой дивизии 93-го стрелкового корпуса. Преодолев сопротивление врага, они в течение часа овладели четырьмя населенными пунктами, захватив при этом пленных из 15-й латышской дивизии СС и немецкой 23-й пехотной дивизии. Они показали, что их части получили приказ начать отход в ночь на 11 июля. В этой связи Ставка ВГК своей директивой № 220141 потребовала от командующего 2-м Прибалтийским фронтом немедленно приступить к выполнению директивы от 4 июля.

В полосе 1-го Прибалтийского фронта события развивались следующим образом. Его войска наступали одновременно в западном, северо-западном и северном направлениях, что не позволяло сосредоточить необходимые силы для занятия Двинска. Маршал Василевский, посоветовавшись с генералом армии Баграмяном, в ночь на 12 июля обратился к Сталину с просьбой освободить 1-й Прибалтийский фронт от нанесения главного удара левым крылом на Каунас и разрешить сосредоточить усилия на правом крыле, против Двинска, нацелив подходившие во фронт 51-ю и 2-ю гвардейскую армии в центр, на Паневежис и Шяуляй.

— Товарищ Сталин, я уверен, что, развивая в дальнейшем этот удар на Ригу, можно быстрее и с меньшим риском расколоть здесь вражескую оборону, выйти к Балтийскому побережью, перерезать коммуникации из Прибалтики в Восточную Пруссию и отсечь группу армий «Север» от Германии. Кроме того, это неизбежно должно сказаться на сопротивлении немецких 16-й и 18-й армий в целом, и тогда 2-му и 3-му Прибалтийским фронтам легче будет наступать из Псковской области в направлении Рижского залива.

¹ Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16(5—4). С. 108.

Сталин, согласившись с предложениями Василевского, спросил:

— Сколько нужно времени фронту для подготовки удара?

— Я считаю, что удар с вводом новых сил можно предпринять не позднее 20 июля.

— Согласен. Требую ни в коем случае не прекращать наступления наличными силами. Кроме того, левофланговая 39-я армия 1-го Прибалтийского фронта, нацеленная на Каунас, будет возвращена 3-му Белорусскому фронту. В результате разграничительная линия между фронтами от Пабраде пройдет через Кедайнай в долину Шушве и к Жмудской возвышенности. Таким образом, Южная Литва (Вильнюс, Каунас, Принеманье) поступает в распоряжение генерала Черняховского как опорная территория для действий против Восточной Пруссии. Войскам же 1-го Прибалтийского фронта придется наступать на северо-запад, к Курляндии, и на север к Риге.

Маршал Василевский, согласившись с решением Сталина, предложил передать из 3-го Белорусского фронта в 1-й Прибалтийский фронт 5-ю гвардейскую танковую армию и 3-й гвардейский механизированный корпус. Сталин ответил не сразу. И только через два дня он позвонил Александру Михайловичу:

— Товарищ Василевский, 1-й Прибалтийский фронт усилен хорошо пополненными и вооруженными 2-й гвардейской, 51-й армиями и 3-м гвардейским механизированным корпусом, в который по вашей просьбе срочно направляются танки. Если учесть, что в наступление перейдут 2-й, а затем и 3-й Прибалтийские фронты, то у войск 1-го Прибалтийского фронта есть все условия для успешного выполнения поставленных ему, хотя и сложных задач. Поэтому танковую армию необходимо оставить на 3-м Белорусском фронте.

Василевский, комментируя впоследствии решение Сталина, писал: *«Таким образом моя попытка доказать всю выгодность перехвата коммуникаций группы армий “Север” на шяуляйско-рижском или шяуляйско-лиепайском направлениях 1-м Прибалтийским фронтом, усиленным 5-й гвардейской танковой армией, ни к чему не привела. И.В. Сталин сказал в заключение, что при необходимости это можно будет сделать и позднее, а пока тре-*

буется выполнить поставленные задачи имеющимися силами. В соответствии с прежде принятым решением Баграмян передавал Черняховскому левофланговую 39-ю армию. В свою очередь 3-й Белорусский обязан был передать во 2-й Белорусский фронт свой левофланговый 3-й гвардейский кавалерийский корпус. Предусматривалось, что Черняховский будет наступать на Восточную Пруссию только с востока, а с юга пойдут войска Захарова»¹.

12 июля соединения 4-й ударной армии 2-го Прибалтийского фронта заняли г. Дрисса. В тот же день командующий группой армий «Север» предложил Главному командованию Сухопутных войск отвести свои войска в направлении Ковно (Каунас) — Рига. Однако Гитлер не согласился с этим предложением, приказав войскам группы армий держаться.

13 июля войска 5-й и 5-й гвардейской танковой армий и 3-й гвардейский механизированный корпус при поддержке авиации 1-й воздушной армии и дальнего действия, а также партизан после ожесточенных боев освободили Вильнюс. Соединения 10-й гвардейской и 3-й ударной армий 2-го Прибалтийского фронта вышли на р. Великая к северу и югу от Опочки, форсировали ее и перерезали шоссе на Себеж. В ночь на 14 июля 16-й гвардейский стрелковый корпус 11-й гвардейской армии 3-го Белорусского фронта с ходу форсировал Неман в районе Алитуса и захватил на левобережье плацдарм до 25 км по фронту и до 4 км в глубину.

Сталин, внимательно наблюдавший за действиями войск фронтов, координацию которых осуществлял Василевский, был недоволен медленным продвижением 2-го Прибалтийского фронта. Упрек в этом он высказал Василевскому. Передав Еременко этот упрек и обсудив с ним меры, направленные на выполнение указаний Верховного, Василевский возвратился на 1-й Прибалтийский фронт, чтобы помочь генералу армии Баграмян у осуществить перегруппировку войск и с 20 июля перейти в наступление.

— Иван Христофорович, противник в полосе 2-го Прибалтийского фронта ожесточенно сражается за каждый рубеж, — сказал Василевский. — Поэтому вашим войскам необходимо поскорее перерезать все сухопутные коммуникации группы армий «Север».

¹ Цит. по: *Василевский А. М.* Дело всей жизни. С. 427. Генерал Г. Ф. Захаров командовал 2-м Белорусским фронтом.

— Товарищ маршал, темп продвижения армий заметно снижается в связи с постепенным расширением полосы наступления и растущим сопротивлением специально созданных для закрытия бреши групп войск «Клеффель» и «Ривальд». А мы, к сожалению, все еще не располагаем резервами, которые можно было бы ввести в сражение. На ввод 2-й гвардейской и 51-й армий можно рассчитывать не раньше 18 — 20 июля. А 3-й гвардейский механизированный корпус пока еще небоеспособен, так как имеет большой некомплект в танках.

— В ближайшее время корпус получит 90 танков, которые Ставка направила в мое распоряжение, — пообещал Александр Михайлович. — Ваша задача ускорить ход наступления, особенно на шяуляйском направлении.

Тем временем наступление войск 3-го Белорусского фронта набирало темпы. 16 июля соединения 31-й армии с ходу преодолели Неман в районе Друскининкай. 18 июля 43-я армия 1-го Прибалтийского фронта вышла к р. Швянтойи и с ходу форсировала ее. В итоге в обороне противника на шяуляйском направлении образовалась значительная брешь. 20 июля в сражение на этом направлении были введены 51-я и 2-я гвардейская армии, которые нанесли главный удар на Шяуляй. Их наступление с юга обеспечивала 39-я армия 3-го Белорусского фронта, наступавшая на Каунас. В тот же день войска 3-го Белорусского фронта завершили Вильнюсскую операцию, продвинувшись на глубину до 210 км. В результате были созданы благоприятные условия для продвижения к Восточной Пруссии.

22 июля соединения 51-й армии 1-го Прибалтийского фронта овладели Паневежисом — крупным узлом коммуникаций. Чтобы сломить нараставшее сопротивление противника на шяуляйском направлении, командующий фронтом по согласованию с Василевским 26 июля ввел в сражение с рубежа западнее Паневежиса 3-й гвардейский механизированный корпус. Его части, продвинувшись за день более чем на 90 км, вышли на подступы к Шяуляю. Войска 3-й ударной армии 2-го Прибалтийского фронта, развивая успешное наступление, подошли к железной дороге Резекне — Двинск, выполнив поставленную задачу. На следующий день соединения 10-й гвардейской и 3-й ударной армий при поддержке артиллерии

и авиации после ожесточенных боев освободили Резекне. Войска 2-го Прибалтийского фронта совместно с частью сил 1-го Прибалтийского фронта заняли Даугавпилс. Одновременно войска 51-й армии и 3-й гвардейский механизированный корпус этого же фронта, обойдя Шяуляй с северо-запада и юго-запада, овладели городом.

Узнав о результатах штурма Шяуляя и всесторонне оценив обстановку, маршал Василевский решил принять на себя ответственность за поворот главных сил 1-го Прибалтийского фронта на рижское направление.

— Иван Христофорович, готовьте приказ войскам, а я постараюсь убедить товарища Сталина в необходимости этого шага, — сказал Александр Михайлович.

Генерал армии Баграмян приказал командиру 3-го гвардейского механизированного корпуса вывести части из Шяуляя и немедленно, не ожидая утра, наступать вдоль шоссе Шяуляй — Елгава. Задачи 6-й гвардейской и 43-й армий оставались прежними — продвигаться с юго-востока в общем направлении на Ригу. Командующему 51-й армией было приказано оставить в районе Шяуляя до выхода туда соединений 2-й гвардейской армии 63-й стрелковый корпус, а дивизии 1-го гвардейского стрелкового корпуса двинуть вслед за 3-м гвардейским механизированным корпусом. Командующий 2-й гвардейской армией должен был развернуть свои главные силы на шяуляйском направлении и развить наступление на запад.

Маршалу Василевскому удалось убедить Сталина в необходимости повернуть главные силы 1-го Прибалтийского фронта на Ригу. Командующему фронтом была направлена соответствующая директива Ставки ВГК с требованием одновременно левым крылом наступать на мемельском направлении.

28 июля части 3-го гвардейского механизированного корпуса 1-го Прибалтийского фронта стремительным броском (на 80 км) вышли 28 июля к Елгаве, а 30 июля с ходу овладели г. Тукумс. На следующий день 8-я гвардейская механизированная бригада достигла Рижского залива, а 51-я армия и главные силы 3-го гвардейского механизированного корпуса освободили Елгаву. В результате группа армий «Север» оказалась отрезанной от Восточной Пруссии.

Успешно развивалось наступление и на других фронтах. Войска 1-го Украинского фронта, разгромив противника под Бродами, 27 июля освободили Львов, Перемышль, Станислав, форсировали Вислу и захватили Сандомирский плацдарм. Армии 1-го Белорусского фронта форсировали Западный Буг, заняли Брест, Хелм и Люблин, затем вышли к Варшаве, форсировали Вислу и захватили Магнушевский и Пулавский плацдармы. Войска 2-го Белорусского фронта освободили Белосток. Армии 3-го Прибалтийского фронта овладели Островом, Псковом и приступили к освобождению Южной Эстонии, а войска Ленинградского фронта взяли Нарву.

Сталин, стремясь еще до осени 1944 г. создать предпосылки для окончательного освобождения Прибалтики, нанесения удара по Восточной Пруссии, упрочения положение в Польше и подготовки к освобождению Закарпатской Украины, обсудил с Василевским дальнейшие задачи войск фронтов. В результате 28 июля, а не 27-го, как пишет Александр Михайлович, они получили следующие задачи¹.

1-й Прибалтийский фронт согласно директиве № 220159 после овладения районом Шяуляя должен был главный удар развивать в общем направлении на Ригу, а частью сил левого крыла фронта наступать на Мемель, чтобы перерезать Приморскую железную дорогу, связывающую Прибалтику с Восточной Пруссией. Войскам 2-го Прибалтийского фронта директивой № 220158 приказывалось не позднее 10 августа овладеть Ригой и выйти на побережье Рижского залива. 3-му Белорусскому фронту директивой № 220159 предписывалось силами 39-й и 3-й армий не позже 1 — 2 августа ударом с севера и юга овладеть Каунасом. В дальнейшем всеми силами наступать к границам Восточной Пруссии и не позднее 10 августа овладеть рубежом Россиены, Юрбург, Эйдкуннен, Сувалки, где прочно закрепиться для подготовки к вторжению в Восточную Пруссию в общем направлении на Гумбиннен, Инстербург, Прейсиш-Айлау.

Директивы Ставки ВГК легли в основу подготовки и проведения силами 3-го Белорусского фронта Каунасской, а 2-го Прибалтийского фронта — Мадонской наступательных операций.

¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16(5—4). С. 116—119.

Войскам 3-го Белорусского фронта противостояли 3-я танковая и 4-я армии группы армий «Центр». По решению командующего фронтом, утвержденному маршалом Василевским, освобождение Каунаса возлагалось на 5-ю армию. Севернее должна была нанести удар 39-я армия совместно с 5-й гвардейской танковой армией, а южнее — 33-я армия.

Войскам 2-го Прибалтийского фронта предстояло наступать на Лубанской низменности, сплошь заболоченной местности с отдельными небольшими возвышенностями. Противник (263-я, 329-я пехотные и 285-я охранная дивизии) заблаговременно создал сильно укрепленную оборону. Редкие дороги, узкие перешейки между болотами перехватывались неприятельскими заслонами, а на возвышенностях были созданы опорные пункты. Замысел командующего 2-м Прибалтийским фронтом состоял в том, чтобы силами 3-й ударной армии преодолеть Лубанскую низменность, во взаимодействии с 22-й армией уничтожить отходящего противника, форсировать р. Айвиесте и 1 августа овладеть рубежом Цесваине, Мадона, Марциена¹. Справа наступала 10-я гвардейская армия, обходя озеро Лубана с севера и юга.

Гитлер, пытаясь не допустить прорыва советских войск в Восточную Пруссию, требовал от войск «Стоять насмерть!». 24 июля он назначил командующим группой армий «Север» генерал-полковника Шернера, которому был подчинен командующий силами «Остланд»². Из 30 дивизий, находившихся в его распоряжении, только 7 сохранили свою боеспособность, а 6 имели ограниченную боеспособность. Учитывая это, Шернер приказал отвести 16-ю армию и правый фланг 18-й армии на так называемые Мариенбургские позиции, которые связывали Даугаву с озером Пейпсиярв. Командующему силами «Остланд» предписывалось эвакуировать Ригу и оборонять позиции на подступах к городу. Особое внимание было уделено усилению обороны города и крепости Каунас, чтобы предотвратить угрозу перенесения советскими войсками военных действий на территорию Германии.

¹ См.: *Пятков В.К.* и др. Третья ударная. Боевой путь 3-й ударной армии. М.: Воениздат, 1976. С. 109.

² См.: *Хаунт В.* Сражения группы армий «Север». Взгляд офицера вермахта. С. 290.

28 июля войска 3-го Белорусского фронта, имевшие незначительное общее превосходство над противником в силах и средствах, без оперативной паузы продолжили наступление. Наступлению предшествовала 40-минутная артиллерийская подготовка. К исходу дня ударные группировки 5-й армии, преодолевая ожесточенное сопротивление противника, вышли: 72-й стрелковый корпус — к р. Неман в 4—5 км восточнее Каунаса, а 45-й и 65-й стрелковые корпуса продвинулись на 15—17 км и стали охватывать город с юга. Войска центра и левого крыла фронта также прорвали оборону противника и продвинулись от 7 до 15 км.

29 июля Сталин принял решение возложить на Василевского не только координацию действий, но и руководство операциями 1-го, 2-го Прибалтийских и 3-го Белорусского фронтов¹. Такое же право было дано и маршалу Жукову в отношении 1-го, 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов. Одновременно Василевскому за умелое руководство боевыми действиями в Белорусской операции было присвоено звание Героя Советского Союза.

Маршал Баграмян, оценивая впоследствии решение Сталина возложить на маршала Василевского координацию и руководство операциями трех фронтов, писал: *«Я, откровенно признаюсь, не любил, чтобы меня, как говорится, вели по полю сражения за руку. И надо сказать, Александр Михайлович Василевский с большим тактом руководил действиями командующих фронтами. Свои замыслы и решения Ставки он претворял в жизнь твердо, но без излишней опеки. Постоянная связь с представителем Ставки (нередко он в течение многих дней находился при штабе фронта, особенно в решающие моменты боевых действий) облегчала командующему принятие важных решений в обстановке, когда для получения одобрения Верховного уже не было времени. Наиболее ощутимую помощь получал я от А.М. Василевского в тех случаях, когда надо было добиться согласованных действий с соседями при решении общей задачи на стыке фронтов, как это было, например, в период разгрома даугавпилсской группировки врага. Кроме того, постоянный контроль со стороны представителя Ставки имел и еще одну важную особенность: меньше*

¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16(5—4). С. 120.

было возможностей для принятия поспешных, необдуманных решений»¹.

Ночью 30 июля началось наступление 3-й ударной армии 2-го Прибалтийского фронта. Части 150-й стрелковой дивизии полковника В.М. Шатилова по деревянной тропе, проложенной саперами за день до наступления, преодолели болото Лиелайс-Пурвс и внезапно атаковали противника. В результате им удалось захватить четырехкилометровый участок на шоссе и железной дороги, которыми враг мог воспользоваться для отхода. Успех 150-й стрелковой дивизии облегчил действия наступавшей справа 171-й стрелковой дивизии и слева 207-й стрелковой дивизии.

В полосе 33-й армии 3-го Белорусского фронта по указанию Василевского утром 30 июля в прорыв был введен 2-й гвардейский танковый корпус. Он продвинулся в глубину обороны противника на 35 км, завязал бой за Вилкавишкис. Соединения 65-го и 72-го стрелковых корпусов 5-й армии вышли на ближние подступы к Каунасу, а утром 31 июля части 63-й стрелковой дивизии завязали бой в городе. Успеху наземных войск способствовали действия 1-й воздушной армии генерал-полковника авиации Т.Т. Хрюкина, господствовавшей в воздухе. Противник, чтобы избежать угрозы окружения своей каунасской группировки, начал отход перед левым флангом 5-й армии и в полосе 33-й армии. Войска 3-го Белорусского фронта перешли к преследованию. Используя успех 2-го гвардейского танкового корпуса, части 19-го стрелкового корпуса 33-й армии овладели городом и железнодорожной станцией Мариямполе (Капсукас).

1 августа соединения 5-й армии полностью освободили Каунас. К этому времени войска 3-го Белорусского фронта продвинулись до 50 км и расширили прорыв до 230 км, выйдя на рубеж Кедайняй, Каунас, Пильвишки, Мариямполе, Сейны. Противник, стремясь не допустить выхода войск фронта к границам Восточной Пруссии, стал наносить сильные контрудары северо-западнее и западнее Каунаса.

Войска 1-го Прибалтийского фронта, наступая на рижском направлении, встретили упорное сопротивление противника. 2 авгу-

¹ Цит. по: *Баграмян И.Х.* Так шли мы к победе. М.: Воениздат, 1977. С. 391.

ста вечером Василевский доложил Сталину, что для дальнейшего выполнения поставленных задач 1-й Прибалтийский фронт нуждается в дополнительном и срочном усилении, и вновь напомнил о 5-й гвардейской танковой армии. Кроме того, Василевский просил перебросить сюда хотя бы один корпус из 4-й ударной армии 2-го Прибалтийского фронта, компенсировав последнюю двумя стрелковыми корпусами из резерва Ставки. Сталин обещал выполнить эти просьбы, и на следующий день генерал Антонов сообщил, что соответствующее решение принято¹.

Еще через два дня Сталин разрешил с 8 августа вернуть на 1-й Прибалтийский фронт со 2-го Прибалтийского фронта 4-ю ударную армию в составе двух корпусов. Третий корпус был направлен на усиление 22-й армии 2-го Прибалтийского фронта.

Войска 3-й ударной армии 2-го Прибалтийского фронта, развивая наступление, к исходу дня 13 августа вышли в район западнее Мадоны. Здесь они остановились, чтобы привести себя в порядок и подтянуть тылы. До Риги по прямой оставалось пройти менее 150 км. Войска 3-го Прибалтийского фронта, осуществляя на своем правом крыле Тартускую операцию, продвигались левым крылом вдоль эстонско-латвийской республиканской границы.

13 августа Василевский направил Сталину доклад, согласованный с военным советом 1-го Прибалтийского фронта, в котором обобщил данные разведки, итоги последних боев и сообщил о создании врагом оборонительного рубежа по р. Мемеле. Здесь было развернуто до 7 пехотных дивизий, а в лесах южнее Риги сосредоточивалась группировка войск для наступления с севера на Митаву (Елгаву). В то же время западнее Шяуляя было зафиксировано другое скопление противника. Василевский полагал, что враг попытается рассечь с двух сторон клин, вбитый войсками 1-го Прибалтийского фронта в сторону Рижского залива. Чтобы помешать этому, предлагалось усилить 4-ю ударную армию, которая должна наступать от Крустпилса вдоль Даугавы на Ригу, а также 6-ю гвардейскую армию, направив ее наперерез вражеской группировке. 43-ю армию планировалось развернуть правее 51-й армии, органи-

¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1944—1945 гг. Т. 23(12—4). С. 336.

завая прочную оборону по р. Мемеле. Одновременно намечалось уплотнить боевые порядки 51-й армии в районе Митава, создав там недоступную для танков и пехоты оборону по р. Лиелупе. 3-й гвардейский механизированный корпус предусматривалось держать наготове для нанесения контрударов в направлении всех трех железных дорог, идущих из Митава в Лиепайскую область, а силами 2-й гвардейской армии и 1-го танкового корпуса прикрывать Шяуляй, превратив его в сильный укрепленный район. Все эти предложения Сталин утвердил.

16 августа противник силами 6 танковых, одной моторизованной дивизий и двух танковых бригад нанес удар по войскам 1-го Прибалтийского фронта из Курляндии и Жмуди. Удар под Шяуляем удалось отразить, но под Тукумсом противник сумел отеснить войска фронта от Рижского залива и восстановить сухопутную связь с группой армий «Север». Там образовался шедший через Ригу вражеский коридор шириною до 50 км.

Командующий 2-м Прибалтийским фронтом, стремясь разгромить мадонскую группировку противника, решил силами 10-й гвардейской, 3-й ударной, 22-й армий и 5-го танкового корпуса при поддержке 15-й воздушной армии нанести удар 17 августа вдоль железной дороги Мадона — Рига. Василевский одобрил это решение.

Утром 17 августа после 35-минутной артиллерийской подготовки войска 3-й ударной армии атаковали позиции противника. Они с ходу форсировали р. Аропа и стали развивать наступление в северо-западном направлении. В полдень в сражение был введен 5-й танковый корпус. Противник, не ожидавший такого удара на этом участке, поспешно откатывался назад. Однако с 18 августа он стал оказывать все более упорное сопротивление. Несмотря на это, передовые части 5-го танкового корпуса, преодолев 30 км, прорвались в район Эргли. 19 августа в район юго-восточнее Эргли вышел 100-й стрелковый корпус. Противник, стремясь удержать за собой этот важный узел шоссейных дорог, силами трех свежих пехотных дивизий при поддержке авиации нанес несколько контрударов по 3-й ударной армии. В ходе упорных боев ему удалось к исходу дня потеснить передовые части 21-й гвардейской и 28-й стрелковых дивизий, находившихся на подступах к Эргли. В исключительно

трудном положении оказались в этом районе и части 5-го танкового корпуса. Им с боем пришлось выходить из окружения. В конце августа 3-я ударная армия перешла к обороне на достигнутом рубеже. Для дальнейшего наступления на рижском направлении требовалась тщательная подготовка. Войска 3-го Белорусского фронта, отразив контрудары противника, к концу августа продвинулись еще на 30—50 км и основными силами вышли к заранее подготовленным укрепленным позициям противника на рубеже восточнее Расейняй и Кибартай, Сувалки.

С 29 августа по директивам Ставки ВГК войска 2-го и 3-го Белорусских фронтов также перешли к обороне¹. На этом Белорусская стратегическая наступательная операция была завершена. В ходе операции войска 1-го Прибалтийского, 1, 2 и 3-го Белорусских фронтов разгромили группу армий «Центр», нанесли поражение группам армий «Север» и «Северная Украина». 17 дивизий и 3 бригады полностью были уничтожены, а 50 дивизий лишились более половины своего состава. Противник потерял около 409, 4 тыс. солдат и офицеров, в том числе 255, 4 тыс. безвозвратно, около 2 тыс. самолетов². Потери советских войск составили: безвозвратные — 178,5 тыс. человек и санитарные — 587,3 тыс. человек³.

В целом же операция «Багратион» по замыслу, масштабам, эффективности и значимости занимает особое место в истории Великой Отечественной войны и представляет собой важную главу в развитии отечественного военного искусства. Отличительная особенность операции — огромный пространственный размах и впечатляющие оперативно-стратегические результаты. Войска Красной Армии, начав наступление на фронте 700 км, к концу августа 1944 г. продвинулись на запад на 550—600 км, расширив фронт военных действий до 1100 км. От противника были освобождены до 80% территории Белоруссии и четвертая часть Польши. Советские войска вышли на Вислу и к границе с Восточной Пруссией.

¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16 (5—4). С. 136—137; Операция «Багратион». Освобождение Беларуси. М., 2004. С. 379—380.

² См.: Великая Отечественная война. 1941—1945. Военно-исторические очерки. Кн. 3. Освобождение. С. 76.

³ См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 296.

Глава 9. НА ЗЕМЛЕ ДРЕВНИХ ПРУССОВ

Осенью 1944 г. германское командование, придерживаясь в целом оборонительной стратегии, особое внимание уделило удержанию в своих руках Прибалтики и Венгрии. Активными действиями в этих районах оно намеревалось сохранить их в течение зимы 1944/45 г. Одновременно противник готовился к нанесению ряда контрударов в Южной Прибалтике. Группа армий «Север», оборонявшаяся на северо-западе, насчитывала 730 тыс. человек, 7 тыс. орудий и минометов, около 1250 танков и штурмовых орудий, 400 боевых самолетов¹. Основные усилия были сосредоточены на рижском направлении, где противник сконцентрировал все пять танковых дивизий, а также перебросил в район Эргли с других участков до трех пехотных дивизий. Значительные силы стягивались также в район Нарвы. Противник создал в Прибалтике ряд оборонительных рубежей, в том числе четыре рубежа в полосе севернее Западной Двины, эшелонированные в глубину включительно до Риги.

Группе армий «Север» противостояли войска трех Прибалтийских и Ленинградского фронтов, а также силы Балтийского флота. Всего около 2 млн человек, 17,5 тыс. орудий и минометов, 3 тыс. танков и САУ, 2,6 тыс. боевых самолетов. Им совместно с 3-м Белорусским фронтом предстояло подготовить и провести Прибалтийскую стратегическую наступательную операцию в целях разгрома группы армий «Север», завершения освобождения Эстонии, Латвии, Литвы и восстановления государственной границы Советского Союза на северо-западном направлении.

В рамках Прибалтийской операции войска 1, 2 и 3-го Прибалтийских фронтов должны были провести Рижскую наступательную операцию, часть сил 1-го Прибалтийского фронта совместно с 39-й армией 3-го Белорусского фронта — Мемельскую, а Ленинградский фронт — Таллинскую и Моонзундскую десантную операции. По решению Сталина от 29 августа на Василевского

¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16 (5—4). М.: ТЕРРА, 1999. С. 17.

было возложено руководство операциями трех Прибалтийских фронтов¹.

И.В. Сталин и А.М. Василевский, детально обсудив план дальнейших действий, определили задачи Прибалтийских фронтов, которые нашли отражение в директивах Ставки ВГК от 26 и 29 августа². Цель Рижской операции заключалась в разгроме вражеской группировки на рижском направлении, освобождении Риги и выходе на побережье Рижского залива, не допустив отхода войск группы армий «Север» в Восточную Пруссию. Исходя из этой цели под руководством Василевского был выработан следующий замысел операции: ударами войск 1, 2 и 3-го Прибалтийских фронтов по сходящимся направлениям на Ригу расчленив противостоявшую группировку противника, силами правого крыла 1-го Прибалтийского фронта выйти в низовье Западной Двины и на побережье Рижского залива в районе Риги и отсечь вражескую группировку от Восточной Пруссии, после чего разгромить ее по частям.

К началу Рижской операции на фронтах за счет перегруппировок войск и выдвижения на прибалтийское направление резервов Ставки ВГК (61-я армия, танковый корпус, артиллерийская дивизия прорыва) были созданы сильные ударные группировки. Советские войска превосходили противника в людях в 1,2 раза, в артиллерии — в 3, в танках и САУ — в 2,5, а в авиации (с учетом авиации Балтийского флота) — в 6,6 раза.

Переход в наступление планировался на 5 — 7 сентября. Столь сжатые сроки потребовали от Василевского максимального напряжения всех духовных и физических сил. Он, проверяя подготовку войск к наступлению, часто переезжал с одного командного пункта на другой. Однажды вечером автомобиль маршала ехал с КП 2-го Прибалтийского фронта в штаб 1-го Прибалтийского фронта. Навстречу с огромной скоростью мчался «виллис». За рулем сидел офицер. Машина маршала не успела ни отвернуть, ни остановиться, как он врезался в нее. Пассажиры вылетели из машины. Василевский с трудом встал, сильно болели голова и бок.

¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16 (5—4). С. 132.

² Там же. С. 130—133.

К нему подошел бледный, как полотно, старший лейтенант и протянул свой пистолет.

— Товарищ маршал, — срывающимся голосом проговорил он, — расстреляйте меня, я этого заслуживаю.

«Он был или пьян, или казался таким от потрясения, — вспоминал Александр Михайлович. — Я приказал ему убрать оружие, отправиться в часть и доложить там о случившемся. Десять дней провалялся я у себя в управлении группы, не вставая с постели. Потом постепенно включился в работу с выездами в войска. Но историей этого офицера, к сожалению, не помню его фамилии, пришлось еще заниматься. Как мне доложили, командование решило отдать его под суд военного трибунала. Я поинтересовался, кто этот офицер, и узнал, что он является командиром фронтовой роты разведки, отличался в боях, дисциплинарных нарушений не имел. Пришлось заступиться. Как только он приступил к исполнению служебных обязанностей, в ту же ночь блестяще выполнил боевое задание. А через некоторое время, как мне говорили, был удостоен звания Героя Советского Союза. Когда примерно через месяц я приехал в Москву и пошел на рентген, врачи установили, что у меня были следы перелома двух ребер»¹.

Проверка войск показала, что на 1-м и 2-м Прибалтийских фронтах они не успевают к 5 — 7 сентября завершить все подготовительные мероприятия. Поэтому по просьбе Василевского директивами Генерального штаба № 204698 и 204699 от 5 сентября начало наступления было перенесено на 15 сентября. Однако оно началось на сутки раньше, утром 14 сентября после мощной артиллерийской и авиационной подготовки. К исходу дня 4-я ударная и 43-я армии 1-го Прибалтийского фронта прорвали оборону 1-го армейского корпуса противника в районе Бауска на участке шириной 25 км и продвинулись до 14 км. 16 сентября соединения 43-й армии вышли к г. Балдоне, а передовой отряд 3-го гвардейского механизированного корпуса — к Западной Двине.

В полосе наступления войск 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов бои с самого начала приняли ожесточенный характер. Войска

¹ Цит. по: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. С. 440.

3-й ударной армии 2-го Прибалтийского фронта сумели за день преодолеть всего 2—4 км. Попытка ввести в сражение 5-й танковый корпус успеха не имела. Противник, воспользовавшись медленным продвижением войск 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов, силами 4-й, 5-й танковых дивизий и моторизованной дивизии «Великая Германия» (около 200 танков и самоходных орудий) нанес утром 17 сентября контрудар в полосе 6-й гвардейской армии 1-го Прибалтийского фронта. Потеряв до 60 единиц бронетехники, он сумел вклиниться в оборону войск армии на 4 — 5 км. В 10 часов утра следующего дня противник возобновил наступление, которое с трудом сдерживалось войсками армии. К исходу дня 18 сентября после ввода в сражение вторых эшелонов соединения 79-го и 100-го стрелковых корпусов в полосе 1-го Прибалтийского фронта прорвали сильно укрепленную оборону и вышли к р. Огре.

Командующий группой армий «Север» генерал-полковник Шернер, под впечатлением успешного наступления войск 1-го Прибалтийского фронта, обратился к Гитлеру с просьбой разрешить оставить Эстонию, чтобы прорваться на запад. Но Гитлер отказал ему в этом. Тогда Шернер приказал направить для укрепления обороны Риги все караульные и охранные батальоны, а обозы и службы тыла должны были сдерживать прорвавшиеся танки и ни в коем случае не сдавать опорные пункты. Одновременно были нанесены новые контрудары в полосе 1-го Прибалтийского фронта. 21 сентября 14-я танковая дивизия врага потеснила части 79-го стрелкового корпуса на рубеж 1—3 км восточнее р. Огре. Но к этому времени силы противника были значительно подорваны. Поэтому в ночь на 22 сентября, прикрываясь арьергардами, противник отвел свои войска на западный берег рек Личупе и Огре и перешел к подвижной обороне.

По решению маршала Василевского в сражение были введены 1-й и 19-й танковые корпуса. Одновременно к вводу в сражение готовилась 5-я гвардейская танковая армия, которой теперь командовал генерал-лейтенант танковых войск В.Т. Вольский.

Отражая яростный штурм врага, пришлось на два дня задержать удар 51-й армии 1-го Прибалтийского фронта на Тукумс. Войска 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов, преодолевая упорное сопротивление противника, медленно продвигались к Сигулде — обо-

ронительному рубежу в 70 км от Риги. Для оказания им помощи Ставка решила ввести в сражение вдоль Рижского шоссе 61-ю армию генерал-полковника П.А. Белова.

Упорное сопротивление противника потребовало внести изменения в ранее разработанный план. 24 сентября Сталин и Василевский обсудили этот вопрос в разговоре по прямому проводу.

— Товарищ Сталин, предлагаю перенести направление удара 1-го Прибалтийского фронта с рижского на мемельское направление, — сказал Василевский. — Это позволит быстрее и с меньшими потерями осуществить отсечение прибалтийской группировки противника от Восточной Пруссии.

— Согласен. Фронт будет усилен 5-й гвардейской танковой армией. Каковы ваши предложения по задачам войск 1-го и 2-го Прибалтийских фронтов?

— Считаю, что 3-ю ударную и 22-ю армии 2-го Прибалтийского фронта необходимо перевести на южный берег Даугавы, сменив не позже 3 октября здесь соединения 4-й ударной и 51-й армий 1-го Прибалтийского фронта. Кроме того, намечаю 42-ю и 10-ю гвардейскую армии круто сдвинуть на юг. Войска 2-го Прибалтийского фронта должны во взаимодействии с 3-м Прибалтийским фронтом овладеть Ригой и в дальнейшем очистить от противника побережье от Риги до Либавы. С целью усиления левого крыла 1-го Прибалтийского фронта в район Шяуляя к 25 сентября будет перегруппирована 5-я гвардейская танковая армия, а к 28 сентября — 43-я армия. В центре полосы наступления фронта в сражение введем 4-ю ударную и 51-ю армии после их смены войсками 2-го Прибалтийского фронта. Войска 43-й, 2-й гвардейской и 5-й гвардейской танковой армий должны прорвать оборону противника к западу и юго-западу от Шяуляя и выйти на побережье Балтийского моря на участке Паланга, Мемель (Клайпеда), устье Немана, отрезав тем самым прибалтийской группировке врага пути отхода в Восточную Пруссию. Начало наступления — 1 — 2 октября.

Сталин одобрил решение Василевского, которое нашло отражение в директиве № 220224 от 24 сентября¹. Она легла в основу замысла Мемельской наступательной операции. Ее план был раз-

¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16 (5—4). С. 149.

работан командующим и штабом 1-го Прибалтийского фронта при участии маршала Василевского. Главный удар на участке шириной 19 км наносили 43-я армия и 6-я гвардейская армия, усиленная 19-м танковым корпусом. На этом же направлении намечалось ввести в сражение второй эшелон фронта (5-я гвардейская танковая¹ и 51-я армии). Вспомогательный удар на кельме-тильзитском направлении наносила 2-я гвардейская армия, усиленная 1-м танковым корпусом, а 39-я армия 3-го Белорусского фронта наступала на Таураге и далее на Тильзит. Командующему 4-й ударной армией предписывалось занять 84-м стрелковым корпусом оборону на правом фланге ударной группировки 1-го Прибалтийского фронта по р. Света фронтом на северо-запад и подготовить совместно с 3-м гвардейским механизированным корпусом контрудар на Ауце. Этим обеспечивалось прикрытие 6-й гвардейской армии от ударов с севера.

Соединения 5-й гвардейской танковой армии после ввода в прорыв должны были к исходу второго дня операции углубиться в оборону противника на 60 км, а в дальнейшем прорваться к Балтийскому морю на рубеже Паланга, Мемель. На авиацию 3-й воздушной армии возлагались ведение воздушной разведки, прикрытие войск 1-го Прибалтийского фронта, борьба с авиацией и резервами противника, проведение авиационной подготовки атаки. В резерве командующего фронтом находился 3-й гвардейский механизированный корпус.

К началу операции на расстоянии от 80 до 240 км были перегруппированы войска пяти общевойсковых и одной танковой армий, два танковых, один механизированный и два стрелковых корпуса, переданные 1-му Прибалтийскому фронту из состава 2-го Прибалтийского фронта. Всего перегруппировкой были охвачены 500 тыс. человек, более 9 тыс. орудий и минометов и свыше 1,3 тыс. танков и САУ.

С целью скрыть от противника перегруппировку войск маршал Василевский приказал соединениям 4-й ударной армии и 3-му гвардейскому механизированному корпусу демонстрировать возобновление наступления на Ригу с юга, активизировать все виды

¹ 5-я гвардейская танковая армия имело всего 17 танков.

разведки, осуществлять переброску частей. По проводным средствам связи специально подготовленные командиры вели переговоры, связанные с подготовкой к возобновлению наступления. Таковую же задачу решала 51-я армия в районе Елгавы. Под Шяуляем, наоборот, были организованы демонстративные оборонительные работы, а по телефонной сети разговоры велись только по вопросам укрепления обороны.

В результате перегруппировки войск на направлении главного удара были сосредоточены 35 стрелковых дивизий (из 57), 777 танков и САУ (из 1313) и вся артиллерия усиления. Это позволило создать на 1 км фронта следующие плотности: 180 — 200 орудий и минометов, 30 — 50 танков и САУ¹. С целью завершить все подготовительные мероприятия Василевский добился у Сталина разрешения перенести начало наступления 1-го Прибалтийского фронта на 5 октября.

Разведка группы армий «Север» только 2 октября обнаружила перегруппировку войск 1-го Прибалтийского фронта в район Шяуляя. Генерал-полковник Шернер сразу же принял меры к усилению своей группировки на этом направлении. К утру 5 октября советским войскам здесь противостояли оперативная группа «Грассер» и 3-я танковая армия (всего 16 дивизий, 4 бригады и 2 отдельных тяжелых танковых батальона), понесшие в предыдущих боях большие потери. Противник опирался на три оборонительных рубежа. Главная полоса обороны (глубина до 5 км) представляла собой линии стрелковых ячеек и пулеметных позиций, связанных густой сетью ходов сообщения и прикрытых плотным кольцом инженерных заграждений. Вторая оборонительная полоса находилась на удалении от 14 до 28 км от главной полосы. Различное удаление этого рубежа вызвано было стремлением оборудовать его под прикрытием рек Вирвите и Крожента. Третий оборонительный рубеж, проходивший по линии городов Мемель, Тильзит (Советск), был самым мощным и глубоким из всех. Его третья позиция была оборудована по Неману. Кроме того, была подготовлена отсечная оборонительная позиция, проходившая через озера Биржулис и Лукштас. Особенно мощные узлы обороны были созданы вокруг

¹ См.: *Баграмян И.Х.* Так шли мы к победе. М.: Воениздат, 1977. С. 435.

городов Тришкяй, Кельме, Тельшай (Тельшяй), Плунге, Ретавас, Либава (Лиепая), Мемель.

При подготовке к Мемельской операции Сталин 30 сентября принял решение освободить маршала Василевского от руководства операциями 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов. За ним оставалось руководство операциями 1-го Прибалтийского фронта и снова возлагалось руководство операциями 3-го Белорусского фронта, который силами 39-й и 1-й воздушной армий участвовал в Мемельской операции. Главным силам фронта предстояло провести Гумбиннен-Гольдапскую операцию. В директиве № 220235 от 3 октября от командующего фронтом генерала армии Черняховского требовалось:

«1. Подготовить и провести наступательную операцию силами 5А Крылова, 11-й гв. армии Галицкого и 28-й армии Лучинского с целью во взаимодействии с 1-м Прибалтийским фронтом разгромить тильзитско-инстербургскую группировку немцев и овладеть районом Кёнигсберга.

Главный удар нанести смежными флангами 5-й и 11-й гв. армий (всего восемнадцать сд) из района Вилкавишкиса в общем направлении на Гумбиннен и далее вдоль южного берега р. Прегель. На участок прорыва привлечь четыре артдивизии и создать плотность артиллерии не менее 200 стволов (от 82-мм и выше) на 1 км фронта прорыва.

Предусмотреть действия части сил соседних армий из района Ширвиндта на Лазденен и из района Почернувки на Вижайны с целью свертывания обороны противника на флангах прорыва.

2. Ближайшая задача войск фронта — не позднее 8—10-го дня операции овладеть рубежом Инстербург, Даркемен, Гольдап. В дальнейшем наступать на Алленбург, Прейсиш-Айлау, выделив часть сил для атаки Кёнигсберга с юга.

3. 28-ю армию вести во втором эшелоне за главной группировкой, используя ее для наращивания силы удара при развитии наступления.

4. Иметь в виду использование 39-й армии по выходе ее на р. Неман для усиления наступательной группировки фронта на заданном направлении»¹.

¹ Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16(5—4). С. 154—155.

4 октября Василевский заслушал решение командующего 3-м Белорусским фронтом генерала Черняховского.

— Товарищ маршал, решил главный удар нанести, как и предписывает Ставка, силами 11-й гвардейской и 5-й армий. На правом крыле наступать 39-й армией на Лазденен с целью отрезать пути отхода противнику на запад. Левее ударной группировки на второй день операции планирую ввести в сражение 31-ю армию с целью расширения прорыва и развития успеха в направлении на Филиппув.

— Когда намечается ввод 2-го гвардейского танкового корпуса и какая плотность будет создана на главном направлении? — спросил Василевский.

— Ввод танкового корпуса намечен с утра второго дня операции в полосах наступления 11-й гвардейской и 5-й армий. На 1 км фронта будет сосредоточено до 220 орудий и минометов, 25 танков и САУ.

Маршал Василевский утвердил решение Черняховского.

5 октября, как и намечалось, в наступление перешли войска 1-го Прибалтийского фронта. В связи с тем, что день выдался дождливым, а сплошной туман ограничивал видимость, по решению маршала Василевского время атаки было перенесено на несколько часов. К 11 часам подул легкий ветерок и разогнал туман. Через 10 минут в полосе фронта началась 30-минутная артиллерийская подготовка. После ее завершения в наступление перешли передовые батальоны дивизий первого эшелона 6-й гвардейской, 43-й и 2-й гвардейской армий. Они в течение часа — полутора часов прорвали первую и вторую позиции противника, углубившись в его оборону на 2 — 4 км. Используя их успех, во второй половине дня начали наступление главные силы этих армий, которые к исходу дня вышли ко второй полосе обороны врага, продвинувшись на глубину до 17 км.

Генерал армии Баграмян, учитывая успешное продвижение частей первого эшелона, приказал командующему 5-й гвардейской танковой армией начать выдвижение за ними своих передовых отрядов. Однако сделать это оказалось непросто, так как тылы наступавших стрелковых дивизий задерживали выдвижение танковых и механизированных бригад к рубежу ввода в сражение. В этой

связи командующий фронтом решил начать ввод танковой армии с наступлением светлого времени.

6 октября в прорыв вошли подвижные группы: 6-й гвардейской армии — 19-й танковый корпус; 2-й гвардейской армии — 1-й танковый корпус; фронта — 5-я гвардейская танковая армия. Одновременно началось наступление войск 39-й армии 3-го Белорусского фронта. Генерал Шернер, стремясь удержать за собой пути для отхода в Восточную Пруссию, начал переброску из района Риги частей 5-й и 7-й танковых дивизий, моторизованной дивизии СС «Великая Германия». С целью не допустить этого генерал армии Баграмян приказал 3-му гвардейскому танковому корпусу пробиваться через Тельшай (Тельшяй), Плунге, Кретинга на Палангу, а 29-му танковому корпусу — через Лукники, Ретавас на Мемель. Оба корпуса, переправившись через р. Вента, опередили стрелковые дивизии и устремились ко второму оборонительному рубежу, проходившему по рекам Вирвите и Упина.

В середине дня 6 октября армии, наступавшие на Мемель и севернее, вели упорные бои за второй оборонительный рубеж по рекам Вирвите и Упина, встречая организованное сопротивление пехоты и подоспевших частей 5-й, 7-й танковых дивизий и моторизованной дивизии СС «Великая Германия». Передовым отрядам 5-й гвардейской танковой армии, понесшим большие потери, не удалось с ходу преодолеть второй оборонительный рубеж. Серьезное препятствие представляли не только заболоченные реки, но и противотанковые заграждения, защищаемые плотным огнем артиллерии и закопанных танков. Командующий армией генерал Вольский обратился к генералу армии Баграмяну с просьбой разрешить осуществить маневр на юг в полосу 1-го стрелкового корпуса 43-й армии, где обозначился успех. Об этом командующий фронтом доложил Василевскому, который одобрил такой маневр. В середине ночи войска 5-й гвардейской танковой армии преодолели второй оборонительный рубеж противника южнее местечка Упина и силами передовых отрядов устремились на запад. В результате брешь в обороне противника расширилась до 80 км.

7 октября войска 1-го Прибалтийского фронта добились еще больших успехов, несмотря на ожесточенные контратаки противника. Главные силы 6-й гвардейской и 43-й армий продвинулись на

25 — 30 км. Столько же прошла 2-я гвардейская армия, которая соединилась с 39-й армией 3-го Белорусского фронта. Бригады 29-го танкового корпуса 5-й гвардейской танковой армии, преодолев с боями около 60 км, почти на 12 км оторвались от главных сил 43-й армии. И только в полосе 4-й ударной армии, где противник оказывал упорное сопротивление, удалось продвинуться всего до 5 км. Но это не повлияло на действия главных сил фронта, которые расширили прорыв до 130 км.

С целью наращивания силы удара командующий 1-м Прибалтийским фронтом с разрешения маршала Василевского ввел в сражение главные силы 51-й армии на стыке 6-й гвардейской и 43-й армий. Они, несмотря на изнуряющий дождь, продолжили наступление. В 11 часов 8 октября передовой отряд 1-го гвардейского стрелкового корпуса 51-й армии овладел г. Тельшай. Почти одновременно 25-я танковая бригада 29-го танкового корпуса с ходу освободила г. Плунге и прорвалась на дальние подступы к Мемелю. Соединения 43-й армии продвинулись к западу на 25 — 30 км, 2-я гвардейская армия — на 22 — 30 км, а 6-й гвардейской армии — на 20 км, выйдя на отдельных направлениях к третьему оборонительному рубежу противника. На следующий день войска 43-й армии совместно с корпусами 5-й гвардейской танковой армии форсировали р. Миния и вышли к границе Мемельской области. 10 октября соединения танковой армии совместно с частями 51-й армии освободили г. Кретинга, вызволили из неволи тысячи узников концлагеря, а к исходу дня вышли к Балтийскому морю севернее Мемеля. 11 октября южнее города к морю вышла 43-я армия, а соединения 2-й гвардейской и 39-й армий — к границе с Восточной Пруссией.

В результате успешного наступления войск 1-го Прибалтийского фронта и 39-й армии 3-го Белорусского фронта главные силы группы армий «Север» оказались отрезанными от Восточной Пруссии. 3-я танковая армия была выведена из подчинения командующего группой армий «Север» и передана в состав группы армий «Центр». Гитлер, узнав о выходе советских войск к Балтийскому морю севернее и южнее Мемеля, разрешил Шернеру с вечера 12 октября отвести войска из района Риги на Курляндский полуостров. Но командующий группой армий «Север» не успел выполнить эту задачу. На рижском направлении 42-я и 10-я гвар-

дейская армии 2-го Прибалтийского фронта совместно с войсками 3-го Прибалтийского фронта, который наступал с северо-востока, продолжали медленно продвигаться к столице Латвии. Противник, опасаясь быть отрезанным восточнее Риги, в ночь на 6 октября начал постепенно отводить свои войска в западном направлении. Одновременно он усиленно готовился к эвакуации города, который был освобожден 13 октября.

15 октября в наступление на тильзитско-инстербургском направлении после двухчасовой артиллерийско-авиационной подготовки перешли основные силы 3-го Белорусского фронта. Однако ожесточенное сопротивление противника привело к тому, что темп наступления, особенно в полосе 5-й армии, замедлился: сказался недостаток в тяжелой артиллерии и танках.

16 октября Сталин принял решение упразднить 3-й Прибалтийский фронт. Его 1-я ударная армия передавалась в состав 2-го Прибалтийского фронта, 67-я армия — Ленинградскому фронту. 14-я воздушная армия временно подчинялась в оперативном отношении командующему 2-м Прибалтийским фронтом. По решению Сталина на Василевского снова возлагалось руководство операциями трех фронтов — 1-го и 2-го Прибалтийских и 3-го Белорусского¹. Около 11 часов вечера 19 октября Сталин вызвал Василевского к прямому проводу:

— Товарищ Василевский, вашей основной задачей является руководство операциями 1-го и 2-го Прибалтийских фронтов. Необходимо все силы и средства этих фронтов направить на быстрейшую ликвидацию противника северо-восточнее Либавы и в районе Мемеля. С этой целью использовать не менее четырех артиллерийских дивизий, авиацию дальнего действия и Балтийского флота, которые должны нанести удары по скоплениям противника, его артиллерийским позициям и портам Либавы и Виндава. Одновременно следует предусмотреть борьбу на морских коммуникациях противника, используя подводные лодки Балтийского флота.

Однако к этому времени темп продвижения войск 1-го Прибалтийского фронта из-за нарастающего сопротивления врага стал снижаться. 20 октября они вынуждены были перейти к обороне на

¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16(5—4). С. 159.

рубеже восточнее Ауце, южнее Мажейкяй, Приекуле, севернее озера Папес. 43-я армия частью сил блокировала гарнизон Мемеля (4 дивизии), а главными силами совместно со 2-й гвардейской армией к 22 октября очистила от противника побережье Балтийского моря и северный берег Немана. На этом завершилась Мемельская операция, в ходе которой советские войска продвинулись на запад на 150 км, освободив 3500 населенных пунктов. Курляндская группировка противника оказалась изолированной и прижатой к морю, создались условия для разгрома противника в Восточной Пруссии.

Войска 3-го Белорусского фронта продолжили наступление. Генерал армии Черняховский, оценив обстановку, создавшуюся в полосе 5-й армии, принял решение перенести главный удар в направлении Гросс-Тракенен, Неммерсдорф, где наметился успех 11-й гвардейской армии. Маршал Василевский утвердил это решение. Одновременно он приказал перебросить на это направление в ночь на 19 октября 2-й гвардейский танковый корпус и силами фронтовой авиации нанести удары по вражеской обороне.

20 октября части 2-го гвардейского танкового корпуса во взаимодействии с 16-м гвардейским стрелковым корпусом прорвали вторую полосу обороны противника, выйдя к р. Роминте. С целью наращивания удара Черняховский по согласованию с Василевским утром следующего дня ввел в сражение на стыке 5-й и 11-й гвардейской армий второй эшелон фронта — 28-ю армию генерала А.А. Лучинского. Противник тоже не дремал, подтянув резервы к угрожаемому участку. В результате темп наступления 28-й армии замедлился. Черняховский, оценив обстановку, доложил Василевскому:

— Товарищ маршал, сейчас сложилась выгодная обстановка в полосе наступления 11-й гвардейской армии. Противник здесь ослабил свое сопротивление. Поэтому решил основные силы бомбардировочной и штурмовой авиации нацелить на поддержку 2-го гвардейского танкового корпуса, наступающего в обход Гумбиннена с юга, и 16-го гвардейского стрелкового корпуса, продвигающегося к реке Ангерапп.

Маршал Василевский одобрил решение командующего 3-м Белорусским фронтом. В результате своевременно маневра сила-

ми и средствами в оборону противника был вбит глубокий клин. Противник со своей стороны тоже предпринял контрмеры. Воспользовавшись тем, что части 2-го гвардейского танкового и 16-го гвардейского стрелкового корпусов, оторвавшись от главных сил фронта, оголили свои фланги, он решил срезать этот клин. Более 200 танков, поддержанных четырьмя бригадами штурмовых орудий и отдельной бригадой шестиствольных минометов, нанесли контрудар с севера и юга по сходящимся направлениям под основание клина в районе Вальтеркемена. Это вынудило Черняховского отвести части обоих корпусов назад, на восточный берег р. Роминте, и прикрыть их фланги.

Войска 3-го Белорусского фронта, отбив многочисленные контратаки противника, вскоре вновь перешли в наступление. Несмотря на отсутствие активных действий со стороны соседей и нехватку тяжелых танков и самоходно-артиллерийских установок, войска фронта все же сокрушили мощные долговременные укрепления противника на границе Восточной Пруссии и продвинулись до 30 км в глубь вражеской территории, расширив прорыв до 140 км по фронту.

Дальнейшее наступление войск 3-го Белорусского фронта сопровождалось значительными потерями, ибо противник, перебросив крупные силы с неатакованных участков и соседних фронтов, стал оказывать все более упорное сопротивление. Поэтому 27 октября Василевский и Черняховский приняли решение о переходе к обороне на рубеже Сударги, Шиллен, Августов. Сталин не стал возражать и 5 ноября директивой № 220235 подтвердил это решение¹.

В ходе Гумбиннен-Гольдапской наступательной операции войска 3-го Белорусского фронта не сумели выполнить полностью поставленные задачи, так как у них не хватило сил и средств для преодоления мощной вражеской обороны. Из 404,5 тыс. человек, насчитывавшихся во фронте к началу операции, было потеряно 79 527 человек, в том числе 16 819 безвозвратно². В то же время

¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16(5—4). С. 166.

² См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 316.

противник для отражения наступления войск фронта вынужден был перебросить в район Тильзита дивизии танкового корпуса «Герман Геринг».

В результате Мемельской и Рижской операций на Курляндском полуострове в западной части Латвии были отсечены от основных сил вермахта и прижаты к Балтийскому морю 16-я и 18-я армии группы армий «Север». Они насчитывали 450 тыс. человек¹. На аэродромах Курляндии базировались 200 самолетов 1-го воздушного флота противника. С моря отсеченную группировку поддерживали корабли военно-морского флота, основные силы которого были сосредоточены в восточной части Балтийского моря. Войска противника занимали заблаговременно подготовленную оборону. Помимо тукумского оборонительного рубежа по линии Тукумс, Джукстэ, Ауце (две полосы общей глубиной 10—14 км) были подготовлены два оперативных рубежа по линии Кандава, Салдус и по западному берегу р. Вента, оборонительные обводы у портов Лиепая и Вентспилс, а также ряд промежуточных и отсечных позиций. В целом вся территория котла представляла собой своеобразный укрепленный район с флангами, упирающимися в море.

Против войск группы армий «Север» в Курляндии действовали 1-й и 2-й Прибалтийские фронты в составе девяти общевойсковых (1, 3 и 4-я ударные, 6-я и 10-я гвардейские, 22, 42, 51 и 61-я), одной танковой (5-я гвардейская) и трех воздушных (3, 14, 15-я) армий. Их поддерживали авиация дальнего действия и Балтийский флот. Войска, испытывая трудности с боеприпасами, имели в 2 раза больше дивизий, однако их численность была в 1,5—2 раза меньше дивизий противника. В большинстве соединений насчитывалось всего 500—1000 человек активного состава.

Командование вермахта сразу же после отсечения группы армий «Север» планировало пробить коридор в Восточную Пруссию и вывести через него свои войска. С этой целью южнее Лиепая спешно создавалась ударная группировка из специально сформированного 39-го танкового и 1-го армейского корпусов (3 танковые, 5 пехотных дивизий), усиленных значительным количеством артиллерии РГК и поддерживаемых 1-м воздушным флотом и кораблями.

¹ См.: Бердников Г.И. Первая ударная: Боевой путь 1-й ударной армии в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1985. С. 223.

Одновременно предполагалось нанести встречный удар из района Тильзита на Клайпеду танковым корпусом «Герман Геринг».

В связи с тем, что в полосе 3-го Белорусского фронта наступило временное затишье, маршал Василевский сосредоточил все свое внимание на действиях войск 1-го и 2-го Прибалтийского фронтом. Этого, как мы помним, требовал и Сталин. По решению Василевского войска левого крыла 1-го Прибалтийского фронта должны были нанести удар в направлении Лиепая. 2-му Прибалтийскому фронту предстояло силами трех армий (42-я, 10-я гвардейская, 3-я ударная) нанести главный удар из района восточнее Ауце (55 км юго-западнее Тукумса) в направлении Салдуса, а вспомогательный удар — смежными флангами 1-й ударной и 22-й армий вдоль железной дороги Елгава — Тукумс.

Утром 27 октября войска 3-й ударной армии 2-го Прибалтийского фронта при поддержке артиллерии и авиации перешли в наступление. Они, преодолевая упорное сопротивление противника, к исходу дня прорвали его основной рубеж обороны. Но враг не сдавался. За счет переброски частей с других участков ему удалось довести свою группировку, действовавшую против 3-й ударной армии, с трех до пяти дивизий. Поэтому с целью завершения прорыва вражеской обороны командующий армией генерал Герасимов в ночь на 28 октября ввел в сражение вторые эшелоны 7-го и 79-го стрелковых корпусов — 198-ю и 207-ю стрелковые дивизии. В условиях осенней распутицы, при низкой укомплектованности дивизий, ограниченных средствах усиления, испытывая недостаток в боеприпасах, войска армии сумели за пять дней продвинуться всего на 30 км и выйти на линию железной дороги Ауце — Лайжува.

Войска 10-й гвардейской армии, наносившие удар севернее, в обход Ауце справа, никак не могли прорвать оборону противника. В результате правый фланг 3-й ударной армии растянулся, для обеспечения которого пришлось задействовать две дивизии. Это не позволяло наращивать силу удара. Все попытки сломить противника, расчленив его и уничтожить окончились неудачно. Более тридцати вражеских дивизий продолжали оказывать упорное сопротивление. Генерал Шернер, стремясь повысить боеспособность своих войск, в одном из приказов отмечал: «Тем, кто по своей глупости или злонамеренности сравнивает положение наших войск

с судьбой армии Паулюса под Сталинградом и болтает о котле, следует заткнуть глотку»¹.

1 ноября соединения 3-й ударной армии совершили еще один рывок, выбив внезапной атакой противника из крупного населенного пункта Лайжува. Но для развития успеха сил уже не было. Не изменил ситуацию и ввод в сражение прибывшего в состав армии 12-го гвардейского стрелкового корпуса, который сменил понесший большие потери 14-й гвардейский стрелковый корпус.

Войска 1-го Прибалтийского фронта также утром 27 октября перешли в наступление. Однако, встретив ожесточенное сопротивление противника, они сумели за три дня продвинуться всего на 6 км. Соединения 5-й гвардейской танковой армии, введенные в сражение, несколько вырвались вперед и к полудню захватили плацдарм на р. Дзелда в районе Лиелдзеллы. К этому времени соединения 6-й гвардейской и 61-й армий прорвались к р. Вента от населенного пункта Нигранда до устья р. Штервелке. Командующий группой армий «Север» вынужден был разрешить отступить частям, упорно оборонявшимся в выступе к югу от железной дороги Мажейкяй — Ауце. К 6 ноября эта дорога была занята советскими войсками. Но тут наступление пришлось снова прекратить. Бесперывные осенние дожди настолько усилили распутицу, что продвижение вперед стало попросту невозможным.

В связи с тем, что войска 3-го Белорусского фронта перешли к обороне, Сталин 8 ноября принял решение оставить за маршалом Василевским руководство операциями только 1-го и 2-го Прибалтийских фронтов². Их войска, несмотря на все усилия, не смогли преодолеть ожесточенное сопротивление противника. Поэтому 24 ноября они также временно перешли к обороне. На этом завершилась Прибалтийская стратегическая наступательная операция, в ходе которой была освобождена почти вся Прибалтика. Группа армий «Север» потеряла коммуникации, связывавшие ее по суше с Восточной Пруссией. Из 59 дивизий были разгромлены 26, а три полностью уничтожены. Остальные силы этой группы оказались прижатыми к морю в Курляндии и в районе Мемеля. С утратой

¹ Цит. по: Баграмян И.Х. Так шли мы к победе. С. 486.

² См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16 (5—4). С. 168.

Прибалтики Германия лишилась выгодного стратегического района, который обеспечивал ее флоту свободу действий в восточной части Балтийского моря, а также важной промышленной, сырьевой и продовольственной базы. Однако главная цель наступления в Прибалтике — разгром группы армий «Север» — не была достигнута. Основными причинами незавершенности операции являлись: слабость первоначальных ударов фронтов, приводившая к затяжным боям при прорыве вражеской обороны; плохая организация разведки, что позволяло противнику безнаказанно маневрировать своими силами и средствами в широких масштабах; скованность в действиях Балтийского флота, не позволявшая установить эффективную блокаду морского побережья.

Еще на завершающем этапе Белорусской операции в Ставке ВГК и Генштабе началась работа над планом новой кампании, целью которой являлся разгром вермахта и взятие Берлина. В начале ноября план был готов. Он предусматривал одновременное наступление на всем советско-германском фронте. Главный удар планировалось нанести на варшавско-берлинском направлении силами 1-го, 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов. Войскам 1-го Белорусского, 1-го и 4-го Украинских фронтов предстояло разгромить немецкую группировку в Западной Польше и в Чехословакии. Перед войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов стояла задача завершить разгром противника в Венгрии и в южных районах Чехословакии, после чего развернуть наступление на Вену. 1-й и 2-й Прибалтийские фронты получили задачу перейти к обороне, блокируя курляндскую группировку противника, а при попытке ее эвакуации — возобновить активные боевые действия. Разгром противника в Восточной Пруссии возлагался на войска 3-го и 2-го Белорусских фронтов. После отсечения восточнопрусской группировки от центральных районов Германии главные силы 2-го Белорусского фронта должны были продолжать наступление на запад. Ликвидацию прижатых к морю немецких войск планировалось осуществить 3-м Белорусским и частью сил 2-го Белорусского фронтов.

Главное командование вермахта в начале 1945 г. намечало продолжать затягивание войны, надеясь на возникновение противоречий между странами антигитлеровской коалиции и на заключение

сепаратного договора с Англией и США. Этим и был обусловлен его стратегический план: создание мощной оборонительной системы и нанесение сильных контрударов с целью недопущения продвижения войск Красной Армии на запад.

В Восточной Пруссии оборонялась группа армий «Центр» (генерал-полковник Г. Райнхардт), насчитывавшая 780 тыс. человек, 8200 орудий и минометов, 700 танков и штурмовых орудий, 775 самолетов¹. Она должна была не допустить дальнейшего продвижения советских войск, при благоприятных условиях нанести мощный контрудар во фланг и в тыл их главной стратегической группировки на берлинском направлении. На вероятных путях наступления советских войск заблаговременно была создана глубококошелолированная система оборонительных полос и укрепленных районов. Наиболее сильно были укреплены оборонительные позиции на западном берегу р. Дайме. В глубине Восточной Пруссии, а также в Северной Польше имелось шесть укрепленных районов. Самым мощным из них был Хейльсбергский укрепрайон с крепостью Кёнигсберг. Вся система укреплений имела общую глубину до 200 км.

С целью разгрома группировки противника в Восточной Пруссии и северной части Польши Ставка ВГК предусматривала провести Восточно-Прусскую стратегическую наступательную операцию. Для этого привлекались 2-й и 3-й Белорусские фронты, 43-я армия и 3-я воздушная армия 1-го Прибалтийского фронта, Балтийский флот и соединения 18-й воздушной армии; всего около 1670 тыс. человек, 25,5 тыс. орудий и минометов, 3,9 тыс. танков и САУ, 3,1 тыс. боевых самолетов².

«Восточнопрусскую группировку гитлеровцев нужно было разгромить во что бы то ни стало, ибо это освобождало армии 2-го Белорусского фронта для действий на основном направлении и снимало угрозу флангового удара из Восточной Пруссии по прорвавшимся на этом направлении советским войскам, — отмечал впоследствии Василевский. — Согласно замыслу общая цель операции заключалась в том, чтобы отсечь армии группы “Центр”,

¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16 (5—4). С. 22.

² Там же. С. 22.

оборонявшиеся в Восточной Пруссии, от остальных фашистских сил, прижать их к морю, расчленив и уничтожить по частям, полностью очистив от врага территорию Восточной Пруссии и Северной Польши. Успех такой операции в стратегическом отношении был исключительно важен и имел значение не только для общего наступления советских войск зимой 1945 года, но и для исхода Великой Отечественной войны в целом»¹.

В соответствии с общим замыслом войскам 2-го Белорусского фронта предстояло нанести глубокий охватывающий удар в направлении Мариенбург, Эльбинх (Эльблонг), а войскам 3-го Белорусского фронта и 43-й армии 1-го Прибалтийского фронта — севернее Мазурских озер на Кёнигсберг, чтобы отсечь группу армий «Центр» от остальных сил противника, прижать его к морю, расчленив и при поддержке Балтийского флота уничтожить по частям. На направлениях главных ударов были созданы ударные группировки, обеспечившие подавляющее превосходство над противником.

В рамках Восточно-Прусской операции войска 3-го Белорусского фронта должны были провести Инстербургско-Кёнигсбергскую, а 2-й Белорусский фронт — Млавско-Эльбингскую операции. Цель Инстербургско-Кёнигсбергской операции состояла в том, чтобы разгромить тильзитско-инстербургскую группировку противника, а затем, прочно обеспечивая главную группировку 3-го Белорусского фронта с юга, развивать наступление на Кёнигсберг по обоим берегам р. Прегель, имея главные силы на южном берегу этой реки². Целью Млавско-Эльбингской операции являлся разгром пшеаснышско-млавской группировки противника и развитие наступления на Нове-Място, Мариенбург³.

Наступление войск 3-го Белорусского фронта началось 13 января 1945 г., а 2-го Белорусского фронта — 14 января. Сложные погодные условия (туман, мокрый снег), ожесточенное сопротивление противника сказались на темпах наступления. К исходу дня 18 января войска 3-го Белорусского фронта, сломив сопротивление врага, прорвали его оборону севернее Гумбиннена (Гусев) на

¹ Цит. по: Василевский А.М. Дело всей жизни. С. 443—444.

² См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16 (5—4). С. 179.

³ Там же. С. 176—177.

фронте 65 км и на глубину до 45 км. Наиболее успешно действовала 39-я армия, в полосе которой были введены в сражение последовательно 2-й гвардейский и 1-й танковые корпуса и второй эшелон фронта — 11-я гвардейская армия, которую планировалось ввести в полосе 5-й армии. Войска 2-го Белорусского фронта, прорвав к 19 января вражескую оборону в полосе шириной 110 км и на глубину до 60 км и развивая стремительное наступление, 26 января вышли к Балтийскому морю севернее Эльбинга, отрезав пути отступления восточнопрусской группировке врага на запад. Высокие темпы наступления были обеспечены своевременным вводом в сражение 17 января подвижной группы фронта (5-я гвардейская танковая армия). Для деблокирования восточнопрусской группировки немецкая 4-я армия 27 января нанесла мощный контрудар силами 4 пехотных, 2 моторизованных и одной танковой дивизий. Для его отражения командующий 2-м Белорусским фронтом использовал 48-ю, 5-ю гвардейскую танковую армии, 8-й гвардейский танковый, 8-й механизированный и 3-й гвардейский кавалерийский корпуса, которые остановили группировку противника и отбросили ее назад. Войска 3-го Белорусского фронта во взаимодействии с 43-й армией 1-го Прибалтийского фронта разгромили тильзитско-инстербургскую группировку врага, 22 января овладели Инстербургом (Черняховск) и к 29 января вышли на побережье Балтийского моря, обойдя Кёнигсберг с севера, северо-запада и юго-запада. Балтийский флот активными действиями на морских коммуникациях противника содействовал наступлению сухопутных войск.

А.М. Василевский, оценивая позже ход Восточно-Прусской операции, писал: *«Мне приходилось читать в некоторых книгах упреки в адрес Ставки и Генерального штаба по поводу недостаточных темпов реализации замыслов оперативного плана. Было бы неверно утверждать, что Ставка и Генеральный штаб не допускали ошибок. Были они и при проведении Восточно-Прусской операции. Допустим, нам не удалось предотвратить отход главных сил 2-й немецкой армии за Вислу, в Восточную Померанию. Этот упрек в адрес тогдашних работников Ставки и Генштаба справедлив. Но не следует приписывать Ставке и Генштабу то, что они не принимали мер к ускорению темпов проведения операции. Это противоречит истине. Необоснован-*

ным является обвинение Ставки и Генерального штаба также в том, что они, планируя Восточно-Прусскую операцию, с самого начала всецело возлагали задачу ликвидации восточнопрусской группировки немцев лишь на 3-й Белорусский фронт, а основные усилия 2-го Белорусского направляли не против этой группировки и на взаимодействие не с 3-м, а с 1-м Белорусским фронтом, решавшим задачи на варшавско-берлинском направлении. Несправедливо также упрекать Ставку и в том, что только в ходе операции, когда выяснилось, что 3-й Белорусский фронт не сможет справиться с возложенной на него задачей, она была вынуждена в начале 20-х чисел января повернуть основные силы 2-го Белорусского фронта на север или даже на северо-восток. Это решение, как утверждают некоторые, явилось для 2-го Белорусского фронта не только крайне неожиданным, но и поставило его в исключительно трудное положение. Архивные документы — директивы Ставки, которые легли в основу проведения данной операции, убедительно доказывают несостоятельность таких обвинений»¹.

Директива № 11011 от 21 января, о которой упоминает А.М. Василевский, была отдана Ставкой ВГК в связи с отставанием войск 3-го Белорусского фронта от соединений 2-го Белорусского фронта. От войск фронта требовалось продолжать наступление в общем направлении на Дейч-Эйлау, Мариенбург и не позднее 2 — 4 февраля овладеть рубежом Эльбинг, Мариенбург, далее на юг по р. Висла до Торна, отрезая противнику все пути из Восточной Пруссии в Центральную Германию. По выходе на Вислу следовало захватить плацдармы на ее западном берегу к северу от Торна. Одновременно предписывалось правым крылом фронта овладеть рубежом Иоханнисбург, Алленштейн, Эльбинг. В дальнейшем следовало вывести большую часть сил фронта на левый берег Вислы для действий в полосе между Данцигом и Штеттином².

Своевременный поворот 3-й, 48-й, 2-й ударной и 5-й гвардейской танковой армий 2-го Белорусского фронта на север и северо-

¹ Цит. по: *Василевский А.М. Дело всей жизни.* С. 447—448.

² См.: *Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944—1945.* Т. 16 (5—4). С. 193.

восток, позволил разгромить около 15 дивизий противника, овладеть Млавским и Алленштейнским укрепрайонами, занять часть Восточной Пруссии, освободить территорию Северной Польши и продвинуться на северо-запад до 230 км. В результате восточно-прусская группировка противника была блокирована с запада и юго-запада и созданы благоприятные условия для ее последующего разгрома.

Успешные действия советских войск вызвали приступ ярости у Гитлера. 26 января он отстранил от командования группой армий «Центр» генерал-полковника Райнхардта и назначил на его место генерал-полковника Л. фон Рендулича. Группа армий «Центр» получила новое название — «Север». Однако Рендулич не смог изменить положение на фронте. К 10 февраля под ударами советских войск группа армий «Север» (около 32 дивизий) была рассечена на три изолированные группировки: хейльсбергскую, кенигсбергскую и земландскую, только главным силам 2-й армии удалось отойти в Восточную Померанию. В плен было взято более 50 тыс. солдат и офицеров. Но и войска 3-го Белорусского фронта тоже понесли значительные потери и нуждались в пополнении перед прорывом Хейльсбергского укрепрайона, не уступающего по своей мощности западногерманской линии Зигфрида. Укрепленный район, включающий в себя около 900 железобетонных сооружений, обороняла 300-тысячная армия противника.

К этому времени маршал Василевский получил новое назначение, вернее, вернулся к своему статусу начальника Генштаба. Это было обусловлено тем, что в начале февраля Ставка ВГК приняла решение о переходе 1-го и 2-го Прибалтийских фронтов к временной обороне, а Сталин и генерал армии Антонов отбыли на Ялтинскую конференцию глав великих держав. 2 февраля была издана директива № 11018 Ставки ВГК, в которой говорилось:

«В связи с возвращением Маршала Советского Союза Василевского к исполнению обязанностей начальника Генерального штаба Красной Армии освободить его от руководства операциями войск 1-го и 2-го Прибалтийских фронтов.»

Возложить руководство операциями войск 1-го и 2-го Прибалтийских фронтов на Маршала Советского Союза Говорова

с оставлением за ним обязанностей командующего войсками Ленинградского фронта»¹.

Таким образом, Сталин фактически возложил на маршала Василевского все руководство военными действиями. Это была высокая степень доверия к Александру Михайловичу. 8 февраля Сталин и Василевский по телефону обсудили задачи войск 2-го Белорусского фронта.

— Товарищ Сталин, предлагаю силами центра и левого крыла фронта 10 февраля перейти в наступление к западу от Вислы и не позже 20 февраля овладеть рубежом устье р. Висла, Диршау, Берент, Руммельсбург, Нойштеттин. В дальнейшем, с подходом 19-й армии, развивать наступление в общем направлении на Штеттин, овладеть районом Данциг, Гдыня и очистить от противника побережье вплоть до Померанской бухты.

— Каков состав ударной группировки фронта? — спросил Сталин.

— Она будет включать 2-ю ударную, 49-ю, 65-ю, 70-ю армии, 1-й гвардейский танковый, 8-й механизированный, 3-й гвардейский кавалерийский корпуса и не менее четырех артиллерийских дивизий прорыва.

— Какие задачи предусматривается возложить на 3-й Белорусский фронт? — задал новый вопрос Сталин.

— Войскам фронта в новом составе, по выполнению поставленных перед ними задач, необходимо не позднее 20—25 февраля завершить разгром восточнопрусской группировки противника в районе Прейсиш-Эйлау, Вормдитт, Хайлигенбейль. В этом фронту будет содействовать 1-й Прибалтийский фронт.

— Хорошо, согласен. Отдавайте директивы за моей и вашей подписью.

Около трех часов дня командующему 2-м Белорусским фронтом маршалу Рокоссовскому была направлена директива № 11021 о переносе основных усилий в Восточную Померию. 9 февраля маршал Василевский направил командующим 2-м и 3-м Белорусскими фронтами директиву № 11022 о переподчинении войск².

¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16 (5—4). С. 196.

² Там же. С. 198—199.

Кроме того, 3-му Белорусскому фронту директивой № 11023 предписывалось завершить разгром восточнопрусской группировки противника.

10 февраля основные силы 2-го Белорусского фронта приступили к проведению Восточно-Померанской операции. Войска 3-го Белорусского фронта совместно с армиями 1-го Прибалтийского фронта начали последовательное уничтожение прижатых к морю группировок врага. К этому времени темп наступления войск 3-го Белорусского фронта замедлился. Во многих стрелковых дивизиях насчитывалось не более чем по три с половиной тысячи человек, полки по численности равнялись батальону. В составе же хейльсбергской группировки противника входили 14 пехотных дивизий (в каждой более 10 тыс. солдат и офицеров), одна моторизованная и две танковые дивизии (по 100 и более танков в каждой). Всего с учетом штурмовых орудий у противника было более 600 бронеединиц.

Вечером 17 февраля Сталин, вернувшийся к тому времени из Крыма, обсудил с Василевским обстановку, сложившуюся на 1-м Прибалтийском и 3-м Белорусском фронтах.

— Быстрейшая ликвидация врага в Восточной Пруссии, — сказал Сталин, — позволит за счет войск 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов, во-первых, усилить основное, берлинское, направление и, во-вторых, освободить необходимую часть войск для подготовки их к переброске на Дальний Восток. Вам, товарищ Василевский, необходимо заранее наметить для этой цели две-три лучшие армии. И наконец, самое главное — Государственный Комитет Оборона, видимо, назначит вас главкомом войск на Дальнем Востоке. Мы же дали обещание союзникам помочь им разгромить японскую Квантунскую армию! А пока предлагаю выехать в Восточную Пруссию для оказания помощи командующим 1-м Прибалтийским и 3-м Белорусским фронтами.

— Есть, товарищ Сталин. Я прошу вас освободить меня от должности начальника Генштаба, так как большую часть времени нахожусь непосредственно на фронте, выполняя задания Ставки, а в Москве бываю лишь по вызовам.

— Кого же вы рекомендуете на должность начальника Генштаба?

— Генерала армии Антонова, который фактически исполняет эту должность, а меня оставьте на должности заместителя наркома обороны.

Сталин с удивлением спросил Василевского:

— А разве вас не обидит такое решение?

— Нет.

Услышав ответ Василевского, Сталин обратился к находившемуся здесь же Антонову и поинтересовался, как он относится к этому предложению. Алексей Иннокентьевич сказал, что не разделяет его. Сталин пообещал подумать. Затем он спросил Василевского:

— Когда вы сможете отправиться на фронт?

— 18 февраля.

— Я думаю, что вам надо дня два побыть с семьей, сходить в театр, а 19-го вечером накануне отъезда жду вас в Кремле.

В тот же день в восемь часов вечера Сталин подписал директиву № 11025:

«Ставка Верховного Главнокомандования приказывает возложить с 22 февраля с. г. на Маршала Советского Союза Василевского руководство боевыми действиями войск 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов»¹.

В ходе штурма Хейльсбергского укрепленного района командующий 3-м Белорусским фронтом генерал армии Черняховский часто выезжал на передний край, чтобы на месте оказать помощь командармам. Утром 18 февраля он выехал в 3-ю армию генерала Горбатова. В районе г. Мельзак позади машины Черняховского разорвался снаряд. Один из осколков, пробив заднюю стенку машины и сиденья, в спину ранил командующего фронтом, повредил правую руку водителя и застрял в приборном щитке. На пути в госпиталь Черняховский скончался.

А.М. Василевский в это время с женой находился в Большом театре. Во время спектакля к нему подошел адъютант П.Г. Копылов, который сообщил, что Василевского просит к телефону Сталин. Он-то и сообщил маршалу о гибели командующего 3-м Белорусским фронтом и о решении назначить Александра Михайловича на эту должность.

¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16 (5—4). С. 200.

Вечером 19 февраля перед отъездом на фронт Василевский был у Сталина. Он дал ряд советов и указаний, касающихся предстоявшей работы. Прощаясь, пожелал Александру Михайловичу и войскам победы и успехов. В приемной Поскребышев вручил Василевскому два пакета. В одном из них лежал приказ № 11031 Ставки ВГК от 18 февраля. В нем говорилось:

«1. Ввиду смерти командующего войсками 3-го Белорусского фронта генерала армии Черняховского И. Д., последовавшей от тяжелого ранения, назначить командующим войсками 3-го Белорусского фронта Маршала Советского Союза Василевского А.М.

Маршалу Василевскому вступить в командование войсками фронта не позже 21 февраля с. г.

2. До прибытия на фронт маршала Василевского исполнение обязанностей командующего войсками фронта возложить на начальника штаба фронта генерал-полковника Покровского.

3. Приказ Ставки Верховного Главнокомандования № 11025 от 17.02 о возложении на Маршала Советского Союза Василевского руководства действиями 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов отменить»¹.

Во втором пакете находилось постановление ГКО об утверждении Ставки ВГК в составе И.В. Сталина, Г.К. Жукова, А.М. Василевского, Н.А. Булганина, А.И. Антонова и Н.Г. Кузнецова.

— Чем вызвано это постановление? — спросил Василевский секретаря Сталина. — Ведь в ходе войны, будучи начальником Генерального штаба и заместителем наркома обороны, я членом Ставки официально не состоял. Из командующих фронтами только маршал Жуков являлся членом Ставки.

Поскребышев, улыбнувшись, ответил:

— Я знаю об этом ровно столько же, сколько и вы, Александр Михайлович.

20 февраля маршал Василевский прибыл в Восточную Пруссию в штаб 3-го Белорусского фронта и на следующий день вступил в командование. *«Моя непосредственная работа в войсках этого фронта на протяжении почти всей Белорусской операции летом 1944 года позволила мне быстро освоиться на новом по-*

¹ Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16 (5—4). С. 204.

прище, — пишет Александр Михайлович, — так как я отлично знал не только руководящий состав фронтового управления, но также армейское и корпусное командование большинства армий, входивших во фронт. С членом военного совета генералом В.Е. Макаровым у меня сразу же установился хороший деловой контакт. Мы понимали друг друга и свои действия согласовывали без осложнений. Насколько позволяло время, я старался быть в курсе всей партийно-политической работы в войсках. Должен сказать, что я и до этого не имел ни трений и ни тем более конфликтов с членами военных советов, на каком бы фронте я ни находился. Напротив, у меня были с ними хорошие отношения»¹.

К моменту вступления Василевского в новую должность сложилась следующая обстановка. Войска 3-го Белорусского фронта вели тяжелые бои с хейльсбергской группировкой противника. Основные силы 1-го Прибалтийского фронта по директиве № 11030 Ставки ВГК от 17 февраля очищали от противника Земландский полуостров. Для блокады Кёнигсберга командующий фронтом генерал армии Баграмян оставил только часть своих сил. Этим воспользовался противник. Пополнив оперативную группу «Земланд» войсками, переброшенными по морю из Курляндии, он 19 февраля внезапно нанес два встречных удара: из Кёнигсберга и с Земландского полуострова. После трехдневных ожесточенных боев ему удалось отеснить войска 1-го Прибалтийского фронта и создать коридор, соединивший кёнигсбергскую группировку с земландской. Учитывая это, а также и то, что операции по ликвидации здесь вражеских группировок требовали единого руководства, маршал Василевский обратился к Сталину с просьбой передать 3-му Белорусскому фронту войска, действовавшие в Восточной Пруссии.

— На войска 3-го Белорусского фронта предлагаю возложить в дальнейшем ответственность за ликвидацию всех находящихся в Восточной Пруссии соединений противника, — сказал Василевский. — В этой связи 1-й Прибалтийский фронт целесообразно с 24 часов 24 февраля упразднить, а его войска переименовать в Земландскую группу и включить в состав 3-го Белорусского фронта.

¹ Цит. по: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. С. 452.

— Согласен, — ответил Сталин. — Генерала армии Баграмяна назначим командующим Земландской группой войск и одновременно заместителем командующего 3-м Белорусским фронтом.

Утром 22 февраля генерал армии Баграмян прибыл в штаб 3-го Белорусского фронта. Маршал Василевский, несмотря на занятость изучением обстановки, принял его со свойственной ему доброжелательностью. Он внимательно выслушал доклад Баграмяна о сложившейся в районе Кёнигсберга обстановке и о боевом составе подчиненных ему армий. Затем сказал:

— Не следует забывать азбучную истину оперативного искусства — быть везде сильнее противника невозможно. Для этого надо обладать значительным общим превосходством в силах. Но это уже к военному искусству отношения не имеет. Наша задача — при общем незначительном превосходстве добиться подавляющего превосходства на тех направлениях, где мы собираемся разделаться с противником в первую очередь. А это значит, что мы должны уничтожить группу армий «Север» по частям: сначала навалимся на главную группировку в Хейльсбергском укрепрайоне, а затем — на группировки, засевшие на Земландском полуострове и в Кёнигсберге. После падения Кёнигсберга противнику трудно будет удержаться и на Земландском полуострове. Такой именно план я и предложу товарищу Сталину. Если Верховный одобрит его, то придется сделать оперативную паузу, чтобы сначала сосредоточить все, что можно, против хейльсбергской группировки, хорошенько подготовить удар и осуществить его в стремительном темпе.

Воспользовавшись паузой, Баграмян попросил маршала уточнить дальнейшие задачи войск Земландской группы.

— Вы торопитесь, Иван Христофорович, — улыбнулся Василевский. — Какие же новые задачи я могу поставить, если ваши армии мне пока не подчинены? Ведь они пойдут в мое подчинение только с 24 февраля... — И уже серьезным тоном решительно добавил: — Пока приводите войска в порядок, накапливайте боеприпасы, укрепляйте занимаемые рубежи, а двадцать пятого я объявлю свое окончательное решение.

Сталин согласился с предложениями маршала Василевского: сосредоточить основные усилия 3-го Белорусского фронта на разгроме группировки противника, прижатой к морю к юго-западу

от Кёнигсберга, а остальные его силы блокировать, пока не настанет и их черед. В связи с этим Василевский отдал Баграмяну приказ перейти на всем фронте к обороне, а значительную часть артиллерии и авиации привлечь к участию в наступлении в районе Хейльсберга.

Войска 3-го Белорусского фронта до конца февраля вели напряженные боевые действия, неся большие потери. Пополнение почти не поступало, так как Ставка ВГК по-прежнему все усилия направляла на берлинское направление. Большие затруднения были и с материальным обеспечением войск, особенно со снабжением горючим. Тылы значительно отстали и были не в состоянии своевременно обеспечивать войска.

С целью расчленения и затем уничтожения хейльсбергской группировки маршал Василевский решил нанести два одновременных рассекающих удара в общем направлении на Хейлигенбейль с востока и юго-востока. Воздушные армии должны были помочь наземным войскам решить эту нелегкую задачу. Подготовка войск к решающему наступлению велась до 12 марта. Одновременно маршал Василевский и штаб 3-го Белорусского фронта во главе с генерал-полковником А.П. Покровским вели работу по планированию операции с целью овладения Кёнигсбергом. По данным штаба фронта, противник на Земландском полуострове имел восемь пехотных, одну танковую дивизию, шесть отдельных полков, двадцать один отдельный батальон, 170 самолетов. Свыше $\frac{1}{3}$ всех войск (около 130 тыс. солдат, почти 4 тыс. орудий и минометов, более 100 танков и штурмовых орудий) были развернуты для обороны Кёнигсберга по внешнему оборонительному обводу в полосе шириной до 50 км. Помимо внешнего оборонительного обвода противник создал еще три оборонительные позиции с долговременными сооружениями и противотанковыми препятствиями. Первая, оборудованная в 6 — 8 км от центра города, состояла из нескольких линий сплошных заграждений и минных полей. На ней находилось полтора десятка старых, но еще очень прочных фортов, в каждом из которых размещался солидный гарнизон. По городским окраинам проходила вторая позиция, включавшая в себя каменные здания, баррикады и железобетонные огневые точки. Третью позицию, опоясывавшую центральную часть города, составляли главным образом бастио-

ны, рavelины, башни и крепкие постройки. В центре Кёнигсберга находилась старинная цитадель с внутренним поясом фортов. Оборона города значительно усиливалась наличием р. Прегель, ее пойм, каналов и прудов. В черте укрепрайона были засечены до 60 артиллерийских и 300 минометных батарей.

В первых числах марта маршал Василевский поставил генералу армии Баграмяну частью сил принять участие в разгроме хейльсбергской группировки. Посоветовавшись с командующим 11-й гвардейской армией, Баграмян решил выделить для участия в наступлении 36-й гвардейский стрелковый корпус. Об этом он доложил Василевскому, который 4 марта издал директиву, предписывающую этому корпусу разгромить бранденбургскую группировку противника, овладеть г. Бранденбургом, лежащим на побережье к юго-западу от Кёнигсберга.

7 марта Василевский сообщил Баграмяну о своем решении вывести из сражения 50-ю армию и передать ее в состав Земландской группы войск. При этом он попросил подумать, на каком участке внешнего обвода Кёнигсберга ввести ее в дело. Генерал армии Баграмян, учитывая, что армия, только что вышедшая из боя, весьма ослаблена, решил ввести ее корпуса между 39-й и 11-й гвардейской армиями, которым предстояло нанести основные рассекающие удары по Кёнигсбергу с северо-запада и юга. Главная задача 50-й армии совместно с 39-й армией основными силами нанести удар с северо-запада, а частью сил сковывать противостоящего врага с востока, не позволяя ему перебрасывать силы и средства против главных ударов группировок.

Общие соображения по замыслу штурма, который был условно назван операцией «Земланд», генерал армии Баграмян доложил маршалу Василевскому. Выслушав его, Александр Михайлович предложил на направлении главного удара поставить 43-ю армию.

— Товарищ маршал, обоснованна ли такая перегруппировка? — спросил Баграмян. — Ведь 39-я армия уже находится на северо-западных подступах к Кёнигсбергу, а 43-ю армию нужно перебросить с правого крыла фронта в центр.

— При подготовке штурма, — разъяснил Василевский, — мы должны учитывать малейшие психологические нюансы. Вы пом-

ните, что произошло 19 февраля? Тогда войскам 39-й армии не удалось помешать гарнизону Кёнигсберга соединиться с группировкой войск на Земландском полуострове. Думаю, что в тридцать девятой эту неудачу не забыли. Войскам сорок третьей подобную неудачу, к счастью, пережить не пришлось. Вот почему я решил главную роль в штурме Кёнигсберга наряду с 11-й гвардейской предоставить ей. Имейте в виду, Иван Христофорович, что по мере разгрома хейльсбергской группировки противника я получу возможность для передачи в состав вашей группы одной-двух армий со средствами усиления. Первой такой армией, вероятнее всего, будет 2-я гвардейская генерала Чанчибадзе, которую необходимо выдвинуть на правое крыло ваших войск, что существенно облегчит смену и сосредоточение соединений и частей 43-й для штурма Кёнигсберга с северо-запада.

Генерал армии Баграмян согласился с таким решением. Прощаясь, маршал Василевский сообщил, что к обеспечению штурма Кёнигсберга он рассчитывает привлечь всю авиацию, действующую в Восточной Пруссии: 1, 3, 18-ю воздушные армии и военно-воздушные силы Балтийского флота. Кроме того, в разрушении фортов крепости участие примет сверхмощная артиллерия РКК, вплоть до 305-мм калибра.

13 марта части 36-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-лейтенанта П.К. Кошевого перешли в наступление на Бранденбург. Они прорвали оборону противника, овладели деревней Вердинген и перерезали шоссе, связывающее Бранденбург с Кёнигсбергом.

16 марта маршал Василевский направил Сталину доклад № 215/к плана разгрома кенигсбергской группировки противника¹. Замысел Василевского заключался в нанесении одновременных ударов по Кёнигсбергу с северо-запада, севера и юга по сходящимся направлениям для последующего окружения и уничтожения группировки противника. С целью сковать земландскую группировку врага и отсечь кенигсбергский гарнизон от главных сил планировался вспомогательный удар силами 2-й гвардейской, 5-й и 39-й армий из района севернее Кёнигсберга на Пиллау (Балтийск). Силы Балтийского флота должны были действовать на коммуникациях

¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16 (5—4). С. 333—336.

противника, ударами авиации и огнем артиллерии содействовать наступлению войск фронта.

К проведению операции привлекались войска 39, 43, 50-й, 11-й гвардейской армий, 1-я и 3-я воздушные армии, 1-й танковый корпус. Кроме того, из состава 3-го Белорусского фронта по решению маршала Василевского в ударную группировку были выделены 2-я гвардейская и 5-я армии, три артиллерийские дивизии прорыва (3, 10, 15-я), одна пушечная артиллерийская (4-я), одна гвардейская минометная и одна зенитная артиллерийская дивизии, восемь гвардейских минометных и пять тяжелых самоходных артиллерийских полков, три танковые и четыре штурмовые инженерно-саперные бригады. По решению Сталина 3-му Белорусскому фронту были предоставлены дополнительные мощные средства подавления из резерва ВГК. Всего 3-й Белорусский фронт насчитывал 187 тыс. человек, около 5,2 тыс. орудий и минометов, 538 танков и САУ. До 47% орудий и минометов составляли тяжелые орудия, орудия большой и особой мощности (калибр от 203 до 305-мм). Для обстрела наиболее важных целей, а также для того, чтобы не дать противнику эвакуировать войска и технику по Кёнигсбергскому морскому каналу, предназначались 5 морских железнодорожных батарей (11 — 130-мм и 4 — 180-мм орудия, последние — с дальностью стрельбы до 34 км). Для восстановления некоторых танковых и самоходных частей Василевский просил Сталина выделить фронту 60 танков Т-34, 120 самоходных артиллерийских установок СУ-76, 60 — ИСУ-122 и ИСУ-152.

На следующий день Сталин и генерал армии Антонов подписали директиву № 11042 об утверждении представленного плана. Разгром восточнопрусской группировки противника юго-западнее Кёнигсберга предписывалось завершить не позднее 22 марта, а операцию по разгрому кенигсбергской группировки начать не позднее 28 марта. В ночь на 18 марта состоялся разговор по телефону между Сталиным и Василевским.

— Товарищ Сталин, сроки, указанные в директиве от 17 марта, считаю нереальными, — сказал Александр Михайлович. — Ликвидация хейльсбергской группировки будет закончена только 25 — 28 марта. На перегруппировку войск потребуется около 3 — 4 дней.

Поэтому прошу разрешения начать артиллерийское и авиационное наступление в первых числах апреля.

— Хорошо, согласен, — ответил Сталин. — Считаю необходимым привлечь к участию в операции авиацию 2-го Белорусского фронта, Балтийского флота и 18-й воздушной армии. С целью оказания вам помощи в штаб фронта придут товарищи Новиков и Голованов.

С учетом дополнительно выделенной авиации в штурме Кёнигсберга участвовало 2500 самолетов. Общее руководство авиацией осуществлял командующий ВВС главный маршал авиации А.А. Новиков.

Во второй половине марта, действуя в условиях весенней распутицы и сплошных туманов, войска 3-го Белорусского фронта продолжили наступление против хейльсбергской группировки противника. 25 марта был захвачен г. Хайлингенбайль — последний опорный пункт врага противника на побережье залива Фришес-Хафф, а к 29 марта войска фронта закончили ликвидацию хейльсбергской группировки. В ходе двухнедельных ожесточенных боев было уничтожено более 93 тыс. и взято в плен 46 тыс. солдат и офицеров противника, захвачено 600 танков и штурмовых орудий, 3560 полевых орудий, 1440 минометов и 128 самолетов¹.

Теперь все внимание маршала Василевского было переключено на кенигсбергскую группировку. 1 апреля по его предложению Сталин принял решение об упорядочении управления войсками, действовавшими на Земландском полуострове. Управление Земландской оперативной группы с незадействованными частями связи, охраны и тылами, требовалось не позже 15 апреля вывести в резерв Ставки в район Инстербурга. Командующий этой группой генерал армии Баграмян оставался заместителем командующего войсками 3-го Белорусского фронта².

3 апреля маршал Василевский в сопровождении группы генералов и офицеров выехал в 43-ю армию, наносившую главный удар по Кёнигсбергу с северо-запада. Командарм генерал-лейтенант А.П. Белобородов лаконично доложил:

¹ См.: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. С. 454.

² См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16 (5—4). С. 219.

— К штурму все готово... Артиллерия начала свою работу...

— Как вы оцениваете перспективы действий войск армии? — спросил Александр Михайлович.

— В успехе уверен, — бодро доложил Белобородов. — Для обеспечения его сделано все возможное, а солдаты, как никогда, рвутся в бой. Ведь появившееся в сводках «берлинское направление» внушило им надежду на скорый конец войны.

— А если авиация из-за погоды не сможет поддержать вас в полную силу?

После некоторого раздумья Белобородов решительно махнул рукой:

— Сломим и без авиации! Артиллеристы не подведут и в такую погоду. Верно, я говорю? — с улыбкой повернулся он к командующему артиллерией.

— Так точно! — с готовностью ответил тот. — Нам удалось сосредоточить на километр участка прорыва 258 стволов, в том числе более 100 — тяжелой артиллерии. Она уже принялась за выполнение своей задачи.

— Вот и хорошо, — одобрил маршал Василевский.

Уточнив у генерала Белобородова некоторые детали штурма, Александр Михайлович распрощался и выехал в 11-ю гвардейскую, наносившую удар навстречу 43-й армии с юга. Он ознакомился с обстановкой, оперативным построением войск, их взаимодействием при штурме, подготовительными мероприятиями по форсированию р. Прегель. Выслушав доклад командарма генерал-полковника К.Н. Галицкого, уточнил задачи войск армии на местности и утвердил его решение, внося в него лишь небольшие изменения.

4 апреля маршал Василевский прибыл на командный пункт 50-й армии. Командарм генерал-лейтенант Ф.П. Озеров доложил о своем решении ночью внезапным ударом захватить малый форт и тем самым пробить брешь в сплошной обороне противника. Это облегчило бы штурм Кёнигсберга. Командующий фронтом утвердил представленный план.

Накануне штурма Кёнигсберга маршал Василевский обратился к немецким войскам с призывом сложить оружие, разъясняя, что сопротивление бесполезно. Ответа не поступило.

На рассвете 6 апреля маршал Василевский прибыл на командный пункт 43-й армии, расположившийся в старинном помещицком доме. Заслушав доклад генерала Белобородова о готовности войск к штурму, Василевский выехал на передний край. После мощной артиллерийской подготовки войска первого эшелона 3-го Белорусского фронта перешли в наступление. Авиация из-за нечеткой погоды бездействовала. Противник оказывал ожесточенное сопротивление. Особое беспокойство наступающим доставляли форты, которые удалось лишь частично разрушить артиллерийским огнем. К исходу дня войска 39-й армии ударом с севера на юг вклинились в оборону врага на 4 км и перерезали железную дорогу Кёнигсберг — Пиллау. Соединения 43-й, 50-й и 11-й гвардейской армий прорвали первую позицию, продвинулись на 3—5 км и вплотную подошли к Кёнигсбергу. Части 43-й армии первыми ворвались в город. Войска 50-й армии захватили северную окраину Кёнигсберга, а войска 11-й гвардейской армии, действовавшие с юга, овладели 20 опорными пунктами врага.

Враг упорно сопротивлялся, перебрасывая к Кёнигсбергу с Земландского полуострова резервные пехотные и противотанковые части. В ночь на 7 апреля немецкое командование попыталось наладить нарушенное управление и привести в порядок свои потрепанные части.

Перед новым штурмом Кёнигсберга по воспоминаниям ветеранов войны В.Г. Казанина и Н. Бугаенко священнослужители вынесли Казанскую икону Божией Матери, отслужили молебен и пошли во весь рост к передовой. Утром 7 апреля погода улучшилась и авиация 1, 3 и 18-й воздушных армий и Балтийского флота начала действовать с полным напряжением. В результате активность сопротивления противника снизилась. В ночь на 8 апреля войска 11-й гвардейской армии форсировали р. Прегель и к середине дня в районе Амалиенау соединились с частями 43-й армии, наступавшей с севера. К исходу дня были захвачены порт и железнодорожный узел Кёнигсберга, отрезан гарнизон крепости от войск, действовавших на Земландском полуострове. Василевский, стремясь избежать бесцельных жертв, снова обратился к противнику с предложением сложить оружие. Комендант крепости генерал О. фон Ляш отверг это предложение.

Вечером 8 апреля маршал Василевский приказал командующему 43-й армией постепенно вывести главные силы из Кёнигсберга и развернуть их западнее города с задачей отбросить земландскую группировку противника. Принимая решение о перенацеливании 43-й армии с внутреннего фронта окружения Кёнигсберга на внешний фронт, Александр Михайлович учитывал реальное соотношение сил, боевые возможности противника и его вероятные действия. Противник, понимая, что не сможет удержать Кёнигсберг, мог осуществить прорыв на запад на воссоединение с армейской группой «Земланд». Маршал Василевский определил, что направление этого прорыва могло быть одно — из центра Кёнигсберга через Иудиттен и далее вдоль железной дороги на Фишхаузен, то есть через боевые порядки 43-й армии. Перегруппировка ее войск, новые задачи, поставленные двум из трех корпусов (54-й стрелковый корпус продолжал штурм центральной части Кёнигсберга), позволил создать тройной заслон на путях возможного прорыва кенигсбергского гарнизона и встречного удара группы «Земланд».

Предвидение маршала Василевского сбылось. В ночь на 9 апреля кенигсбергский гарнизон предпринял две попытки прорваться из окружения. Одна группа с танками, бронетранспортерами и артиллерией нанесла удар из района городского кладбища и была истреблена в ночном бою частями 87-й гвардейской стрелковой дивизии 43-й армии. Другая группа атаковала боевые порядки 24-й гвардейской стрелковой дивизии севернее Лавскена, но также потерпела полное поражение. Одновременно с внешнего фронта окружения в направлении на Иудиттен нанесла встречный удар группа войск «Земланд». После упорных боев 90-й стрелковый корпус 43-й армии к утру нанес поражение 5-й танковой, 1-й и 28-й пехотным дивизиям, которые были отброшены назад.

Когда маршалу Василевскому доложили, что нет никаких признаков капитуляции, он вызвал командующего артиллерией фронта генерал-полковника М.М. Барсукова и приказал ему сосредоточенным огнем всей артиллерии по центральным кварталам города помочь армиям к концу дня завершить штурм Кёнигсберга. Огонь 5 тыс. орудий и минометов, удар с воздуха 1,5 тыс. самолетов ока-

зали сильное воздействие на противника. Комендант Кёнигсберга наконец-то выслал парламентаров с сообщением о прекращении дальнейшего сопротивления. В 18 часов 30 минут 9 апреля генерал Галицкий доложил маршалу Василевскому о прибытии в штаб 11-й гвардейской стрелковой дивизии представителей коменданта полковника Хевке и подполковника Кервина. Маршал Василевский распорядился послать с ними представителей от дивизии в штаб генерала Ляша для принятия капитуляции. В качестве парламентаров в распоряжение противника пошли начальник штаба 11-й гвардейской стрелковой дивизии подполковник П.Г. Яновский, капитаны В.М. Шпитальник и А.Е. Федорко. С опасностью для жизни они пробрались к бывшей Университетской площади по заваленным обломками, подбитой техникой и заминированным улицам. В 21 час 30 минут генералу Ляшу был вручен ультиматум советского командования, и он после некоторых колебаний подписал письменный приказ своим войскам о прекращении сопротивления. К исходу четвертых суток непрерывных боев Кёнигсберг пал.

Генерал Ляш в своей книге «Так пал Кёнигсберг» отмечал: *«С оперативной точки зрения дальнейшая оборона Кёнигсберга в тот момент уже не имела значения для исхода войны, поскольку в начале апреля русские армии находились уже в Померании, Бранденбурге и Силезии, а английские и американские войска перешли Рейн и стояли у ворот Ганновера. В тактическом отношении ситуация в Кёнигсберге 9 апреля была безнадежной. К моменту принятия решения о капитуляции остатки наших войск, совершенно выдохшиеся и не имевшие какого-либо тяжелого оружия, удерживали оборону внутри города лишь на северном участке. Но больше всего на мое решение о капитуляции повлияло осознание того факта, что продолжение борьбы повлечет лишь бессмысленные жертвы и будет стоить солдатам и гражданскому населению тысяч жизней. Взять на себя такую ответственность перед Богом и собственной совестью я не мог, а потому решил прекратить борьбу и положить конец ужасам войны»¹.*

После взятия Кёнигсберга маршал Василевский допросил пленных немецких генералов, в том числе генерала фон Ляша, объяв-

¹ См.: Ляш О. Так пал Кёнигсберг. М. 1991.

ленного Гитлером за сдачу крепости изменником¹. В кабинете командующего войсками фронта собрались главный маршал авиации Новиков, генералы Макаров, Покровский, Баграмян и другие. На все вопросы Ляш отвечал охотно. Когда Александр Михайлович спросил, как он оценивает итоги боев за Кёнигсберг, тот с горечью и удивлением ответил:

— Никак нельзя было раньше предположить, что такая крепость, как Кёнигсберг, падет так быстро. Русское командование хорошо разработало и прекрасно осуществило эту операцию. На второй день штурма я полностью потерял управление войсками.

В конце допроса Василевский спросил у пленных, кого они знают из советских военачальников. Они смогли назвать лишь Ворошилова, Буденного и Тимошенко. Не удержавшись, генерал армии Баграмян спросил:

— Неужели вы не знаете таких прославленных полководцев, как Жуков, Василевский, Рокоссовский и Конев?

Пленные в ответ лишь переглянулись и промолчали. После минутного молчания генерал Ляш смущенно сказал:

— Я впервые услышал о маршале Василевском в связи с его ультиматумом гарнизону Кёнигсберга.

Заслуги войск маршала Василевского получили достойную оценку. 19 апреля он был награжден вторым орденом «Победа».

Теперь в Восточной Пруссии оставалась только Земландская группировка, которой командовал генерал Д. Заукен. По установившейся традиции маршал Василевский решил заслушать доклад начальника разведки фронта, чтобы четко представить себе, с какими силами войска встретятся дальше, и, исходя из этого, уточнить замысел дальнейшего наступления. Начальник разведки доложил, что в состав Земландской группировки входят 8 пехотных и одна танковая дивизии; всего 65 тыс. человек, 1200 орудий и минометов, 166 танков и штурмовых орудий. Кроме того, на полуостров Земланд были переброшены морем остатки немецкой 4-й армии (около 30 тыс. человек). Противник опирался на заранее подготовленную оборону, включающую три полосы. Главная полоса состояла из трех

¹ О. фон Ляш был заключен в Бутырку, потом сидел в Ленинграде. Всего провел в советском плену около 10 лет.

позиций, каждая из которых имела по три траншеи, многочисленные ходы сообщения, блиндажи и дзоты. Третья оборонительная полоса закрывала доступ к порту Фишхаузен (Приморск) и к полуострову, на котором находилась военно-морская база Пиллау (Балтийск). Все населенные пункты были подготовлены к круговой обороне. Узкий Пиллауский полуостров был пересечен пятью оборонительными позициями, прикрывавшими подступы к старинной морской крепости Пиллау.

Войска 3-го Белорусского фронта имели 111 тыс. человек, 5,6 тыс. орудий и минометов, 324 танка и САУ.

Замысел маршала Василевского заключался в том, чтобы нанести главный удар силами 5-й и 39-й армий из района северо-западнее Кёнигсберга вдоль шоссе и железной дорог на Фишхаузен, рассеять группировку противника и уничтожить ее по частям. Одновременно войска 2-й гвардейской и 43-й армий должны были наступать на флангах ударной группировки и отсечь противника от моря. Второй эшелон фронта (11-я гвардейская армия) намечалось ввести в сражение на главном направлении с целью завершить разгром противника в районе Пиллау. Была также предусмотрена высадка тактических десантов в ходе наступления для захвата косы Фрише-Нерунг, прикрывавшей с моря Кёнигсбергский морской канал. Балтийский флот должен был поддержать наступление сухопутных войск, прикрыть приморские фланги фронта и не допустить эвакуации вражеских войск морем.

После принятия решения Василевский поставил задачи каждой армии и флоту. В связи с тем, что армии после непрерывных наступательных боев понесли большие потери, им были выделены сравнительно узкие полосы для наступления: 2-й гвардейской — 20 км, а остальным — по 7 — 8 км. Это позволило достичь двойного превосходства над противником в людях и тройного в артиллерии. Особое внимание было уделено организации взаимодействия общевойсковых армий с авиацией и силами Балтийского флота. Готовность войск к переходу в наступление была назначена на конец дня 11 апреля. Командующий фронтом, пытаясь избежать ненужного кровопролития, вызвал члена военного совета фронта генерала Макарова и сказал:

— Прошу подготовить обращение к войскам противника, в котором показать всю бесперспективность их дальнейшего со-

протivления и предъявить требование в течение суток сложить оружие.

Вот текст этого обращения:

«К немецким генералам, офицерам и солдатам, оставшимся на Земланде! От командующего советскими войсками 3-го Белорусского фронта Маршала Советского Союза Василевского.

Вам хорошо известно, что вся немецкая армия потерпела полный разгром. Русские — под Берлином и в Вене. Союзные войска — в 300 км восточнее Рейна. Союзники — уже в Бремене, Ганновере, Брауншвейге, подошли к Лейпцигу и Мюнхену. Половина Германии — в руках русских и союзных войск. Одна из сильнейших крепостей Германии, Кёнигсберг, пала в три дня. Комендант крепости генерал пехоты Лаш принял предложенные мною условия капитуляции и сдался с большей частью гарнизона. Всего сдались в плен 92 000 немецких солдат, 1819 офицеров и 4 генерала.

Немецкие офицеры и солдаты, оставшиеся на Земланде! Сейчас, после Кёнигсберга, последнего оплота немецких войск в Восточной Пруссии, ваше положение совершенно безнадежно. Помощи вам никто не пришлет. 450 км отделяют вас от линии фронта, проходящей у Штеттина. Морские пути на запад перерезаны русскими подводными лодками. Вы — в глубоком тылу русских войск. Положение ваше безвыходное. Против вас — многократно превосходящие силы Красной Армии. Сила — на нашей стороне, и ваше сопротивление не имеет никакого смысла. Оно приведет только к вашей гибели и к многочисленным жертвам среди скопившегося в районе Пиллау гражданского населения.

Чтобы избежать ненужного кровопролития, я требую от вас: в течение 24 часов сложить оружие, прекратить сопротивление и сдаться в плен. Всем генералам, офицерам и солдатам, которые прекратят сопротивление, гарантируются жизнь, достаточное питание и возвращение на родину после войны. Всем раненым и больным будет немедленно оказана медицинская помощь. Я обещаю всем сдавшимся достойное солдат обращение. Мирным жителям будет разрешено вернуться в свои города и села, к мирному труду.

Эти условия одинаково действительны для соединений, полков, подразделений, групп и одиночек. Если мое требование сдаться не будет выполнено в срок 24 часа, вы рискуете быть уничтоженными.

Немецкие офицеры и солдаты! Если ваше командование не примет мой ультиматум, действуйте самостоятельно. Спасайте свою жизнь, сдавайтесь в плен.

Командующий советскими войсками 3-го Белорусского фронта
Маршал Советского Союза Василевский.

24 часа по московскому времени. 11 апреля 1945 года»¹.

Ответа на это обращение не последовало. Под утро 13 апреля маршал Василевский отдал приказ:

— Атаковать и уничтожить противника!

Авиация 1-й и 3-й воздушных армий нанесла массированные удары по обороне противника, портам и узлам коммуникаций. После этого войска 3-го Белорусского фронта перешли в наступление. К исходу дня они продвинулись на 3—5 км. Утром 14 апреля войска фронта возобновили наступления. Перелом в ходе сражения произошел не в центре оперативного построения, где наносился главный удар, а на флангах. К исходу дня 2-я гвардейская армия продвинулась вперед на 15 км, а 43-я — на 10 км. Маршал Василевский решил использовать успех, обозначившийся в полосе 2-й гвардейской армии. Он приказал перебросить туда две танковые бригады и два полка самоходной артиллерии, усиленные стрелковыми частями и инженерными подразделениями. Под натиском введенной в сражение подвижной группы противник начал отступление, бросая вооружение и тяжелую боевую технику. Угроза выхода 2-й гвардейской армии на тылы немецких войск, которые оказывали упорное сопротивление частям 5-й и 39-й армий, вынудило и их к отступлению.

На дамбу Кёнигсбергского канала по решению маршала Василевского 15 и 16 апреля с бронекатеров были высажены два тактических десанта, что создало благоприятные условия для наступления войск фронта вдоль побережья залива Фришес-Хафф. Войска 2-й гвардейской армии 15 апреля очистили от противника всю северо-западную часть Земландского полуострова, и устремилась на юг. 17 апреля войска фронта овладели Фишхаузенем. Остатки земландской группировки противника отступили в район Пиллау.

¹ Цит. по: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. С. 461—462.

Задачу по разгрому противника на Пиллауском полуострове маршал Василевский возложил на 11-ю гвардейскую армию. Действия ее войск координировал генерал армии Баграмян.

В 11 часов 20 апреля дивизии 16-го и 36-го гвардейских стрелковых корпусов 11-й гвардейской армии пошли на штурм первой оборонительной позиции врага. И началось самое настоящее прогрызание бетонированных укреплений. Впереди шли тяжелые танки и самоходные артиллерийские установки. Они прямой наводкой били по огневым точкам, укрытым в железобетонных сооружениях. Но даже тяжелые снаряды отскакивали от них, словно горох от стены. А обойти укрепления не позволяли заболоченные леса. В первый день наступления войска армии продвинулись всего на километр. Утром 22 апреля генерал Галицкий ввел в сражение 8-й гвардейский стрелковый корпус, что позволило сломить сопротивление врага. К исходу дня 25 апреля соединения 11-й гвардейской армии овладели городом и крепостью Пиллау. Противник продолжал лишь удерживать косу Фрише-Нерунг.

26 апреля Сталин неожиданно позвонил Василевскому и приказал ему вылететь в Москву. Командующий фронтом позвонил Баграмяну:

— Иван Христофорович, меня товарищ Сталин срочно вызывает в Москву. Тебе приказано вступить в командование войсками фронта. Основная задача — в кратчайший срок завершить разгром остатков земландской группы войск противника. Поразмысли о том, как добиться этого с наименьшими для нас потерями. Это — главное.

Тепло попрощавшись со своими заместителями и работниками штаба фронта, Александр Михайлович улетел в столицу. Уже будучи в Москве, он узнал, что войска 3-го Белорусского фронта к 9 мая завершили разгром противника на косе Фрише-Нерунг. В здании бывшего военно-инженерного училища в юго-восточном районе Берлина Карлсхорст в 0 часов 43 минуты по московскому времени был подписан Акт о капитуляции Германии. С советской стороны его по поручению Сталина подписал маршал Жуков. Великая Отечественная война завершилась убедительной победой Вооруженных Сил Советского Союза. В этом большая заслуга принадлежит и маршалу А.М. Василевскому, который в ходе войны проявил недюжинный талант полководца и штабного работника высокого уровня. Но война для него не закончилась...

Глава 10.

РАЗГРОМ КВАНТУНСКОЙ АРМИИ

Вызов А.М. Василевского в Москву был связан с подготовкой операции по разгрому японской Квантунской армии. Еще 11 февраля 1945 г. на Крымской (Ялтинской) конференции было подписано Соглашение, в котором говорилось: *«Руководители трех великих держав — Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании — согласились в том, что через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну против Японии на стороне союзников»*¹. При этом оговаривались следующие условия: сохранение существующего статус-кво Монгольской Народной Республики; возвращение Советскому Союзу Южного Сахалина и всех прилегающих к нему островов, отторгнутых у России по Портсмутскому мирному договору 1905 г., а также передача ему всей группы Курильских островов; интернационализация торгового порта Дальний (Далянь); восстановление аренды на Порт-Артур (Люйшунь) как военно-морской базы СССР; совместная эксплуатация СССР и Китая Китайско-Восточной и Южно-Маньчжурской железных дорог.

Еще готовясь к поездке в Крым, И.В. Сталин предложил маршалу А.М. Василевскому и генералу армии А.И. Антонову подумать о возможности максимального сокращения времени, необходимого для подготовки военной кампании против Японии. Обсудив этот вопрос вместе с начальником тыла Красной Армии генералом армии А.В. Хрулевым, они пришли к выводу, что срок может быть сокращен до двух-трех месяцев после окончания войны на западе, если отказаться от перевозок по железной дороге войскового автотранспорта. Разрешение проблемы было найдено на самой конференции. Руководители США охотно согласились поставить Советскому Союзу в дальневосточные порты не только потребное количество автотранспорта, но и паровозов.

5 апреля нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов в соответствии с решениями Крымской конференции от имени советского

¹ Цит. по: Тегеран — Ялта — Потсдам. Сборник документов. 2-е изд. М., 1970. С. 199—200.

правительства сделал японскому послу в Москве Н. Сато заявление о денонсации советско-японского пакта о нейтралитете от 13 апреля 1941 г. В заявлении подчеркивалось, что пакт был подписан «до нападения Германии на СССР и до возникновения войны между Японией, с одной стороны, и Англией и Соединенными Штатами Америки — с другой. С того времени обстановка изменилась в корне. Германия напала на СССР, а Япония, союзница Германии, помогает последней в ее войне против СССР. Кроме того, Япония воюет с США и Великобританией, которые являются союзниками Советского Союза. При таком положении пакт о нейтралитете между Японией и СССР потерял смысл и продление этого пакта стало невозможным»¹.

После этого Ставка ВГК и Генеральный штаб Красной Армии активизировали работу по подготовке войны против Японии. Вечером 4 мая маршал Василевский прибыл в Кремль для очередного доклада. Сталин, выслушав Александра Михайловича, сказал:

— Теперь, товарищ Василевский, полностью переключайтесь на дальневосточные дела. Все предварительные наработки Генштаба надо свести к общему знаменателю. Сроков проведения кампании никому не называть, новых людей к разработке плана по возможности пока не привлекать. Время начала войны — один из наших ключевых секретов.

— Пока в этом нет никакой необходимости, товарищ Сталин. Сейчас самое важное — это уточнить наши расчеты по дислокации войск и согласовать вопросы взаимодействия с авиаторами и Тихоокеанским флотом.

— Правильно. Мы должны нанести удар такой силы, который бы сразу отбил у японцев охоту к организованному сопротивлению. Товарищ Кузнецов уже докладывал мне предварительные расчеты по Тихоокеанскому флоту и Амурской военной флотилии. Сейчас он занимается подготовкой десантов и материально-техническим обеспечением операции. Главный штаб ВВС также имеет предварительные расчеты по распределению сил на решающих направлениях. Завтра в Москву возвращается из Германии товарищ Новиков. Так что вы сможете увязать все вопросы взаимодействия непосредственно с главкомаами авиации и флота.

¹ См.: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. III. М., 1947. С. 166.

— Сейчас нам предстоит быстрее определиться с районом сосредоточения танковой армии, товарищ Сталин. Поставки боевых машин с заводов в Монголию уже начались.

— Не переживайте, товарищ Василевский. Танки в любом случае придется перегонять на большие расстояния своим ходом. Так что получатся их маршруты на сто километров длиннее или на столько же короче — большой роли не играет. До станции Чойбалсан танки будут доставляться по железной дороге, а там с генералом Кравченко решим, куда конкретно двинуть их дальше. Время для окончательного решения у нас в запасе еще есть.

В Москве тем временем готовились к тому, чтобы отметить окончание Великой Отечественной войны. Вечером 24 мая в Кремле в Георгиевском зале состоялся торжественный обед, на который пригласили военачальников, ученых, выдающихся деятелей народного хозяйства, передовиков производства. Среди тех, кто удостоился тоста был и Василевский. В его лице воздавалась честь воинам 3-го Белорусского фронта.

24 июня в Москве на Красной площади состоялся Парад Победы. Выехав от Спасских ворот на белом коне, маршал Г.К. Жуков принял рапорт командующего парадом маршала К.К. Рокоссовского. После рапорта командующего принимающему парад и объезда ими войск прозвучал сигнал «Слушайте все», и сводный военный оркестр в составе 1400 музыкантов под управлением генерал-майора С.А. Чернецкого и полковника В.И. Агапкина исполнил гимн «Славься, русский народ». Маршал Жуков с трибуны Мавзолея по поручению ЦК ВКП(б) и правительства СССР произнес приветственную речь. Затем был исполнен Государственный гимн СССР и одновременно прозвучали 50 залпов артиллерийского салюта. После этого начался торжественный марш. В порядке положения и действий фронтов на театрах военных действий к концу войны (с севера на юг) проходили сводные полки фронтов во главе с командующими войсками. Сводный полк 3-го Белорусского фронта возглавлял маршал Василевский. Вслед за сводными полками на Красную площадь вступила сводная колонна воинов, которые несли опущенные до земли 200 знамен войск вермахта, разгромленных на полях сражений. Эти знамена под дробь 80 барабанов были брошены к подножию Мавзолея, первым — штандарт Адольфа

Гитлера. Затем торжественным маршем прошли войска Московского гарнизона во главе с командующим войсками Московского военного округа генерал-полковником П.А. Артемьевым. За ними проследовали колонны Горьковского, Калининского, Орловского, Тульского суворовских военных и Ленинградского нахимовского военно-морского училищ. После этого на площадь вступила сводная кавалерийская бригада во главе с генерал-лейтенантом Н.Я. Кириченко, а за ней — военная техника различных видов, подразделения мотоциклистов и др. Парад, продолжавшийся 2 часа, завершился маршем сводного оркестра.

25 июня в Большом Кремлевском дворце состоялся прием в честь участников парада. Как и на прошлом приеме, один из тостов был провозглашен в честь командующего 3-м Белорусским фронтом маршала А.М. Василевского, а также командующих армиями генералов К.Н. Галицкого, А.П. Белобородова, Н.И. Гусева, Ф.П. Озерова, Т.Т. Хрюкина.

А.М. Василевский, принимая участие в различных мероприятиях, не забывал о своей главной задаче — подготовке к разгрому Квантунской армии. По данным разведки, в ее состав входили 1-й, 3-й фронты, четыре отдельные полевые (3, 5, 30, 44-я) и одна (2-я) воздушная армии, Сунгарийская речная военная флотилия. Кроме того, на территории Маньчжурии и Кореи располагалось значительное количество японских жандармских, полицейских и иных формирований, а также войска Маньчжоу-Го, Суюаньской армейской группы и князя Внутренней Монголии Дэвана.

Квантунской армией командовал 64-летний генерал Отодзо Ямада, имевший значительный боевой опыт. Под его руководством к лету 1945 г. на территории Маньчжурии и Внутренней Монголии у границ с Советским Союзом и Монгольской Народной Республикой (МНР) было возведено 17 укрепленных районов общей протяженностью 800 км, в которых было свыше 4500 долговременных сооружений.

Укрепрайон занимал 50 — 100 км по фронту и до 50 км в глубину. Он состоял из трех — семи узлов сопротивления, включавших три — шесть опорных пунктов. Все они оборудовались, как правило, на господствующих высотах и имели перекрестную огневую связь. Фланги опорных пунктов обычно упирались в труднодоступную

горно-лесистую или лесисто-болотистую местность. Во всех укреплениях были построены долговременные огневые сооружения: артиллерийские и пулеметные доты и дзоты, бронеколпаки, бронированные наблюдательные пункты, противотанковые рвы, стрелковые окопы, проволочные заграждения. Помещения для личного состава, хранения боеприпасов и продовольствия, электростанции, система водоснабжения и вентиляционные устройства находились глубоко под землей. Развитая сеть подземных галерей соединяла все сооружения в единый комплекс.

Значительное количество оборонительных сооружений было создано на Сахалине и Курилах близ Камчатки. На островах северной части Курильской гряды — Шумшу и Парамушир — были установлены береговые артиллерийские батареи, укрытые в железобетонных сооружениях. Десантно-доступные места прикрывались системой проволочных заграждений и противотанковых рвов.

Войска 1-го фронта (3-я и 5-я армии) занимали оборону вдоль границ советского Приморья, прикрывая хуньчуньское и муданьцзянское направления. В районах Улан-Хото (Ваньмяо), Шэньян, Чанчунь были сосредоточены войска 3-го фронта (30-я и 44-я армии). Укрепленные районы в треугольнике Хайлар, Харбин, Хэйхэ занимали соединения 4-й отдельной армии, а в Северной Корее находилась 34-я отдельная армия. На Южном Сахалине и Курильских островах были расположены войска 5-го фронта, а на крайнем юге Кореи и на острове Чечжудо (Сайсю) — соединения 17-го фронта. Он и 5-я воздушная армия 10 августа были подчинены командующему Квантунской армией. Всего японские войска в Северо-Восточном Китае, Внутренней Монголии и Корее насчитывали более 1 млн человек, 1215 танков, 6640 орудий и минометов, 1907 боевых самолетов и 26 военных кораблей основных классов¹.

Японское командование имело детально разработанный план отражения возможного наступления советских войск и нанесения сильных контрударов с целью восстановления положения. Однако, полагая, что Красная Армия сможет выступить только в начале зимы или весной 1946 г., штаб Квантунской армии в конце июля — начале августа 1945 г. приступил к перегруппировке войск в по-

¹ См.: Великая Отечественная война. 1941 — 1945. Военно-исторические очерки. Кн. 3. Освобождение. М.: Наука, 1999. С. 387.

граничных районах. Особое внимание уделялось приготовлениям к бактериологической войне, в надежде, что именно это оружие позволит добиться решающего перелома на материковых фронтах в пользу Японии. Вечером 5 мая командир отряда № 731 генерал-лейтенант Исии подписал распоряжение, в котором говорилось: *«Война между Японией и Советским Союзом неизбежна. Отряд должен мобилизовать все силы и в короткий срок увеличить производство бактерий, блох и крыс. Наша задача — ожидать день начала бактериологической войны — “день X”»*. Спустя всего сутки командующий Квантунской армии поставил своим войскам следующую задачу: *«Если в начале военных действий против Советского Союза японской армии, в силу сложившейся обстановки, необходимо будет отступить в район Большого Хингана, то на оставляемой территории все реки, водоемы, колодцы должны быть заражены бактериями или сильнодействующими ядами, а все посевы уничтожены, скот истреблен»*.

Генштаб Красной Армии, планируя операцию по разгрому Квантунской армии, учитывал, что сил 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов для этого недостаточно. Поэтому были разработаны предложения по организации и проведению межтеатровой стратегической перегруппировки сил и средств. Она осуществлялась с соблюдением всех мер оперативной маскировки при мобилизации всех сил и средств Наркомата путей сообщения, и прежде всего на дорогах Восточной Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока. Для прикрытия приграничных и тыловых районов с воздуха согласно постановлению ГКО от 14 марта были развернуты три армии ПВО (Забайкальская, Приамурская и Приморская), которые являлись средством фронтового командования. В Забайкальскую и Приморскую армии ПВО было включено по одной истребительной авиационной дивизии.

В качестве источника стратегического развертывания на Дальнем Востоке были использованы войска четырех фронтов, завершивших боевые действия на советско-германском фронте. Особое внимание уделялось тем войскам, которые имели опыт боевых действий в конкретных условиях Дальневосточного театра военных действий. Например, соединения 5-й и 39-й армий, участвовавшие в прорыве укрепленных оборонительных полос в Восточной

Пруссии, предназначались для прорыва на главных направлениях приграничных укрепленных районов. Войска 6-й гвардейской танковой и 53-й армий, имевшие значительный опыт боевых действий в горно-степной местности, должны были наступать на широких пустынных просторах и горно-лесистых массивах Маньчжурии. Всего в мае — начале августа было переброшено более 403 тыс. человек, 7137 орудий и минометов, 2119 танков и САУ и др¹.

Пока шла переброска войск, в Генеральном штабе к 28 июня была завершена разработка плана кампании на Дальнем Востоке. Маршал Василевский, обсуждая с генералом армии Антоновым ее замысел, обратил внимание начальника Генштаба на следующее:

— Алексей Иннокентьевич, Маньчжурия — это неправильный, вдающийся резко на север многоугольник. Если мы начнем сдавливать расположенную в нем Квантунскую армию с нескольких сторон, то она, отходя назад, затянет оборону, постепенно уползая в Корею или в Китай. Поэтому необходимо быстро разгромить армию генерала Ямады, не дать ей уйти. А этого возможно достигнуть только путем нанесения серии глубоких ударов, рассекающих Квантунскую армию на части. Считаю целесообразным нанести два основных (с территории Монгольской Народной Республики и Приморья) и несколько вспомогательных ударов по сходящимся в центре Маньчжурии направлениям.

— Согласен, Александр Михайлович. Это обеспечивает глубокий охват основных сил Квантунской армии, рассечение их и быстрый разгром по частям.

Таким образом, контур замысла Маньчжурской стратегической наступательной операции определился. В соответствии с ним командующему войсками Дальневосточного фронта была направлена директива Ставки ВГК на подготовку к 1 августа наступательной операции на сунгарийском направлении, а командующим Забайкальским фронтом и Приморской группой войск — к 25 июля операции в Центральной Маньчжурии². Все подготовительные мероприятия приказывалось провести с соблюдением строжайшей скрытности.

¹ См.: История Второй мировой войны 1939—1945. В 12-ти т. М., 1980. Т. 11. С. 193.

² См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВКГ: Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16 (5—4). М.: ТЕРРА, 1999. С. 245—248.

В связи с тем, что в состав фронтов входило большое количество объединений, находившихся на значительном удалении от Москвы, а также с учетом масштаба ТВД, директивой ГКО от 30 июня было создано Главкомандование советскими войсками на Дальнем Востоке. Главкомандующим, как было предreshено ранее, приказом № 11120 Ставки ВГК был назначен маршал А.М. Василевский, которому с 1 августа подчинялись Забайкальский, Дальневосточный фронты, Приморская группа войск и Тихоокеанский флот¹. При Главкомандующем находилась оперативная группа.

5 июля А.М. Василевский с документами на имя заместителя наркома обороны генерал-полковника Васильева специальным поездом прибыл в Читу. Одет он был тоже в форму генерал-полковника. Здесь Василевский вместе с военным советом Забайкальского фронта рассмотрел ряд организационных вопросов, в первую очередь касающихся материально-технического обеспечения войск. После этого он вместе с командующим фронтом маршалом Р.Я. Малиновским выехал в войска, где проверил их подготовку к наступлению. В 39-й армии Василевский заслушал доклад командарма генерала И.И. Людникова, начальника штаба армии и других командиров.

Маршал Василевский регулярно информировал Сталина о ходе подготовки к боевым действиям. 16 июля в штаб войск Дальнего Востока, находившийся в 25 км юго-западнее Читы, из Потсдама, где проходила конференция трех великих держав, позвонил Сталин:

— Здравствуйтесь, товарищ Василевский! Как идет подготовка к операции? Нельзя ли ее дней на десять ускорить?

— Здравствуйтесь, товарищ Сталин! Сосредоточение войск и подвоз всего самого необходимого для них не позволяют сделать этого. Прошу вас оставить прежний срок.

— Хорошо.

26 июля в Потсдаме от имени правительств США, Англии и Китая была опубликована декларация, которая требовала безоговорочной капитуляции Японии. В декларации содержались основные политические принципы мирного урегулирования с Японией: искоренение милитаризма; отстранение от власти виновников агрессии

¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВКГ: Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16 (5—4). М.: ТЕРРА, 1999. С. 248—249.

и суровое наказание военных преступников; устранение всех препятствий к возрождению и укреплению в стране демократических тенденций, введение свободы слова, печати, религии, уважение основных прав человека; запрещение военных отраслей экономики. Декларация предусматривала временную оккупацию Японии, ограничение ее суверенитета над островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и некоторыми другими менее крупными островами; разоружение японской армии. В одной из статей содержалось обещание союзников вывести все оккупационные войска из Японии после создания в стране мирно настроенного, демократического правительства, выражающего волю японского народа. Одновременно Японии делалось строгое предупреждение, что в случае отклонения требований союзников ее ждет «быстрый и полный разгром».

Правящие круги Японии отклонили Потсдамскую декларацию. Премьер-министр страны Судзуки заявил:

— Мы игнорируем ее. Мы будем неотступно продолжать движение вперед для успешного завершения войны.

Тем временем А.М. Василевский продолжал работу по подготовке операции. По его предложению Сталин 2 августа принял решение о переименовании с 5 августа Приморской группы войск в 1-й Дальневосточный фронт, Дальневосточного фронта — во 2-й Дальневосточный фронт, а оперативной группы Василевского — в штаб Главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке¹. Действия сил ВМФ и ВВС должны были координировать соответственно адмирал флота Н.Г. Кузнецов и главный маршал авиации А.А. Новиков. 10 августа по решению Сталина заместителем Главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке был назначен генерал армии И.И. Масленников, а членом военного совета — генерал-лейтенант И.В. Шикин.

При подборе кандидатуры на должность начальника штаба Главкома советскими войсками на Дальнем Востоке возникли определенные трудности. На этот пост И.В. Сталин рекомендовал начальника штаба Забайкальского фронта генерала армии М.В. Захарова. Однако тот в беседе с Василевским своего согласия не дал и просил учесть, что работа в должности начальника штаба фрон-

¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВКГ: Документы и материалы 1944—1945. Т. 16 (5—4). С. 249.

та будет более активной. Сталин и Василевский с таким доводом посчитались, приняв в расчет и то, что Захаров длительное время работал вместе с командующим Забайкальским фронтом маршалом Малиновским. Тогда Василевский остановил свой выбор на кандидатуре генерал-полковника В.В. Курасова, являвшегося заместителем начальника Генштаба, но и он просил его не трогать. В итоге начальником штаба был назначен генерал-полковник С.П. Иванов, возглавлявший штаб 3-го Украинского фронта.

В состав штаба Главкома советских войск на Дальнем Востоке вошли генералы и офицеры, прибывшие на Дальний Восток вместе с маршалом Василевским, а также группа офицеров Генштаба, работавшая на Дальнем Востоке под руководством генерал-майора Н.Ф. Мензелинцева. При штабе Главкома для управления авиацией находилась небольшая группа генералов и офицеров во главе с генерал-лейтенантом Е.М. Белицким. Инженерную службу возглавил генерал-полковник К.С. Назаров, войска связи — заместитель начальника Главного управления связи генерал-лейтенант Н.Д. Псурцев. При главкоме имелись также ответственные представители от всех центральных управлений (52 человека), ведавших материально-техническим обеспечением. Ими руководил заместитель начальника тыла вооруженных сил генерал-полковник В.И. Виноградов.

Фронтам предстояло наступать в широких полосах: Забайкальский — 2300 км (активный участок — 1500 км), 2-й Дальневосточный — 2130 км (активный участок — 520 км), 1-й Дальневосточный — 700 км. Глубина фронтовых операций составляла: для Забайкальского фронта — 800 км, а для 1-го Дальневосточного — 200 км. При этом главные силы фронтов наносили удары в еще более узких полосах: Забайкальский фронт — 300 км, 1-й Дальневосточный — 200 км, а 2-й Дальневосточный — 330 км. На направлении главного удара Забайкальского фронта было сосредоточено 70% стрелковых войск и до 90% танков и артиллерии. Это позволило создать превосходство над противником: по пехоте — в 1,7 раза, в орудиях — в 4,5, минометах — в 9,6, танках и САУ — в 5,1 и в самолетах — в 2,6 раза. На 29-километровом участке прорыва 1-го Дальневосточного фронта соотношение сил и средств было следующим: в людях — 1,5: 1, в орудиях — 4: 1, в танках и САУ — 8: 1.

Примерно таким же оно было на участках прорыва на направлении главного удара 2-го Дальневосточного фронта.

При подготовке к операции большое внимание уделялось организации разведки. С целью детального изучения оборонительных сооружений противника проводилось фотографирование приграничной полосы с самолетов без нарушения границы Маньчжурии и Кореи. Это позволило уточнить укрепления японцев в глубине обороны. К началу операции все офицеры, до командиров рот включительно, получили карты с нанесенными оборонительными сооружениями противника.

Планирование боевого использования артиллерии во фронтах осуществлялось в соответствии с решениями их командующих, с учетом конкретной обстановки и особенностей боевых действий. Например, наличие в полосе 1-го Дальневосточного фронта мощных оборонительных сооружений противника потребовало создания наиболее сильной группировки артиллерии. К началу операции этот фронт имел более 10,6 тыс. орудий и минометов. В составе 2-го Дальневосточного фронта, полоса развертывания войск которого более чем в три раза превышала полосу 1-го Дальневосточного фронта, насчитывалось лишь около 4,8 тыс. орудий и минометов. Забайкальский фронт располагал почти 9 тыс. орудий и минометов. На Забайкальском фронте наибольшее количество артиллерии было выделено для частей и соединений, которым предстояло вести борьбу за Халун-Аршанский, Чжалайнор-Маньчжурский и Хайларский укрепленные районы. Более 30% всей артиллерии в 1-м Дальневосточном фронте было сосредоточено в полосе наступления 5-й армии, нацеленной на один из сильнейших укрепленных районов японцев — Суйфыньхэский¹. Во 2-м Дальневосточном фронте наибольшее артиллерийское усиление получила 15-я армия, наносившая главный удар.

В связи с тем, что в полосе Забайкальского фронта непосредственно у государственной границы противник имел весьма ограниченные силы, боевые действия артиллерии на всех направлениях, кроме хайларского, детально не планировались. Артиллерия была

¹ См.: *Внотченко А.* Победа на Дальнем Востоке. Военно-исторический очерк о боевых действиях советских войск в августе — сентябре 1945 г. М., 1971. С. 105.

распределена между общевойсковыми частями и соединениями и получила общую задачу — обеспечить их марш. Поэтому артиллерийская подготовка и поддержка атаки не предусматривались. На 1-м Дальневосточном фронте, войскам которого предстояло прорывать укрепленные районы, боевые действия артиллерии планировались в каждой армии, с последующим утверждением этих планов командующим фронтом. В 5-й армии на направлении главного удара предусматривалось иметь на 1 км фронта не менее 180 стволов (на отдельных участках до 250 стволов), а на вспомогательном направлении — не менее 60 стволов¹. В 35-й армии перед артиллерией ставилась задача обеспечить форсирование р. Уссури и прорыв укрепленного района. На главном направлении предусматривалась артиллерийская подготовка продолжительностью 55 минут, обеспечение форсирования р. Сунгача и поддержка атаки в течение часа. В 1-й Краснознаменной и 25-й армиях артиллерийская подготовка не планировалась: в первом случае — в связи с тем, что войскам армии вначале надо было преодолеть широкую полосу тайги, а во втором — ввиду перехода в наступление ночью.

При подготовке к операции был выполнен большой объем работы по ее инженерному обеспечению. Всего было построено 1390 км новых дорог и отремонтировано около 5 тыс. км дорог². На Забайкальском фронте с целью снабжения войск водой было оборудовано 1194 и отремонтировано 322 шахтных колодца, возвращено 61 пункт водоснабжения³.

Большие полосы наступления войск, высокие темпы их движения, частая смена командных пунктов, бездорожье — все это существенно осложняло организацию связи, особенно проводной. Основным средством связи во всех трех фронтах было радио. Для обеспечения устойчивой связи с конно-механизированной группой и 6-й гвардейской танковой армией создавались ретрансляционные пункты. Все фронты имели постоянную проводную и радиосвязь с Генштабом и штабом Главнокомандующего войсками на Дальнем

¹ См.: История Второй мировой войны 1939 — 1945. Т. 11. С. 205.

² См.: Финал. Историко-мемуарный очерк о разгроме империалистической Японии в 1945 году. М., 1969. С. 128.

³ См.: Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг. М., 1977. С. 399.

Востоке. Для связи штабов фронтов и армий с войсками предусматривалось широко использовать подвижные средства — самолеты и машины повышенной проходимости. Чтобы обеспечить устойчивое и непрерывное управление войсками в ходе операции, было решено приблизить к действующим войскам командные пункты всех степеней от дивизии до армии.

Одной из сложнейших задач являлась организация и подготовка фронтовых и армейских тылов, накопление материальных средств. На Забайкальском фронте имелись 4 — 5 боекомплектов для всех видов вооружения, на 1-м и 2-м Дальневосточных фронтах — от 3 до 4. Фронты располагали 30 заправками авиабензина, 20 — автобензина, 10 заправками — дизтоплива, 6-месячной потребностью в сутодачах продовольствия и фуража¹. Для размещения и хранения этих запасов было развернуто большое количество фронтовых и армейских складов на огромной территории от Читы до Хабаровска и Владивостока вдоль Транссибирской магистрали и ее ответвлений на юг, к государственной границе. Автотранспорт широко использовался для переброски войск и подвоза материальных средств. Главное военно-санитарное управление к началу боевых действий развернуло 166 200 госпитальных коек, в том числе на Забайкальском фронте — 72 700, на 1-м Дальневосточном — 68 900 и на 2-м Дальневосточном — 24 600².

При подготовке войск к операции учитывались особенности Дальневосточного театра военных действий. Например, в 6-й гвардейской танковой армии был разработан специальный план боевой подготовки, в котором большое место отводилось отработке действий в пустынно-степной местности, организации и ведению наступления в горах.

Поздно вечером 3 августа Сталин, вернувшийся из Берлина в Москву, позвонил в Читу.

— Здравствуйте, товарищ Василевский! Как идет подготовка к наступлению?

— Товарищ Сталин все намеченные мероприятия выполняются в установленный срок. На Забайкальском фронте войска 39-й и

¹ См.: История Второй мировой войны 1939 — 1945. Т. 11. С. 209.

² См.: Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг. С. 401.

53-й армий выходят в свои районы сосредоточения, удаленные всего лишь на 50 — 60 км от государственной границы Монгольской Народной Республики с Маньчжурией. Вместе с 6-й гвардейской танковой армией и другими войсками они могут начать военные действия с утра 5 августа. Другие ударные группировки также находятся в районах сосредоточения или поблизости от них. К 5 — 7 августа, по нашим расчетам, в полной боевой готовности будут находиться силы Тихоокеанского флота.

— Когда вы планируете начать боевые действия?

— Я считаю, что переход границы не следует откладывать далее 9 — 10 августа. Необходимо использовать благоприятную погоду, установившуюся в последние дни в Забайкалье. Она позволяет в полную мощь применить авиацию и танки. В Приморье, правда, продолжаются дожди, но они не смогли вывести из строя дороги и добротные сделанные аэродромы. Хуже обстоит дело аэродромами флота — они размокли. Однако к 6 — 10 августа и в Приморье ожидается улучшение погоды. Войска 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов должны начать боевые действия в один день и час с Забайкальским фронтом. Это позволяет достичь внезапности.

— В наступление одновременно перейдут все силы фронтов? — задал уточняющий вопрос Сталин.

— Нет. Первыми наступление начнут сильные передовые отряды, предназначенные для захвата наиболее важных объектов обороны японцев. Основную операцию 1-го Дальневосточного фронта, а следовательно и его главных сил в зависимости от развития операции Забайкальского фронта предлагаю начать через 5 — 7 суток после начала последней. Я прошу срочно направить на Дальний Восток адмирала Кузнецова для координации действий военно-морских сил с сухопутными войсками и предусмотреть дальнейшее усиление фронтов людьми и боевой техникой, особенно танками.

— Ваше предложение, товарищ Василевский, о начале войны 9 — 10 августа принимается. Однако переход войск 1-го Дальневосточного фронта в наступление через 5 — 7 суток нецелесообразно, так как передовые отряды, какими бы сильными они ни являлись, вряд ли способны вести бой в одиночку в течение почти недели.

Успех передовых отрядов необходимо немедленно развить вводом в сражение главных сил фронтов.

6 августа американцы сбросили атомную бомбу на Хиросиму. На следующий день в 16 часов 30 минут Сталин и начальник Генштаба генерал армии Антонов подписали директиву № 11122 на начало боевых действий против Японии¹. Войска Забайкальского и 1-го Дальневосточного фронтов должны были утром 9 августа перейти границу Маньчжурии, а 2-го Дальневосточного фронта — по указанию маршала Василевского. Авиации предстояло в первую очередь нанести удары по Харбину и Чанчуню. Тихоокеанскому флоту предписывалось перейти в оперативную готовность номер один, приступить к постановке минных заграждений, за исключением устья р. Амур и Тауйской губы, а также развернуть подводные лодки.

В 17 часов 8 августа нарком иностранных дел Молотов вызвал в наркомат посла Японии в Москве Сато и вручил ему «Заявление Советского правительства»:

«После разгрома и капитуляции Германии Япония оказалась единственной великой державой, которая все еще стоит за продолжение войны. Требование трех держав — Соединенных Штатов Америки, Великобритании и Китая — от 26 июля сего года о безоговорочной капитуляции японских вооруженных сил было отклонено Японией. Тем самым предложение Японского правительства Советскому Союзу о посредничестве в войне на Дальнем Востоке теряет всякую почву.

Учитывая отказ Японии капитулировать, союзники обратились к Советскому правительству с предложением включиться в войну против японской агрессии и тем сократить сроки окончания войны, сократить количество жертв и содействовать скорейшему восстановлению всеобщего мира. Верное своему союзническому долгу, Советское правительство приняло предложение союзников и присоединилось к Заявлению союзных держав от 26 июля сего года.

Советское правительство считает, что такая его политика является единственным средством, способным приблизить

¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВКГ: Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16 (5—4). С. 249—250.

наступление мира, освободить народы от дальнейших жертв и страданий и дать возможность японскому народу избавиться от тех опасностей и разрушений, которые были пережиты Германией после ее отказа от безоговорочной капитуляции.

Ввиду изложенного Советское правительство заявляет, что с завтрашнего дня, то есть с 9 августа, Советский Союз будет считать себя в состоянии войны с Японией»¹.

В этой связи премьер-министр Японии Судзуки заявил:

— Вступление сегодня утром в войну Советского Союза ставит нас окончательно в безвыходное положение и делает невозможным дальнейшее продолжение войны.

К началу операции войска Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов вместе с монгольскими войсками насчитывали более 1,7 млн человек, около 30 тыс. орудий и минометов, свыше 5200 танков и САУ, более 5 тыс. боевых самолетов (с учетом авиации Тихоокеанского флота и Амурской военной флотилии)². Советский ВМФ имел на Дальнем Востоке 93 боевых корабля основных классов, в том числе 2 крейсера, один лидер, 12 эскадренных миноносцев. В операции участвовали пограничные войска Приморского, Хабаровского и Забайкальского пограничных округов.

Ведущая роль в Маньчжурской стратегической наступательной операции отводилась Забайкальскому и 1-му Дальневосточному фронтам, войска которых по решению маршала Василевского наносили встречные удары с северо-запада и востока в общем направлении на Чанчунь, Гирин, Мукден (Шэньян).

Войскам Забайкальского фронта маршала Р.Я. Малиновского предстояло провести Хингано-Мукденскую наступательную операцию. Противник не ожидал удара со стороны Большого Хингана, поэтому не имел подготовленной обороны, за исключением Чжалайнор-Маньчжурского и Хайларского укрепленных райо-

¹ Цит. по: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. III. С. 362—363.

² См.: *Внотченко А.Н., Егоров П. Я.* Разгром агрессии на Дальнем Востоке. М., 1975. С. 9. По данным С.М. Штеменко, к началу военных действий против Японии было сосредоточено 1,5 млн человек, более 29 тысяч орудий и минометов, свыше 5200 танков и самоходно-артиллерийских установок, почти 5200 боевых самолетов (См.: *Штеменко С.М.* Генеральный штаб в годы войны. 2-е изд. М.: Воениздат, 1989. Кн. 1. С. 246).

нов на левом крыле и Халун-Аршанского — в центре. В приграничной полосе находились лишь небольшие отряды прикрытия, и пустынно-степная местность позволяла организовать наступление на широком фронте. Главные силы противника (3-й фронт) находились в 400—600 км от рубежа развертывания советско-монгольских войск.

Учитывая все это, Василевский и Малиновский планировали нанести с территории МНР из района Тамцаг-Булакского выступа через пустыни и горы главный удар центром Забайкальского фронта (17, 39, 53-я общевойсковые, 6-я гвардейская танковая армии) к сердцу Маньчжурии — на Чанчунь, быстро преодолеть Большой Хинган и глубоко охватить главные силы Квантунской армии с юга. Главную роль в операции играла 6-я гвардейская танковая армия. Ей предстояло стремительным ударом преодолеть Большой Хинган, овладеть Мукденом и Чанчуном, а затем стремительно выйти на Ляодунский полуостров и овладеть портами Дайрен (Далянь) и Люйшунь (Порт-Артур). Общая глубина задачи армии составляла около 1000 км. Среднесуточный темп наступления планировался в пределах 90—100 км. Вспомогательные удары наносили на правом крыле фронта конно-механизированная группа советско-монгольских войск на Калган (Чжанцзякоу), а на левом — 36-я армия из Даурии на Хайлар. В состав конно-механизированной группы, кроме войск фронта, входили монгольские части и соединения (4 кавалерийские и одна авиационная дивизии, бронебригада, танковый, артиллерийский полки и полк связи). В резерве командующего фронтом находились 227-я и 317-я стрелковые, 111-я танковая дивизии, 201-я танковая бригада, соединения и части истребительно-противотанковой и зенитной артиллерии. Поддержка и прикрытие сухопутных войск с воздуха возлагались на 12-ю воздушную армию и Забайкальскую армию ПВО. К началу операции войска Забайкальского фронта превосходили противника в пехоте в 1,7 раза, в артиллерии — в 8,6, а в танках и САУ — в 5 раз.

Войскам 2-го Дальневосточного фронта генерала М.А. Пуркаева во взаимодействии с Краснознаменной Амурской военной флотилией предстояло провести Сунгарийскую наступательную операцию. При определении замысла операции Василевский и

Пуркаев предусматривали рядом ударов расчленив противостоящие силы противника и разгромить их по частям. Главный удар наносила 15-я армия во взаимодействии с Амурской военной флотилией из района Ленинского вдоль обоих берегов Сунгари на Саньсин (Илань), Харбин, а вспомогательный — 5-й отдельный стрелковый корпус при поддержке бригады речных кораблей из района Бикин на Жаохэ, Баоцин. Почти половина сил фронта (2-я Краснознаменная, 16-я армии и Камчатский оборонительный район) должна была оборонять район Благовещенска, побережье Татарского пролива, Северного Сахалина и Камчатки. С развитием успеха на направлениях главных ударов войск Забайкальского и 1-го Дальневосточного фронтов соединения 2-й Краснознаменной армии должны были наступать из района Благовещенска на Цицикар, 16-я армия — освободить южную часть Сахалина, а части Камчатского оборонительного района совместно с войсками 16-й армии — Курильские острова. Сухопутные войска и корабли Амурской военной флотилии поддерживала и прикрывала с воздуха 10-я воздушная армия.

Войска 1-го Дальневосточного фронта маршала К.А. Мерецкова во взаимодействии с Тихоокеанским флотом проводили Харбино-Гириинскую наступательную операцию. Василевский и Мерецков, определяя замысел операции, учитывали, что горная и горнолесистая местность в полосе наступления войск фронта допускает действия соединений только на отдельных направлениях. Замысел состоял в том, чтобы центром фронта (1-я Краснознаменная, 5-я армии) нанести главный удар из Приморья через укрепленные районы, тайгу, горные хребты в направлении Муданьцзян, Гириин (Цзилинь), Чанчунь, а частью сил — на Харбин, навстречу войскам Забайкальского и 2-го Дальневосточного фронтов. Вспомогательные удары наносила 35-я армия на Мишань с целью обеспечения с севера главной группировки фронта и 25-я армия на Ванцин с задачей отрезать противнику пути отхода в Корею. На Чугуевскую оперативную группу (две стрелковые дивизии и два укрепрайона) возлагалась задача во взаимодействии с флотом оборонять морское побережье севернее Владивостока. Авиационная поддержка и прикрытие войск с воздуха возлагались на 9-ю воздушную армию и Приморскую армию ПВО.

8 августа маршал Василевский прибыл в штаб 1-го Дальневосточного фронта, который располагался в тайге, в специально построенных домиках. Он подписал обращения «К братскому китайскому народу», «Братья-корейцы», «К Японской армии. К японскому народу», изданные на китайском, корейском, монгольском и японском языках. *«Если вы будете до конца поддерживать, — подчеркивалось в обращении “К японской армии. К японскому народу”, — своих теперешних правителей и военную клику авантюристов, то Японии не избежать судьбы Германии»*¹. Всего в течение пяти дней над густонаселенными районами Внутренней Монголии, Маньчжурии и Северной Кореи было сброшено свыше 24 млн экземпляров листовок.

9 августа в 00 часов 10 минут передовые батальоны и разведывательные отряды 1-го, 2-го Дальневосточных и Забайкальского фронтов в крайне неблагоприятных погодных условиях — летнего муссона, приносящего частые и сильные дожди, — двинулись на территорию противника. Одновременно 19-й бомбардировочный авиационный корпус 9-й воздушной армии нанес удары по военным объектам в Чанчуне и Харбине. С рассветом главные силы трех фронтов перешли в наступление и пересекли государственную границу. С целью достижения внезапности артиллерийская и авиационная подготовка атаки не проводилась. Тихоокеанский флот начал постановку оборонительных минных заграждений, а его авиация и соединения торпедных катеров нанесли удары по кораблям, судам и другим объектам в портах Северной Кореи. В тот же день американцы сбросили еще одну атомную бомбу, теперь на японский город Нагасаки.

В 9 часов 40 минут 9 августа маршал Василевский доложил Сталину об успешном начале операции, отметив, что удар советских войск оказался для противника неожиданным.

На Забайкальском фронте главные силы 17-й армии генерала А.И. Данилова к вечеру 9 августа на чифынском направлении продвинулись на 50 км, а передовыми частями — на 70 км. Соединения 39-й армии генерала И.И. Людникова, обойдя с юга Халун-Аршанский укрепрайон, прошла 60 км. Корпуса 6-й гвардейской

¹ Цит. по: История Второй мировой войны 1939 — 1945. Т. 11. С. 253.

танковой армии генерала А.Г. Кравченко, развивая наступление на Чанчунь, продвинулись на 120 — 150 км. Ее передовые отряды к исходу дня вышли на подступы к перевалам Большого Хингана. Соединения 36-й армии генерала А.А. Лучинского овладели Чжалайнор-Маньчжурским укрепленным районом, форсировали Аргунь и продвинулись на 40 км. Подвижная группа армии, обходя вражеские узлы сопротивления, прошла за сутки 100 км и вышла на подступы к Хайлару. Успешно действовала и конномеханизированная группа генерала И.А. Плиева. Главные силы 1-й Краснознаменной армии генерала А.П. Белобородова, наступая по бездорожью, к исходу первого дня операции вышли к р. Шитохэ.

На 1-м Дальневосточном фронте войска 5-й армии генерала Н.И. Крылова прорвали оборону противника на 60-километровом фронте и к утру 10 августа полностью очистили от японцев крупный узел дорог и укрепленный пункт Суйфыньхэ (Пограничная). В полосе 2-го Дальневосточного фронта Амурская военная флотилия нанесла удары по базам японской Сунгарийской флотилии. Соединения 2-й Краснознаменной армии генерала М.Ф. Терехина успешно форсировали Амур в районе Благовещенска и юго-западнее Хабаровска.

Японское командование, ошеломленное внезапными ударами советских войск, поспешно отводило соединения Квантунской армии в глубь Маньчжурии. Оно решило оказать сопротивление на рубеже железной дороги Тумынь — Чанчунь силами 3-й и 5-й армий 1-го фронта, а на рубеже железной дороги Чанчунь — Дальний — войсками 3-го фронта. В район Гирина через Харбин отходила 4-я армия, чтобы занять оборону на рубеже между войсками 1-го и 3-го фронтов.

Утром 10 августа японское правительство через нейтральные страны (Швецию и Швейцарию) направило правительству СССР заявление, в котором говорилось: *«Японское Правительство готово принять условия Декларации от 26 июля сего года, к которой присоединилось и Советское Правительство. Японское Правительство понимает, что эта Декларация не содержит требований, ущемляющих prerogативы императора как суверенного правителя*

Японии. Японское Правительство просит определенного уведомления по этому поводу»¹.

Пока правительство Японии ожидало ответ на свое заявление, советские войска продолжили наступление. 11 августа войска 2-й Краснознаменной армии 2-го Дальневосточного фронта при содействии Амурской военной флотилии заняли г. Фугдин (Фуцзинь) на р. Сунгари, а также г. Сяоцзяхэ на западном берегу р. Уссури, что открыло войскам фронта путь на Цзямусы. В тот же день малый хурал и монгольское правительство объявили священную войну Японии на стороне Объединенных Наций и заявили о полном присоединении к «Заявлению Советского правительства».

Соединения 6-й гвардейской танковой армии, испытывая недостаток в горючем, под сильным дождем начали спускаться на Центрально-Маньчжурскую равнину. *«При большой растяжке коммуникаций (ст. Чойбалсан до г. Мукден свыше 1000 километров) большую трудность представляло особенно обеспечение ГА горючим, — вспоминал А.Г. Кравченко. — Эта проблема была разрешена при помощи транспортной авиации. Накануне этой операции 6 ГА были приданы стрелковые и артиллерийские соединения из состава Забайкальского округа, которые не участвовали в боях на западе. Практика показала, что основные соединения Армии, которые получили большой боевой опыт на западе, гораздо легче переносили все трудности боевой обстановки и успешнее выполняли задачи и на этом своеобразном театре военных действий, чем местные войска, не обстрелянные и не имеющие боевого опыта...»².*

К исходу дня 11 августа передовой отряд 5-го гвардейского танкового корпуса 6-й гвардейской танковой армии занял Лубэй. Передовые отряды 1-й Краснознаменной армии вышли к р. Мулинхэ в районе г. Мишань и перерезали шоссе Хулинь — Мишань. В тот же день началась Южно-Сахалинская наступательная операция войск 16-й армии 2-го Дальневосточного фронта совместно с Северной Тихоокеанской флотилией. Они при поддержке авиации

¹ Цит. по: Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. V (июнь 1941 — октябрь 1945). М., 1947. С. 734.

² Цит. по: Жилин В.А. Танкисты-герои 1943 — 1945 гг. М.: Яуза; Эксмо, 2008. С. 184—185.

начали продвижение на юг вдоль единственной грунтовой дороги, связывающей северную и южную части острова, а торпедные катера Тихоокеанского флота высадили десант в порту Унги в Северной Корее.

Военные успехи были подкреплены дипломатическими мерами. Правительства СССР, США, Великобритании и Китая, отвечая на заявление японского правительства, вновь подтвердили свое требование о безоговорочной капитуляции. Внимание правительства Японии было обращено на положение Потсдамской декларации, предусматривавшее, что с момента капитуляции власть императора и японского правительства в отношении управления государством будет подчинена верховному командующему силами союзных держав, который предпримет такие шаги, какие сочтет нужными для осуществления условий капитуляции. Императору будет предложено, говорилось в ответе, санкционировать и обеспечить подписание правительством и главным командованием условий капитуляции, необходимых для выполнения положений Потсдамской декларации. В связи с этим ему придется отдать приказы всем военным, военно-морским и авиационным властям и всем находившимся в их подчинении вооруженным силам, где бы они ни размещались, прекратить боевые действия, сдать оружие и выполнить предписания верховного командующего, направленные на осуществление условий капитуляции. Форма правления Японии в соответствии с Потсдамской декларацией будет установлена свободно выраженной волей японского народа. Вооруженные силы союзных держав останутся в Японии до тех пор, «пока не будут достигнуты цели, изложенные в Потсдамской декларации»¹.

Ответ правительств СССР, США, Великобритании и Китая вызвал в японском правительстве разногласия и споры. Военный министр, не ожидая согласованного решения, призвал армию продолжить решительную священную войну, бороться до последней капли крови². Однако стремительные действия советских войск показали всю бесперспективность этого призыва. На Забайкальском фронте передовой отряд 17-й армии, действовавший на левом

¹ См.: Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. V. С. 735—736.

² См.: История войны на Тихом океане. Т. IV. Второй период войны. Пер. с яп. М., 1958. С. 272.

фланге, в трудных условиях пустынной местности продвинулся на 250 — 300 км, преодолел южные отроги Большого Хингана и вечером 12 августа овладел Линьси. В полосе 1-го Дальневосточного фронта войска 1-й Краснознаменной армии овладели крупным узлом шоссейных дорог, уездным центром Мишань и вошли в соприкосновение с частями 35-й армии, наступавшей правее. 13 августа соединения 1-й Краснознаменной армии, сломив упорное сопротивление противника в районе станции Мишаньчжань, овладели крупным узлом дорог — Линькоу и перерезали железнодорожную магистраль, идущую с севера на Муданьцзян. В тот же день началась Сейсинская десантная операция Тихоокеанского флота, целью которой было овладение японской военно-морской базой Чхонджин на побережье Северной Кореи.

Пытаясь любыми средствами сдерживать натиск советских войск, противник все шире применял отряды смертников и подразделения диверсантов. Но эти действия не могли изменить положение. 14 августа в полосе Забайкальского фронта части 7-го механизированного корпуса 6-й гвардейской танковой армии овладели Туцюанем. Таким образом, на четвертый день операции 6-я гвардейская танковая армия преодолела Большой Хинган и вышла в пределы Центрально-Маньчжурской равнины. Стремительные действия армии оказали решающее влияние на ход всей операции в Маньчжурии.

На правом крыле Забайкальского фронта конно-механизированная группа к исходу дня 14 августа продвинулась на 350 — 400 км, овладела Долоннором и вышла на подступы к Калгану. Войска 39-й армии, сбивая на своем пути разрозненные группы противника, также преодолели Большой Хинган. Подвижная группа армии заняла Ваньмяо. На левом крыле фронта соединения 36-й армии, преодолевая упорное сопротивление японцев, во взаимодействии с левофланговыми соединениями 39-й армии овладели Хайларским укрепрайоном и, продвинувшись на 200 — 250 км, вели бои на перевалах Большого Хингана и на подступах к Бухэду. Войска 1-го Дальневосточного фронта, овладев мощными укрепленными районами, углубились на 120 — 150 км в Маньчжурию, вышли к рубежу Линькоу, Муданьцзян, завязав бои на внутреннем обводе обороны этих городов. Соединения 2-го Дальневосточного фронта

прорвали долговременную оборону противника в районе Хэйхэ, преодолели горный хребет Малый Хинган и передовыми частями достигли Нуньцзяна и Лунчженя — последних опорных пунктов противника на подступах к Цицикару с севера. Основная группировка войск фронта к этому времени завязала бои за узлы сопротивления Цзямусы, Баоцин, прикрывавшие подступы к Харбину с северо-востока. Одновременно был захвачен Синшаньчжэньский укрепрайон, а Тихоокеанский флот произвел высадку десантов в порту Сейсин.

Таким образом, уже к исходу шестых суток наступления советских войск Квантунская армия оказалась расчлененной на части. Вечером 14 августа маршал Василевский позвонил в Москву Сталину и доложил о ходе операции. Затем Александр Михайлович сказал:

— Товарищ Сталин, необходимо решить вопрос о том, как следует поступать с японскими военнопленными, количество которых на всех фронтах быстро увеличивается?

— Товарищ Василевский, распорядитесь своей властью до окончания боевых действий на каждом из фронтов организовать по одному-два лагеря для содержания военнопленных. Для офицерского состава создайте отдельный лагерь. Затем мы переведем их на нашу территорию и используем в народном хозяйстве. Дел у нас в тайге, в портах, на железной дороге — непечатый край.

15 августа пал кабинет премьер-министра Судзуки. Однако войска Квантунской армии продолжали упорно сопротивляться. Вечером в Читу, в штаб Главкома советскими войсками на Дальнем Востоке, позвонил Сталин. Василевский доложил ему о развитии событий на фронтах, а затем сказал:

— Товарищ Сталин, сегодня по радио в штаб 1-го Дальневосточного фронта обратился начальник штаба Квантунской армии генерал Хата. Он предложил заключить временное соглашение о перемирии.

— Никаких временных перемирий, товарищ Василевский. В Москве американский посол уже неделю носится с письмами по поводу принятия правительством Японии условий Потсдамской декларации союзных держав. Вот и сегодня генерал Дин передал текст приказа генерала Макартура о прекращении военных действий против

Японии. Но нам неизвестна истинная позиция японцев. Пока нет приказа о прекращении боевых действий войсками Квантунской армии, наши войска должны продолжать наступление. Завтра по этому вопросу товарищ Антонов сделает специальное заявление от имени Генштаба. Конечно, оно будет выражать позицию нашей Ставки.

16 августа в «Правде» было опубликовано разъяснение Генерального штаба Красной Армии, в котором говорилось:

«1. Сделанное японским императором 14 августа сообщение о капитуляции Японии является только общей декларацией о безоговорочной капитуляции.»

Приказ вооруженным силам о прекращении боевых действий еще не отдан, и японские вооруженные силы по-прежнему продолжают сопротивление. Следовательно, действительной капитуляции вооруженных сил Японии еще нет.

2. Капитуляцию вооруженных сил Японии можно считать только с того момента, когда японским императором будет дан приказ своим вооруженным силам прекратить боевые действия и сложить оружие и когда этот приказ будет практически выполняться.

3. Ввиду изложенного Вооруженные Силы Советского Союза на Дальнем Востоке будут продолжать свои наступательные операции против Японии».

Необходимо было закрепить успех, чтобы не допустить отход противника в Северный Китай и на Ляодунский полуостров. Однако резкое ухудшение погоды и перебои в снабжении горючим сказались на дальнейших действиях. Сильные дожди, начавшиеся в горах еще 11 — 12 августа, распространились почти на всю Центральную Маньчжурию. Грунтовые дороги во многих местах стали совершенно непроходимыми. Тыловые части отстали. Не справлялась с этой задачей и авиация. В 6-й гвардейской танковой армии 9-й гвардейский механизированный корпус остался без горючего, а 5-й гвардейский танковый и 7-й механизированный корпуса имели всего лишь 0,4—0,5 заправки¹. Поэтому по решению командира

¹ См.: Радзиевский А.И. Танковый удар: танковая армия в наступательной операции фронта по опыту Великой Отечественной войны. М.: Воениздат, 1977. С. 238.

5-го гвардейского танкового корпуса генерала М.М. Савельева все горючее было слито в баки танковых соединений, действовавших в качестве передового отряда, который продолжал продвигаться на Мукден. Главные же силы выдвигались по мере подхода тылов. Аналогичное положение сложилось в общевойсковых армиях и конно-механизированной группе. После 13 — 14 августа они также были вынуждены по двое-трое суток ожидать подвоза горючего.

С целью сорвать замысел врага по отходу в центральные районы Маньчжурии и к портам на побережье Желтого моря Василевский потребовал не только стремительного наступления передовых отрядов, но и ведения глубокой разведки на главных направлениях. В течение 15 — 16 августа передовые и разведывательные отряды 6-й гвардейской танковой армии продвинулись на 100 — 150 км. За ними медленно продвигались главные силы армии. Конно-механизированная группа генерала Плиева выходила к Калгану и Чэндэ (Жэхэ). Войска 17-й армии через Чифын продвигались к берегам Ляодунского залива. Соединения 39-й армии, восстанавливая разрушенные врагом при отходе мосты и железнодорожные пути, продвигалась через Таоань на Чанчунь. В разрыв, образовавшийся между 17-й и 39-й армиями, решением командующего Забайкальским фронтом, согласованного с Василевским, была введена из второго эшелона 53-я армия для наступления через Кайлу на Фусинь.

16 августа соединения 25-й армии 1-го Дальневосточного фронта совместно с 10-м механизированным корпусом овладели г. Ванцин, прикрывавшим подступы к Гирину и северным районам Кореи. Одновременно часть сил армии совместно с морским десантом заняла военно-морскую базу Чхонджин (Сейсин) и вышли на коммуникации японской 3-й армии, отсекая войска 17-го фронта от 1-го фронта и от побережья Японского моря. Десант, высаженный Северной Тихоокеанской военной флотилией, занял порт Торо на Южном Сахалине.

В полосе 2-го Дальневосточного фронта десант Амурской военной флотилии совместно с частью сил 15-й армии овладел 17 августа г. Цзямусы. Части 56-го стрелкового корпуса прорвали оборону японцев на Сахалине и начали их преследование. На 1-м Дальневосточном фронте соединения 35-й армии вышли на желез-

ную дорогу Цзямусы — Тумынь в районе Боли. В результате они прочно обеспечили правый фланг главной группировки фронта, отрезав японскую 4-ю отдельную армию, отходившую перед войсками 2-го Дальневосточного фронта на юг, от мударьцзянской группировки. Одновременно 1-я Краснознаменная и 5-я армии после ожесточенных боев захватили крупный узел железных и шоссейных дорог, важный административно-политический центр Мударьцзян.

Таким образом, к исходу первой недели войны была полностью разгромлена японская 5-я армия и нанесен большой урон 3-й армии и другим войскам 1-го фронта. Попытка противника любой ценой не допустить выхода советских войск на Центрально-Маньчжурскую равнину и к Северной Корее провалилась.

Генерал Ямада, окончательно потеряв управление разрозненными войсками и сознавая бессмысленность дальнейшего сопротивления, на рассвете 17 августа отдал приказ своим войскам: *«По повелению императора военные действия прекратить»*. В 15 часов по токийскому радио передается заявление Ямады: *«Для того чтобы достичь быстрой реализации приказа о прекращении военных действий, мы, командование Квантунской армии, сегодня утром издали приказ, чтобы самолеты с нашими представителями были направлены 17 августа между десятью и четырнадцатью часами (по токийскому времени) в следующие города: Мударьцзян, Мишань и Мулин для установления контакта с командованием Красной Армии. Штаб Квантунской армии желает, чтобы эта мера не вызвала каких-либо недоразумений»*¹.

В пять часов вечера в штабе Главкома советскими войсками на Дальнем Востоке была принята радиограмма генерала Ямады о том, что он отдал своим войскам приказ немедленно прекратить военные действия и сдать оружие советским войскам. Два часа позже в распоряжение войск 1-го Дальневосточного фронта с японского самолета были сброшены два вымпела с обращением командующего 1-м фронтом генерал-лейтенанта Кита о прекращении военных действий. Однако на большинстве участков японские войска продолжали не только оказывать сопротивление, но местами пере-

¹ Цит. по: Александров А.А. Великая победа на Дальнем Востоке. Август 1945 года: от Забайкалья до Кореи. М.: Вече, 2004. С. 262.

ходили в контратаки. В связи с этим Василевский направил Ямаде радиogramму следующего содержания: *«Штаб японской Квантунской армии обратился по радио к штабу советских войск на Дальнем Востоке с предложением прекратить военные действия, причем ни слова не сказано о капитуляции японских вооруженных сил в Маньчжурии. В то же время японские войска перешли в контрнаступление на ряде участков советско-японского фронта. Предлагаю командующему войсками Квантунской армии с 12 часов 20 августа прекратить всякие боевые действия против советских войск на всем фронте, сложить оружие и сдать в плен. Указанный выше срок дается для того, чтобы штаб Квантунской армии мог довести приказ о прекращении сопротивления и сдаче в плен до всех своих войск. Как только японские войска начнут сдавать оружие, советские войска прекратят боевые действия»¹.*

Одновременно Василевский приказал командующему 1-м Дальневосточным фронтом выслать офицеров штаба на аэродромы Муданьцзяна и Мулина. Они были уполномочены передать содержание этой радиogramмы представителям штаба Квантунской армии.

Около полуночи Василевский, командующие 1-м, 2-м Дальневосточными, Забайкальским фронтами и Тихоокеанским флотом получили директиву № 11126 Ставки ВГК, в которой говорилось:

«1. На тех участках фронта, где японские войска складывают оружие и сдаются в плен, боевые действия прекращать. С пленными японцами обращаться хорошо.

2. В городах Маньчжурии, освобожденных от японцев, могут быть подняты китайские флаги администрацией, назначенной Чан Кайши. В этом китайской администрации не препятствовать и содействовать ей в установлении порядка.

3. Склады с продовольствием, горючим, оружием и всяким снаряжением, а также автомашины и другое имущество, захваченное нашими войсками, считать своими трофеями и китайцам не передавать.

4. Приказ этот довести до командиров полков»².

¹ Правда. 1945. 17 августа.

² Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16 (5—4). С. 252.

В половине четвертого утра 18 августа Ямада по радио сообщил Василевскому о готовности выполнить все условия капитуляции. В тот же день на многих участках фронта японские части начали сдаваться в плен. С целью ускорить разоружение капитулировавших японских войск и освобождение захваченных ими территорий Василевский приказал: *«В связи с тем, что сопротивление японцев сломлено, а тяжелое состояние дорог сильно препятствует быстрому продвижению главных сил наших войск при выполнении поставленных задач, необходимо для немедленного захвата городов Чанчунь, Мукден, Гири и Харбин перейти к действиям специально сформированных, быстроподвижных и хорошо оснащенных отрядов. Эти же отряды или подобные им использовать и для решения последующих задач, не боясь резкого отрыва их от своих главных сил»*¹.

В соответствии с этим приказом такие отряды создавались из танковых частей, стрелковых подразделений, посаженных на автомашины, и подразделений самоходной и истребительно-противотанковой артиллерии. От военного совета Забайкальского фронта в качестве особоуполномоченных в Чанчунь вылете начальник отдела комплектования оперативного управления полковник Артеменко, а в Мукден — начальник политотдела фронтового штаба генерал Притула.

Во исполнение приказа маршала Василевского командующий Забайкальским фронтом приказал соединениям 6-й гвардейской танковой армии в кратчайший срок занять Мукден и Чанчунь. После этого, оставив там по одной усиленной бригаде, главными силами армии форсированным маршем к исходу дня 25 августа выйти в район Люйшуня, заняв в первую очередь порты на Ляодунском полуострове. Кроме того, 19 августа в Мукдене и Чанчуне, а 22 августа в Дайрене и Люйшуне намечалось высадить воздушные десанты. В состав каждого десанта входило по 200—250 солдат и офицеров из частей 9-го гвардейского механизированного и 5-го гвардейского танкового корпусов.

18 августа войска 2-го Дальневосточного фронта во взаимодействии с Амурской военной флотилией овладели Суньуским укре-

¹ Цит. по: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. С. 523—524.

прайоном. Одновременно часть сил фронта во взаимодействии с Тихоокеанским флотом приступила к проведению Курильской десантной операции. В ночь на 19 августа подвижный отряд 25-й армии 1-го Дальневосточного фронта занял Цзилинь (Гирич). Войска 1-го Дальневосточного фронта днем вышли в центральные районы Маньчжурии на соединение с войсками Забайкальского фронта, которые к этому времени заняли Чанчунь, Мукден (Шэньян), Кайтун и Цицикар. Соединения 2-го Дальневосточного фронта овладели рубежом Лунчжэнь, Саньсин.

Воздушный десант (майор П.Е. Чельшев) от 6-й гвардейской мотострелковой бригады, высаженный в Мукдене, в одном из аэродромных помещений обнаружил маньчжурского императора Пу И и сопровождавшего его японского генерала. Накануне ему было приказано немедленно вылететь в Токио. Пу И явился в аэропорт, но подходящего самолета не оказалось. Ждать пришлось долго. Император Маньчжоу-Го сразу попросил генерала Притулу не выдавать его японским властям, пожаловавшись по поводу угнетенного положения местного населения в период японской оккупации. А затем вручил особоуполномоченному военного совета Забайкальского фронта, заготовленное ранее послание: *«С глубоким уважением к Генералиссимусу Советского Союза Сталину я выражаю ему искренние чувства благодарности и желаю Его Превосходительству доброго здоровья»*.

Десантники, опасаясь за судьбу Пу И, упрятали его в массивную железную клетку. Маршал Василевский, узнав об этом, приказал освободить императора и разъяснить десантникам, как следует вести себя в подобных случаях.

Воздушный десант под командованием заместителя начальника штаба 1-го Дальневосточного фронта генерал-майора Г.А. Шелашова, высаженный в Харбине, неожиданно встретил на аэродроме начальника штаба Квантунской армии генерал-лейтенанта Х. Хата. На самолете он был доставлен на КП командующего фронтом. Сюда также прилетел маршал Василевский. Во второй половине дня 19 августа он принял генерала Хата.

— Учтите, что сдача в плен и разоружение всех войск Квантунской армии должны закончиться не позднее 12 часов 20 августа, — строго сказал Василевский. — Порядок капитуляции, сборные пун-

кты приема военнопленных, маршруты движения и время доведут до вас представители штаба 1-го Дальневосточного фронта.

Генерал Хата принял все условия. После этого ему и сопровождавшим его лицам было разрешено отбыть на нашем самолете в сопровождении советских офицеров в свой штаб. Маршал Василевский послал с ним командующему Квантунской армией следующий ультиматум:

«Главнокомандующему Квантунской армией генералу Ямада.

Начальник штаба Квантунской армии генерал-лейтенант Хата получил 19.8.1945 года от меня следующие указания о порядке капитуляции Квантунской армии и ее разоружения.

1. Немедленно прекратить боевые действия частей Квантунской армии повсюду, а там, где это окажется невозможным, быстро довести до сведения войск приказ о немедленном прекращении боевых действий и прекратить боевые действия не позднее 12 часов дня 20.8.45 года.

2. Немедленно прекратить всякие перегруппировки войск Квантунской армии. Все передвижения, необходимые для обеспечения выполнения условий капитуляции, производить каждый раз по моему указанию.

3. Дать командующему 1-м фронтом и командующим 3-й, 5-й и 34-й армиями следующие указания:

а) немедленно связаться с командованием советских войск на местах через своих делегатов, выслав их в пункты встречи: Яньцзи, Нингуша, Муданьцзян;

б) войскам, дислоцирующимся в Северной Корее, сосредоточиться по указанию представителя командования 1-м Дальневосточным фронтом, для чего командующему 34-й армией прибыть к утру 22.8.45 года в Яньцзи;

в) командующему 1-м фронтом за получением указаний по выполнению условий капитуляции прибыть в 20.00 20.8.45 года в Нингушу;

г) предписать соединениям и частям сдать оружие в районах: Боли, Муданьцзян, Нингуша, Ванцин, Дуньхуа, Яньцзи, Кайней, Сейсин, Харбин, Гирин;

д) представить в штаб Главкома советских войск на Дальнем Востоке к утру 22.8.45 года:

1) полный перечень всех соединений и частей Квантунской армии;

2) перечень тыловых частей и учреждений, складов и содержащихся в них запасов;

3) все мероприятия по выполнению условий капитуляции войскам Квантунской армии осуществлять через командование и штабы армий. Поэтому на период с 20 по 25 августа вся сеть связи штаба Квантунской армии со штабами армий остается полностью в распоряжении главнокомандующего Квантунской армией.

4. Ответственность за питание и санитарное состояние своих войск в период капитуляции и в последующем несет Главное командование Квантунской армии. Поэтому войска должны иметь свои кухни и обеспечиваться по существующим нормам питанием за счет запасов продовольствия Квантунской армии»¹.

В 8 часов 20 августа Василевский доложил Сталину о том, что сопротивление японских войск прекратилось и наши части приступили к плановому разоружению противника. Одновременно советские войска продолжали подготовку к десантной операции на остров Хоккайдо, но в первой половине дня 22 августа Сталин ее отменил. Причинами тому послужили консультация Сталина с президентом США Трумэном и сложности, возникшие при освобождении Южного Сахалина и Курильских островов.

Вечером 23 августа Москва салютовала в честь победы, одержанной на Дальнем Востоке. Утром следующего дня советские воздушные десанты высадились в Хамхыне и Пхеньяне. Одновременно войска Забайкальского фронта овладели г. Ебошоу, а войска 2-го Дальневосточного фронта — городами Хонго и Мануи на Сахалине. Тихоокеанский флот приступил к высадке десантов на острова Курильской гряды — Парамушир и Маканруши. К 25 августа капитулировали штабы 3-й и 5-й армий 1-го фронта, а также гарнизон главного города Южного Сахалина — Тойохары. Десантные части овладели островами Парамушир, Онекотан, Харимкотан, Шиашкотан и Матуа.

К утру 26 августа было сломлено сопротивление гарнизона Дуннинского укрепрайона. К полудню десант от 16-й армии при

¹ Цит. по: *Мерецков К.А.* На службе народу / К.А. Мерецков. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. С. 454—455.

поддержке Северной Тихоокеанской флотилии овладел последним крупным опорным пунктом на Южном Сахалине, г. Рудака (Анива). Вечером 28 августа командующий 2-м Дальневосточным фронтом доложил Василевскому об окончании Южно-Сахалинской наступательной операции. На следующий день советские войска практически завершили разоружение Квантунской армии и других сил противника, располагавшихся в Маньчжурии и Северной Корее.

С разгромом Квантунской армии и потерей военно-экономической базы на материке — Северо-Восточного Китая и Северной Кореи — Япония лишилась реальных сил и возможностей для продолжения войны. 2 сентября на борту американского линкора «Миссури», вошедшего в Токийский залив, состоялась церемония подписания акта о безоговорочной капитуляции Японии. От имени Советского Союза его подписал генерал К.Н. Деревянко.

3 сентября Василевский доложил Сталину: *«Советские войска на Дальнем Востоке в составе Забайкальского фронта, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов и Тихоокеанского флота, начав наступление 9 августа 1945 г., к 1 сентября 1945 г. выполнили поставленные Вами боевые задачи и заняли: полностью Маньчжурию, Ляодунский и Квантунский п-ова, Сев. Корею до 38-го градуса сев. широты, южную часть о. Сахалин и все Курильские о-ва. В основном уже закончено разоружение и сдача в плен Квантунской армии. На 1.09.45 г. сложило оружие 573 984 солдата и офицера японской армии, в том числе 110 генералов, захвачено 861 самолет, 372 танка, 1434 орудия, 379 паровозов, 9129 вагонов, много складов с продовольствием, военным снаряжением и обмундированием...»*¹ По последним данным, в ходе Маньчжурской стратегической наступательной операции японская армия потеряла свыше 700 тыс. человек, в том числе более 640 тыс. пленными. В качестве трофеев было захвачено 4300 орудий и минометов (гранатометов), 686 танков и 861 самолет². Потери советских войск составили: безвозвратные — 12 031, санитарные — 24 425 человек³.

¹ Цит. по: Русский архив: советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30—40-е годы. Документы и материалы. Т. 18(7—1). М., 1977. С. 371.

² См.: Великая Отечественная война. 1941 — 1945. Военно-исторические очерки. Кн. 3. Освобождение. С. 399.

³ См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 309.

После завершения военных действий маршал Василевский с разрешения Сталина совершил поездку по освобожденной Маньчжурии. 4 сентября Александр Михайлович принял участие в митинге, который проходил в Харбине по просьбе его жителей русского происхождения. На следующий день Василевский и сопровождающие его лица улетели в Чанчунь, в штаб Забайкальского фронта. После осмотра войск Василевский и Малиновский выехали в г. Дальний (Дайрен, Далянь). Их встретил маршал Мерецков. Утром 8 сентября они на машине приехали в Порт-Артур, где посетили русское военное кладбище.

22 сентября генерал армии Антонов по поручению Сталина передал Василевскому, чтобы он прибыл в Москву. Итак, миссия Александра Михайловича на Дальнем Востоке завершилась.

Глава 11. В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

В своих мемуарах А.М. Василевский подробно остановился на том, что означает понятие «полководец». *«Полагаю, что точка зрения нашей исторической литературы, согласно которой понятие “полководец” связывается с военачальниками оперативно-стратегического уровня, правильна, — пишет Александр Михайлович. — Верно и то, что к категории полководцев следует относить тех военачальников, которые наиболее ярко проявили на полях сражений свое военное искусство и талант, мужество и волю к победе. Существует точка зрения, что полководец — это не должность и не чин. Я не сторонник столь категорического обособления этих понятий, хотя, несомненно, и то, что военачальник удостоивается звания полководца не по служебному приказу или какому-либо постановлению. Звание полководца имеет специфику, но неоправданно отделять его от должности военачальника. Если военачальник не командует крупными оперативными формированиями, он не может рассчитывать на признание как советский полководец. Звание полководца — это своего рода общенациональное признание военных заслуг военачальника, его умения руководить войсками в*

битвах и сражениях, его выдающихся побед на войне. Тот, кто не исполнял командную должность крупного масштаба, тот не имеет никаких перспектив на честь называться полководцем. В годы войны такие командующие, как Г.К. Жуков, И.С. Конев, К.К. Рокоссовский, уже считались полководцами, находясь при определенных должностях. Для них и должность, и звание полководца представляли одно признание их высоких заслуг перед Родиной, Вооруженными Силами. Но всему есть логическое развитие. Военачальник, удостоенный признания как полководец, допустим в должности командующего фронтом или армии, будет признаваться общественным мнением как полководец и тогда, когда кончится война и когда он будет даже на заслуженном отдыхе. Раз военачальник снискал признание за военное искусство, за боевые заслуги в руководстве войсками крупных масштабов, звание полководца ему будет сопутствовать всю жизнь. Но оно будет являться уже производным от его служебной деятельности в прошлом, его высокого авторитета как опытного командующего войсками фронта, армии в годы войны. Но и в этом случае, когда звание полководца приобретает своего рода относительную самостоятельность, оно лишь будет отражать прошлые должностные успехи военачальника»¹.

Несомненно, что к числу выдающихся полководцев принадлежит и А.М. Василевский. Но в отличие от них он счастливо сочетал в себе высокий талант полководца и не менее высокий талант мастера штабной службы. Эти качества были своевременно подмечены Сталиным, который, наряду с Жуковым, питал особое доверие к Александру Михайловичу.

По подсчетам Ю.М. Горькова, за время службы в Генеральном штабе А.М. Василевский 200 раз был в Кремле у И.В. Сталина с докладами по обстановке, по планированию боевых действий и другим вопросам, не считая встреч на пункте управления (станция метро «Кировская»), в особняке на улице Кирова (дом 33) или на даче, где журналы посещений не велись. В период с 5 июля 1942 г. по 18 февраля 1945 г. Александр Михайлович 12 раз выполнял обязанности постоянного представителя Ставки ВГК с правом координации,

¹ Цит. по: Василевский А.М. Дело всей жизни. С. 530—531.

а затем и руководства действиями группы фронтов. Это требовало от него колоссального напряжения ума и воли, величайшей ответственности, практически круглосуточной работы, нередко сопряженной с опасностью для жизни.

Генерал армии С.М. Штеменко, характеризуя А.М. Василевского, отмечал: *«Глубокое знание природы войны и способность предвидеть ход и исход самых сложных сражений очень скоро выдвинули А.М. Василевского в первый ряд советских военных руководителей. Отличительной чертой Александра Михайловича всегда было доверие к подчиненным, глубокое уважение к людям, бережное отношение к их достоинству. Он тонко понимал, как трудно сохранять организованность и четкость в критической обстановке неблагоприятно развивавшегося для нас начала войны, и старался сплотить коллектив, создать такую рабочую обстановку, когда совсем не чувствовалось бы давления власти, а лишь ощущалось крепкое плечо старшего, более опытного товарища, на которое в случае необходимости можно опереться. За его теплоту, душевность, искренность мы все платили ему тем же. Василевский пользовался в Генштабе не только высочайшим авторитетом, но и всеобщей любовью»*¹.

Адмирал флота Советского Союза Н.Г. Кузнецов писал об А.М. Василевском: *«Безусловно, преданный, исполнительный и всегда аккуратный военный деятель, Александр Михайлович всегда работал, целиком отдаваясь своему делу. Скромный по своему характеру, он никогда не выпячивался вперед, а старался оставаться в тени, и это его отличало в лучшую сторону. Его недостатком было отсутствие твердой линии и своей определенной точки зрения на различные вопросы. Происходило это не потому, что у него не хватало знаний разобратся и правильно понимать вопрос, а главным образом потому, что, будучи сыном священника, он избегал обострять отношения не только с вышестоящими начальниками, но и равными себе. На докладах у Сталина Александр Михайлович, конечно, не думал противодействовать ему и, мне кажется, даже иногда и тогда, когда считал*

¹ Цит. по: Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. 2-е изд. М.: Воениздат, 1989. Кн. 1. С. 107.

явно неправильным то или иное предложение. Но если оно было одобрено Сталиным, для него это было законом»¹.

Авиаконструктор А.С. Яковлев отмечал: «Маршал Советского Союза Александр Михайлович Василевский — начальник Генерального штаба — представительный и располагающий к себе человек. На совещаниях немногословен. Не часто приходилось видеть его активно выступавшим с какими-либо предложениями или вступающим в спор. Умный и, главное, осторожный человек, он придерживался правила: “Слово — серебро, молчание — золото”»². Писатель К.М. Симонов подчеркивал: «Александр Михайлович соединял в себе непреклонную волю и удивительную чуткость и деликатность... Он был замечательным представителем русской интеллигенции в рядах нашей Советской Армии, которой он отдал всю свою жизнь и все свои силы...»

Генерал-полковник авиации Н.П. Каманин вспоминал: «Во время войны я всего несколько раз встречался с Александром Михайловичем, встречи эти были краткими и не могли дать полного представления о личности маршала и его талантах. Близко мы познакомились уже после войны, когда Василевский стал министром обороны, а я — председателем ЦК ДОСААФ СССР. Семь лет подряд я участвовал в подготовке и проведении тушинских воздушных парадов, а Василевский очень тщательно лично контролировал нашу работу. Десятки раз встречался я с министром один на один в его кабинете... и всегда Александр Михайлович производил на меня благоприятное впечатление: умный, тактичный, терпеливый и в то же время решительный руководитель — таким он остался в моей памяти»³.

Генерал армии А.П. Белобородов следующим образом оценивал Василевского: «В послевоенные годы, когда мне довелось занимать различные командные посты в Сухопутных войсках, в Министерстве обороны, находясь на других ступенях служебной лестницы,

¹ Цит. по: Маршал Василевский: Москва в жизни и судьбе полководца (исторические очерки, воспоминания, документы)/Сост. В.А. Афанасьев, А.Н. Пономарев. М.: Издательство Главного архивного управления города Москвы, 2008. С. 477.

² Цит. по: Яковлев А.С. Цель жизни. М.: Политиздат, 1973. С. 331.

³ Цит. по: Каманин Н.П. Скрытый космос. Кн. 4. 1969 — 1978. М., 1980. С. 157.

встречи с Александром Михайловичем Василевским еще больше укрепили мое глубокое уважение к этому по-солдатски простому и неизменно скромному человеку. Обладая большим опытом и разносторонними знаниями, он внес большой вклад в развитие советского военного искусства, много времени посвятил воспитанию молодого поколения защитников социалистической отчизны»¹.

Генерал армии А.И. Грибков в своих мемуарах отмечал: *«Мне пришлось выполнять задания Александра Михайловича при освобождении Крыма. Из его рук в Крыму я получил орден Отечественной войны. Я благодарен судьбе за то, что она дала мне возможность встречаться с выдающимся полководцем, обладавшим высокой культурой, большим тактом, выдержкой, сильными волевыми качествами, требовательным и в то же время очень заботливым человеком»².*

Интересна и оценка Н.С. Хрущева, который был одним из инициаторов отставки А.М. Василевского в 50-х гг. *«...Это человек особого склада характера, — пишет Никита Сергеевич. — Разговаривать с ним было приятно: он не повысит голоса, не накричит, а беседа всегда велась им не вообще, но по существу обстановки, которая складывалась. Было приятно чувствовать человеческое понимание, человеческое к тебе отношение, особенно в трудную минуту обороны»³.*

В литературе часто можно встретить описание следующего факта из жизни Василевского. Сталин, находясь как-то в хорошем расположении духа, сказал:

— Товарищ Василевский, вы вот массой войск руководите, и у вас это неплохо получается, а сами, наверное, и мухи не обидели...

Действительно, Василевский «муху» не обижал, что, однако, не сказывалось на деле. Он не раз проявлял твердость, отстаивая свою точку зрения перед Верховным Главнокомандующим.

¹ Цит. по: Маршал Василевский: Москва в жизни и судьбе полководца (исторические очерки, воспоминания, документы). С. 393.

² Цит. по: Грибков А.И. Исповедь лейтенанта. Встречи с полководцами. Операция «Анадырь» М., 1999. С. 142.

³ Цит. по: Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть. (Воспоминания). Кн. I. М.: ИИК «Московские Новости», 1999. С. 493.

В то же время к подчиненным Александр Михайлович относился с уважением, вниманием и чуткостью. Даже распекая виновного, он обычно говорил так:

— Извольте быть впредь аккуратнее...

— Вы сегодня меня огорчили. Надеюсь, мои замечания не останутся без последствий...

29 сентября 1945 г. А.М. Василевский прилетел с Дальнего Востока в Москву. В 9 часов вечера в Кремле его принял И.В. Сталин. На совещании присутствовали маршал Г.К. Жуков, маршал бронетанковых войск Я.Н. Федоренко, генералы А.И. Антонов и С.М. Штеменко.

Сталин задал Василевскому ряд вопросов, относящихся к Дальневосточной кампании, к характеристике боеспособности японских войск и оценке японского командования, а также об отношениях к Советскому Союзу китайского населения и о положении в Китае в целом. Затем Сталин перешел к вопросам внутренней политики.

— Одной из важнейших задач при переходе страны и ее вооруженных сил к мирным условиям является выработка наиболее приемлемых и правильных направлений дальнейшего строительства, организации и развития армии и флота, расстановка руководящих кадров. Каковы ваши планы, товарищ Василевский, на дальнейшее?

— Товарищ Сталин, я готов работать там, где укажет партия, — ответил Александр Михайлович.

— Я думаю, товарищ Василевский, что вам, прежде всего, следует отдохнуть с семьей в одном из санаториев, а по возвращении будет решен вопрос о вашей работе.

После этого Сталин поздравил Василевского с наступающим 50-летием. На следующий день в «Правде» были опубликованы приветствие ЦК ВКП(б) и Совета Народных Комиссаров в адрес Василевского и Указ Президиума Верховного Совета СССР о его награждении четвертым орденом Ленина. Через несколько дней Василевский с семьей уехал на Кавказ.

После отдыха семья Василевского вернулась в Москву, на улицу Грановского, в доме 3. Здесь же, по воспоминаниям сына маршала Игоря, с 1946 г. жил отец Василевского Михаил Александрович, давным-давно оставивший церковную службу. Он с удовольствием

поселился у сына-маршала, которого нежно называл Саней. Но есть и другие свидетельства. П.Ф. Белов, встречавшийся с сестрой Василевского Верой Михайловной, рассказывал журналисту В. Князеву¹:

— Первая после размолвки встреча отца с сыном состоялась в 1946 г. Тогда Василевский собирался было съездить на родину. Но Сталин сказал: «Начальнику Генерального штаба разъезжать по личным делам некогда. Посылайте за родными самолет. Если потребуется, железная дорога предоставит вагон». Вот маршал и поручил своему адъютанту привезти родных на подмосковную дачу. Приехали сестры Елена и Вера, отец Михаил Александрович. Было ему тогда уже 80 лет. Как рассказывала мне Вера Михайловна, отец и сын долго стояли, обнявшись. Александр Михайлович предложил отцу остаться жить у него. Но Василевский-старший отказался и вернулся в Кинешму. Потом он еще несколько раз приезжал к сыну.

На снимке 1948 г. запечатлены Михаил Александрович и его сын.

— Даже на нем видно, — говорил Белов, — как напряжены взгляды отца и сына. Один, видимо, так и не простил обиды, другой чувствовал это, но вину искупить не мог...

При общении с домочадцами и друзьями приходилось соблюдать определенные меры предосторожности. Сын маршала Игорь Александрович вспоминал: *«Надо сказать, что атмосфера, которая царила в окружении семьи, была весьма необычной. Вездесущие глаза и уши вынудили нас к обыкновению не высказывать мысли вслух. Все окружение семьи без исключения работало на НКВД и передавало постоянно письменные отчеты о каждом дне. Система вмешивалась, регулировала и даже прекращала общение с друзьями»*².

Сталин не забыл о Василевском. 25 февраля 1946 г. Президиум Верховного Совета СССР, основываясь на решении Политбюро ЦК ВКП(б) от 19 января, постановил образовать на базе наркоматов обороны и Военно-Морского Флота единый союзно-республиканский народный комиссариат, переименованный в марте в

¹ См.: Труд-7. 2005. 14 апреля.

² Цит. по: Василевский А.М. Дело всей жизни. С. 584.

Министерство Вооруженных Сил СССР¹. Министром оставался генералиссимус И.В. Сталин. 22 марта 1946 г. маршал А.М. Василевский был назначен его заместителем, он же начальник Генерального штаба. Его первым заместителем стал генерал армии Антонов, он же заместитель по Сухопутным войскам. Кроме того, у начальника Генштаба были заместители по Военно-воздушным и Военно-морским силам. Начальник Главного оперативного управления также являлся его заместителем. Начальнику Генштаба подчинялась Военно-дипломатическая академия.

Под руководством маршала Василевского была проведена реорганизация структуры Генштаба. Это было обусловлено возрастанием объема и сложности решаемых им задач в связи с ростом международной напряженности, появлением новых средств вооруженной борьбы, развитием вооруженных сил и военной науки. Так, 23 марта 1946 г. Оперативное управление Генштаба было преобразовано в Главное оперативное управление (ГОУ), которое возглавлял генерал-полковник С.М. Штеменко. Управление оперативного тыла было реорганизовано в Управление мобилизационного планирования вооружения и снабжения. На базе мобилизационно-планового управления Главного организационного управления Генштаба и мобилизационного управления Главного штаба Сухопутных войск было сформировано мобилизационное управление Главного организационного управления Генштаба.

На Генеральный штаб возлагались следующие задачи: разработка планов строительства, развития, организации вооруженных сил и их оперативного использования; составление схемы мобилизационного развертывания армии и флота; проведение мероприятий, направленных на организацию и поддержание взаимодействия в системе военного ведомства; разработка первых послевоенных оперативных планов действий группировок советских войск на случай войны с учетом их новой дислокации, в том числе и на территориях стран Восточной Европы, военных баз в Финляндии и Китае; исследование опыта прошедшей войны и внедрение его в практику оперативной и боевой подготовки; дальнейшее развитие

¹ Переименование Наркомата ВС СССР в Министерство ВС СССР было связано с учреждением в системе органов государственного управления вместо наркоматов министерств.

военной науки; разработка планов по подготовке сухопутных и морских ТВД, укреплению государственной границы; подготовка и отдача директивных указаний по организации противовоздушной обороны страны; осуществление контроля над выполнением приказов и распоряжений министра вооруженных сил по вопросам, относившимся к ведению Генштаба¹.

Одной из важнейших задач Генштаба было укрепление обороноспособности страны и боеготовности ее вооруженных сил. Это одна из главнейших задач руководства любого государства. Однако для Советского Союза данная задача приобрела особую остроту в связи с рассмотрением 3 ноября 1945 г. Комитетом начальников штабов США доклада № 329 Объединенного разведывательного комитета, первый параграф которого гласил: *«Отбросить приблизительно двадцать целей, пригодных для стратегической атомной бомбардировки СССР»*².

5 марта 1946 г. бывший премьер-министр Великобритании У. Черчилль в американском г. Фултоне в присутствии президента США Г. Трумэна произнес программную речь, в которой предложил создать англо-американский блок. Он должен был обеспечить господство США и Великобритании во всем мире, ликвидировать антифашистскую коалицию и возвести железный занавес вокруг Советского Союза, сделать господствующим фактором в мировом развитии политику «с позиции силы». В июне Комитет начальников штабов США подготовил план войны против СССР под кодовым названием «Pincher», предусматривавший нанесение 50 атомных ударов по 20 советским городам. 12 марта 1947 г. президент США Трумэн в специальном послании конгрессу заявил о своем стремлении покончить с социализмом как главным препятствием на пути Соединенных Штатов Америки к мировому господству. Это послание получило наименование «доктрина Трумэна».

В последующем были разработаны еще несколько планов, в том числе в 1949 г. план «Dropshot», в соответствии с которым планировалось применение уже 300 ядерных авиабомб по 200 городам СССР. Начало военных действий с участием всех государств

¹ См.: Положение о Министерстве Вооруженных Сил СССР. М., 1946. С. 9.

² См.: Российская газета — Неделя. № 5246(167). 2010. 29 июля.

НАТО было назначено на 1 января 1957 г. Осенью 1950 г. получили организационное оформление Объединенные вооруженные силы НАТО в Европе. В 1951 г. государства англо-американского блока подписали сепаратный мирный договор с Японией.

В сложившихся условиях военно-политическому руководству Советского Союза приходилось решать двуединую задачу: укреплять обороноспособность страны и боеготовность армии и флота при одновременном сокращении их численности. К концу войны они насчитывали 11 365 тыс. человек¹. Еще в ходе войны ГКО 20 апреля 1945 г. принял постановление «Об установлении состава, численности и организации Красной Армии после окончания войны с Германией». 3 июня на первой послевоенной (XII) сессии Верховного Совета СССР принимается Закон «О демобилизации старших возрастов личного состава действующей армии»². Руководствуясь им, Генштаб осуществил конкретное планирование демобилизации, подготовил и направил в войска соответствующие директивы. В выполнении этой задачи активное участие принял и маршал Василевский. До конца 1947 г. из армии было уволено около 287 тыс. генералов и офицеров, тридцать три призывных возраста рядового и сержантского состава общей численностью 8,9 млн человек. Численность оставшихся на кадровой службе в Вооруженных Силах Советского Союза составила 2874 млн человек³. В этот же период народное хозяйство получило из вооруженных сил около 150 тыс. автомашин, более 1 млн лошадей, свыше 1500 судов и много другой техники⁴.

Одновременно проводились и мероприятия организационного характера. По предложению Генштаба количество военных округов к концу 1946 г. с 33 было уменьшено до 21. Наряду с этим расформировывались управления армий, корпусов и флотилий, многие соединения, отдельные части, военные училища, школы

¹ См.: 50 лет Вооруженных Сил СССР. М.: Воениздат, 1968. С. 174.

² 5 сентября 1945 г. постановлением СНК СССР Закон о демобилизации был распространен и на войска 1-го и 2-го Дальневосточных, Забайкальского фронтов.

³ См.: Советские Вооруженные Силы: История строительства. М.: Воениздат, 1978. С. 374.

⁴ См.: Генеральный штаб Российской армии: история и современность. М.: Академический Проект, 2006. С. 246.

и курсы. Оставшиеся соединения и части переводились на новые штаты, разработанные с учетом опыта войны, условий мирного времени и возможностей экономики страны. Основное внимание при этом уделялось созданию таких войсковых структур и органов управления, которые при значительно меньшей численности сохраняли высокую боеспособность. Одновременно осуществлялись передислокация войск из зарубежных стран и размещение их на территории Союза, ликвидировались войска по охране железных дорог и особо важных предприятий промышленности СССР. Еще в сентябре 1945 г. советские войска были выведены из Северной Норвегии, а в ноябре — из Чехословакии. Маршал Василевский продолжил эту работу, начатую его предшественником генералом армии Антоновым. В апреле 1946 г. советские войска были выведены с острова Борнхольм (Дания), в мае — из Маньчжурии (Китай) и Северного Ирана, в декабре 1947 г. — из Болгарии, а в конце 1948 г. — из Кореи. Значительно уменьшилось количество соединений и частей, оставленных в Австрии, Венгрии, Польше, Румынии и в восточной части Германии. Они были объединены в группы войск.

Одной из главных задач Генерального штаба являлась разработка планов обороны страны. Первый проект такого плана в виде доклада «Об организации активной обороны территории Советского Союза» был представлен Генштабом на рассмотрение Высшему военному совету в середине 1946 г. и в целом получил одобрение. При его разработке в первую очередь учитывался опыт минувшей войны и, прежде всего, ее начального периода. Это предопределило упор не на пассивное прикрытие государственной границы, как это было накануне войны, а на активные и решительные действия в случае военной угрозы с обязательным упреждением акций противника ударами авиации. С этой целью предусматривалось еще в мирное время на основных стратегических направлениях наряду с войсками прикрытия госграницы иметь в первой линии достаточно сильные армии отпора. Им предстояло, опираясь на укрепленные районы, разгромить наступающего противника в приграничной зоне и подготовить условия для перехода в решительное наступление. Для этого предназначались расположенные в глубине территории страны хорошо обученные, сильные резервы Главного командования,

а также «второочередные войска», отмобилизование и развертывание которых намечалось с началом войны. Силы флота должны были воспрепятствовать высадке морских десантов противника, обеспечить приморские фланги группировок сухопутных войск, не допустить захвата противником господства в прибрежных водах СССР. С июля 1946 по май 1948 г. Генштаб под руководством маршала Василевского постоянно уточнял план применения вооруженных сил с учетом продолжавшихся их сокращения и перевода на мирное положение.

В Генштабе уделялось большое внимание разработке постоянно действующего мобилизационного плана. Кроме того, на случай внезапного начала войны и связанного с этим развертывания вооруженных сил, был подготовлен Временный обилизационный план. 10 июня 1946 г. он был утвержден под названием «План доукомплектования войск 1946 г.»¹. Планом предусматривалось развертывание войск до штатов военного времени за счет уволенного в запас личного состава с использованием вооружения и материальных средств, сохранившихся после сокращения вооруженных сил. На основе разработанных Генштабом документов Совет Министров СССР в 1947 г. принял постановление «О плане доукомплектования и развертывания вооруженных сил до штатов военного времени». В марте 1948 г. завершилась работа над постоянно действующим мобилизационным планом, который был введен в действие с 1 января 1950 г.²

В поле зрения маршала Василевского постоянно находились вопросы развития и совершенствования организационно-штатной структуры вооруженных сил и их технического оснащения, в том числе ядерным оружием. В августе 1946 г. на базе одного из гвардейских полков реактивной артиллерии было сформировано первое ракетное соединение — бригада особого назначения РВГК³. В 1947 г. советские ученые и конструкторы создали первую ракету Р-1. 4 сентября по инициативе маршала Василевского в Генштабе был создан Специальный отдел во главе с генерал-майором инже-

¹ См.: Генеральный штаб Российской армии: история и современность. С. 257.

² Там же. С. 258.

³ См.: *Бабаков А.А.* Вооруженные Силы СССР после войны (1945—1986): История строительства. М., 1987. С. 95.

нерных войск В.А. Болятко, занимавшийся проблемами ядерного оружия. В апреле 1948 г. по представлению Генштаба Совет Министров СССР принял план работ по реактивному вооружению на 1948 — 1949 гг. и утвердил сроки государственных испытаний образцов ракет.

А.М. Василевский значительное внимание уделял совершенствованию оперативной подготовки командующих (командиров), штабов и боевой подготовки войск. В планах оперативной подготовки, разработанных в Генштабе, определялись темы учений и маневров, количество участвующих в них штабов и войск. Планы и замыслы учений, проводимых под руководством главнокомандующих видами вооруженных сил, командующих войсками военных округов и групп войск, рассматривались в Главном оперативном управлении и утверждались начальником Генштаба или министром вооруженных сил. В их проведении активно участвовали генералы и офицеры Генерального штаба. В 1946 — 1953 гг. было проведено 9 крупных, как правило, двусторонних, оперативно-стратегических командно-штабных учений с обозначенными войскам, на которые привлекались штабы округов, групп войск, флотов и отдельных армий. Ими руководили министр вооруженных сил либо его заместители или начальник Генштаба. Одновременно проводились и самостоятельные стратегические двусторонние учения ВВС и Войск ПВО страны: два из них — под руководством маршала Василевского и одно — под руководством маршала Соколовского. На этих учениях отрабатывались действия Войск ПВО страны против авиации возможного противника и действия дальней авиации по объектам в глубоком тылу неприятеля. В этот же период по планам Генштаба состоялись крупные маневры войск в Белорусском, Прикарпатском, Одесском, Закавказском и Туркестанском военных округах, на которых присутствовали и выступали на разборе маршалы Жуков, Василевский, Соколовский, Говоров и др. На учениях и маневрах в условиях, максимально приближенных к боевым, проверялась новая организация объединений, соединений и частей, их боевые возможности, уровень подготовки командного состава, штабов и войск, практически отрабатывались теоретические положения тактики и оперативного искусства. В то же время Генштаб, считая основным видом военных действий наступление,

недостаточное внимание уделял оборонительным темам. Как видим, повторялась ошибка предвоенных лет, которая пагубно сказалась на исходе приграничных сражений.

Одним из направлений деятельности Генштаба являлось налаживание и осуществление военных связей с зарубежными странами, в том числе по оказанию помощи в строительстве и подготовке армий союзных государств. В соответствии с договорами со странами народной демократии о дружбе, взаимной помощи и сотрудничестве Генштаб рассматривал просьбы и заявки национального военного руководства, готовил предложения для принятия решений правительства СССР, контролировал их выполнение, разрабатывал рекомендации по вопросам строительства, организации, технического оснащения союзных армий, их боевой и оперативной подготовки. В период с июля 1945 по ноябрь 1949 г. им были поставлены до 500 тыс. единиц стрелкового, около 9 тыс. артиллерийского вооружения, свыше 1700 танков и 1800 самолетов. При участии Генштаба были разработаны необходимые документы к соглашениям с правительствами Албании, Болгарии, МНР, Польши и Румынии о ежегодном приеме в военно-учебные заведения Советского Союза на льготных условиях военнослужащих этих стран. Только в 1949 г. в военных академиях, училищах и на курсах обучалось свыше 1000 иностранцев более чем по 30 специальностям¹. Подготовка национальных военных кадров осуществлялась и непосредственно в армиях дружественных стран под руководством советских военных специалистов. Так, в октябре 1947 г. для этой цели туда было командировано более 380 человек.

Мероприятия, направленные на повышение обороноспособности страны, не могли иметь должного эффекта без их научного обоснования и практического подтверждения. Генштаб под руководством Василевского осуществлял эту работу прежде всего на основе всестороннего исследования опыта Великой Отечественной войны. В соответствии с постановлением Совнаркома СССР от 25 февраля 1946 г. приказом начальника Генштаба № 01 от 23 марта на базе военно-исторического отдела Генштаба было создано Военно-историческое управление, которое возглавил генерал-

¹ См.: Генеральный штаб Российской армии: история и современность. С. 266.

майор Н.А. Таленский¹. В соответствии с планами, разработанными Генштабом, проводились военно-научные конференции в военных округах, группах войск, на флотах и в военных академиях.

При активном участии маршала Василевского решались и вопросы оказания помощи Корейской Народно-Демократической Республике (КНДР), провозглашенной 9 сентября 1948 г. При Департаменте национальной обороны находились 470 военных советников из числа генералов и офицеров 25-й армии². К концу 1948 г. директивами начальника Генштаба численность советских военных советников была сокращена до 209 человек.

В должности начальника Генштаба маршалу Василевскому довелось принимать фельдмаршала Б. Монтгомери, герцога Эль-Аламейнского, прибывшего в январе 1947 г. в Советский Союз с официальным визитом. В качестве сувенира почетному гостю было решено преподнести русскую, военного покроя, бекешу на беличем меху и генеральскую папаху из серого каракуля. Маршал Василевский принял фельдмаршала в своем кабинете в присутствии генералов А.И. Антонова, Н.В. Славина и С.М. Штеменко. После взаимных приветствий состоялась беседа. Затем была уточнена программа пребывания. Монтгомери, желая прослыть оригиналом или из других побуждений, заявил, что рабочий день он будет начинать в 6 часов утра и в 9 вечера ложиться спать. Этому порядку он, мол, не изменял всю войну, даже в критические ее моменты. Но вот Василевский с приличествующим случаю коротким словом вручил фельдмаршалу бекешу и папаху. Монтгомери подарок очень понравился. Он долго разглядывал его, спросил, точно ли это настоящая белка и какова стоимость меха. Ответить о цене никто не мог, поэтому Штеменко пришлось тут же пойти и по телефону навести справки. Затем Монтгомери решил надеть бекешу и папаху. Когда он облачился, оказалось, что папаху была впору, а бекеша слишком длинна. Не отличавшийся богатырским сложением, фельдмаршал утонул в бекеше.

¹ См.: *Паршин В.В., Половецкий С.Д.* Военно-историческая работа в Вооруженных Силах Российской Федерации. М.: ВУ, 2003. С. 17.

² См. Россия (СССР) в войнах второй половины XX века [участие российских (советских) военнослужащих в боевых действиях за пределами Российской Федерации (СССР) после Второй мировой (1946—2002)]. М.: Триада-фарм, 2002. С. 85.

— Дело поправимое, — успокоил его Василевский. — Завтра к утру, бекеша будет доставлена вам в надлежащем виде.

Однако Монтгомери попросил, чтобы бекешу укоротили здесь же, при нем, он подождет. Все недоуменно переглянулись.

— Сергей Матвеевич, распорядитесь насчет портного, — сказал Александр Михайлович, обращаясь к Штеменко.

Штеменко вышел. Минут через сорок привезли портного с машинкой. Была произведена примерка, и портной в приемной начальника Генштаба сел за работу. Между тем официальная часть визита была исчерпана. Завязался непринужденный разговор. Вспомнили дела минувших дней. Монтгомери с большой охотой и подробностями рассказал про битву под Эль-Аламейном, в которой он одержал победу над генерал-фельдмаршалом Роммелем. В третий раз выпили кофе. Наконец портной работу закончил, сделал еще одну примерку — бекеша была теперь впору. Довольный, не снимая ее, Монтгомери покинул Генштаб.

Накануне отъезда фельдмаршала Сталин дал обед в честь Монтгомери. На обед приглашалось человек двадцать. К назначенному сроку военные и представители Министерства иностранных дел собрались в Большом Кремлевском дворце. До начала обеда оставалось пять минут, а Монтгомери все не было. Дозвонились до резиденции: говорят — выехал. Тут же открывается дверь, и в приемный зал входит Монтгомери, одетый в бекешу и папаху.

— В чем дело? — бросился генерал армии Штеменко к сопровождавшим его советским офицерам. — Почему не раздели где положено?

— Категорически отказался, — был ответ.

Монтгомери, заметив замешательство и недоумение на лицах присутствующих, сказал:

— Хочу, чтобы меня увидел генералиссимус Сталин в русской форме.

В это время вошел Сталин и члены правительства. Монтгомери объяснил и ему, в чем дело. Сталин посмеялся, сфотографировался вместе с ним. Потом Монти (как его звали англичане) тут же разделся, и начался обед.

На следующий день провожали Монтгомери с Центрального аэродрома. Он приехал в той же бекеше и папаше, принял рапорт

начальника почетного караула и улетел, не расставаясь с подарком...

А.М. Василевский на посту начальника Генштаба, как и в годы войны, пользовался полным доверием И.В. Сталина. В то же время Александр Михайлович понимал, что никто не был застрахован от гнева «хозяина» и доносов его ближайшего окружения. Одним из первых под удар попал командующий ВВС главный маршал авиации А.А. Новиков. Еще в августе 1945 г. сын Сталина Василий направил отцу письмо, в котором отмечал, что «ВВС принимают от промышленности самолет Як-9 с дефектами, из-за которых бьется много летчиков». По свидетельству самого Новикова, поводом для этого письма послужил его отказ представить Василия к присвоению звания генерала. Несмотря на это, под нажимом самого «отца всех народов» его сын все-таки 2 марта 1946 г. стал генералом. Через день строптивый Новиков был отстранен от занимаемой должности, а в середине марта для проверки военно-воздушных сил создается государственная комиссия под председательством заместителя министра вооруженных сил Н.А. Булганина. Члены комиссии, в состав которой входили видные военные деятели, в том числе маршалы Жуков и Василевский, нашли много недостатков в работе Новикова. Постановлением СНК СССР от 16 марта он был снят с занимаемой должности, а в апреле, несмотря на то что являлся депутатом Верховного Совета СССР, его арестовали¹.

30 апреля Новиков пишет пространное письмо Сталину, в котором заявляет о своей виновности «в еще более важных преступлениях», суть которых составляют... его связь с Жуковым и те «политически вредные» разговоры, которые велись с ним². К тому времени над Жуковым уже был занесен дамоклов меч. Его обвиняли в том, что он без серьезных оснований снимает с должностей высших начальников, утверждает «порочные» уставы, присваивает себе заслуги во многих победах и преуменьшает в них роль Сталина.

¹ См.: Иосиф Сталин в объятиях семьи (Сборник документов). М., 1993. С. 149.

² См.: Краснов В.Г. Неизвестный Жуков. Лавры и тернии полководца. Документы. Мнения. Размышления. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. С. 456—462.

Заявление главного маршала авиации Новикова было зачитано на заседании Высшего военного совета, которое состоялось 1 июня 1946 г. под председательством Сталина. На заседании твердую позицию в защите Жукова занял маршал бронетанковых войск П.С. Рыбалко. Маршал И.С. Конев, это подтверждается и другими свидетельствами, упоминает, что много грязи на голову Жукова, включая всякого рода бытовые подробности, вылил начальник Главного управления кадров генерал Ф.И. Голиков. Сам Конев на заседании отметил, что характер у Жукова неуживчивый, трудный, с ним работать очень трудно, не только находясь в его подчинении, но и будучи соседом по фронту. Наряду с этим категорически отверг предъявленные Жукову обвинения в политической нечестности, в неуважении к ЦК¹.

Генерал армии В.Д. Соколовский, по свидетельству Конева, «построил свое выступление в более обтекаемой форме, но принципиально подтвердил, что Жуков честный человек, честно выполнял приказы, и показал его роль в защите Москвы. Правда, и Соколовский заметил, что работать с Жуковым из-за неуживчивого характера действительно нелегко». Опровергли большинство обвинений в адрес Жукова маршал К.К. Рокоссовский и генерал армии А.В. Хрулев.

Слова попросил маршал Василевский. Он говорил о том, что у Жукова тяжелый характер, он может вспыхнуть, накричать на человека, наказать его. Но Жуков не способен на подлость.

— Георгий Константинович человек чести и высокого долга! И война это подтвердила, — сказал Александр Михайлович. — И последнее. За всю войну, товарищ Сталин, я не слышал от Жукова ни одного плохого слова о вас. Порой, когда вы не разделяли его точку зрения на ту или иную операцию, он злился, страдал, и не больше. А Новиков приписывает ему роль вожака тех, кто якобы вами недоволен. Не верьте этому, я вас очень прошу!..

Однако члены Политбюро Маленков, Молотов, Берия в один голос твердили, что Жуков зазнался, приписывает себе все победы Вооруженных Сил Советского Союза, что он человек политически незрелый, непартийный и что суть характера Жукова не только в

¹ См.: *Конев И.С. Записки командующего фронтом.* М.: Голос. 2000. С. 499.

том, что он тяжелый и неуживчивый, но, скорее, опасный, ибо у него есть бонапартистские замашки.

Сталин, внимательно выслушав всех, спросил:

— Что же будем делать с Жуковым?..

Из зала поступило предложение снять Жукова с должности Главкома Сухопутных войск СССР. Сталин поручил Булганину и Василевскому подготовить проект приказа министра вооруженных сил по итогам заседания Высшего военного совета. С этой задачей они управились в течение недели. 9 июня Сталин в качества министра вооруженных сил подписал приказ № 009, в который внес ряд поправок. В приказе отмечалось: *«Высший Военный Совет, рассмотрев вопрос о поведении Маршала Жукова, единодушно признал это поведение вредным и несовместимым с занимаемым им положением и, исходя из этого, решил просить Совет Министров Союза ССР об освобождении Маршала Жукова от должности Главнокомандующего Сухопутными Войсками.... Совет Министров Союза ССР на основании этого (зачеркнуто Сталиным. — Авт.) изложенного (дописано Сталиным. — Авт.) принял указанное выше решение об освобождении Маршала Жукова от занимаемых им постов и назначил его Командующим войсками Одесского военного округа»*¹.

В феврале 1947 г. опала Сталина постигла еще одного соратника Василевского главнокомандующего ВМФ адмирала Кузнецова. По необоснованному обвинению Николай Герасимович был снят с должности и назначен начальником Управления военно-морских учебных заведений, а в январе 1948 г. снижен в воинском звании до контр-адмирала.

В августе 1948 г. состоялась свадьба старшей дочери маршала Жукова Эры и лейтенанта Юрия Василевского. Родные, друзья и гости собрались за свадебным столом на даче Георгия Константиновича в Сосновке. Но Василевский в этот день находился на совещании в Кремле и на свадьбу приехать не смог. Позже он поздравил молодых.

¹ Цит. по: Данилов В. Донос. Секретные документы заговора против Маршала Советского Союза Георгия Жукова // Совершенно секретно. 1993. № 2.

— Желая вам, дорогие Юра и Эра, счастья в жизни! — сказал Александр Михайлович, поцеловав обоих. — Надеюсь, вы подарите нам с мамой внуков.

Эра заметно покраснела, а Юрий не растерялся и бодро ответил:

— Внуки будут, отец!..

И как рады были Жуков и Василевский, когда у их детей родилась дочь Саша, а позже — дочь Таня.

А.М. Василевский, занимая две должности — 1-го заместителя министра Вооруженных Сил СССР и начальника Генштаба, чувствовал, что ему все труднее удается должным образом с ними справляться. Поэтому в ноябре 1948 г. он обратился с просьбой к военному министру Булганину об освобождении его от должности начальника Генштаба.

— А кого же назначить? — спросил Булганин.

— Генерала армии Антонова, — сказал Василевский. — Он уже имеет опыт работы начальником Генерального штаба.

Булганин согласился, с этим они и пришли на Политбюро. Сталин, выслушав их, сказал, что на пост начальника Генштаба следует выдвинуть генерала Штеменко. Все попытки настоять на назначении Антонова ни к чему не привели. Вопрос был предрешен заранее. В результате Штеменко возглавил Генштаб прямо с должности начальника Оперативного управления, а первый генерал армии Антонов был назначен заместителем командующего Закавказским военным округом.

В должности первого заместителя министра Вооруженных Сил СССР маршал Василевский занимался решением различных вопросов, связанных со строительством, развитием и обучением войск. Ему также приходилось заниматься такой общественной организацией, как ДОСААФ, которой руководил генерал Н.П. Каманин. В 1949 г. в этой организации произошли неприятные происшествия: два летчика улетели на легкомоторных самолетах за границу: один — в Турцию, другой — в Югославию. Политбюро ЦК ВКП(б) решило закрыть все приграничные аэроклубы — симферопольский, одесский, ленинградский, бакинский и др. Маршал Василевский вызвал генерала Каманина к себе для окончательного редактирования решения Политбюро.

— Александр Михайлович, я считаю нецелесообразным включение ташкентского аэроклуба, который находится в 600 км от границы в число закрываемых, — сказал Каманин.

Василевский решил все же посоветоваться по этому вопросу с Булганиным и позвонил ему по кремлевскому телефону, но начал разговор не совсем удачно:

— Николай Александрович, мы тут с товарищем Каманиным редактируем решение Политбюро, он предлагает ташкентский аэроклуб не закрывать...

Булганин, не дослушав Василевского, грубо закричал в телефонную трубку:

— Пусть он не решение Политбюро редактирует, а наводит порядок в подчиненных ему организациях, а то мы ему...

Василевский, слушая Булганина, плотнее прижал трубку телефона к уху, стараясь избавить Каманина от угроз и ругани Булганина. Тот все еще продолжал бушевать, а Василевский лишь коротко успевал отвечать:

— Да... понятно... ясно...

Когда Василевский наконец положил трубку, то произнес всего одну фразу:

— Николай Александрович не согласен.

24 марта 1949 г. в военной карьере маршала Василевского наступает новый этап. Он был назначен министром Вооруженных Сил СССР. 25 февраля 1950 г. в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета Министерство Вооруженных Сил СССР как единый орган прекратило свое существование. Оно было разделено на Военное министерство СССР и Военно-морское министерство СССР. Военное министерство возглавил Василевский, а военно-морское — адмирал флота Кузнецов. 29 июня Совет Министров СССР утверждает Положение о Военном министерстве, на которое возлагались руководство Советской Армией, разработка планов ее строительства и развития, проблем ведения войны, основ общего мобилизационного плана Вооруженных Сил Советского Союза и мобилизационного плана Советской Армии, а также основ общего плана оперативного использования Вооруженных Сил СССР и др¹.

¹ См.: Положение о Военном министерстве СССР. М., 1950. С. 3, 4.

Согласно Положению о Военном министерстве министр имел первого заместителя, заместителей по вооружению, по радиолокационному вооружению, по тылу, по строительству и расквартированию. Начальник Генштаба, главнокомандующий ВВС, командующий противовоздушными силами страны и главный инспектор Советской Армии являлись заместителями военного министра, каждый по роду своей деятельности. В Военном министерстве был учрежден Главный военный совет (ГВС) под председательством военного министра.

В должности министра вооруженных сил (военного министра) маршал Василевский уделял особое внимание разработке вопросов применения вооруженных сил в возможной будущей войне. В первой половине 1949 г. был подготовлен новый документ под названием «Основные вопросы оперативного использования Вооруженных Сил Советского Союза». В отличие от плана 1946 г. в нем впервые были разработаны вопросы активной обороны не только на западном, но и на других театрах военных действий. В армии отпора кроме войск, находившихся на границе и за границей, предусматривалось включить силы приграничных военных округов, которые рассматривались как второй эшелон, предназначенный для отражения вторжения противника.

В конце 1949 г. по инициативе маршала Василевского было решено разработать два плана: «Оперативный план 1950 г.» и так называемый «Большой оперативный план». Первый план предусматривал развертывание вооруженных сил по существовавшему тогда мобилизационному плану, а во втором плане нашли отражение результаты перспективного строительства вооруженных сил. Западный ТВД по-прежнему считался главным. С учетом этого войскам на западном направлении планировалось определить решительные цели по упреждению противника в нанесении ударов, захвату стратегической инициативы, разгрому противостоящих группировок врага и выходу на рубежи, обеспечивающие выгодные условия для дальнейшего ведения войны.

Маршал Василевский по-прежнему уделял большое внимание развитию организационной структуры вооруженных сил и их техническому оснащению. В первую очередь это касалось ядерного оружия. 29 августа 1949 г. в СССР было проведено первое

ядерное испытание. Тогда же на Семипалатинском полигоне был осуществлен подрыв ядерного устройства, в результате которого произошел взрыв мощностью 22 килотонны. 18 октября 1951 г. на этом же полигоне был осуществлен воздушный ядерный взрыв. Одновременно велись работы по совершенствованию ядерных боеприпасов и созданию термоядерных зарядов.

Наряду с этим Василевский уделял большое внимание вопросам создания принципиально новых средств доставки ядерного оружия. Результаты летных испытаний ракеты Р-1 позволили правительству СССР 28 ноября 1950 г. принять ракетный комплекс с этой ракетой на вооружение. На основе опыта, полученного в ходе командно-штабных учений и учебно-боевых пусков ракет, под руководством Генштаба были разработаны основы боевого применения ракетного оружия. В декабре на полигоне Капустин Яр формируется вторая по счету бригада особого назначения РВГК. В мае 1951 г. приказом Василевского вводится в действие первое наставление «Боевое применение бригады особого назначения РВГК, вооруженной ракетами дальнего действия». 27 ноября на вооружение была принята ракета Р-2. По указанию Василевского Генштаб провел расчеты потребности в ракетах на военное время. Эти расчеты и соображения 19 декабря были рассмотрены на заседании Бюро Совета Министров СССР, которое приняло решение о серийном производстве ракет. В 1952 — 1953 гг. были сформированы еще четыре бригады особого назначения РВГК.

Большое значение А. М. Василевский уделял оснащению войск ПВО новыми современными средствами. В августе 1950 г. началась разработка первого отечественного зенитно-ракетного комплекса «Беркут», который в последующем был принят на вооружение под индексом С-25. В 1952 г. Войска ПВО страны получили зенитные управляемые ракеты, что значительно повысило их боевые возможности и увеличило зону действия. 15 января Василевский подписал директиву о создании службы обнаружения, оповещения и наведения, для чего организовывалась единая радиолокационная система.

В поле зрения А. М. Василевского находились и Военно-Воздушные силы СССР, которые в этот период интенсивно развивались.

Авиация перевооружалась на реактивные самолеты МиГ-9, МиГ-15, Як-15, Ла-15 и др. На вооружение поступали новые бомбардировщики и транспортные самолеты.

Одной из задач маршала Василевского было оказание военной помощи Китайской Народной Республике (КНР), провозглашенной 1 октября 1949 г. Между Советским Союзом и КНР 14 февраля 1950 г. был подписан договор о дружбе, союзе и взаимопомощи сроком на 30 лет. В тот же день постановлением Совета Министров СССР для организации ПВО г. Шанхая была создана группа советских войск противовоздушной обороны. Ее возглавил генерал-лейтенант П.Ф. Батицкий, будущий Маршал Советского Союза. Согласно приказу маршала Василевского от 16 февраля 1950 г. район боевых действий истребительной авиации группы, насчитывавшей 118 самолетов, был строго ограничен: 70 км северо-восточнее Шанхая, Цзыйцзыюй и далее на юг о. Хэнша, по северному берегу залива Ханьчужоувань до г. Ханьчжоу¹. В феврале — октябре 1950 г. она принимала участие в отражении налетов гоминдановской авиации на китайские города. Одновременно в различных районах КНР под руководством советских военных специалистов и советников проводилась работа по техническому перевооружению существующих и формированию новых соединений и частей НОАК и обучению ее личного состава.

Во время войны в Корее (1950 — 1953) маршал Василевский постоянно следил за развитием событий в этом регионе. На территории Северной Кореи находились от 152 до 164 советских военных советников. Кроме того, помощь в подготовке к военным действиям в Северной Корее китайских добровольцев и корейских военнослужащих, выведенных на территорию Маньчжурии, оказывали советские военные советники при Народно-освободительной армии Китая. Их численность в годы войны колебалась от 347 до 1069 человек. Главным военным советником при НОАК являлся генерал-полковник авиации С.А. Красовский, затем — генерал-лейтенант П.М. Котов.

¹ См.: Россия (СССР) в войнах второй половины XX века [участие российских (советских) военнослужащих в боевых действиях за пределами Российской Федерации (СССР) после Второй мировой (1946—2002)]. С. 21.

По указанию маршала Василевского Генштаб разработал план отправки в Корею пяти стрелковых дивизий¹. Кроме того, Китаю было передано более 1600 различных самолетов и направлено свыше 17 тыс. авиационных специалистов для переучивания китайских летчиков на советскую технику². Одновременно была организована подготовка корейских и китайских военных специалистов в советских военно-учебных заведениях и частях.

А.М. Василевский в должности военного министра был снова втянут в историю с разбирательством дела еще одного высокопоставленного военного руководителя. В начале июля 1951 г. Александру Михайловичу позвонил заместитель военно-морского министра адмирал Г.И. Левченко. Он попросил маршала принять его по «важному вопросу».

— Я подготовил на имя товарища Сталина записку, — сказал Левченко, — в которой поставил вопросы об отставании развития наших военно-морских сил от флотов передовых морских держав и о неудовлетворительном руководстве флотами со стороны военно-морского министра адмирала Юмашева и начальника Морского Генерального штаба адмирала Головки. И прошу вас, Александр Михайлович, доложить о моей записке Сталину. Я хотел, чтобы это сделал Юмашев, но он отказался.

Василевский, ознакомившись с запиской, передал ее Сталину.

— Предлагаю обсудить этот документ на заседании Главного военно-морского совета, — сказал Александр Михайлович. — Проблемы, о которых пишет адмирал Левченко, весьма серьезные и актуальны.

— Уж как-нибудь я разберусь, — улыбнулся Сталин. — Позвоните мне дня через три...

Каково же было удивление Василевского, когда вождь вызвал его в Кремль на другой день.

— Есть еще на нашем военном флоте порядочные адмиралы, — сказал он, листая документ Левченко. — Нельзя допустить, чтобы наш военно-морской флот был слабее флотов наших вероятных

¹ См.: *Бабаков А.А.* Вооруженные Силы СССР после войны (1945—1986): История строительства. С. 33, 34.

² См.: Генеральный штаб Российской армии: история и современность. С. 265.

противников, и мы этого не допустим. Так что ваше предложение я принимаю. С докладом поручим выступить адмиралу Левченко.

13 июля началось заседание Главного военно-морского совета. В нем приняли участие члены Политбюро ЦК ВКП(б), руководители Военно-морского министерства, командующие флотами, маршал Василевский, его первый заместитель маршал Соколовский и начальник Генштаба генерал армии Штеменко. Когда все собрались, в зал вошел Сталин и, глядя на председателя Главного военно-морского совета, коротко бросил:

— Начинайте, товарищ Юмашев!

Адмирал Юмашев проинформировал собравшихся о том, что главный инспектор флота адмирал Левченко подал записку на имя товарища Сталина, в которой резко критикует руководство Военно-морского министерства в его деятельности по развитию и укреплению военного флота. В связи с этим ЦК ВКП(б) и правительство решили рассмотреть эти вопросы. Проблемы, которые поднял в своем докладе Левченко, касались строительства новейших кораблей, подводных лодок и приема их от промышленности, обучения и подготовки командиров кораблей, безопасного мореплавания...

На втором заседании Главного военно-морского совета было продолжено обсуждение флотских проблем. Сталин выступал на обоих заседаниях, задавал ораторам вопросы, бросал реплики, интересовался кадрами флота. Он был доволен тем, что по затронутым вопросам высказали свое мнение все командующие флотами. А когда ночью закончились прения, он предложил создать комиссию и рассмотреть на ней все проблемы, поднятые во время прений, а также подготовить постановление правительства. После заседания Сталин пригласил к себе маршала Василевского.

— Хорошую вы подбросили мне работенку, — улыбнулся он. — Но я доволен. Давно у нас не было такого большого разговора о военном флоте. Еще одно-два таких заседания, и я могу стать адмиралом, — пошутил он.

— Юмашева надо заменить на посту военно-морского министра, — сказал Василевский.

— Но кем его заменить? — спросил Сталин.

— Есть такой человек, — осторожно обронил Василевский.

— Кто?

— Адмирал Кузнецов! Он столько пережил и на войне и после войны, но не сломался!

Сталин коротко изрек:

— Надо подумать...

На другой день маршал Булганин, курировавший военный флот, пригласил к себе некоторых членов Политбюро, командующих флотами и сообщил о том, что Сталин принял решение освободить с поста военно-морского министра адмирала Юмашева.

— Кого будем рекомендовать на эту должность?

Адмирал Байков предложил кандидатуру вице-адмирала Кузнецова...

Так, по инициативе маршала Василевского адмирал Кузнецов снова возглавил военно-морской флот.

Маршал Василевский не забывал и других участников войны, с которыми его сводила фронтовая дорога. Так, летом 1949 г. Александр Михайлович в сопровождении генерала армии Штеменко обходил здание Генштаба. В одном из кабинетов работал подполковник А.И. Грибков. Его воспоминаниями мы и воспользуемся¹.

Грибков и его сосед полковник Кузнецов представились министру. Он, обращаясь к Штеменко, сказал:

— Подполковник Грибков несколько раз на фронте выполнял мои личные задания. Хороший боевой офицер.

— Александр Михайлович, он и сейчас хороший генштабист, — ответил Штеменко. — Вот просится учиться в Академию Генерального штаба, но у него нет высшего военного образования. Только военное училище и курсы при Академии Фрунзе.

— Сергей Матвеевич, а давайте нарушим наши правила. Ведь он прошел уже большую школу войны. Пошлем его в Академию Генштаба, но при одном условии — не подвести нас с вами.

В результате подполковник Грибков стал слушателем Академии Генштаба. Он окончил ее с золотой медалью и был направлен на службу в Ленинградский военный округ, а в последующем стал генералом армии.

А.М. Василевский, несмотря на свою загруженность делами министерства, находил время для обобщения боевого опыта. В де-

¹ См.: Красная Звезда. 2004. 23 марта.

кабре 1949 г. журнал «Военная мысль» опубликовал в № 12 его большую статью под названием «Товарищ Сталин — строитель Вооруженных Сил Советского государства». В статье в духе того времени содержались похвалы по адресу Сталина. В то же время Василевский дал глубокий анализ боевого пути и становления Советской Армии, привел конкретный материал по ее техническому оснащению в годы пятилеток и за время войны.

В начале марта 1953 г. покровитель маршала Василевского, бесшумный вождь партии и страны тяжело болел. 5 марта в 8 часов вечера еще при живом Сталине в Кремле открылось совместное заседание Пленума ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР. «Соратники» Сталина стремились как можно быстрее поделить между собой руководящие посты. Было принято решение о назначении Маленкова Председателем Совета Министров СССР, Ворошилова — Председателем Президиума Верховного Совета СССР, Булганина — военным министром, Василевского и Жукова — его первыми заместителями¹. Одновременно Военное и Военно-морское министерства были вновь объединены и на их базе создано единое Министерство обороны. Маршалу Василевскому, назначенному 16 марта первым заместителем министра обороны, было поручено осуществлять общее руководство военно-воздушными силами, ПВО страны, а также строительством и расквартированием войск.

В связи с назначением в феврале 1955 г. Н.А. Булганина Председателем Совета Министров СССР состоялось заседание Президиума ЦК КПСС, на котором обсуждался вопрос о министре обороны². Хрущев, Булганин, Василевский и Конев предложили назначить министром маршала Жукова. Тот, в свою очередь, назвал имя Василевского.

— У товарища Жукова опыт больше, — сказал Александр Михайлович. — Если бы меня — это была бы вторая ошибка...

В итоге министром обороны стал маршал Жуков.

¹ См.: *Топтыгин А.В.* Неизвестный Берия. СПб. — М., 2002. С. 446—451.

² См.: *Георгий Жуков. Стенограмма Октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы.* М.: Международный фонд «Демократия», 2001. С. 27.

По роду своей деятельности А.М. Василевскому приходилось часто контактировать с руководителями партии и правительства СССР, в том числе с Н.С. Хрущевым. *«Хорошие отношения были у меня с Н.С. Хрущевым и в первые послевоенные годы, — вспоминал Александр Михайлович. — Но они резко изменились после того, как я не поддержал его высказывания о том, что И.В. Сталин не разбирался в оперативно-стратегических вопросах и неквалифицированно руководил действиями войск как Верховный Главнокомандующий. Я до сих пор не могу понять, как он мог это утверждать. Будучи членом Политбюро ЦК партии и членом военного совета ряда фронтов, Н.С. Хрущев не мог не знать, как был высок авторитет Ставки и Сталина в вопросах ведения военных действий. Он также не мог не знать, что командующие фронтами и армиями с большим уважением относились к Ставке, Сталину и ценили их за исключительную компетентность руководства вооруженной борьбой»*¹.

Хрущев не простил Василевскому его отказ подтвердить некомпетентность Сталина. 15 марта Александр Михайлович освобождается от должности первого заместителя министра обороны. Официально по его личной просьбе, а фактически по настоянию Хрущева. 14 августа по инициативе Жукова маршал Василевский назначается заместителем министра обороны по вопросам военной науки. Под руководством Александра Михайловича проводилась большая работа по обобщению и систематизации опыта Великой Отечественной войны. Одновременно стали выходить книги серии «Библиотека офицера».

29 сентября 1956 г. на Первой всесоюзной конференции советских ветеранов войны был создан Советский комитет ветеранов войны (СКВВ), председателем которого единогласно избрали маршала А.М. Василевского, а ответственным секретарем — легендарного летчика Героя Советского Союза А.П. Маресьева. Под руководством Василевского было создано около 50 секций ветеранов войны в различных регионах страны. Кроме того, Советский комитет ветеранов войны в течение двух лет установил связи с национальными ветеранскими организациями более 40 зарубежных стран.

¹ Цит. по: *Василевский А.М. Дело всей жизни.* С. 242.

Несмотря на активную деятельность Василевского, отношение к нему со стороны Хрущева не менялось. Во время одной из поездок Жуков сказал сопровождавшему его Василевскому:

— Как, Саша, не думаешь ли ты, что тебе нужно заняться историей войны?

Вопрос был неожиданным, но Василевский сразу понял, что за этим стоит, и прямо спросил Жукова:

— Что, Георгий, как это понять? Понять так, что надо уходить в отставку? Пора уходить?

И Жуков так же прямо ответил:

— Да. Было обсуждение этого вопроса, и Хрущев настаивал на моем уходе в отставку.

Но первым пришлось уйти Жукову, против которого была организована кампания осуждения «за пренебрежение политработой в войсках и создание в армии культа собственной личности». 26 октября 1957 г. Президиум Верховного Совета СССР своим указом освободил Жукова от должности министра обороны. 28 октября на Пленуме ЦК КПСС Жуков был выведен из состава Президиума и ЦК партии¹. 27 февраля 1958 г. Совет Министров СССР принял постановление № 240 об увольнении Жукова в отставку.

На пленуме Хрущев постарался, как говорят, «обмазать» и Василевского.

— Я уважаю Василевского, — говорил Никита Сергеевич, — это хороший человек, но как военный он не имел достаточно сильной воли и характера, а нередко проявлял безволие. Если он приезжал на фронт, то ему были рады не потому, что он может помочь в каких-либо оперативных вопросах. В этих вопросах сами командующие были сильны и даже сильнее товарища Василевского. Они были рады его приезду потому, что ему товарищ Сталин очень доверял, и потому его приезд вселял надежду на лучшее понимание нужд фронта.

Хрущев попытался столкнуть лбами двух маршалов — Жукова и Василевского.

¹ См.: Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы. М.: Международный фонд «Демократия», 2001.

— Товарищ Жуков... пренебрежительно относился к товарищу Василевскому. Помню, как он возмущался, когда товарищу Василевскому присвоили звание генерал-полковника. Он все доказывал, что ему достаточно и генерал-майора. Теперь они сваты, и товарищ Жуков не возражает, чтобы чуть ли не единственными героями войны изображались маршалы Жуков и Василевский.

Позднее на собрании актива Московской областной партийной организации Хрущев продолжил эту тему:

— Сейчас Василевский и Жуков — это два маршала, два свата, потому что сын Василевского женат на дочери Жукова. Я это к тому говорю, что во время войны они очень плохо жили, а теперь эти два маршала — два героя, которые выиграли войну, немцев победили.

Вспомнил Хрущев и о пребывании Маленкова и Василевского осенью 1942 г. в Сталинграде.

— Они, видимо, не верили, что Сталинград продержится... Они уехали и, видимо, написали Сталину, что Сталинград удержать нельзя...

В декабре 1957 г. маршал Василевский был уволен в отставку «по болезни и с правом ношения военной формы». Ему сохранили полный оклад, адъютанта, машину. Начальник Главного политического управления Советской Армии и ВМФ Ф.И. Голиков, явно затаивший обиду на Василевского за освобождение с поста командующего фронтом весной 1943 г., ссылаясь на какое-то распоряжение «сверху», предложил Александру Михайловичу сняться с партийного учета в Генштабе. Василевский спросил:

— Куда же мне переходить? Я на партийном учете находился в армии, привык к этому.

Голиков ответил:

— Переходите по месту жительства, на улице Грановского.

Тогда Василевский позвонил новому министру обороны маршалу Малиновскому, информировал о том, что произошло. Министр успокоил его, сказав:

— Порви к черту эту бумажку, переделаем это, сделаем по-другому.

И сделал. Более того, Малиновский не забыл своего бывшего командующего. В январе 1959 г. маршал Василевский был пере-

веден в группу генеральных инспекторов Министерства обороны СССР.

А.М. Василевский продолжал поддерживать контакты с опальным маршалом Жуковым. При этом эти контакты на первых порах были ограничены. Так, зная о слежке, Жуков поддерживал общение с Василевским только по телефону или через его сына, дабы не дать повода «каким-нибудь фантазерам» подумать, что два маршала затевают заговор. Поздравляя маршала Жукова с 70-летием, Василевский 1 декабря 1966 г. направил ему следующее письмо:

«Дорогой Георгий Константинович!

Трудно на листе бумаги выразить тебе, мой друг, все то доброе, что хотелось бы передать тебе в эти дни — дни твоего семидесятилетия.

Пройденный тобой ратный путь неразделимо связан со всей героической историей нашей славной Советской Родины, со становлением, развитием и со всеми блестящими победами наших доблестных Вооруженных Сил.

Твой непревзойденный талант военачальника, твои обширнейшие военные знания и опыт, твои выдающиеся организаторские способности и самоотверженное служение Родине и, наконец, изумительнейшие победы над врагами, одержанные Вооруженными Силами под твоим непосредственным руководством, заслуженно снискали тебе огромную популярность и самую горячую всеобщую любовь советского народа.

Так разреши же мне, мой друг, вместе со всем советским народом, с его Вооруженными Силами, прежде всего сказать тебе в эти знаменательные дни наше огромное, русское, самое искреннее спасибо за все содеянное тобой для счастья нашей любимой Родины, для ее победы над заклятыми врагами трудового человечества, поблагодарить тебя и от всей души и сердца пожелать тебе самого доброго и несравнимо лучшего, чем сейчас, здоровья на долгие, долгие годы на радость всем нам, пожелать полного благополучия и счастья в твоей жизни.

Свыше сорока лет я имел возможность и счастье работать с тобой бок о бок и под твоим началом, работать и делить с тобой все радости и невзгоды и особенно в годы Великой Отечественной войны. И должен сказать, что твоя непревзойденная работоспо-

способность, твой опыт, твоя сила воли и умение во всех случаях наиболее глубоко и разумно анализировать сложнейшую боевую обстановку и находить в ней наиболее правильное, выгодное решение всегда служили для меня ценнейшим примером и уроком.

Горжусь, дорогой друг, нашей дружбой и еще раз от всей глубины своего солдатского сердца благодарю за все.

Сердечные поздравления и самые добрые пожелания тебе и всей твоей семье от Екатерины Васильевны и от всех наших домашних.

*Крепко обнимаю и целую.
Всегда твой А. Василевский»¹.*

В одном из писем к Александру Михайловичу маршал Жуков писал: «Я с удовольствием вспоминаю Ваши умные решения, когда Вы были начальником Генерального штаба, представителем Ставки Верховного Главнокомандования и Главкомандующим войсками на Дальнем Востоке».

В то же время маршал Василевский, по свидетельству Н.А. Светлишина, отказался подготовить для «Военно-исторического журнала» очерк «От солдата до маршала» к 70-летию Жукова². Однако отказ Василевского был связан с тем, что он в то время тяжело болел. 2 октября 1966 г. после ряда серьезных сердечных приступов его положили в больницу. 29 октября Василевского выписали, но 2 ноября он снова оказался там, угодив на операционный стол, ибо к его сердечным неприятностям прибавился и сильнейший инфильтрат надкостницы. Лечение было долгим, почти два месяца. Рядом с ним постоянно находилась его верная спутница, жена Екатерина Васильевна.

По свидетельству генерала армии М.А. Гареева, маршал А.М. Василевский в 1975 г. в связи с выходом своей книги «Дело всей жизни» выразил искреннее сожаление по поводу того, что ему по разным причинам не всегда удавалось выдержать принципиальную и справедливую позицию в отношении Жукова. Эту позицию Александр Михайлович выразил в статье, опубликованной

¹ Цит. по: Полководцы. М., 1995. С. 244.

² См.: Светлишин Н. Маршал Жуков: Крутые ступени судьбы // Советский воин. 1988. № 8. С. 14.

в «Военно-историческом журнале» к 80-летию со дня рождения маршала Жукова. В статье всячески подчеркивался приоритет Жукова в подготовке и проведении ряда операций времен Великой Отечественной войны.

А.М. Василевский решительно добивался реабилитации адмирала Н.Г. Кузнецова, которого в связи с гибелью на Черноморском флоте линкора «Новороссийск» в январе 1956 г. сняли с должности главнокомандующего ВМС, снизили в воинском звании до вице-адмирала и уволили в отставку. 9 апреля 1966 г. Василевский пишет в Секретариат ЦК КПСС:

«Сознание явной несправедливости, допущенной при жизни Сталина и повторенной в 1956 г. по инициативе Н.С. Хрущева и Г.К. Жукова в отношении бывшего Адмирала Флота Советского Союза — ныне вице-адмирала в отставке Кузнецова Н. Г., вынуждает меня просить Секретариат ЦК КПСС поручить проверить материал, на основании которого была допущена эта несправедливость, с тем, чтобы затем соответствующим решением устранить ее.

В довоенное время и особенно в период Великой Отечественной войны и в послевоенные годы я, по характеру возложенной на меня работы, имел возможность наблюдать всегда исключительно партийное, высококвалифицированное руководство со стороны Кузнецова Н.Г. всеми теми ответственными участками работы, которые поручались ему партией и правительством.

Более чем уверен, что восстановление т. Кузнецова в звании, которого он необоснованно был лишен, и зачисление его в группу генеральных инспекторов при Министерстве обороны было бы, безусловно, справедливым и было бы с удовольствием воспринято всем знающим его личным составом Вооруженных Сил и особенно Военно-Морского Флота, большим и заслуженным авторитетом которого он пользовался и пользуется поныне.

Маршал Советского Союза, член КПСС А. Василевский»¹.

К сожалению, это обращение, как и подобные ему других военных и гражданских лиц, положительного результата при жизни

¹ Цит. по: Маршал Василевский: Москва в жизни и судьбе полководца (исторические очерки, воспоминания, документы). С. 471—472.

Н.Г. Кузнецова не достигло. И только в 1988 г. он посмертно был восстановлен в звании Адмирала Флота Советского Союза.

А.М. Василевский все свободное время проводил на даче, расположенной недалеко от Москвы. Здесь работал над своими мемуарами. В его кабинете стоял массивный резной стол, на нем корреспонденция, газеты, журналы, часы, портрет жены. Вдоль стен кабинета размещались шкафы с книгами по истории войн, военному искусству, искусству. По воспоминаниям сына Василевского Игоря Александровича, маршал часто отправлял в сельские музеи личные вещи, связанные с историей войны, в то время как на них претендовали крупнейшие музеи. С 1965 г. в периодической печати регулярно стали появляться статьи А. М. Василевского. Так, в четырех номерах «Военно-исторического журнала» за 1965 — 1966 гг. была опубликована статья «Некоторые вопросы руководства вооруженной борьбой летом 1942 г.». Затем последовали воспоминания и статьи Александра Михайловича, посвященные Московской, Сталинградской, Курской битвам, освобождению Белоруссии и Крыма.

Однако главным делом для Василевского были его мемуары. При их подготовке ему приходилось преодолевать определенные трудности. Во время беседы с профессором Г.А. Куманевым он рассказывал:

— Когда шла в Политиздате моя книга, ее сразу, конечно, взяли под контроль. Послали вначале на отзыв в Институт марксизма-ленинизма. Я, конечно, дал туда свою рукопись: мол, хорошо, проверьте. Может, я допускаю какие-нибудь ошибочки, потому что некоторые моменты пишу по памяти. Читал ее сотрудник института Минасян. Он все проверил и позвонил мне. Говорит: «Александр Михайлович, все, все правильно. Я вашу рукопись верну». А сам... взял да и отправил (как потом мне объяснил, «по указанию инстанций») в Институт военной истории замполиту Махалову. А тот разобиделся, поднял шум: почему не сразу в наш институт? Здесь рукопись стали мариновать, придираться к разным мелочам, хотя были и дельные замечания... Был у меня потом разговор по этому вопросу с начальником Института военной истории генералом Жилиным. Он мне: «Александр Михайлович, отношение нашего института к Вам замечательное, мы перед Вами преклоняемся» и

т. д. Но я вижу, что эти слова не всегда подкрепляются делами... Короче говоря, после всех просмотров и проверок некоторые места и из рукописи, а потом и корректуры моей книги буквально вытравлялись под предлогом «нежелательности» или какой-то «секретности». Например, о репрессиях в Вооруженных Силах, как и в книге Жукова (о чем он мне рассказывал), у меня изъяли большие абзацы и даже целые страницы. Оставили, вернее, разрешили оставить об этом лишь несколько слов...

Ни Институт военной истории, ни его начальник в этом не были виноваты. По указанию ЦК КПСС все мемуары проходили строгую проверку на предмет соответствия их 12-томной «Истории Второй мировой войны» и 8-томной Советской военной энциклопедии. В институте был создан отдел военно-мемуарной литературы, который вносил правки в воспоминания участников войны. Приходилось этим заниматься и автору данной книги. Времена были такие...

Ивановский журналист П.Ф. Белов, встречавшийся 6 мая 1970 г. с А.М. Василевским, записал интересные детали своего разговора с ним¹ В беседе, состоявшейся на даче маршала, принимали участие редактор «Рабочего края» В.А. Кулагин и фотокорреспондент Г. Романов. Сопровождал их порученец маршала полковник М.И. Сорокин.

Все расположились на веранде в плетеных креслах вокруг небольшого стола. Гостей интересовало, как у Александра Михайловича продвигается книга воспоминаний.

— Бумаги поднапортил уже много, — с задумчивой усмешкой отозвался Василевский. — Днем напишешь, ночью лежишь, слово за словом перебираешь. Утром — в переработку. Тяжеловато, знаете!

— Вам бы литератора в помощь, — вырвалось у Белова.

— Это, наверное, большой мой минус, — ответил Александр Михайлович, — не могу, чтобы писали другие. Только своей рукой! Уж как получится... В архивы ездить нет возможности, нужные материалы присылают... Когда был начальником Генштаба, министр, к помощи прибежал, — статью там написать... Сейчас о

¹ См.: *Белов П. Маршал Василевский: Честь и верность*. Иваново: Изд-во «Ивановская газета», 1995.

лично пережитом только сам... Последние три месяца к рукописи почти не прикасаюсь...

Белов заметил, что военные мемуары пошли косяком, а маршал Василевский, книгу которого читатели ждут не дождутся, медлит...

— Ленился, вы это хотели сказать? — мягко прервал Александр Михайлович. — Не в том дело. Разные причины были. Хотелось, чтобы материал улежался, поостыл. Служба мешала. Болел долго. Потом надо было пропустить вперед книгу Жукова. Он очень тяжело болен. Теперь «Воспоминания и размышления» вышли, можно и мне поднапрячься в меру сил...

О том, почему с книгой задержка, Василевского, конечно, спрашивали многие. Не случайно он открыл ее обращением к читателям. Упомянув о занятости, болезни, написал, что первые сборники военных мемуаров не получили одобрения Сталина.

— Он сказал тогда, — заметил Александр Михайлович, — что писать мемуары сразу после великих событий, когда еще не успели прийти в равновесие и остыть страсти, рано, что в этих мемуарах не будет должной объективности. При всей спорности этого утверждения оно не могло не сказаться какое-то время на моем отношении к написанию книги...

Журналист В. Князев, беседуя с П.Ф. Беловым, задал ему следующий вопрос:

— Как вы думаете, почему Василевский о многом умалчивал?

— Ответ на поверхности: о личной жизни больших людей писать откровенно не полагалось, чтобы ненароком не обнажить червоточины в тех самых «корнях». Акцент делался на заслугах перед партией, народом, советской властью. Вероятно, это мучило и самого Василевского. Во всяком случае, доподлинно известно, что после выхода мемуаров он подготовил новую рукопись. Вот как об этом рассказал мне уже его племянник Валерий Евхаритский: «Я в очередной и, как оказалось, в последний раз приехал к дяде на дачу в Архангельское. Он достал из сейфа толстую пачку бумаг и сказал: “Это новая моя книжка. Только что переписал набело”. Я буквально проглотил написанное. В отличие от мемуаров, дядя писал раскованно, откровенно. В сегодняшнем понимании изложил события начала войны, шире раскрыл роль Ставки, строже

оценил деятельность Сталина. Если бы книга дошла до массового читателя, мнение о Василевском как закоренелом сталинисте пошатнулось бы... Через месяц дядя не стало. Бесследно исчезла и его рукопись».

Книга воспоминаний А.М. Василевского «Дело всей жизни» стала событием в советской военно-мемуарной литературе. Мы, слушатели Военной академии им. М.В. Фрунзе, буквально зачитывались ею. И это не случайно. В то время мемуары Василевского, как и мемуары Жукова, были новым явлением в военной литературе. Они приоткрывали завесу над тайной войны.

А.М. Василевский скончался 5 декабря 1977 г. в возрасте 82 лет. В некрологе, подписанном руководителями партии и правительства, крупными военачальниками, говорилось: *«На всех постах, которые доверяла Василевскому партия, Александр Михайлович неизменно проявлял высокую ответственность за порученное дело, незаурядные творческие способности и инициативу, организаторский талант военачальника. Его отличали огромная работоспособность, глубокая взвешиваемость и большая культура в работе, требовательность и отзывчивость к людям. Этим он снискал у советских людей, воинов армии и флота большую любовь и глубокое уважение...»*

ПРИЛОЖЕНИЕ

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ВАСИЛЕВСКИЙ (АВТОБИОГРАФИЯ)¹

Родился в 1895 г. в с. Новопокровском² Кинешемского р-на Ивановской области (бывш[ий] Кинешемский уезд Костромской губ[ернии]), в семье служителя культа (священника). По данным от марта [19] 38 года, полученным от старшего брата Дмитрия, отец Михаил Александрович продолжает оставаться служителем культа там же и по настоящее время. Мать Надежда Ивановна — на его иждивении. Братья: Дмитрий — ветврач города Шуи Ивано[вской] обл[асти]. Евгений — агроном одного из районов Ивановской обл[асти], по данным того же брата Дмитрия, в октябре 1937 г[ода] арестовывался, но в процессе предварительного следствия был освобожден и восстановлен. Виктор — военный летчик — командир одной из частей ВВС БОВО, данных с 1935 г[ода] не имею. Сестры: Екатерина — домохозяйка, замужем за В.Ф. Крючным, хозяйственником валяльно-обувного производства г. Кинешмы Ивановской обл[асти]. Елена — учительница школы с. Семеновское-Лапотиное Ивановской области. Муж Еваритский, учитель той же школы. Вера — учительница в г. Плесе. Муж (фамилии не знаю) — заведующий почтовым отделением там же. Маргарита — лаборантка ветлаборатории г. Шуи. О[бо] всех указанных родственников данных с марта [19] 38 г[ода] не имею. Связь с родителями личная и письменная утрачена с 1924 года.

Жена Екатерина Васильевна, бывш[ая] Сабурова, домохозяйка, учится на курсах кройки и шитья в Москве. Родилась в семье врача г. Астрахани Василия Сабурова. Отец умер в 1919 г[оду] при исполнении служебных обязанностей там же. Мать находилась на иждивении жены; умерла в 1929 г[оду] в Москве. Сын Игорь — рождения 1935 года. От первой жены Василевской Серафимы Николаевны имею сына Юрия — 1925 г[ода] рождения.

¹ Публикуется по: Военно-исторический журнал. 1990. № 4. С. 12—14.

² Готовя книгу «Дело всей жизни», А.М. Василевский уточняет место рождения: село Новая Гольчиха того же уезда, откуда семья Василевских переехала в село Новопокровское в 1897 году.

Брат жены — Лев Сабуров до [19] 33 г[ода] работал на электростанции г. Астрахани. С 1933 года жена данных [о нем] не имеет. Сестра жены — Вера, домохозяйка. Муж — Кобрин, мастер одной из мастерских по ремонту часов г. Баку. Лично ни ее, ни мужа не знаю.

Из родственников ни по своей линии, ни по линии жены никого за границей не имел и не имею.

В январе 1915 года зачислен в Алексеевское военное училище (г. Москва) и 1 июня 1915 г[ода] по окончании его выпущен прапорщиком. С июня по август 1915 г[ода] — младший офицер роты 409-го Новохоперского полка 103-й пех[отной] дивизии на Юго-Западном театре. С августа 1916 г[ода] по декабрь 1917 г[ода] — командир роты и временно и[сполняющий] д[олжность] командира батальона того же полка, на Юго-Западном и Румынском фронтах. Последний чин — штабс-капитан.

В январе 1918 г[ода] прибыл в отпуск на родину, где и пробыл на иждивении родителей до июня [19] 18 г[ода], занимаясь сельским хозяйством. С июня по август 1918 г[ода] работал сотенным инструктором Всеобуча при Углецкой волости Кинешемского у[езда] Костромской губ[ернии]. С сентября 1918 г[ода] по апрель 1919 г[ода] — учитель школы 1-й ступени в с. Подъяковлево Новосильского уезда Тульской губ[ернии]. В конце апреля 1919 г[ода] призван Новосильским уездвоенкоматом в РККА. Во время Февральской и Октябрьской революций находился в должности командира роты и временно и[сполняющим] д[олжность] к[омандира] б[атальона] 409-го Новохоперского полка 103-й пех[отной] дивизии — на Румынском фронте. Участия в Февральской и Октябрьской революциях не принимал.

В мае 1919 г[ода] прибыл на службу в 4-й зап[асный] б[атальон] РККА в г. Ефремов на должность помкомвзвода. Июль — октябрь 1919 г[ода] — после развертывания б[атальо] на того же полка, переименованного в 5-й полк 2-й Тульской (впоследствии 48-й) стр[елковой] дивизии. В январе 1920 г[ода] выехал с полком на Западный фронт и влился на пополнении 32-й бригады 11-й Ленинградской стр[елковой] дивизии с назначением на должность пом[ощника] ком[андира] полка. Январь — май 1920 г[ода] — пом[ощник] ком[андира] полка 96-й стр[елковой] дивизии на белолатышском и польском фронтах. Май 1920 г[ода] — апрель 1923 г[ода] — пом[ощник] ком[андира] 424, 426, 427, 429, 142-го стрелкового полка 48-й стр[елковой] дивизии — на Польском фронте, в Куйбышеве (Самаре), Калуге, Ржеве, Кали-

ПРИЛОЖЕНИЕ

нине (Твери). Май 1923 г[ода] — декабрь 1923 г[ода] — вр[еменно] и[сполняющий] д[олжность] командира 142-го стр[елкового] полка 48-й стр[елковой] дивизии в г. Калинин (Твери). Январь — декабрь 1924 г[ода] — начальник дивизионной школы 48-й стрелковой дивизии в г. Калинин (Твери). С октября 1925 года по август 1926 года в бытность командиром 143-го стрелкового полка учился в школе «Выстрел» (Москва).

Декабрь 1928 г[ода] — май 1931 г[ода] — командир 144-го стр[елкового] полка 48-й стр[елковой] дивизии в г. Вышнем Волочке Калининской области. Май 1931 г[ода] — декабрь 1934 г[ода] — пом[ощник] нач[альника] 2-го отдела Управления боевой подготовки РККА в г. Москве. Январь 1935 г[ода] — октябрь 1936 г[ода] — начальник 2-го отдела штаба Приволжского военного округа. Октябрь 1936 г[ода] — октябрь 1937 г[ода] — слушатель 1-го курса Академии Генерального штаба РККА. Октябрь 1937 г[ода] по настоящее время — начальник 1-го отдела Генерального штаба РККА. В мае м[есяце] 1931 г[ода] парторганизацией 48-й стр[елковой] дивизии принят и в августе 1931 года утвержден кандидатом в члены ВКП(б); в марте 1938 г[ода] переведен и парткомиссией ПУ РККА утвержден членом ВКП(б). Номер партбилета 2206202.

До назначения в Генеральный штаб вел кружки текущей политики. С октября 1937 г[ода] выполняю эпизодические парт[ийные] поручения. Партийный взысканий не имел. В других партиях или в какой-либо контрреволюционной организации никогда не состоял. Отклонений от генеральной линии партии не имел. В белой и в армиях интервентов не служил; в плену у них не был. На территории, занятой белыми или интервентами, никогда не проживал. Подпольной работы против царского и других буржуазных правительств не вел; репрессиям не подвергался. С подпольными организациями и отдельными большевиками-революционерами связи не имел. За границей никогда не был. Под судом и следствием не состоял.

Комбриг [ВАСИЛЕВСКИЙ]

27 октября 1938 г.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А.М. ВАСИЛЕВСКОГО

1895, 18(30) сентября — родился в семье священника в селе Новая Гольчиха ныне Кинешемского района Ивановской области.

1915, 1 июня — окончил Алексеевское военное училище, присвоено воинское звание прапорщик, назначен младшим офицером в запасном батальоне.

сентябрь — назначен младшим офицером роты 409-го Новохоперского полка 103-й пехотной дивизии.

1916, август — назначен командиром роты 409-го Новохоперского полка.

1917, декабрь — уволен в отпуск.

1918, июнь — назначен сотенным инструктором Всеобуча при Углицкой волости Кинешемского уезда Костромской губернии.

сентябрь — поступил на работу учителем школы 1-й ступени в с. Подъяковлево Новосильского уезда Тульской губернии.

1919, апрель — призван Новосильским уездным военкоматом в РККА.

май — назначен помощником командира взвода в 4-м запасном батальоне.

октябрь — назначен командиром батальона.

1920, январь — назначен помощником командира 96-го стрелкового полка 11-й Петроградской стрелковой дивизии.

май — назначен помощником командира 429-го стрелкового полка 48-й стрелковой дивизии.

1921, апрель — назначен врио командира 142-го стрелкового полка 48-й стрелковой дивизии.

1924, 2 сентября — назначен начальником дивизионной школы 48-й стрелковой дивизии.

31 декабря — приказ № 476 РВС СССР о назначении Василевского командиром 143-го стрелкового полка 48-й стрелковой дивизии.

1925, октябрь — зачислен слушателем курсов «Выстрел».

1926, август — окончил курсы «Выстрел».

1928, декабрь — приказ № 725 РВС СССР о назначении Василевского командиром 144-го стрелкового полка 48-й стрелковой дивизии.

1931, 1 февраля — приказ № 222 РВС СССР о назначении Василевского помощником начальника 2-го отдела Управления боевой подготовки РККА.

1934, 20 декабря — приказ № 1280 наркома обороны СССР о назначении Василевского начальником 2-го отдела (боевой подготовки) штаба Приволжского военного округа.

1936, 11 ноября — приказ № 02181 о зачислении Василевского слушателем Академии Генерального штаба РККА.

1937, октябрь — назначен начальником 10-го отделения 1-го отдела Генерального штаба РККА.

1938, 16 августа — приказ № 01378 наркома обороны СССР о присвоении Василевскому воинского звания комбрига.

11 декабря — приказ № 02585 наркома обороны о присвоении Василевскому всех прав окончившего Академию Генштаба РККА.

1939, февраль — назначен врио помощника начальника 1-го отдела Генштаба, он же начальник 6-го отделения.

июнь — назначен помощником начальника 1-го отдела Генштаба, он же начальник 6-го отделения.

13 декабря — награжден орденом Красной Звезды.

1940, 5 апреля — приказ № 1402 наркома обороны СССР о присвоении Василевскому воинского звания комдива.

21 мая — назначен заместителем начальника Оперативного управления Генштаба.

4 июня — постановление СНК ССР о присвоении Василевскому воинского звания генерал-майора.

1941, 1 августа — назначен начальником Оперативного управления — заместителем начальника Генштаба.

28 октября — постановление СНК ССР о присвоении Василевскому воинского звания генерал-лейтенанта.

1942, 25 января — приказ № 0689 Ставки ВГК о назначении Василевского 2-м заместителем начальника Генштаба — начальником Оперативного управления.

31 марта — директива № 170204 Ставки ВГК о назначении генерал-лейтенанта Василевского первым заместителем начальника Генерального штаба Красной Армии — начальником Оперативного управления.

25 апреля — приказ № 0324 наркома обороны СССР об освобождении заместителя начальника Генштаба генерала Василевского от исполнения обязанностей начальника Оперативного управления Ген-

штаба и назначении его первым заместителем начальника Генштаба Красной Армии.

21 мая — постановление СНК СССР о присвоении Василевскому воинского звания генерал-полковника; награжден орденом Ленина.

8 — 19 июня — работа генерала Василевского в качестве представителя Ставки ВГК в войсках Волховского и Северо-Западного фронтов.

21 — 24 июня — работа генерала Василевского в качестве представителя Ставки ВГК в войсках Волховского и Северо-Западного фронтов.

22—24 июня — работа генерала Василевского в качестве представителя Ставки ВГК на Юго-Западном фронте.

26 июня — приказ № 199 Ставки ВГК об утверждении исполняющего обязанности начальника Генерального штаба Красной Армии генерал-полковника Василевского в должности начальника Генерального штаба Красной Армии.

4 — июля — работа генерала Василевского в качестве представителя Ставки ВГК на Брянском фронте.

17 июля — 18 ноября — оказание генералом Василевским помощи командованию фронтов в проведении Сталинградской оборонительной операции.

27 июля — работа генерала Василевского в качестве представителя Ставки ВГК на Сталинградском фронте.

12 августа — работа генерала Василевского в качестве представителя Ставки ВГК на Сталинградском фронте.

18 августа — 11 сентября — работа генерала Василевского в качестве представителя Ставки ВГК на Сталинградском и Юго-Западном фронтах.

20 сентября — работа генерала Василевского в качестве представителя Ставки ВГК на Сталинградском и Юго-Западном фронтах.

14 октября — постановление № 1692 Совета Народных Комиссаров СССР о назначении начальника Генерального штаба Красной Армии генерал-полковника Василевского заместителем народного комиссара обороны СССР (приказ № 316 наркома обороны от 15 октября).

23 — 30 октября — работа генерала Василевского в качестве представителя Ставки ВГК на Сталинградском, Юго-Западном и Донском фронтах.

1942, 1 ноября — 1943, 18 февраля — работа генерала Василевского в качестве представителя Ставки ВГК на Сталинградском и Воронежском фронтах.

1942, 19 ноября — 1943, 2 февраля — оказание генералом Василевским помощи командованию фронтов в проведении Сталинградской наступательной операции.

1943, 2 января — 18 февраля — работа генерала Василевского в штабе Воронежского фронта в качестве представителя Ставки ВГК.

13 — 27 января — координация генералом Василевским действий войск Воронежского и Юго-Западного фронтов в Острогжско-Россошанской наступательной операции, завершившейся поражением немецкой группы армий «Б»: 15 дивизий были разгромлены (из них 3 уничтожены) и 6 понесли тяжелые потери.

18 января — постановление СНК СССР о присвоении Василевскому воинского звания генерала армии.

24 января — 17 февраля — координация Василевским действий войск Воронежского и левого крыла Брянского фронтов в Воронежско-Касторненской операции, завершившейся разгромом до 11 дивизий группы армий «Б», освобождением большей части территории Воронежской и Курской областей.

28 января — генерал армии Василевский награжден орденом Суворова 1-й степени.

2 февраля — 3 марта — координация Василевским действий войск Воронежского фронта в Харьковской наступательной операции, завершившейся продвижением войск фронта на 100 — 260 км; однако успех, достигнутый в наступлении на харьковском направлении, закрепить не удалось.

16 февраля — Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Василевскому воинского звания Маршала Советского Союза.

20 февраля — 27 марта — работа маршала Василевского в качестве представителя Ставки ВГК на Юго-Западном, Центральном и Воронежском фронтах.

4 — 25 марта — оказание маршалом Василевским помощи командованию фронтов в проведении Харьковской оборонительной операции.

14 — 23 мая — работа маршала Василевского в качестве представителя Ставки ВГК на Брянском фронте.

25 мая — 2 июня — работа маршала Василевского в качестве представителя Ставки ВГК на Брянском фронте.

5 — 9 июня — работа маршала Василевского в качестве представителя Ставки ВГК на Брянском фронте.

5 — 23 июля — оказание маршалом Василевским помощи командованию фронтов в проведении Курской стратегической оборонительной операции.

6 — 21 июля — работа маршала Василевского в качестве представителя Ставки ВГК на Воронежском фронте.

23 июля — 7 декабря — работа маршала Василевского в качестве представителя Ставки ВГК на Южном и Юго-Западном фронтах (с 20 октября соответственно на 4-м и 3-м Украинских) фронтах.

3 — 23 августа — оказание маршалом Василевским помощи командованию фронтов в проведении Белгородско-Харьковской наступательной операции.

13 августа — 22 сентября — оказание маршалом Василевским помощи командованию фронтов в проведении Донбасской стратегической наступательной операции.

26 сентября — 20 декабря — оказание маршалом Василевским помощи командованию фронтов в проведении Нижне-Днепровской стратегической наступательной операции.

1943, 24 декабря — 1944, 17 апреля — участие маршала Василевского в планировании Днепровско-Карпатской стратегической наступательной операции.

1944, 30 января — 29 февраля — оказание маршалом Василевским помощи командованию фронтов в проведении Никопольско-Криворожской наступательной операции.

26 марта — 14 апреля — оказание маршалом Василевским помощи командованию фронтов в проведении Одесской наступательной операции.

8 апреля — 12 мая — оказание маршалом Василевским помощи командованию фронтов в проведении Крымской наступательной операции.

10 апреля — маршал Василевский награжден орденом «Победа» № 2.

4 — 17 июня — работа маршала Василевского в качестве представителя Ставки ВГК в войсках 1-го и 2-го Прибалтийских фронтов.

19 июня — 25 июля — работа маршала Василевского в качестве представителя Ставки ВГК в войсках 1-го и 2-го Прибалтийских фронтов.

23 июня — 29 августа — оказание маршалом Василевским помощи командованию фронтов в проведении Белорусской стратегической наступательной операции.

23 — 28 июня — оказание маршалом Василевским помощи командованию фронтов в проведении Витебско-Оршанской наступательной операции.

29 июня — 4 июля — оказание маршалом Василевским помощи командованию фронтов в проведении Минской и Полоцкой наступательных операций.

2 — 20 июля — оказание маршалом Василевским помощи командованию фронтов в проведении Вильнюсской наступательной операции.

5 — 31 июля — оказание маршалом Василевским помощи командованию фронтов в проведении Шяуляйской наступательной операции.

9 июля — приказ № 220137 Ставки ВГК о возложении на маршала Василевского координации действий 3-го Белорусского, 1-го и 2-го Прибалтийских фронтов.

10 — 27 июля — оказание маршалом Василевским помощи командованию фронтов в проведении Речицко-Двинской наступательной операции.

28 июля — 28 августа — оказание маршалом Василевским помощи командованию фронтов в проведении Каунасской наступательной операции.

29 июля — работа маршала Василевского в качестве представителя Ставки ВГК в войсках 3-го Белорусского фронта; присвоено звание Героя Советского Союза; награжден орденом Ленина.

14 сентября — 24 ноября — оказание маршалом Василевским помощи командованию фронтов в проведении Прибалтийской стратегической наступательной операции.

14 сентября — 22 октября — оказание маршалом Василевским помощи командованию фронтов в проведении Рижской наступательной операции.

5 — 22 октября — оказание маршалом Василевским помощи командованию фронтов в проведении Мемельской наступательной операции.

16 — 27 октября — оказание маршалом Василевским помощи командованию 3-го Белорусского фронта в проведении Гумбинненской наступательной операции.

3 ноября — маршал Василевский награжден орденом Красного Знамени.

1945, 13 января — 25 апреля — участие маршала Василевского в планировании, подготовке и проведении Восточно-Прусской стратегической наступательной операции.

18 февраля — директива № 11031 Ставки ВГК о назначении маршала Василевского с 20 февраля членом Ставки ВГК и командующим войсками 3-го Белорусского фронта.

21 февраля — маршал Василевский награжден орденом Ленина.

19 апреля — маршал Василевский награжден вторым орденом «Победа» (№ 7).

25 апреля — маршал Василевский вернулся к исполнению обязанностей заместителя наркома обороны СССР.

30 июня — приказ № 11120 Ставки ВГК о назначении маршала Василевского главнокомандующим советскими войсками на Дальнем Востоке.

9 августа — 2 сентября под руководством маршала Василевского проведена Маньчжурская стратегическая наступательная операция, в ходе которой была разгромлена японская Квантунская армия, освобождены Маньчжурия, Северо-Восточный Китай, северная часть Кореи, Южный Сахалин и Курильские острова.

8 сентября — награжден второй медалью «Золотая Звезда».

29 сентября — маршал Василевский награжден орденом Ленина.

1946, 21 марта — постановление № 629 Совета Министров СССР о назначении маршала Василевского начальником Генштаба — первым заместителем министра Вооруженных Сил СССР (приказ № 1 министра Вооруженных Сил СССР от 22 марта).

1947, 6 марта — постановление № 480 Совета Министров СССР о назначении маршала Василевского 1-м заместителем министра Вооруженных Сил СССР (приказ № 14 министра Вооруженных Сил СССР от 15 марта).

1948, 12 ноября — постановление № 4209 Совета Министров СССР об освобождении маршала Василевского от должности начальника Генштаба и его назначении 1-м заместителем министра Вооруженных Сил СССР.

1949, 24 марта — Указ Президиума Верховного Совета СССР о назначении маршала Василевского министром Вооруженных Сил СССР.

20 июня — маршал Василевский награжден орденом Красного Знамени.

1950, 25 февраля — Указ Президиума Верховного Совета СССР о разделении Министерства Вооруженных Сил СССР на Военное министерство СССР и Военно-морское министерство СССР; военным министром был назначен маршал Василевский,

1953, 16 марта — постановление № 783 Совета Министров СССР о назначении маршала Василевского 1-м заместителем министра обороны СССР.

1955, 29 сентября — Василевский награжден орденом Ленина.

1956, 13 марта — постановление № 333—282 4209 Совета Министров СССР об освобождении маршала Василевского по его личной просьбе от должности 1-го заместителя министра обороны СССР (приказ № 048 министра обороны от 15 марта).

14 августа — маршал Василевский назначен заместителем министра обороны по вопросам военной науки.

1956—57 — председатель Советского комитета ветеранов войны.

1957, 30 ноября — постановление № 1368 Совета Министров СССР об увольнении маршала Василевского в отставку по болезни (ст. 60 «б») с правом ношения военной формы (приказ № 241 министра обороны от 14 декабря).

1959, 24 января — постановление № 107 Совета Министров СССР о возвращении маршала Василевского в кадры Вооруженных Сил СССР и назначении генеральным инспектором Группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР (приказ № 128 министра обороны от 29 января).

1965, 29 сентября — маршал Василевский награжден орденом Ленина.

1968, 22 февраля — маршал Василевский награжден орденом Октябрьской Революции и Почетным оружием с золотым изображением Государственного герба СССР.

1970, 29 сентября — маршал Василевский награжден орденом Ленина.

1975, 30 апреля — маршал Василевский награжден орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени.

29 сентября — маршал Василевский награжден орденом Ленина.

1977, 5 декабря — после продолжительной болезни (инфаркт, инсульт) Василевский скончался.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

Александров А.А. Великая победа на Дальнем Востоке. Август 1945 года: от Забайкалья до Кореи. М.: Вече, 2004.

Андроников Н.Г. Гитлеровский факел был погашен на огненной дуге // Военно-исторический журнал. 1993. № 8.

Анфилов В.А. Грозное лето 41 года. М.: Издательский центр «Анкил-Воин», 1995.

Бабаков А.А. Вооруженные Силы СССР после войны (1945—1986): История строительства. М., 1987.

Баграмян И.Х. Так шли мы к победе. М.: Воениздат, 1977.

Балуевский Ю.Н. Деятельность Генерального штаба в первые послевоенные годы (1946—1953) // Военно-исторический журнал. 2003. № 1.

Белов П. Маршал Василевский: Честь и верность. Иваново: Изд-во «Ивановская газета», 1995.

Бердников Г.И. Первая ударная: Боевой путь 1-й ударной армии в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1985.

Бережков В. С дипломатической миссией в Берлине. 1940—1941. М., 1966.

Берхин И.Б. Военная реформа в СССР (1924—1925 гг.). М., 1958.

Бирюзов С.С. Когда гремели пушки. М.: Воениздат, 1961.

Битва под Курском. Кн. 1. М., 1946.

Битва под Москвой. Хроника, факты, люди. В 2-х кн. Кн. 1. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.

Бок Федор фон. Я стоял у ворот Москвы. Военные дневники 1941—1945 / Пер. А. Кашина; науч. ред. А. Исаев, Н. Баринов. М.: Яуза; Эксмо, 2006.

Бучин А.Н. 170 000 километров с Г.К. Жуковым: Беседы шофера полководца с историком Яковлевым Н.Н. М.: Молодая гвардия, 1994.

Василевский А.М. Дело всей жизни. М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2002.

Василевский А.М. Маршал Жуков // Маршал Жуков: полководец и человек. Т. 1. М., 1988.

Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. М.: Издательство «Библиотека»; «Мосгорархив», 1995. Кн. 1. «Суровые испытания».

Великая Отечественная война. 1941—1945. Военно-исторические очерки. Кн. 3. Освобождение. М.: Наука, 1999.

Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945. Краткая история. М.: Воениздат, 1970.

Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. III. М., 1947.

Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. V (июнь 1941—октябрь 1945). М., 1947.

Внотченко А. Победа на Дальнем Востоке. Военно-исторический очерк о боевых действиях советских войск в августе—сентябре 1945 г. М., 1971.

Внотченко А.Н., Егоров П.Я. Разгром агрессии на Дальнем Востоке. М., 1975.

Военно-исторический журнал. 1965. № 10.

Военно-исторический журнал. 1976. № 11.

Военно-исторический журнал. 1977. № 4.

Военно-исторический журнал. 1988. № 8.

Военно-исторический журнал. 1991. № 11.

Военно-исторический журнал. 1992. № 1, 2.

Военно-исторический журнал. 1993. № 4, 8.

Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах (1917—1940 гг.). М., 1965.

Ворошилов К.Е. Оборона СССР. М., 1937.

Галицкий К.Н. Годы суровых испытаний 1941—1944 (Записки командующего армией). М., 1973.

Гальдер Ф. Военный дневник. М., 1962. Т. 2.

Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записки начальника Генерального штаба сухопутных войск. Т. 3. М., 1971.

Гальдер Ф. Военный дневник. 22.06.1941—24.09.1942 / Пер. с нем. И. Глаголева; предисл. и коммент. канд. ист. наук Е. Кулькова. М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2004.

Генеральный штаб Российской армии: история и современность. М.: Академический Проект, 2006.

Георгий Жуков. Стенограмма Октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 2001.

Главный военный совет РККА. 13 марта 1938 г. — 20 июня 1941 г.: Документы и материалы. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004.

Горьков Ю.А. Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995.

Грибков А.И. Исповедь лейтенанта. Встречи с полководцами. Операция «Анадырь». М., 1999.

Грылев А.Н. Днепр — Карпаты — Крым. Освобождение Правобережной Украины и Крыма в 1944 году. М.: Наука, 1970.

Гудериан Г. Воспоминания солдата / Пер. с нем. Смоленск: Русич, 2003.

Гуркин В.В., Круглов А.И. Жупел Мясного Бора. О Любанской наступательной операции войск 2-й ударной армии и выводе из окружения в 1942 году // Военно-исторический журнал. 1999. № 5.

Дайнес В. Бронетанковые войска Красной Армии / Владимир Дайнес. М.: Яуза; Эксмо, 2009.

Дайнес В.О. Генерал Черняховский. Гений обороны и наступления. М.: Яуза; Эксмо, 2007.

Дайнес В.О. Жуков. Рожденный побеждать. М.: Яуза; Эксмо, 2008.

Дайнес В.О. Заградотряды и штрафбаты Красной Армии / Владимир Дайнес. М.: Яуза; Эксмо, 2009.

Дайнес В.О. Советские ударные армии в бою. М.: Яуза; Эксмо, 2009.

Данилов В. Донос. Секретные документы заговора против Маршала Советского Союза Георгия Жукова // Совершенно секретно. 1993. № 2.

Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма: Ист. очерки, документы и материалы. В 2-х т. М.: Наука, 1973. Т. 2.

Декреты Советской власти. М., 1960. Т. 2.

Дефф Г. Поход на Сталинград. М., 1957.

Десятый съезд РКП(б). Март 1921 года. Стенографический отчет. М., 1963.

Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920). М.: Воениздат, 1969.

Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922 гг.). М.: Воениздат, 1978. Т. 4.

Дни войны в документах. // Военно-исторический журнал. 1989. № 5.

Документы внешней политики СССР. М., 1959. Т. 3.

Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1965. Т. 3.

Жилин В.А. Танкисты-герои 1943 —1945 гг. М.: Яуза; Эксмо, 2008.

Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 3-х. 10-е изд., доп. по рукописи автора. М.: Изд-во Агентства печати «Новости», 1990. Т. 1, 2.

Замулин В. Курский излом. Решающая битва Отечественной войны. М.: Яуза; Эксмо, 2007.

За рубежом. 1989. № 48.

Захаров М.В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М.: Воениздат, 1989.

Золототрубов А.М. Василевский: Жезл маршала: Роман / А.М. Золототрубов. М.: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2002.

Сталин И.В. Соч. М., 1997. Т. 15.

Известия. 2001. 22 июня.

Известия ЦК КПСС. 1990. № 12.

Иосиф Сталин в объятиях семьи (Сборник документов). М., 1993.

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941 —1945. М., 1963. Т. I.

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941 —1945. М., 1964. Т. 4.

История войны на Тихом океане. Т. IV. Второй период войны. Пер. с яп. М., 1958.

История военной стратегии России / Под ред. В.А. Золотарева. М.: Кучково поле; Полиграфресурсы, 2000.

История Второй мировой войны 1939 —1945. В 12-ти т. М.: Воениздат, 1973. Т. 1.

История Второй мировой войны 1939—1945. В 12-ти т. М.: Воениздат, 1974. Т. 3.

История Второй мировой войны 1939—1945. В 12-ти т. М.: Воениздат, 1975. Т. 4, 5.

История Второй мировой войны 1939 —1945. В 12-ти т. М.: Воениздат, 1976. Т. 7.

История Второй мировой войны 1939—1945. В 12-ти т. М.: Воениздат, 1978. Т. 9.

История Второй мировой войны 1939 —1945. В 12-ти т. М.: Воениздат, 1980. Т. 11.

История Первой мировой войны 1914—1918. В 2-х т.. Т. 2. М.: Наука, 1975.

История создания и развития Генерального штаба. М., 1992.

Каманин Н.П. Скрытый космос. Кн. 4. 1969—1978. М., 1980.

Конев И.С. Записки командующего фронтом. М.: Голос. 2000.

Конец глобальной лжи. Оперативные планы западных приграничных военных округов 1941 года свидетельствуют: СССР не готовился к нападению на Германию // Военно-исторический журнал. 1996. № 2, 3, 4, 5, 6.

Красная Звезда. 2004. 23 марта.

Краснов В.Г. Неизвестный Жуков. Лавры и тернии полководца. Документы. Мнения. Размышления. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000.

Куманев Г.А. Рядом со Сталиным: откровенные свидетельства. М., 1999.

Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 51.

Ленинград выстоял и победил. М., 2004.

Лопуховский А. Прохоровка. Без грифа секретности. М.: Эксмо; Яуза, 2007.

Людников И.И. Дорога длиною в жизнь. М.: Воениздат, 1969.

Ляш О. Так пал Кёнигсберг. М., 1991.

Маништейн Э. Утерянные победы / Пер. с нем.; худож. А. Шуплецов. Смоленск: Русич, 2003.

Маршал Василевский: Москва в жизни и судьбе полководца (исторические очерки, воспоминания, документы) / Сост. В.А. Афанасьев, А.Н. Пономарев. М.: Издательство Главного архивного управления города Москвы, 2008.

Мерецков К.А. На службе народу // К.А. Мерецков. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.

Москаленко К.С. На Юго-Западном направлении. Воспоминания командарма. Кн. I. М.: Наука, 1969.

На границе тучи ходят хмуро... (К 65-летию событий у озера Хасан): Сборник документов и материалов. М.: ООО «Триада-фарм», 2003.

Наступление Юго-Западного фронта в мае — июне 1916 г. Сборник документов мировой империалистической войны на русском фронте (1914—1917 гг.). М., 1940.

Невзоров Б.И. Московская битва: феномен Второй мировой. М.: СмДиПресс, 2001.

Оглашению подлежит. СССР—Германия 1929—1941: Документы и материалы. М., 1991.

- Одесский Краснознаменный. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1985.
- Окороков В. Штрихи к портрету // Голос Родины. Июнь 1994. № 24.
- Операция «Багратион». Освобождение Беларуси. М., 2004.
- Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг.). Жуковский — М.: Кучково поле, 2001.
- Паршин В.В., Половецкий С.Д. Военно-историческая работа в Вооруженных Силах Российской Федерации. М.: ВУ, 2003.
- Пилсудский Ю. 1920 год. Варшава, 1927.
- Плиев И.А. Разгром «армии мстителей». Орджоникидзе: Северо-осетинское книжное издательство, 1967.
- Полки идут на запад. М., 1964.
- Положение о Министерстве Вооруженных Сил СССР. М., 1946.
- Положение о Военном министерстве СССР. М., 1950.
- Правда. 1945. 17 августа.
- Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза: Документы и материалы. М., 1987.
- Проблемы военного искусства во Второй мировой войне и в послевоенный период (Стратегия и оперативное искусство). М.: Изд. ВАГШ, 1995.
- Пятков В.К. и др. Третья ударная. Боевой путь 3-й ударной армии. М.: Воениздат, 1976.
- 50 лет Вооруженных Сил СССР. М.: Воениздат, 1968.
- Радзиевский А.И. Танковый удар: танковая армия в наступательной операции фронта по опыту Великой Отечественной войны. М.: Воениздат, 1977.
- Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. М., 1964.
- Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957.
- Репрессии в Красной армии (30-е годы): Сборник документов из фондов Российского государственного военного архива. Наполи, 1996.
- Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М.: Голос, 2000.
- Российская газета — Неделя. № 5246(167). 2010. 29 июля.
- Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.
- Россия (СССР) в войнах второй половины XX века [участие российских (советских) военнослужащих в боевых действиях за пределами

Российской Федерации (СССР) после Второй мировой (1946—2002)]. М.: Триада-фарм, 2002.

Ротмистров П.А. Стальная гвардия. М.: Воениздат, 1984.

Ротмистров П.А. Танковое сражение под Прохоровкой. М., 1960.

Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР (1937 — 21 июня 1941 г.). Т. 13 (2—1). М.: ТЕРРА, 1994.

Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. — 1942 г. Т. 13 (2—2). М.: ТЕРРА, 1997.

Русский архив: Великая Отечественная: Приказы Народного комиссара обороны СССР (1943—1945 гг.). Т. 13(2—3). М.: ТЕРРА, 1997.

Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15(4—1). М.: ТЕРРА, 1997.

Русский архив: Великая Отечественная. Прелюдия Курской битвы. Т. 15 (4—3). М.: ТЕРРА, 1997.

Русский архив: Великая Отечественная. Курская битва: Документы и материалы. 27 марта — 23 августа 1943 г. Т. 15 (4—4). М.: ТЕРРА, 1997.

Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5—1). М.: ТЕРРА, 1996.

Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1942 год. Т. 16(5 —2). М.: ТЕРРА, 1996.

Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16(5—3). М.: ТЕРРА, 1999.

Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944—1945. Т. 16 (5—4). М.: ТЕРРА, 1999.

Русский архив: советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30—40-е годы. Документы и материалы. Т. 18(7—1). М., 1977.

Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1941 год. Т. 23(12—1). М.: ТЕРРА, 1998.

Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1942 год. Т. 23 (12—2). М.: ТЕРРА, 1999.

Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1943 год. Т. 23(12—3). М.: ТЕРРА, 1999.

Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1944—1945 гг. Т. 23(12—4). М.: ТЕРРА, 2001.

Савицкий Е.Я. Полвека с небом. М., 1988.

Салтыков Н.Д. Докладываю в Генеральный штаб. М.: Воениздат, 1983.

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. № 5. М., 1947.

Сборник документов Верховного Главнокомандования за период Великой Отечественной войны. Т. 3, январь — декабрь 1943 г. М., 1969.

Светлишин Н.А. Крутые ступени судьбы: Жизнь и ратные подвиги маршала Г.К. Жукова. Хабаровск: Кн. изд-во, 1992.

Симонов К.М. Глазами человека моего поколения: Размышления о И.В. Сталине. М., 1989.

Советские Вооруженные Силы: История строительства. М.: Воениздат, 1978.

Советские танковые войска 1941—1945. Военно-исторический очерк. М.: Воениздат, 1973.

Советское военное искусство в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.: В 3-х т. М., 1962. Т. 3.

Советско-финская война 1939—1940 гг. Хрестоматия / Ред.-сост. А.Е. Тарас. Мн.: Харвест, 1999.

Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1953.

Сталин И.В. «Современная армия — армия наступательная». Выступления И.В. Сталина на приеме в Кремле перед выпускниками военных академий, май 1941 г. / Публ. подгот. А.А. Печенкин // Исторический архив. 1995. № 2.

Стратегический очерк войны 1914—1918 гг. Ч. 5. М., 1923.

Строительство и боевое применение советских танковых войск в годы Великой Отечественной войны. М.: Воениздат, 1979.

Тегеран — Ялта — Потсдам. Сбор. документов. 2-е изд. М., 1970.

Топтыгин А.В. Неизвестный Берия. СПб. — М., 2002.

Труд-7. 2005. 14 апреля.

Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., 1977.

Финал. Историко-мемуарный очерк о разгроме империалистической Японии в 1945 году. М., 1969.

Фрунзе М.В. Собрание сочинений. М.—Л., 1929. Т. 2.

Хаупт Вернер. Сражения группы армий «Север». Взгляд офицера вермахта. М.: Яуза; Эксмо, 2006.

Хаупт В. Сражения группы армий «Центр». Взгляд офицера вермахта. М.: Яуза; Эксмо, 2006.

Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть. (Воспоминания). Кн. I. М.: ИИК «Московские новости», 1999.

Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. 2-е изд. М.: Воениздат, 1989. Кн. 1.

Яковлев А.С. Цель жизни. М.: Политиздат, 1973.

Яровиков В.С. Грани военного таланта: О Маршале Советского Союза А.М. Василевском. 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1985.

Goerlitz W. Paulus und Stalingrad. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1974.

Jeske H. Partisanen gegen die Eisenbahn// Wehrwissenschaftliche Rundschau, 1953. Hf. 10.

Paulus. Ich stehe hier auf Befehl! Frankfurt am Main, 1960.

Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 4. Оп. 1. Д. 32, 167, 1519; Оп. 2. Д. 84; Оп. 3. Д. 3268; Оп. 14. Д. 2746; Оп. 15. Д. 72; Оп. 20. Д. 15.

Ф. 104. Оп. 1. Д. 3, 20; Оп. 4. Д. 2441.

Ф. 25880. Оп. 4. Д. 450.

Ф. 25883. Оп. 3. Д. 473, 558, 559; Оп. 4. Д. 495.

Ф. 25888. Оп. 3. Д. 487.

Ф. 33987. Оп. 2. Д. 3.

ЦАМО.Ф. 2. Оп. 920266. Д. 1.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1	
ЕДИНСТВЕННОЕ ПРИЗВАНИЕ	3
Глава 2	
ЦЕННЫЙ ОПЕРАТИВНЫЙ РАБОТНИК.....	38
Глава 3	
ГЛАВНЫЙ ОПЕРАТОР КРАСНОЙ АРМИИ	77
Глава 4	
ВО ГЛАВЕ «МОЗГА АРМИИ»	128
Глава 5	
МАРШАЛЬСКИЙ ЖЕЗЛ.....	162
Глава 6	
КРАХ «ЦИТАДЕЛИ»	212
Глава 7	
ОРДЕН «ПОБЕДЫ».....	252
Глава 8	
ОПЕРАЦИЯ «БАГРАТИОН»	287
Глава 9	
НА ЗЕМЛЕ ДРЕВНИХ ПРУССОВ	329
Глава 10	
РАЗГРОМ КВАНТУНСКОЙ АРМИИ	372
Глава 11	
В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ.....	405
ПРИЛОЖЕНИЕ	443
ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ	
И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А.М. ВАСИЛЕВСКОГО	446
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	
И ИСТОЧНИКОВ.....	454

Научно-популярное издание

Великие исторические персоны

Дайнес Владимир Оттович

ВАСИЛЕВСКИЙ

Выпускающий редактор *М.К. Залеская*

Корректор *О.Б. Бубликова*

Верстка *И.В. Резникова*

Художественное оформление *Е.А. Забелина*

ООО «Издательство «Вече»

Юридический адрес:

109004, г. Москва, ул. Николаямская, дом 43, корпус 4.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

Подписано в печать 26.03.2012. Формат 84 × 108^{1/32}. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Гарнитура «MyslC». Печ. л. 12,5.

Тираж 2000 экз. Заказ 2326/12.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами

в ЗАО «ИПК «Парето-Принт», г. Тверь,

www.pareto-print.ru

ВАСИЛЕВСКИЙ

Он мечтал стать учителем и агрономом, а окончил духовную семинарию и военное училище. Бывший семинарист прошел две войны, Первую мировую и Гражданскую, успешно зарекомендовал себя на командной стезе, но свое место нашел на штабной работе. В годы Великой Отечественной войны А.М. Василевский стремительно поднялся на вершину военного олимпа. Будучи ярким представителем так называемой «шапошниковской школы», он успешно руководил «мозгом армии» — Генеральным штабом, решавшим вопросы подготовки и использования Вооруженных Сил в ходе военных действий. Маршал Василевский также проявил недюжинный талант полководца, мастера подготовки, планирования и проведения стратегических и фронтовых операций.

В книге на основе широкого круга документальных источников и ранее опубликованной литературы рассматривается творческая лаборатория маршала А.М. Василевского, его вклад в достижение победы над нацистской Германией и милитаристской Японией, в укрепление обороноспособности Советского Союза.

В ЕЛИКИЕ
И СТОРИЧЕСКИЕ
П ЕРСОНЫ

ISBN 978-5-9533-5332-8

9 785953 353328

